А.К.ТОЛСТОЙ

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

ЛЕНИНГРАД • СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ • 1939

А. К. ТОЛСТОЙ

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ТРИЛОГИЯ

СМЕРТЬ ИОАННА ГРОЗНОГО

ЦАРЬ ФЕДОР ИОАННОВИЧ

ЦАРЬ БОРИС

РЕДАКЦИЯ И ПРИМЕЧАНИЯ
И. ЯМПОЛЬСКОГО

ЛЕНИНГРАД • СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ • 1939

T 52

СМЕРТЬ ИОАННА ГРОЗНОГО

ТРАГЕДИЯ В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

Рече царь: «Несть ли сей Вавилон великий, его же аз сградих в дом царства, в державе крепости моея, в честь славы моея!» Еще слову сущу во устех царя, глас с небесе бысть: «Тебе глаголется, Навуходоносоре царю: царство твое прейде от тебе, и от человек отженут тя, и со зверьми дивиими житие твое!»

Книга пророка Даниила, гл. IV, ст. 27

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Царь Иван Васильевич IV.
Царица Мария Федоровна, из рода Нагих, седьмая жена его.
Царевич Федор Иванович, сын его от первой жены.
Царевна Ирина, жена Федора, сестра Бориса Годунова.

Члены боярской думы:
Князь Мстиславский
Захарьин-Юрьев, брат первой жены царя
Князь Шуйский
Бельский
Князь Щербатый
Князь Голицын
Князь Трубецкой
Князь Сицкий
Шереметев
Татищев
Салтыков
Михайло Нагой, брат царицы Марии Федоровны
Борис Годунов, шурин царевича Федора

Гонец из Пскова.
Мария Григорьевна, жена Годунова.

Окольничьи:
Григорий Годунов, родственник Бориса
Григорий Нагой, второй брат царицы Марии Федоровны

Гарабурда, посол Стефана Батория.

Битяговский } дворяне.
Кикин

Схимник.
Мамка царевича Димитрия.
Дворецкий Кремлевского дворца.
Дворецкий Александровой слободы,
Дворецкий Годунова
1-й } волхвы.
2-й

Эльмс } врачи.
Якоби

1-й } пристава.
2-й

Шут.
Ключник.
Стрелецкий голова.
Стрелецкий сотник.
Стольник.
Лабазник.
Сенная девушка.
Слуга князя Шуйского.

Бояре, окольничьи, рынды, стрельцы, народ, скоморохи, слуги.

Действие — в Москве, 1584 года.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Прежде поднятия занавеса слышны на сцене шум и споры. Занавес подымается. Боярская дума. На лавках, стоящих вдоль стен и образующих фигуру покоя, сидят бояре: на средней лавке князь Мстиславский, Захарьин-Юрьев, Бельский и другие старшие бояре; на боковых младшие; на конце правой боковой лавки, у просцениума, Борис Годунов; с левой стороны, напротив Годунова, Михайло Нагой, схватив Салтыкова за́ ворот, старается стащить его с места.

Нагой

Я государев шурин! мне невместно
Быть меньше Салтыковых!

Салтыков

Бражник! Прочь!
Твой дед служил у деда моего
Знакомцем и держальником!

Нагой

Неправда!
Держальников не знали Салтыковы!
За то ль в бояре ты попал, что вместе
С Голицыным сдал Полоцк королю?

Голицын

Нет, это ложь! Я защищал посады,
А в городе сидел тогда Щербатый!

Щербатый

Ну, да, сидел! И в то сиденье мы
В двенадцать дней семь приступов отбили,
А кабы ты посады отстоял,

К нам подошла б от Сокола подмога
И с тылу бы схватила короля!

Голицын

А я ли виноват, что та подмога
Три целых дня тягалась о местах?

Нагой *(продолжает спорить с Салтыковым)*

Я государев шурин! Я на свадьбе
Преди других нес царский коровай!

Салтыков

А я нес блюдо с золотою чарой!
Отец мой был оружничим! А твой
Кто есть отец? Великая то честь,
Что по седьмой жене ты царский шурин!

Нагой

Да ты сестру-царицу не кори!

Салтыков

Я не корю ее! А все ж она
Не первая царица, а седьмая!
Вишь, царский шурин! Мало ли шурьев
Перебывало у царя!

Захарьин

Бояре!
Что вы чините? Вспомните, где вы!
Гораздо ль так чинить?

Нагой

Царю я буду
В отечестве и в счете бить челом!

Салтыков

Ну, бей челом! пусть выдаст головою
Он мне тебя!

Мстиславский

Да полноте, бояре!
Вот я да Шереметев, всех мы больше,
А о местах не спорим!

Голоса

Нас вы больше?
А чем вы больше нас?

Захарьин

Стыд вам, бояре!

(К Мстиславскому)

Ты, князь Иван Феодорыч, ты старший —
Уйми же их!

Мстиславский

Как их унять, боярин?
С ума сошли! Вишь, со Мстиславскими
Хотят считаться! Не велеть ли дьяку
Разрядные нам книги принести?

Захарьин

Теперь не до разрядов, князь!

(Выступает вперед.)

Бояре!
Иль вы забыли, для чего мы здесь?
Возможно ль? Как? В теперешнюю пору,
Когда, свершив сыноубийство, царь
Терзается раскаяньем, когда
От мира он решился отойти
И мимо своего второго сына,
Феодора, его болезни ради,
Нам указал достойнейшего выбрать,
Кому б он мог державу передать,
Когда меж тем враги со всех сторон
Воюют Русь, — кругом и мор и голод, —
Вы в самую ту пору о местах
Тягаетесь? Опомнитесь, бояре!

Теперь должны мы каждый друг за друга
Держаться крепко, да не сгинет Русь!
Забудемте ж разряды! Без расчетов
К прискорбному приступим избиранью
И будемте без мест!

Бельский

Без мест, пожалуй!

Все

Без мест! Без мест!

Захарьин

Боярин князь Мстиславский!
Ты старший — открывай совет!

Мстиславский

Бояре!
Вы слышали, что́ вам сейчас Никита
Романович сказал? Как нам ни горько —
А покориться надо царской воле!
Пойдем на голоса!

Шуйский

Позволь, боярин —
Последнее ль то слово государя?

Мстиславский

Последнее! Напрасно мы его
Молили. Он нам указал немедля
Постановить наш приговор и с новым
К нему явиться государем.

Трубецкой

Страшно!

Голицын

Не верится!

Мстиславский

Не верилось и мне,
Пока не топнул он на нас ногою
И не велел мне думу собирать.

Шуйский

Когда его такая воля — что ж?

Щербатый

Да, если так, бояре — мы не властны
Ему перечить!

Шереметев

Подлинно не властны!

Татищев (старик)

Тому о пасхе будет двадцать лет,
Великий государь задумал то же;
Хотел, как ныне, бросить свой престол
И в Слободу отъехал от Москвы.
Народ мутиться начал; мы ж решили
Всем ехать за царем, просить его.
Поехали. Царь принял нас сурово;
Сначала слушать не хотел; потом
Моленьям внял, вернулся на Москву
И снова принял государство.

Сицкий

Да!
И учинил опричнину! Мы помним!

Татищев

Ужасное, не приведи бог, время!
Но без царя еще бы хуже было:
Народ бы нас каменьями побил,
Вся Русь бы замутилась, и татары,
И ляхи нас, и немцы б одолели —
Согласья вовсе не было меж нас!

Сицкий

Завидное теперь меж нас согласье!

Шуйский *(к Татищеву)*

К чему ж ты речь, боярин, вел?

Татищев

К тому,
Что, может быть, и ныне, как в ту пору,
Царь-государь смягчится.

Мстиславский

Нет, боярин,
Теперь другое время — царь не тот.
Он опустился плотию и духом;
Не мненье на бояр, как было прежде —
Раскаянье его с престола гонит!

Бельский

Не ест, не пьет, давно не знает сна;
О тех переговорах, что так тайно
Он с английскою королевой вел,
Уж речи нет. Посол ее теперь
Напрасно просит у него приема.

Захарьин

Да, непохож он на себя теперь!
До этого греха недели за три
Он к Курбскому, к изменнику, писал,
Корил его жестоко, и ответа
Ждал из Литвы, а сам дрожал от гнева;
Теперь же позабыл он и о Курбском,
И кроток стал и милостив в речах

Шуйский

Не нам царю указывать. От бога
Его и гнев и милость. Что ж, бояре?
Приступим к избиранию!

Все

Приступим!

(Молчание.)

Мстиславский

Кого ж, бояре?

Нагой

Да кого ж другого,
Коль миновать мы Федора должны,
Кого ж еще, как не царева ж сына,
Димитрия Иваныча?

Мстиславский

Младенца?

Нагой

А мать на что? Царица-то на что?
Когда же с вас сестры-царицы мало —
Правителя придать ей!

Салтыков

Не тебя ли?

Нагой

Меня ли, брата ль, все равно — мы оба
Димитрию дядья!

Салтыков

Да нам не дядьки!

Татищев

Избави бог! Мы помним малолетство
Царя Ивана! От дядьев царевых
Избави бог!

Шуйский

Не приведи господь!

Захарьин

Не приведи! Нам нужен властный царь,
А не опека над царем!

Мстиславский

Вестимо!
И сам Иван Василич указал,
Чтоб из себя мы выбор учинили.

Шереметев

Кого ж тогда?

Щербатый

Да уж кого ни взять,
Он должен быть породы знаменитой,
Чтоб все склонились перед ним.

Сицкий

Нет, князь!
Пусть тот царит, кто доблестней нас всех!
Его искать недалеко; Никита
Романович Захарьин перед вами!

(Говор.)

У царского кровавого престола
Он тридцать лет стоит и чист и бел.
Он смелым словом тысячи безвинных
Спасал не раз, когда уже над ними
Подъятые сверкали топоры.
Себя ж он не берег. Всегда он смерти
Глядел в глаза — и смерть, нам всем на диво,
Его главы почтенной не коснулась —
И стелется пред нами жизнь его
Без пятнышка, как снежная равнина!

Голоса

Захарьина! Захарьина! Никиту
Романыча! Захарьина на царство!

Трубецкой *(к Сицкому)*

Кто против этого! боярин чист!
Корить его не станем. По заслугам
И честь ему мы воздаем; но он
Не княжеского рода — быть под ним
Невместно нам, потомкам Гедимина!

Шуйский

Нам и подавно, Рюрика потомкам!

Голицын

Нет, он не князь — нам быть под ним негоже

Салтыков

Не князь он, правда — но с царем в свойстве!

Нагой

Не он один! С царем в свойстве и мы!

Салтыков

Ты брат седьмой жены, Захарьин — первой!

Захарьин

Из-за меня не спорьтеся, бояре!
Благодарю тебя за честь, князь Сицкий,

(кланяется некоторым)

Благодарю и вас, бояре, но
Я чести бы не принял, хоть и все б вы
Меня хотели, я б не принял чести!
Я слишком прост, бояре! Не сподобил
Меня господь науки государской.
А коль хотите доброго совета,
То есть один, который и породой
И службою нас будет выше всех:
Боярин, воевода, князь Иван
Петрович Шуйский, что теперь сидит
Во Пскове против короля Батура —
Вот вы кого возьмите! Перед этим
Склониться не обидно никому!

Шереметев

Нет, Шуйского нельзя! Король недаром
Уж пятый месяц осаждает Псков!
А воевода князь Иван Петрович
Засел в нем на́смерть, и на том он крест
Со всей своей дружиной целовал.
Бог-весть, на сколько времени еще
Продлится облежанье; мы ж не можем
И часу оставаться без царя!

Шуйский

Так как же быть?

Мстиславский

Не ведаю, бояре!

Шуйский

Царь ждет ответа — надо кончить выбор!

Захарьин *(к Годунову)*

Борис Феодорыч! Ты что ж доселе
Не вымолвил ни слова? В трудном деле
Ты выручал нас часто из беды —
Скажи, как мыслишь?

Годунов *(встает)*

Мне ль, отец названный,
Мне ль говорить теперь, когда исхода
Напрасно ищут лучшие из вас?
Но если вы мне речь вести велите,
То я скажу, бояре...

Голоса

Громче! Громче!
Не слышно!

Годунов

Мне казалось бы, бояре...

18 67

НА МАРІИНСКОМЪ ТЕАТРѢ.

Въ Четвергъ, 12-го Января.

Въ пользу актера Г. НИЛЬСКАГО.

Въ 1-й разъ:

СМЕРТЬ
ІОАННА ГРОЗНАГО.

Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, графа А. К. Толстаго.

Новыя декораціи:

Дѣйствіе 1-е, картина 1-я: Боярская дума — Г. Бредова.
„ картина 2-я: Царская опочивальня — Г. Бредова.
Дѣйствіе 2-е, картина 1-я: Покой во дворцѣ Іоанна — Г. Прохорова.
Дѣйствіе 3-е, картина 2-я: Престольная палата — Г. Шишкова.
Дѣйствіе 4-е, картина 1: Площадь въ Замоскворѣчьи — Г. Бочарова.
„ картина 2-я: Внутренніе покои царя — Г. Бредова.
Дѣйствіе 5-е, картина 2: Богатая палата во дворцѣ — Г. Вaха.
Костюмы и вся археологическая часть постановка по рисункамъ академика В. Г. Шварца; костюмы: мужскіе — Гг. Соколова и Иванова; женскіе Г. Петрова; аксессуарныя вещи — Г. Гаврилова.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Царь Иванъ Васильевичъ IV	Г-нъ Васильевъ 2.
Царица Марія Ѳедоровна, изъ рода Нагихъ, седьмая жена его.	Г-жа Струйская 1.
Царевичъ Ѳедоръ Ивановичъ, сынъ его отъ первой жены.	Г-нъ Душкинъ.
Царевна Ирина, жена Ѳедора, сестра Бориса Годунова.	Г-жа Малышева.
Князь Мстиславскій	Г-нъ Полтавцевъ.
Захарьинъ-Юрьевъ, братъ первой жены царя (Члены боярской думы)	Г-нъ Леонидовъ.
Князь Шуйскій (Члены боярской думы)	Г-нъ Зубровъ.
Бѣльскій (Члены боярской думы)	Г-нъ Григорьевъ 1.
Князь Щербатый. (Члены боярской думы)	Г-нъ Ирронскій.
Князь Голицынъ (Члены боярской думы)	Г-нъ Бубновъ.
Князь Трубецкой. (Члены боярской думы)	Г-нъ Петровскій.
Князь Сицкій. (Члены боярской думы)	Г-нъ Малышевъ.
Шереметевъ. (Члены боярской думы)	Г-нъ Сосновскій 2.
Татищевъ. (Члены боярской думы)	Г-нъ Измайловъ.
Салтыковъ. (Члены боярской думы)	Г-нъ Сапшуговъ.
Михайло Нагой, братъ царицы Маріи Ѳедоровны. (Члены боярской думы)	Г-нъ Аграновъ.
Борисъ Годуновъ, шуринъ царевича Ѳедора.	Г-нъ Нильскій.
Гонецъ изъ Пскова.	Г-нъ Бродниковъ.
Марія Григорьевна, жена Годунова.	Г-жа Жулева.
Григорій Годуновъ, родственникъ Бориса (Окольничьи)	Г-нъ Калугинъ.
Григорій Нагой, второй братъ царицы Маріи Ѳедоровны (Окольничьи)	Г-нъ Степановъ.
Гарабурда, посолъ Стефана Баторія	Г-нъ Бурдинъ.
Битяговскій (дворяне)	Г-нъ Васильевъ 1.
Кикинъ (дворяне)	Г-нъ Яблочкинъ.
Старецъ.	Г-нъ Сосницкій.
Мамка царевича Димитрія	Г-жа Громова.
1 Стольники	Г-нъ Соколовъ 1.
2 Стольники	Г-нъ Сосновскій 2.
Дворецкій кремлевскаго дворца	Г-нъ Бубновъ.
Дворецкій Александровской слободы.	Г-нъ Ш[illegible]
Дворецкій Годунова	Г-нъ Петровъ.
1 Волхвы.	Г-нъ Волковъ.
2 Волхвы.	Г-нъ Петровскій.
Эльмсъ (врачи)	Г-нъ Н[illegible]
Якоби (врачи)	Г-нъ Арнольдъ.
1 пристава	Г-нъ Озеровъ.
2 пристава	Г-нъ Башкировъ.
Шутъ.	Г-нъ Горбуновъ.
Ключникъ.	Г-нъ Ивановъ.
Стрѣлецкій голова.	Г-нъ Калугинъ.
Стрѣлецкій сотникъ.	Г-нъ Соколовъ 1.
Лабазникъ.	Г-нъ Сосновскій 1.
Сѣнная дѣвушка	Г-жа Любимова.
Слуга князя Шуйскаго.	Г-нъ Маржецкій.
1 изъ народа	Г-нъ Озеровъ.
2 изъ народа	Г-нъ Петровъ.
3 изъ народа	Г-нъ Горбуновъ.
4 изъ народа	Г-нъ Бродниковъ.
5 изъ народа	Г-нъ Маржецкій.
6 изъ народа	Г-нъ Медвѣдевъ.
7 изъ народа	Г-нъ Соколовъ 2.
8 изъ народа	Г-нъ Смирновъ.
9 изъ народа	Г-нъ Григорьевъ 2.

Бояре и народъ: Гг. Сосновскій 2, Башкировъ, Бубновъ, Ѳедоровъ, Бродниковъ, Озеровъ, Горбуновъ, Соколовъ 1, [illegible] Сабуровъ, Ивановъ, Маржецкій, Медвѣдевъ, Смирновъ, Григорьевъ 2, Батуринъ, Левинъ 2, Орлицкій и Розен[illegible]. Бояре, окольничьи, рынды, стрѣльцы, бирючи, народъ, скоморохи, слуги.

Дѣйствіе въ Москвѣ въ 1584 году.

Въ 1-й разъ:

ОДИНЪ ИЗЪ ДРУЗЕЙ.

Комедія въ одномъ дѣйствіи, передѣланная княземъ Н. Н. Енгалычевымъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Левъ Савичъ Макинъ	Г-нъ Яблочкинъ.
Любовь Александровна, жена его	Г-жа Яблочкина.
Александръ Петровичъ Макинъ, его племянникъ.	Г-нъ Душкинъ.
Иванъ Николаевичъ Гравинъ.	Г-нъ Зубровъ.
Петръ, слуга	Г-нъ Маржецкій.

Дѣйствіе происходитъ въ подмосковной Макина.

БЛОНДЕНЪ.

Разсказъ купца, прочтетъ Г. ГОРБУНОВЪ.

ПОРЯДОКЪ СПЕКТАКЛЯ: 1) Блонденъ. 2) Смерть Іоанна Грознаго. 3) Одинъ изъ друзей.

Начало въ 7 часовъ.

Билеты можно получать въ кассѣ Маріинскаго театра.

Афиша первого представления „Смерти Иоанна Грозного“.

Голоса

Не слышим! Громче!

Захарьин

Да зачем ты сел
Так далеко и ниже всех, Борис?
Иль места ты не знаешь своего?
Не слышно нам! Ступай сюда, поближе!

(Берет его за руку и подводит к середней лавке.)

Вот где тебе приходится сидеть!

Годунов *(кланяется на все стороны)*

Бояре, вы великих предков внуки!
И ты, названный мой отец, Никита
Романович, наставник мой любезный!
Я б не дерзнул мое вам молвить слово,
Когда б вы сами мне не приказали!

Салтыков

Куда он гнет?

Нагой

Хвостом вертит, лисица!

Салтыков

А забрался-таки на середину!

Нагой

Небось, он даром на конце сидел!

Голоса

Тс! Тише! Смирно! Слушать Годунова!

Годунов

Вам ведомо, великие бояре,
Какие на Руси теперь настали
Крутые времена: король Батур
За городом у нас воюет город;

В его руках Усвят, Велиж и Полоцк;
Великих Лук уж взорваны им стены,
И древний Псков, наш кровный русский город,
Бесчисленным он войском обложил.
Меж тем в Ливонию ворвался швед,
Завоевал Иван-город, Копорье;
А там с востока и с полудня хан
Опять орду вздымает; сотни тысяч
Уже идут на Тулу и Рязань;
Болезни, голод, мор — а в довершенье
Нам черемисы мятежом грозят!
Бояре, можно ль при такой невзгоде,
При горестном шатаньи всей Руси,
О перемене думать государя?
Положим, вы такого б и нашли,
Который был бы пó-сердцу всей думе —
Уверены ли вы, что и народ
Его захочет? что угоден будет
Он всей земле? А если невзначай
Начнутся смуты? Что тогда, бояре?
Довольно ли строенья между нас,
Чтобы врагам и внутренним и внешним
Противостать и дружный дать отпор?
Великая в обычае есть сила;
Привычка людям — бич или узда;
Каков ни будь наследственный владыко,
Охотно повинуются ему;
Сильнее он и в смутную годину,
Чем в мирную новоизбранный царь.
Полвека будет, что Иван Василич
Над нами государит. Гнев и милость
Сменялись часто в этот длинный срок,
Но глубоко в сердца врастила корни
Привычка безусловного покорства
И долгий трепет имени его.
Бояре! Нам твердыня это имя!
Мы держимся лишь им. Давно отвыкли
Собой мы думать, действовать собой;
Мы целого не составляем тела;
Та власть, что нас на части раздробила,
Она ж одна и связывает нас;

Исчезни власть — и тело распадется!
Единое спасенье нам, бояре,
Итти к царю немедля, всею думой,
Собором целым пасть к его ногам
И вновь молить его, да не оставит
Престола он и да поддержит Русь!

Говор

Он дело говорит! — Мы без Иван
Василича пропали! — Лучше прямо
Итти к нему! — Он государь законный! —
Под ним не стыдно! — Да! Итти к нему! —
Просить его! — Просить его всей думой!

Сицкий

Бояре! бога ли вы не боитесь?
Иль вы забыли, кто Иван Василич?
Что значат немцы, ляхи и татары
В сравненьи с ним? Что значат мор и голод,
Когда сам царь не что как лютый зверь!

Шуйский

Что он понес? Да он царя бесчестит!

Мстиславский

Князь Петр Ильич! Да ты с ума сошел!

Сицкий

Не я, а ты, вы все ума лишились!
Иль есть из вас единый, у кого бы
Не умертвил он брата, иль отца,
Иль матери, иль ближнего, иль друга?
На вас смотреть, бояре, тошно сердцу!
Я бы не стал вас подымать, когда бы
Он сам с престола не хотел сойти —
Не хуже вас Писание я знаю —
Я не на бунт зову вас, но он сам,
Сам хочет перестать губить и резать,
Постричься хочет, чтобы наконец
Вздохнула Русь — а вы просить его
Сбираетесь, чтоб он подоле резал!

Годунов

Князь, про царя такие речи слышать
Негоже нам. Ты молвил сгоряча —
Доносчиков не чаю между нами —
Тебе ж отвечу: выбора нам нет!
Из двух грозящих зол кто усомнится
Взять меньшее? Что лучше: видеть Русь
В руках врагов? Москву в плену у хана?
Церквей, святыней поруганье? — или
Попрежнему с покорностью сносить
Владыку, богом данного? Ужели
Нам наши головы земли дороже?
Еще скажу: великий государь
Был, правда, к нам немилостив и грозен;
Но время то прошло; ты слышал, князь,
Он умилился сердцем, стал не тот,
Стал милостив; и если он опять
Приимет государство — не земле,
Ее врагам он только будет страшен!

Голоса

Так! Так! Он прав! Он дело говорит!

Сицкий

Боярин, ты сладкоречив, я знаю!
Ты хитростным умеешь языком
Позолотить все, что тебе пригодно!
Вестимо: ты утратить власть боишься,
Когда другой наместо Иоанна
Возьмет венец! Бояре, берегитесь:
Он мягко стелет — жестко будет спать!

Годунов

Бояре все! свидетельствуюсь вами —
Не заслужил я этого упрека!
Вам ведомо, что власти не ищу я.
Я говорил по вашей воле ныне —
Но, может быть, я и неправ, бояре;
Меня князь Сицкий старше и умней;
Когда вы с ним согласны, я готов

Признать царем боярина Никиту
Романыча, или кого велите!

Голоса

Нет, не хотим Захарьина! Не надо!

Годунов

Иль, может быть, Мстиславского, бояре?

Голоса

Нет, не хотим! И сами мы не меньше
Мстиславского!

Годунов

Иль Шуйского, бояре?

Голоса

И Шуйского не надо! Быть под Шуйским
Мы не хотим! Хотим царя Ивана!

Сицкий

Идите же! Идите все к нему!
Идите в бойню, как баранье стадо!
Мне делать боле нечего меж вас!

(Уходит.)

Голоса и крики

Он бунтовщик! Он оскорбил всю думу!
Он против всех идет! Он всем досадчик!

Годунов

Не гневайтеся на него, бояре!
Он говорил, как мыслил. Если ж вы
Решили в мудрости своей всей думой
Итти к царю — пойдем, не надо мешкать!

Захарьин

Когда бы не шатание земли,
Не пó-сердцу была б мне эта мера,
Но страшно ныне потрясать престол.
Пойдем к царю — другого нет исхода!

Мстиславский

Кто ж будет речь вести?

Захарьин

Да ты, боярин;
Кому ж другому? Ты меж нами старший!

Мстиславский

Неловко мне! сегодня на меня
И без того разгневался уж царь.

Голоса

Пусть Шуйский говорит!

Шуйский

И мне неловко!

Захарьин

Пожалуй, я речь поведу, бояре!
Мне гнев его не страшен — мне страшна
Земли погибель!

Годунов

Нет, отец названный!
Не допущу тебя я до опалы!
Дай мне вести пред государем речь —
Меня не жаль!

Мстиславский

Пойдемте ж! Годунов
Речь поведет; он всех нас лучше скажет!

(Все бояре встают и уходят за Мстиславским.)

Салтыков *(уходя, к Голицыну)*

А Сицкий-то был прав! Ведь Годунов
Так и глядит, как бы взобраться в гору!

Голицын

Сел ниже всех, а под конец стал первый!

Шереметев

А говорили: быть без мест!

Трубецкой

Дай срок!
И скоро всех татарин пересядет!

(Уходят.)

ЦАРСКАЯ ОПОЧИВАЛЬНЯ

Иоанн, бледный, изнуренный, одетый в черную рясу, сидит в креслах, с четками в руках. Возле него, на столе, Мономахова шапка; с другой стороны, на скамье, полное царское облачение. Григорий Нагой подает ему чару.

Нагой

О, государь! Не откажись хоть каплю
Вина испить! Вот уж который день
Себя ты изнуряешь! Ничего ты
И в рот не брал!

Иоанн

Не надо пищи телу,
Когда душа упитана тоской.
Отныне мне раскаянье пища!

Нагой

Великий государь! Ужели вправду
Ты нас покинуть хочешь? Что же будет
С царицею? С царевичем твоим
С Димитрием?

Иоанн

Господь их не оставит!

Нагой

Но кто ж сумеет государством править,
Опричь тебя?

Иоанн

Оструппился мой ум;
Изныло сердце; руки неспособны
Держать бразды; уж за грехи мои
Господь послал поганым одоленье,
Мне ж указал престол мой уступить
Другому; беззакония мои
Песка морского паче: сыроядец —
Мучитель — блудник — церкви оскорбитель —
Долготерпенья божьего пучину
Последним я злодейством истощил!

Нагой

О, государь! Ты в мысли умножаешь
Невольный грех свой! Не хотел убить ты
Царевича! Нечаянно твой посох
Такой удар ему нанес!

Иоанн

Неправда!
Нарочно я, с намерением, с волей,
Его убил! Иль из ума я выжил,
Что уж и сам не знал, куда колол?
Нет — я убил его нарочно! Навзничь
Упал он, кровью обливаясь; руки
Мне лобызал, и умирая, грех мой
Великий отпустил мне, но я сам
Простить себе злодейства не хочу!

(Таинственно)

Сегодня ночью он являлся мне,
Манил меня кровавою рукою,
И схиму мне показывал, и звал
Меня с собой, в священную обитель
На Белом озере, туда, где мощи
Покоятся Кирилла чудотворца.
Туда и прежде иногда любил я
От треволненья мира удаляться;
Любил я там, вдали от суеты,
О будущем покое помышлять

И забывать людей неблагодарность
И злые козни недругов моих!
И умилительно мне было в келье
От долгого стоянья отдыхать,
В вечерний час следить за облаками,
Лишь ветра шум да чаек слышать крики,
Да озера однообразный плеск.
Там тишина! Там всех страстей забвенье!
Там схиму я прийму и, может быть,
Молитвою, пожизненным постом
И долгим сокрушеньем заслужу я
Прощенье окаянству моему!

(Помолчав)

Поди, узнай, зачем так долго длится
Их совещанье? Скоро ли они
Свой постановят приговор и с новым
Царем прийдут, да возложу немедля
Я на него и бармы и венец!

(Нагой уходит.)

Все кончено! Так вот куда приводит
Меня величья длинная стезя!
Что встретил я на ней? Одни страданья!
От младости не ведая покоя,
То на коне, под свистом вражьих стрел,
Языцей покоряя, то в синклите,
Сражаяся с боярским мятежом,
Лишь длинный ряд я вижу за собою
Ночей бессонных и тревожных дней!
Не кротким был я властелином — нет!
Я не умел обуздывать себя!
Отец Сильвестр, наставник добрый мой,
Мне говорил: «Иване, берегись!
В тебя вселиться хочет сатана!
Не отверзай души ему, Иване!»
Но я был глух к речам святого старца
И душу я диаволу отверз!
Нет, я не царь! я волк! я пес смердящий!
Мучитель я! Мой сын, убитый мною!
Я Каина злодейство превзошел!

Я прокажен душой и мыслью! Язвы
Сердечные бесчисленны мои!
О, Христе-боже! Исцели меня!
Прости мне, как разбойнику простил ты!
Очисти мя от несказанных скверней
И ко блаженных лику сочетай!

(Нагой поспешно возвращается.)

Нагой

Великий государь! Сейчас от Пскова
Прибыл гонец!

Иоанн

Уж я не государь —
Пусть обратится к новому владыке!

Нагой

Он говорит, что с радостною вестью
Его прислал князь Шуйский!

Иоанн

Пусть войдет!

(Нагой впускает гонца.)

Гонец

Великий царь! Тебе твой воевода
Боярин князь Иван Петрович Шуйский
С сидельцами псковскими бьет челом!
Усердными молитвами твоими,
Предстательством угодников святых
И силой честного креста — отбили
Мы приступ их. Несметное число
Легло врагов. За помощью в Варшаву
Бежал король, а продолжать осаду
Он ближним воеводам указал!

Иоанн

Благословен господь! Как было дело?

Гонец

Уж пять недель они вели подкопы,
Копали борозды и неумолчно
Из пушек били по стенам! Князь Шуйский
Навстречу им подкопы рыть велел.
Сошлися под землею. Бой великий
Там закипел; в котлы пороховые
Успели наши бросить огнь — и разом
Взлетели с ляхами на воздух. Много
Погибло наших, но, хвала творцу,
Все вражьи взорваны работы.

Иоанн

Дальше!

Гонец

Подземных ходов видя неудачу,
Они тогда свезли на ближний холм
Все стенобойные снаряды вместе
И к вечеру пролом пробили. Тотчас
К нему мы подкатили пушки: *Барсу*
И *Трескотуху,* и когда они
Уж устремились с криками к пролому,
Мы встретили их крупным чугуном
И натиск их отбили.

Иоанн

Дальше!

Гонец

К утру
Великий приступ приказал король,
Мы ж в колокол ударили осадный,
Собором всем, хоругви распустя,
Святые мощи Всеволода князя
Вкруг древних стен с молитвой обнесли
И ляхов ждали. Гул такой раздался,
Как будто налетела непогода...
Мы встретили напор со всех раскатов,
С костров, со стен, с быков, с обломов, с башен,

Посыпались на них кувшины зелья,
Каменья, бревна и горящий лен...
Уже они слабели — вдруг король
Меж них явился, сам повел дружины —
И как вода шумящая на стены
Их сила снова полилась. Напрасно
Мы отбивались бердышами — башню
Свинарскую обсыпали литовцы —
Как муравьи полезли — на зубцах
Схватились с нами — новые ватаги
За ними лезли — долго мы держались —
Но наконец...

Иоанн

Ну?

Гонец

Наконец они
Сломали нас и овладели башней!

Иоанн

Так вот вы как сдержали целованье?
Клятвопреступники! Христопродавцы!
Что делал Шуйский?

Гонец

Князь Иван Петрович,
Увидя башню полною врагов,
Своей рукой схватил зажженный светоч
И в подземелье бросил. С громом башня
Взлетела вверх — и каменным дождем
Далеко стан засыпала литовский.

Иоанн

Насилу-то! Что дальше?

Гонец

Этот приступ
Последний был. Король ушел от Пскова,
Замойскому осаду передав.

Иоанн

Хвала творцу! Я вижу надо мною
Всесильный промысл божий. Ну, король?
Не мнил ли ты уж совладать со мною,
Со мною, божьей милостью владыкой,
Ты, милостию панскою король?
Посмотрим, как ты о псковские стены
Бодливый лоб свой расшибешь? А сколько
Литовцев полегло?

Гонец

Примерным счетом,
Убитых будет тысяч до пяти,
А раненых и вдвое.

Иоанн

Что, король?
Доволен ты уплатою моею
За Полоцк и Велиж? А сколько ихных
С начала облежания убито?

Гонец

В пять приступов убито тысяч с двадцать,
Да наших тысяч до семи.

Иоанн

Довольно
Осталось вас. Еще раз на пять хватит!

(Входит стольник.)

Стольник

Великий царь...

Иоанн

Что? Кончен их совет?

Стольник *(подавая письмо)*

Один врагами полоненный ратник
С письмом отпущен к милости твоей.

Иоанн

Подай сюда!

(К Нагому)

Читай его, Григорий!

(Стольник уходит.)

Нагой *(развертывает и читает)*

«Царю всея Русии Иоанну
От князь Андрея, князь Михайлы сына...»

Иоанн

Что? Что?

Нагой *(смотрит в письмо)*

«От князь Михайлы сына Курб...»

Иоанн

От Курбского! А! На мое посланье
Ответ его мне милость посылает!

(К гонцу)

Ступай!

(К Нагому)

Прочти!

Нагой

Но, государь...

Иоанн

Читай!

Нагой *(читает)*

«От Курбского, подвластного когда-то
Тебе слуги, теперь короны польской
Владетельного Ковельского князя,
Поклон. Внимай моим словам...»

Иоанн

Ну? Что же?

Нагой

Не смею, государь!

Иоанн

Читай!

Нагой *(продолжает читать)*

«Нелепый
И широковещательный твой лист
Я вразумил. Превыше божьих звезд
Гордынею своею возносяся
И сам же фарисейски унижаясь,
В изменах ты небытных нас винишь.
Твои слова, о царь, достойны... смеху...
Твои упреки...»

Иоанн

Ну? «Твои упреки»?

Нагой

«Твои упреки — басни пьяных баб!
Стыдился б ты так грубо и нескладно
Писать в чужую землю, где немало
Искусных есть в риторике мужей!
Непрошенную ж исповедь твою
Невместно мне и краем уха слышать!
Я не пресвитер, но в чину военном
Служу я государю моему,
Пресветлому, вельможному Стефану,
Великому земли Литовской князю
И польского шляхетства королю.
Благословеньем божиим мы взяли
Уж у тебя Велиж, Усвят и Полоцк,
А скоро взять надеемся и Псков.
Где все твои минувшие победы?
Где мудрые и светлые мужи,
Которые тебе своею грудью
Твердыни брали и тебе Казань
И Астрахань под ноги покорили?
Ты всех избил, изрезал и измучил,

Твои войска, без добрых воевод
Подобные беспастырному стаду,
Бегут от нас. Ты понял ли, о царь,
Что все твои шуты и скоморохи
Не заменят замученных вождей?
Ты понял ли, что в машкерах плясанье
И афродитские твои дела
Не все равно, что битвы в чистом поле?
Но ты о битвах, кажется, не мыслишь?
Свое ты войско бросил...»

Иоанн

Продолжай!

Нагой

«Свое ты войско бросил... как бегун...
И дома заперся как хороняка...
Тебя, должно быть, злая мучит совесть
И память всех твоих безумных дел...
Войди ж в себя! А чтоб...»

Иоанн

Ну, что же? Дальше
«А чтоб»?.. Читай!

Нагой

«А чтоб свою ты дурость
Уразумел и духом бы смирился,
Две *эпистолии* тебе я шлю
От Цицерона, римского витии,
К его друзьям, ко Клавдию и к Марку.
Прочти их на досуге, и да будет
Сие мое смиренное посланье
Тебе...»

Иоанн

Кончай!

Нагой

О, государь!

Первая постановка „Смерти Иоанна Грозного“ (1867).
Рисунки костюмов акад. В. Шварца.
Иоанн Грозный.

Иоанн

«Да будет
Сие мое смиренное посланье...»

Нагой

«Тебе лозой полезною! Аминь!»

(При последних словах Нагого Иоанн вырывает у него письмо, смотрит в него и начинает мять бумагу. Его дергают судороги.)

Иоанн

За безопасным сидя рубежом,
Ты лаешься как пес из-за ограды!
Из рук моих ты не изволил, княже,
Принять венец мгновенных мук земных
И вечное наследовать блаженство!
Но не угодно ль милости твоей
Пожаловать в Москву и мне словесно
То высказать, что ты писать изволишь?

(Озирается.)

И нету здесь ни одного из тех,
Которые с ним мыслили? Ни брата —
Ни свояка — ни зятя — ни холопа!
Нет никого! Со всеми я покончил —
И молча должен проглотить его
Ругательства! Нет никого в запасе!

(Входит стольник.)

Стольник

Великий государь! К тебе бояре
Пришли из думы всем собором!

Иоанн

А!
Добро пожаловать! Они пришли
Меня сменять! Обрадовались, чай!
Долой отжившего царя! Пора-де
Его как ветошь старую закинуть!
Уж веселятся, чай, воображая,

Как из дворца по Красному крыльцу
С котомкой на плечах сходить я буду!
Из милости, пожалуй, Христа-ради,
Кафтанишко они оставят мне!
Посмотрим же, кому пришлося место
Мне уступать! Прошу бояр войти!

(Стольник выходит.)

Воистину! Что им за государь я?
Под этой ли монашескою рясой
Узнать меня? Уж я их отучил
Перед венчанным трепетать владыкой!
Как пишет Курбский? Войско-де я бросил?
И стал смешон? И уж пишу нескладно?
Как пьяная болтаю баба? Так ли?
Посмотрим же, кто их премудрый царь,
Который заживо взялся по мне
Наследовать?

(Входят бояре.)

Бью вам челом, бояре!
Довольно долго совещались вы;
Но наконец вы приговор ваш думный
Постановили и, конечно, мне
Преемника назначили такого,
Которому не стыдно сдать престол?
Он, без сомненья, родом знаменит?
Не меньше нас? Умом же, ратным духом,
И благочестием и милосердьем
Нас и получше будет? — Ну, бояре?
Пред кем я должен преклонить колена?
Пред кем пасть ниц? Перед тобой ли, Шуйский,
Иль пред тобой, Мстиславский? Иль, быть может,
Перед тобой, боярин наш Никита
Романович, врагов моих заступник?
Ответствуйте — я жду!

Годунов

Великий царь!
Твоей священной покоряясь воле,
Мы совещались. Наш единодушный,

Ничем неотменимый приговор
Мы накрепко постановили. Слушай!
Опричь тебя, над нами господином
Никто не будет! Ты владыкой нашим
Доселе был — ты должен государить
И впредь. На этом головы мы наши
Тебе несем — казни нас или милуй!

(Становится на колени, и все бояре за ним.)

Иоанн *(после долгого молчания)*

Так вы меня принудить положили?
Как пленника связав меня, хотите
Неволей на престоле удержать?

Бояре

Царь-государь! Ты нам дарован богом!
Иного мы владыки не хотим,
Опричь тебя! Казни нас или милуй!

Иоанн

Должно быть, вам мои пришлися бармы
Не по плечу? Вы тягость государства
Хотите снова на меня взвалить?
Оно-де так сподручней?

Шуйский

Государь!
Не оставляй нас! Смилуйся над нами!

Иоанн

Свидетельствуюсь богом — я не мнил,
Я не хотел опять надеть постылый
Венец мой на усталую главу!
Меня влекли другие помышленья,
Моя душа иных искала благ!
Но вы не так решили. Кораблю,
Житейскими разбитому волнами,
Вы заградили пристань. Пусть же будет
По-вашему! Я покоряюсь думе.
В неволе крайней, сей златой венец

Беру опять и учиняюсь паки
Царем Руси и вашим господином!

(Надевает Мономахову шапку.)

Бояре *(вставая)*

Да здравствует наш царь Иван Василич!

Иоанн

Подать мне бармы!

(Надевает царское облачение.)

Подойди, Борис!
Ты смело говорил. В заклад поставил
Ты голову свою для блага царства.
Я дерзкую охотно слышу речь,
Текущую от искреннего сердца!

(Целует Годунова в голову и обращается к боярам.)

Второй уж раз я, вопреки хотенью,
По приговору думы, согласился
Остаться на престоле. Горе ж ныне
Тому из вас, кто надо мной что-либо
Задумает, иль поведет хлеб-соль
С опальником, или какое дело
Прошедшее мое, хотя келейно,
Посмеет пересуживать, забыв,
Что несть судьи делам моим, бо несть
Верховной власти, аще не от бога.

(Озирается.)

Я Сицкого не вижу между вами?

Годунов

Не гневайся, великий государь!
Прости безумного!

Иоанн

Что сделал Сицкий?

Годунов

Он не хотел итти тебя просить.

Иоанн

Он не хотел? Смотри, какой затейник!
Вишь, что он выдумал! Когда вся дума,
Собором всем просить меня решила —
Он не хотел! Он, значит, заодно
С литовцами? И с ханом Перекопским?
И с Курбским? — Голову с него долой!

Захарьин

Царь-государь! Дозволь тебе сегодня,
Для радостного дня, замолвить слово
За Сицкого!

Иоанн

Ты поздно спохватился,
Мой старый шурин! Если ты хотел
Изменников щадить — ты должен был
Сам сесть на царство — случай был сегодня!

(К боярам)

Дать знать послу сестры Елисаветы,
Что завтра я глаз-на-глаз назначаю
Ему прием. Теперь идем в собор
Перед всевышним преклонить колена!

(Уходит с боярами.)

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ПОКОЙ ВО ДВОРЦЕ ИОАННА

Захарьин и Годунов

Годунов

Уж битый час он с английским послом
Сидит один. Приказ он отдал строгий,
Чтоб не впускали никого.

Захарьин

Борис!
Уж не ошиблись ли с тобою мы.
Не кротким он владыкой свой престол
Приял опять.

Годунов

Что было делать нам!

Захарьин

Борис! Борис! Когда б не вышло хуже,
Чем было прежде! Ведомо ль тебе,
О чем они толкуют?

Годунов

Да, отец мой,
Хотя б и рад я был того не ведать:
С царицею царь хочет развестися
И сватает себе через посла
Племянницу великой королевы,
Хастинскую княжну.

Захарьин

Помилуй бог!
Осьмого брака хочет он? Я ведал,
Что прежде преступленья своего
Он помышлял об этом, но теперь —
Теперь, когда едва лишь отказался
От схимы он, теперь — не может быть!
Ты точно ль знаешь?

Годунов

Он мне сам сегодня
То объявил.

Захарьин

А ты что отвечал?
Сказал ли ты ему, что грех великий
Он затевает? Что в его лета,
При горестных невзгодах государства,
Не о женитьбе думать, но о том,
Как землю поддержать?

Годунов

Нет, мой отец.

Захарьин

Нет? Не сказал?

Годунов

Нет, мой отец — не время.
Он не забыл, что свой венец вчера
Хотел сложить. От мысли, что он власти
Лишиться мог, она ему теперь
Еще дороже стала, словно он
Какой ущерб вознаградить в ней ищет.
Все, что с тобой для блага государства
Через него мы учинить хотели б,
Теперь скрывать должны мы от него
И нашу мысль в нем зарождать незримо,
Чтобы ее не нашей мыслью он,
Но собственной считал.

Захарьин

Ты прав, Борис;
Его всегда ты сердце лучше ведал.
Чини ж как знаешь, но, во что б ни стало,
Ты удержи его.

Годунов

И днем и ночью
Лишь об одном, отец, я помышляю:
И как и чем удерживать его?
Но я ищу возможности напрасно —
Нет приступу к нему!

Захарьин

Тогда, Борис,
Ошиблись мы! к беде нас приведет
Его гордыня, если ты ее
Направить не сумеешь.

Годунов

Дай совет мне!

Захарьин

Не мне тебе советовать, Борис.
Тебя господь искусством одарил
И мудрости уклончивой сподобил.
Недаром ты снискал любовь цареву,
А от грехов и темных дел его
Остался чист. Храни ж свое уменье
И делай сам. Лишь одного страшись:
Не забывай, что не себе ты служишь,
Но всей земле; что ум от честолюбья
Недалеко; и что порой опасен
Окольный путь бывает для души

Годунов

Как рад бы я, отец мой, без уклона
Всегда вперед итти прямым путем!
Но можно ль мне? Ты знаешь государя,
Ты знаешь сам противников моих,
И как они высматривают случай,

Чтоб устранить иль извести меня.
Что делать мне? Я должен неусыпно
За кознями врагов моих следить
И хитрости противоставить хитрость,
Иль отказаться должен навсегда
Служить земле.

Захарьин

Избави бог тебя!
Ты богу дашь о ней ответ! Борис —
Судьба Руси в твоих руках!

Годунов

О, если б
Она была в моих руках! Я знал бы,
Что́ делать мне! Пусть только б царь Иван
Хоть месяц дал мне править государством!
Ему б в один я месяц доказал,
Какие силы русская земля
В себе таит! Я б доказал ему,
Что́ может власть, когда на благодати,
А не на казнях зиждется она!
Но тяжело, отец мой, все то видеть —
И лишь молчать бессильно!

(Стольник отворяет дверь.)

Стольник

Царь идет!

Иоанн *(входит с грамотами в руках)*

Нам пишет Шуйский: в королевском стане
От голода открылись мор и бунт;
Король же их опомнился, должно быть,
И из Варшавы шлет ко мне посла.

Захарьин

Дай бог здоровья воеводе князь
Иван Петровичу!

Иоанн

Сидельцы ж наши
Вновь целовали крест чинить по боге:
Всем лечь, а не сдаваться. Но я чаю,
Сосед Степан уж потерял охоту
Брать города, и если с новым войском
Пожалует он к нам, в голодный край,
Мы шапками их закидаем.

(К Захарьину)

Ты
Ступай на площадь, объяви народу,
Что мира просит у меня король!

Захарьин

Царь-государь, а если не о мире
Он шлет посла?

Иоанн

Сдается мне, что нас
Учить твоя изволит милость! Видно,
Ошибкой нам, а не тебе бояре
Венец наш поднесли! Ступай, старик,
И объяви на площади народу,
Что мира просит у меня король!

(Захарьин уходит.)

Иоанн *(к Годунову)*

Я с английским послом покончил дело;
Но больно он тягуч и жиловат:
Торговые, вишь, льготы англичанам
Всё подавай! О льготах говорить
Мне с ним не время. Пригласи его
К себе, к обеду, потолкуй с ним дельно,
И что он скажет, то мне донеси.

Годунов

Великий царь! Ты мне сказал вчера,
Что дерзкую охотно слышишь речь,
Текущую от искреннего сердца.

Дозволь мне ныне снова пред тобой
Ее держать! Боюсь я, англичанин
Подумает, что слишком дорожишь ты
Союзом с королевой, и тогда
Еще упрямей сделается он.
Не лучше ль было б дать ему отъехать,
Не кончив дела? Если ж королева,
Сверх чаянья, на льготах настоит —
Ты к ней всегда посла отправить можешь
С согласием твоим.

Иоанн

Иною речью,
Не по́-сердцу боярину Борису,
Чтоб царь Иван с великой королевой
Вступил в родство? Так? Что ли? Говори!
Тебя насквозь я вижу!

Годунов

Государь!
Напрасно я с тобой хотел лукавить;
Не от тебя сумеет кто сокрыть,
Что́ мыслит он. Так, государь! Виновен
Я пред тобой. Вели меня казнить —
Но выслушай: не мне, великий царь,
А всей Руси не по́-сердцу прийдется
Твой новый брак. Вся Русь царицу любит
За благочестие ее, а паче
За то, что мать Димитрия она,
Наследника второго твоего,
Который быть царем однажды должен.
Как за тебя, так за твою царицу
Народ вседневно молится в церквах.
Что скажет он? Что скажет духовенство,
Когда ты мать Димитрия отринешь
И новый брак приимешь с иноверкой —
Осьмой твой брак, великий государь!
Не скажут ли, что все невзгоды наши
(И, может быть, их много впереди)
Накликал *ты* на землю? Государь,

Казни меня — но я у ног твоих

(Становится на колени)

Тебя молю: тобою лишь одним
Русь держится — не захоти теперь
Поколебать ее к тебе доверье!
Не отвращай напрасно от себя
Любви народа!

Иоанн

Кончил? Ободренье
Мое пошло тебе, я вижу, в прок,
И дерзок ты воистину немало!
Мою ты видя милость над собой,
Конечно, мнишь, что я для руководства
Тебя держу? Что ты ко мне приставлен
От земства, что ль? Хулить иль одобрять
Мои дела? и можешь гнуть меня,
Как ветер трость? Достойно смеху, право,
Как всем бы вам со мной играть хотелось
В попы Сильвестры! На твоих губах
И молоко в ту пору не обсохло,
Как я попу Сильвестру с Алексеем
Уж показал, что я не отрок им!
По моему с тех пор уразуменью,
Как прибыльней для царства моего,
Так я чиню, и не печалюсь тем,
Что̀ скажет тот иль этот обо мне!
Не на день я, не на год устрояю
Престол Руси, но в долготу веков;
И что̀ вдали провижу я, того
Не видеть вам куриным вашим оком!
Тебя же, знай, держу лишь для того,
Что ты мою вершишь исправно волю;
А в том и вся твоя заслуга. Встань —
На этот раз тебя прощаю — впредь же
В советчики не суйся мне! Посла
Ты пригласишь и принесешь мне завтра
Его последний уговор!

(Уходит в другую дверь.)

Годунов *(один)*

Он прав!
Я только раб его! Предвидеть это
Я должен был! Иль я его не знал?
Я поступил как женщина, как мальчик!
Я как безумный поступил!
Вот он,
Тот путь прямой, которым мне Захарьин
Итти велит! На первом он шагу
Мне властию царевой, как стеною,
Пересечен! Для блага всей земли
Царицу защищая, я с ней вместе
Спасал Нагих, моих врагов исконных,
Которые теперь же, в этот час,
Ведут совет, как погубить меня —
Я был готов их пощадить сегодня,
Лишь только б царь не потрясал Руси!
И вот исход! Легко тебе, Никита
Романович, итти прямым путем!
Перед собой ты не поставил цели!
Спокойно ты и с грустью тихой смотришь
На этот мир! Как солнце в зимний день,
Земле сияя, но не грея землю,
Идешь ты чист к закату своему!
Моя ж душа борьбы и дела просит!
Я не могу мириться так легко!
Раздоры, козни, самовластье видеть —
И в доблести моей, как в светлой ризе,
Утешен быть, что сам я чист и бел!

(Уходит.)

ДОМ ШУЙСКОГО

Шуйский, Мстиславский, Бельский, Михайло Нагой и Григорий Нагой сидят у стола за кубками.

Шуйский *(наливая им вино)*

Прошу вас, пейте, гости дорогие!
Во здравие Бориса Годунова!
Ведь он-то в думе дело порешил!

(Гости пьют неохотно. Мстиславский не пьет вовсе.)

Что ж, князь Иван Феодорыч? Иль, может,
Не нравится тебе мое вино?
Не выпить ли другого нам, покрепче?

Мстиславский

Нет, князь, спасибо. Не вино, а здравье,
Признаться, мне не нравится.

Шуйский

Что так?
Про Годунова, князь, ты пить не хочешь?
Да вот и вы поморщились, бояре;
Иль он вам не́люб?

Мстиславский

Выскочка! Татарин!
Вишь, ближним стал боярином теперь!

Бельский

А мы, должно быть, дальние бояре!

М. Нагой

Всем сядет скоро на голову нам!

Г. Нагой

Нет, он не сядет — он уже сидит!

Шуйский

Помилуйте, бояре, Годунов-то?
Его насильно ставят выше нас,
А он и сам не рад! Он нам всегда
И честь как должно воздает, и в думе
Готов молчать иль соглашаться с нами!

М. Нагой

Да, к этому вьюну не придерешься!
Поддакивает, кланяется, бес,
А все-таки поставит на своем!

Шуйский

Ну, этот раз ему за то спасибо!

Бельский

Да этот раз не первый, не последний.
Покойный Сицкий правду говорил:
Он всех нас сломит!

М. Нагой

Да — коль мы его
Не сломим прежде!

Г. Нагой

Как его сломить?

Бельский

Кой-что шепнуть мы про него могли бы!

Мстиславский

Да нам-то не поверят. Он же нас,
Как Сицкого, одним словечком срежет!

М. Нагой

Нет — так нельзя; а можно бы иначе —
Да, вишь, князь Шуйский за него стоит!

Шуйский

Я? За него? Да что ж он мне, бояре?
Он мне ни кум, ни шурин, ни свояк!
Я лишь сказал, что он хлопот не стоит!

Бельский

Ну, слеп же ты!

Шуйский

Нет, я не слеп, бояре!
Когда б дошло до дела, вы бы сами
Раздумали!

Бельский

Нет, этого не бойся!

Мстиславский

Уж друг за друга мы бы постояли!

Г. Нагой

Готовы крест на этом целовать!

Шуйский

Эх, вам охота даром в петлю лезть.

Бельский

Ну, князь, прости мое худое слово:
Ты слеп как крот, и первого тебя
Татарин этот выживет как раз!

Шуйский

Ты думаешь?

Бельский

Да уж наверно так!

Шуйский

Ну, коли так — тогда другое дело!

Бельский

Так ты согласен?

Шуйский

Что ж мне одному
Быть против всех! Пожалуй, я согласен —
Да как же дело-то начать?

М. Нагой

А вот как:
Теперь у нас везде, по всей Руси,
Поветрие и хлебный недород.
Уж были смуты: за Москвой-рекой
Два бунта вспыхнуло. В такую пору
Народ озлоблен; рад, не разбирая,
Накинуться на первого любого.

От нас зависит время улучить
И натравить их в пору на Бориса!

Г. Нагой

Оно б недурно! Пусть бы нас народ
Избавил от него — мы в стороне!

Мстиславский

Да, в стороне! А как поднять народ?
Ведь не самим же нам итти на площадь!

М. Нагой

Вестимо, нужен верный человек!

Бельский

Или такой, которого бы мы
В руках держали непрестанным страхом!

Мстиславский

А где его достать?

Шуйский *(отворяя дверь в другой покой)*

Войди, Данилыч!

(Входит Битяговский.)

Вот он, бояре, кто теперь нам нужен!
Я с ним уж говорил — он рад служить.

(Общее удивление.)

Бельский

Так ты... Ну, князь, признаться, удивил!

Г. Нагой

Перехитрил нас! Нечего сказать!

Мстиславский

А пил еще здоровье Годунова!

(Шуйский смеется.)

М. Нагой *(указывая на Битяговского)*

Так он берется сладить это дело?
Но кто же он? Его нам надо знать!

Шуйский

Он из дворян: Михайло Битяговский.
Прошу любить и жаловать его;
Он нас не выдаст!

Бельский

Князь, конечно, ты
Нам доказал, что ты хитрить умеешь;
Мы положиться можем на тебя;
Но все ж дозволь, в таком опасном деле,
Тебе не в гнев, ему не в осужденье,
Спросить тебя: чем отвечаешь ты?

Шуйский

Бояре, дело просто: в зернь да в карты
Именье он до нитки проиграл;
В долгах сидит по шею; правежом
Ему грозят; исхода два ему:
Послужит нам — долги его заплатим;
Обманет нас — поставим на правеж.
Данилыч! Так ли? Ясен уговор?

Битяговский

Да, ясен.

Шуйский

Если ж ты уладишь дело,
Мы наградим тебя.

Битяговский

Само собой.

Шуйский

Я говорил тебе не в укоризну,
А чтоб бояре лучше веру взяли.
Теперь садись.

Битяговский

Могу и постоять.

Шуйский

На, выпей чару!

Битяговский

Чару выпить можно.

(Пьет, кланяется и ставит чару на стол.)

Бельский

Так вправду ты сумеешь на Бориса
Поджечь и взбунтовать народ?

Битяговский

Сумею.

М. Нагой

С кого ж начать ты хочешь?

Битяговский

С черных сотен.

Г. Нагой

Про что ж ты будешь говорить?

Битяговский

Про голод.

Бельский

Что скажешь ты?

Битяговский

Что в голову придет.

Мстиславский

А за успех стоишь ты нам?

Битяговский

Стою.

М. Нагой

Народ не в шутку должен возмутиться.
Сначала подготовь его искусно:
Борис, мол, вот кто цены вам набил!
Он, мол, царем как хочет, так и водит;
Все зло, мол, от него! Он зять Малюты!
Он и царя на казни подбивал!
Потом, в удобный день, на праздник, что ли,
Когда пойдет он в церковь иль из церкви,
Ты их и подожги! Да не мешало б
Тебе товарища найти.

Битяговский

Не нужно.

Бельский

Тут надобны не крики и не шум;
А чтоб они, увидя Годунова,
Так на него б и кинулись, и разом
На клочья б разорвали!

Битяговский

Разорвут.

Шуйский

Уж положитесь на него, бояре!
Он неохоч до слов, но он на деле
Собаку съел; ему ведь не впервой.
А вы меж тем изведайте бояр:
Чем больше будет с нами, тем мы легче
И подведем его!

Бельский

На всяк случáй
Я кой-кого еще пущу в народ.
Есть на примете у меня один:
Рязанский дворянин, Прокофий Кикин.

Шуйский

Коль за него ты можешь отвечать,
Пошли его, пожалуй, от себя;

Пусть с двух концов они волнуют город;
Не одному удастся, так другому.

Мстиславский

Твоими бы устами, князь Василий
Иваныч, мед пить!

М. Нагой

Ну, теперь недурно
Идут дела! Благослови господь!

(Входит слуга.)

Слуга

Боярин Годунов!

Шуйский *(про себя)*

Ах, бес проклятый!

(Входит Годунов. Гости встают в замешательстве.)

Шуйский *(идет навстречу Годунову с распростертыми объятиями)*

Борис Феодорыч! Вот гость любезный!
Челом тебе на ласке бью твоей!

(Обнимаются.)

Садись, боярин! Здесь, под образами!
Уважь домишко мой! Да чем же мне
Попотчевать тебя? Вот романея!
Вот ренское! Вот аликант! Вот бастр!

Годунов *(кланяется)*

Благодарю, боярин князь Василий
Иванович! Не помешал ли я?
Быть может, ты с гостями дорогими
Был делом занят?

Шуйский

Делом? Нет, боярин!
Мы так себе балякали. Садись,

Прошу покорно: Да уважь, боярин,
Хоть чарочкой!

Годунов *(пьет)*

Во здравие твое!

Мстиславский *(подходит к Шуйскому)*

Хозяин ласковый, пора домой мне;
Прости!

Бельский

И мне пора домой, прости!

Оба Нагие

Пора и нам! Прости же, князь Василий
Иванович!

Шуйский

Что ж, гости дорогие?
Зачем так рано?

М. Нагой

Дома дело есть.

Шуйский

Простите же, бояре! Много вас
За честь благодарю!

(Провожает гостей и возвращается к Годунову.)

Ну, слава богу!
Ушли! Спасибо же тебе, боярин,
Что навестил меня! Ты не поверишь,
Как на тебя отрадно мне глядеть!
Ведь мы с тобой издавна заодно!
Что ты — то я!

Годунов

Спасибо, князь Василий
Иванович! А я вот за советом
К тебе пришел.

Шуйский

Приказывай, боярин!

Годунов

Ты знаешь, князь, меня не любят в думе —
Я новый человек.

Шуйский

Так что же в том?
Я за тебя горой стою; а правда,
Есть недруги у нас! Вот хоть бы этот
Мстиславский, или Бельский — кто их знает!
Завидно им, что любит царь тебя!

Годунов

Царь жалует меня не по заслугам;
Я скользкою тропою, князь, иду.
Пожалуй, на меня царю нашепчут;
А до беды у нас недолго, князь!

Шуйский

А я на что ж? Я за тебя готов
В огонь и в воду! Ты мне тот же брат!

(Входит слуга.)

Слуга *(к Шуйскому)*

Князь, царь прислал за милостью твоей!

Шуйский *(встает)*

За мной? Теперь? Ну, не взыщи, боярин —
Царь ждать не может!

Годунов

Не чинися, князь.

(Шуйский поспешно уходит. Годунов остается с Битяговским и пристально смотрит на него. Битяговский смущается и отворачивается.)

Годунов

Ты дворянин Михайло Битяговский?

Битяговский

Да, дворянин.

(Хочет уйти.)

Годунов

Ни с места! Стой и слушай.
Ты разорился в карты. На правеж
Тебя хотят поставить — дело плохо —
Но может выйти хуже для тебя.
Ты грамату писал в литовский стан
И предлагал Замойскому услуги.

Битяговский

Нет, это ложь! Меня оклеветали!

Годунов

Я грамату твою перехватил —
И вот она от слова и до слова!

(Вынимает из кармана грамату. Битяговский нагибается и сует руку за голенище.)

Ты лезешь за ножом? Не беспокойся!
Твоя бумага за семью замками,
А это только список. Слушай, друг:
С тобой вчера князь Шуйский сторговался,
Чтоб на меня поднять народ. Сегодня
С двумя Нагими, с Бельским и Мстиславским
Об этом вместе толковали вы.
Мне стоит захотеть — и через час
Твое клевать вороны будут мясо!

Битяговский

Боярин... я... я не хотел...

Годунов

Молчи!
Теперь ты должен притвориться, будто

Ты служишь Шуйскому. Ступай шататься
По площадям, по рынкам, по базарам,
Но распускай молву, что Шуйский с Бельским
Хотят царя отравой извести;
Что погубить и Федора решили
И Дмитрия царевичей; что если б
Не Годунов — они бы царский корень
Уж извели; что Годунов один
Блюдет царя и охраняет царство.
Ты понял?

Битяговский

Понял.

Годунов

Приходи сегодня
Ко мне, в мой дом, по заднему крыльцу,
Когда стемнеет. Там тебя дворецкий
Проводит дальше. Каждый вечер ты
Ко мне являться будешь. Все, что Шуйский,
Иль Бельский, иль другой тебе прикажут,
Ты будешь мне передавать. И помни:
Где б ни был ты, я за тобой слежу —
Не захоти и думать о побеге.
Различье ж, знай, меж мной и Шуйским то,
Что правежом тебя стращает Шуйский,
А я тебе грожу такою казнью,
Какой бы не придумал и Малюта
Скуратов-Бельский, мой покойный тесть!

(Уходит. Битяговский остается в оцепенении.)

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ПОКОИ ЦАРИЦЫ МАРИИ ФЕДОРОВНЫ

Царица и мамка царевича Димитрия.

Царица

Что ж, мамка? Уложила ты его?
Заснул ли он, голубчик мой, царевич?

Мамка

Заснул, царица-матушка, заснул!
Уж любовалась, на него я глядя;
Лежит смирнехонько, закрымши глазки
И этак ручки сжамши в кулачки.
Вишь, бегая, мой светик уморился;
Такой живой! Не в старшего он братца,
Не в Федора Иваныча пойдет!
Тот тих и смирен, словно не царевич,
Не то, что братец был Иван Иваныч!
Тот, царствие небесное ему,
На батюшку похож был. Ох-ох-ох!
Подумаешь, как кончился-то он!
Ах, грех какой! Не верится доселе!

Царица

Не будем говорить про это, мамка.
Не присылал ли государь сказать,
Что он прийдет? Не присылал ли он
Кого спросить, здоров ли мой царевич?

Мамка

Нет, матушка, не присылал.

Царица

Бывало,
Он каждый день наведывался сам!

Мамка

Нет, матушка, не присылал. А вот
Когда мы давеча гулять ходили,
К нам подходил боярин Годунов,
Брал на руки царевича, ласкал
И любовался им.

Царица

И ты дала
Ему ласкать царевича? Никто
Его ласкать не должен. Слышишь, мамка?

Мамка

Так, матушка. Боярин Годунов
Мне тоже говорил: смотри, мол, мамка,
Блюди царевича! Ты, говорит,
За каждый волосочек, мол, его
Пред богом и землею отвечаешь!

Царица

Послушай, мамка; этак не годится
Болтать со всяким. Никому вперед
Ты не давай с ребенком говорить!

Мамка

Так как же, матушка? А вот Никита
Романович к нам подходил намедни —
И с этим, значит, говорить нельзя?

Царица

Нет, с этим можно! Этому я верю,
Он все равно мне, что родной отец!

(Входит сенная девушка.)

Девушка

Царица! Может ли к тебе Никита
Романович взойти, Захарьин-Юрьев?

Царица

Он здесь? Проси, проси его скорей!

(Входит Захарьин.)

Захарьин

Царица Марья Федоровна, здравствуй!
Как можешь?

Царица *(идет к нему навстречу)*

Здравствуй, дядюшка Никита
Романович! Тебя сам бог прислал!
Мне говорить с тобою надо! Мамка,
Ступай себе к царевичу, оставь нас.

(Мамка уходит.)

Мне надо говорить с тобой, Никита
Романович! Садись, сюда, поближе:
Не знаю, что со мною, право, сталось;
Все эти дни так тяжело на сердце,
Как будто чуется беда! Скажи,
Ты ничего не слышал? Что случилось?
Что царь задумал?

Захарьин

Матушка-царица,
Ведь я пришел тебя предостеречь!
И сам уже не знаю, что с ним делать?
Беда и только! словно дикий конь,
Внезапно закусивший удила,
Иль ярый тур, все ломящий сразбега,
Так он не знает удержу теперь.
Подобная реке, его гордыня
Из берегов уж выступила вон
И топит все кругом себя!

Царица

Скажи,
Что́ он задумал?

Захарьин

Бог ему судья!

Царица

О чем-то страшном шепчут во дворце —
Он с английским послом наедине
О чем-то долго толковал — я знаю —
Я догадалась — он жениться хочет
На чужеземке, а меня он бросить
Сбирается с Димитрием моим!

Захарьин

Будь, дитятко, готова ко всему!

Царица

Недаром сердце у меня щемило!

Захарьин

Царица, он хотел сегодня утром
Быть сам к тебе. Не покажи и вида,
Что я с тобой об этом говорил.
Я буду здесь. Ты ж выслушай его
С покорностью, и что б он ни сказал,
Не возражай ни слова — будь нема!
Единый звук, единый вздох, движенье
Единое твое — и ты пропала!
Дай буре прошуметь. Еще, быть может,
Смягчится он покорностью твоею;
А если нет — я на свою главу
Прийму удар, скажу ему открыто,
Что он бессовестно чинит!

Царица

Боярин,
Спаси меня! Не за себя мне страшно!
Я хлопочу не о себе, ты знаешь!
Когда меня Иван Васильич взял,
Не радовалась я высокой чести;
И если бы со мной, тому три года,
Он развелся, я бога бы за то

Благодарила — но теперь, боярин,
Я не одна! Теперь я стала мать!
И если он жену возьмет другую —
Ребенок мой — мне страшно и подумать —
Мой маленький Дмитрий — о, боярин!
Сама не знаю, что я говорю,
Чего боюсь, не ведаю — но смутно
Мне чуется для Дмитрия опасность!
Усовести, уговори царя!
Тебя он чтит! Пусть он с тобою прежде
Обсудит дело!

Захарьин

Дитятко-царица!
Кого он чтит! Я, правда, перед ним
Еще ни разу не кривил душою,
Но сам не знаю, как я уцелел!
Лишь одного на свете человека
Порою слушается он: дай бог
Здоровья Годунову! Он один
Еще его удерживать умеет!

Царица

О, дядюшка! Не верь ты Годунову!
Нет, он не тот! Его смиренный вид,
Его всегда степенные приемы,
И этот взгляд, ничем невозмутимый
И этот голос, одинако ровный,
Меня страшат недаром! Не могу я
Смотреть, когда ребенка моего
Ласкает он!

Захарьин

Что ты, царица, что ты?
Помилуй! Годунов-то?

(Вбегает девушка, запыхавшись.)

Девушка

Царь идет!
Сейчас здесь будет!

Царица *(с испугом)*

Дядюшка! Мне страшно!
Я не могу...

Захарьин

Оправься поскорей,
Чтоб не заметил он чего! Отри
Скорей глаза!

Царица

Ох, сердце замирает!

Захарьин

Уйди ж на миг! Принарядись, а я
Прийму его!

(Царица уходит. Иоанн входит в сопровождении Годунова.)

Иоанн *(к Захарьину)*

Что делаешь ты здесь?

Захарьин

Царицы дожидаюсь, государь.

Иоанн

Какое дело у тебя с царицей?

Захарьин

Наведаться зашел к ней.

Иоанн

Где ж она?

Захарьин

Услыша голос твой, она пошла
Для милости твоей принарядиться.

Иоанн

Могла и так остаться. От нарядов
Пригожее не будет!

(К Годунову, садясь)

Продолжай!
Ты говоришь, что виделся с послами?

Годунов

С обоими, великий государь.

Иоанн

Ну, что ж?

Годунов

Посол Елисаветин, Баус,
Стоит на том, что выдать за тебя
Племянницу, Хастинскую княжну,
Согласна королева; но о том-де
Он подписать не властен уговора,
Пока с царицей всенародно ты
Не разведешься; да еще прибавил,
Чтоб на Руси ты запретил торговлю
Всем иноземцам всяких государств,
Опричь одних лишь английских гостей.
На этом, говорит он, королева
Нам обещает дружбу и союз
И цесаря немецкого упросит,
Чтобы на Польшу двинул он полки.

Иоанн

Благодарю сестру Елисавету,
Что нашей дружбой и худым родством
Не брезгает она! Но обойтись
Без милостей ее теперь мы можем,
И цесаря не просим нам помочь.
Уже мы сами скоро за рубеж
Переведем полки. А что узнал ты
От польского посла? Какие земли
Сосед Степан за мир нам обещает?

Годунов

Мы за вином, великий государь,
Сидели с ним до самого рассвета.
Гарáбурда, хоть не природный лях,

А пить здоров и говорить охотник;
Но выведать я у него не мог,
С чем он приехал. Одному тебе
Открыться хочет он.

Иоанн

Заране, видно,
Хвалиться нечем!

Годунов

Утром прискакал
К нему гонец от короля. Напрасно
В глазах посла старался угадать я
Письма значенье. На лице его
Не двинулася ни одна черта;
Усталый же гонец, как выпил чару,
Так и упал на землю и заснул.

Иоанн

Я чай, не спал во всю дорогу! Видно,
Крутенько им пришлось и невтерпеж!

Годунов

Когда бы только...

Иоанн

Что?

Годунов

Когда бы он
Для нас недоброй вести не привез!

Иоанн

Недобрых я вестей не получал;
Чего ж не знаю я — того и нет!

Годунов

Будь осторожен, государь!

Иоанн

Бориско!
Уж не опять ли ты советы мне
Давать изволишь? Струсил, говорю я,
Сосед Степан и новые уступки
Прислал в наказ Гарабурде! Гей! Марья!

(Стучит ó пол посохом.)

Ты долго ль там укручиваться будешь?

(Входит царица, в большом наряде, и, поклонившись Иоанну, останавливается перед ним молча.)

Иоанн *(смотрит на нее пристально)*

Зачем твои заплаканы глаза?

(Царица молчит, потупя взор.)

Ты слышишь ли? Что сталося с тобою?

Царица

Мой господин, прости меня... я...

Иоанн

Ну?

Царица

Я видела недобрый сон.

Иоанн

Какой?

Царица

Мне снилось, государь... мне снилось, что...
Я разлучаюся с тобой!

Иоанн

Сон в руку,
Ты неугодна мне. Я объявить
Тебе пришел, что ты отныне боле
Мне не жена.

Царица

Так это правда? Правда?
Меня с Димитрием ты бросить хочешь?
С Димитрием моим? Ты хочешь...

Иоанн

Тише!
Я бабьих слез и криков не люблю!

Царица

Нет, господин мой — я не плачу — нет —
Ты видишь, я не плачу — но скажи,
Как развестись со мною хочешь ты?
Что скажешь ты святителям? Какую
На мне вину найдешь ты?

Иоанн

Это что?
Ты, кажется, меня к допросу ставишь?
Кто ты? Какого ты владыки дочь?
Кому ответ держать мне о тебе?
Иль ты других пригожее и краше,
Чтоб мне тебя как клад какой беречь?
Иль я уж в доме у себя не властен?
Иль ты царица по себе?

Царица

Прости,
Мой господин! Прости! Я не ропщу —
Я не молю о милости — на все
Готова я — но бедный мой Димитрий
Чем виноват?

Иоанн

О нем не хлопочи.
Мой сын в удел получит город Углич.
Вины твоей не нужно мне. Тебя
Постричь велю я — вот и весь развод.
Святителей же, славу богу, я
Не приучил в мой обиход вступаться
И требовать отчета от меня!

Захарьин

Царь-государь! Дозволь мне слово молвить?

Иоанн

Старик, я вижу, что́ сказать ты хочешь!
Что б я ни сделал, все не по тебе!
Я знаю вас!

Захарьин

Великий государь...

Иоанн

Я знаю вас! Вы рады бы мне руки
Опять связать, как при попе Сильвестре
Да при Адашеве! Ты был им друг!
Когда на них опалу положил я,
Каких уж бед ты ни пророчил мне!
Тебя послушать — царство распадалось!
И что ж? С тех пор минуло двадцать лет —
Где твой Адашев? Где Сильвестер твой?
А мы, меж тем, благословеньем божьим
Не уменьшили наших государств!
Без ваших наставлений, помаленьку,
Таки живем себе умишком нашим,
И руководства твоего, старик,
Не просим мы!

Захарьин

Великий государь!
Что мы мечом завоевали, то
Мечом же можно и отнять у нас.
Все в божьей воле, государь; но бог
Лишь добрые дела благословляет,
Ты ж, государь, недоброе затеял!
Твоя царица пред тобой чиста,
Чиста как день! Грешно тебе царицу
Хотеть менять на новую жену!
Чем с Англией искать тебе союза,
Взгляни на Русь! таков ее удел?
Ты, государь — скажу тебе открыто —

Ты, в юных днях испуганный крамолой,
Всю жизнь свою боялся мнимых смут
И подавил измученную землю.
Ты сокрушил в ней все, что было сильно.
Ты в ней попрал все, что имело разум,
Ты бессловесных сделал из людей —
И сам теперь, как дуб во чистом поле,
Стоишь один, и ни на что не можешь
Ты опереться. Если — бог избави —
Тебя оставит счастие твое,
Ты пред несчастьем будешь наг и беден.
Несчастье ж недалеко, государь!
Не радуйся победе над Батуром —
Есть на Руси другие тесноты!
Орда и швед грозят нам, а внутри
Неправосудье, неустройство, голод!
Их английским союзом не избыть!
Я стар, великий государь, и близок
Уже ко гробу. Незачем мне даром
Тебе перечить! Да и сам-то ты
Уж не́молод, великий государь.
В твои лета о новом браке думать
Грешно, да и негоже. Бога б ты
Благодарил за добрую царицу,
А не искал себе другой!

Иоанн

Микита!
Я дал тебе домолвить до конца.
Ко гробу ближе ты, чем мыслишь. Мне
Наскучило тебя щадить. Легко б я
Мог отвечать на болтовню твою,
Но мой ответ: Я так хочу! Довольно!
Ни слова боле! Время нам принять
Батурова посла. Ступай за мной.

(К царице)

Ты ж будь готова в монастырь итти!

(Уходит с Захарьиным.)

ПРЕСТОЛЬНАЯ ПАЛАТА

Весь двор, в богатом убранстве, входит и размещается вдоль стен. У дверей и вокруг престола становятся рынды с топорами на плечах. Трубы и колокола возвещают приход Иоанна. Он входит из внутренних покоев вместе с Захарьиным.

Иоанн *(к Захарьину)*

Впустить посла! Но почестей ему
Не надо никаких. Я баловать
Уже Батура боле не намерен!

(Захарьин уходит. Иоанн садится на престол. Через приемную дверь входит Гарабурда и с низким поклоном останавливается перед Иоанном.)

Иоанн *(меря его глазами)*

Не в первый раз тебя я вижу, пан
Гарабурда, перед моим престолом.
По смерти Жигимонта короля
Ты с поручением ко мне от сейма
Был прислан?

Гарабурда

Так, великий государь.

Иоанн

Мне помнится, что польские паны
Корону предлагали мне?

Гарабурда

Так есть.

Иоанн

Но учиниться вашим королем,
Не сделав власть мою наследной властью,
За благо мне не рассудилось. Вы же
Условья не изволили принять.

Гарабурда

Великий царь, не можно было нам
Республики нарушить привилегий:

У нас закон, чтоб всякий раз король
От сейма выбран был.

Иоанн

Хорош закон!
Достойного он в Генрике владыку
Доставил вам!

Гарабурда

А бес его возьми!
То был совсем дрянной король! Когда
От нас утек он, мы рукой махнули
И выбрали другого.

Иоанн

Да! Батура,
Того, который дань платил султану,
Когда был князем седмиградским. Ну,
Чего он хочет? С чем тебя прислал он?

Гарабурда

Пресветлый мой великий господин,
Король на Польше, седмиградский князь,
Великий князь литовский...

Иоанн

Погоди-ка!
Ты православной веры? Мне сказали,
Что ты ходил к обедне в наш собор?

Гарабурда

Так, государь.

Иоанн

Зачем же господином
Схисматика латинского зовешь ты?

Гарабурда

А потому, великий царь, что он
Все вольности Украйны утвердил,

Святую церковь нашу чтит и нам
Ксендзов проклятых дал повыгонять.

Иоанн

Все веры для него равны, я слышал;
И басурманов также он честит.
Ну, говори, какое челобитье
Он нам прислал? О чем просить изволит
Сосед Степан?

Гарабурда

Он просит наперед,
Чтоб ты, пан-царь, не звал его соседом,
А воздавал и письменно и устно
Ему ту честь, названия и титул,
И почести, которые его
Пресветлому довлеют маестату!

Иоанн

Ах, он шутник! Теперь? В тот самый час,
Когда домой бежал он из-под Пскова?
Недурно! Дальше!

Гарабурда

Дале от тебя
Он требует, чтоб из земли Ливонской
Немедля вывел ты свои полки
И навсегда б короне польской отдал
Смоленск и Полоцк, Новгород и Псков.

(Ропот в собрании.)

На этом мир с тобою заключить
Согласен он.

Иоанн

Посол! Ты много ль выпил
Ковшей вина? Как смел ты предо мною
Явиться пьяный?

(К стольникам)

Кто из вас дерзнул
Нетрезвого впустить в мои палаты?

Гарабурда

Коли же милости твоей, пан-царь,
Условия такие не смакуют,
Король Степан велит тебе сказать:
«Чем даром лить нам кровь народов наших,
Воссядем на коней и друг со другом
Смертельный бой на саблях учиним,
Как лыцарям прилично благородным!»
И с тем король тебе перчатку шлет.

(Бросает перед Иоанном железную перчатку.)

Иоанн

Из вас обоих кто сошел с ума?
Ты иль король? К чему перчатка эта?
Не для того ль, чтоб ею мне тебя
Бить по лицу? Да ты забыл, собака,
Что пред тобой не избранный король?
Помазанника божья смеешь ты
На поле звать? Я поле дам тебе!
Зашитого тебя в медвежью шкуру
Велю я в поле псами затравить!

Гарабурда

Ни, этого, пан-царь, не можно.

Иоанн

Что?
Да он не шутит ли со мной? Бояре,
Ужель забавным я кажусь?

Гарабурда

Ни, ни!
Посла никак зашить не можно в шкуру.

Иоанн

Вон с глаз моих! Плетьми его отсюда!
Плетьми прогнать обратно к королю!
Вон из палаты! Вон, собака! Вон!

(Хватает у рынды топор и бросает в Гарабурду.)

Гарабурда *(отклоняя удар)*

Поторопился ж ты, пан-царь. Ты, видно,
И не слыхал еще того, пан-царь,
Что из Варшавы прибыл с новым войском
Король Степан? Что на границе он
Уж в пух и прах разбил твои полки?
Ты, видно, не слыхал, что швед уже
Нарову взял? и вместе с королем
Готовится на Новгород итти?
Дрянные ж воеводы у тебя,
Что не дали и знать тебе об этом!

Иоанн *(вставая с престола)*

Ты лжешь, злодей!

Гарабурда

А, ей же богу, так.
Зачем мне лгать? Нет, лгать нехорошо.
Коли ж, пан-царь, ты выехать не хочешь
На честный бой с пресветлым королем,
К тебе король, пожалуй, на Москву
Приедет сам. Теперь же будь здоров!

(Уходит. Общее смятение.)

Годунов *(вбегая)*

Великий государь! Что сделал ты?
Ты оскорбил Батурова посла?

Иоанн

Он лжет как пес!

Годунов

Нет, государь! Все правда!
Сейчас гонцы от войска прискакали —

Я видел их — Нарову взяли шведы —
Полки разбиты наши!

Иоанн

Лгут гонцы!
Повесить их! Смерть всякому, кто скажет,
Что я разбит! Не могут быть разбиты
Мои полки! Весть о *моей* победе
Должна прийти! И ныне же молебны
Победные служить по всем церквам!

(Падает в изнеможении в престольные кресла.)

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ПЛОЩАДЬ В ЗАМОСКВОРЕЧЬИ

Площадь наполнена возами. В стороне хлебные лабазы. За рекой виден Кремль. Вечереет. Толпа народа волнуется перед лабазом.

Лабазник

Ступайте прочь! Чего наперли снова!
Ведь сказана цена вам: семь алтын
За полчетверки!

Один из народа

Батюшка, помилуй!
Скинь хоть алтын!

Другой

Четыре дня не ели!

Третий

Побойся бога

Четвертый

Смилуйся, родимый!
Отсыпь хоть в долг! О пасхе заплачу —
Вот-те Христос!

Лабазник

Проваливай! О пасхе!
Вишь, в долг давай хозяйское добро!
Прочь, говорю вам!

(Дерется.)

Первый

Что ж ты, людоед?
Околевать нам, что ли?

Второй

Лучше прямо
Ножом зарежь!

Третий

Разбойник! Душегубец!

Четвертый

Жидовская душа! Ты разве сам
Свой съешь запас? Сам, что ли?

Лабазник

Караул!
Лабаз мой разбивают!

(Подходят два пристава.)

1-й пристав

Что за шум?
Кто тут буянит?

Лабазник

Помогите! Бунт!
Ломают дверь!

Один из народа

Вступитесь, государи!

Другой

Велите цену сбавить, государи!

Третий

Не дайте с голодухи помереть!

Лабазник

Они меня сбирались грабить!

Первый

Врет!
Он сам дерется! Чуть не изувечил!

1-й пристав *(к лабазнику)*

Как смеешь ты народ увечить? А?

2-й пристав

В приказ его! К допросу!

Лабазник

Государи!
Помилуйте! За что меня в приказ?
Хозяйское отстаивал добро!

(Сует им деньги.)

1-й пристав

Ну, разве так!

2-й пристав

Что ж сразу не сказал!

1-й пристав *(к народу)*

Прочь, вы, разбойники! Вот я вас! Прочь!

2-й пристав

В застенок их! В приказ! К допросу!

(Народ отступает.)

То-то!

(Оба пристава идут далее.)

Лабазник *(смотрит им вслед)*

Христопродавцы! Ишь! Пошли по рынку
Выглядывать с кого б еще содрать!

Один из народа

И поделом тебе!

Другой

С своим запасом
Чтоб лопнул ты!

Третий

Мы с голодухи мрем,
А он сидит как крыса в закромах
Да дуется!

(Лабазник отходит.)

Четвертый

А приставам пожива!

Первый

Порядок, вишь, приставлены блюсти!

Четвертый

Ну, уж порядок! Пусть бы царь узнал!

Первый

За взятки царь таки казнил их прежде!
Я видел сам; раз девять человек
Висело рядом; а на шею им
Повешены их пóсулы все были!

Второй

Да, царь в обиду не давал народ!
Бывало, сам выходит на крыльцо,
От всякого примает челобитье
И рядит суд; а суд его недолог:
Обидчик будь хоть князь иль воевода,
А уличен — так голову долой!

(Подходит Кикин, переодетый в странника, в черном подряснике, с палкою и четками в руках.)

Кикин

Так прежде было, сыне, прежде было!
Теперь не то! Теперь, грех наших ради,
Враг помрачил царевы очи. Ныне

Уже не царь, а Годунов всем правит,
Очами Годунова смотрит царь!

(Народ столпляется вокруг Кикина.)

Вы слышали, что́ говорил лабазник?
Хозяйское, мол, не свое добро!
А кто хозяин? Тот же Годунов!
Кто цены набивает? Годунов же!
Легко сказать! Четырнадцать алтын
Четверка ржи! Кабы не Годунов,
Она всего пошла бы два алтына!

(Ропот в народе.)

Ох, прогневили господа мы, братья!
Нам мука поделом! Глядим на грех,
Сложимши руки, а еретик тот
Меж тем царя обходит да обходит!

(Ропот усиливается.)

Господь недаром знаменье явил:
Кровавую, хвостатую звезду!
Чай, видели ее вы?

Один из народа

Как не видеть?

Другой

Котору ночь она восходит там,
Над тою башней!

Третий

Вот она сейчас
Взойдет опять, лишь небо потемнеет!

Кикин

Великий гнев господь являет ею!
То огненный подъят над нами меч
За то, что мы царя, а с ним всю землю
Еретику в обиду злому дали!

Первый

Отколе же то ведомо тебе?

Кикин

Скитаюсь, сыне, по святым местам;
Был в Соловках, и на горе Афонской,
В Ерусалиме был, всего наслышан,
Моря исплавал, земли исходил,
Кит-рыбу видел, птицу Евстрафиль,
И Алатырь, горючий белый камень!
Теперь иду от Киева; там чудо
Великое свершилось; со креста
Софийского был слышан велий глас:
Пророчил гибель русскому народу
За то, что терпит Годунова!

Первый

Братцы!
Вы слышите, что́ странник говорит!

Кикин

И глас вещал: восстаньте, христиане!
На Годунова чресла опояшьте,
Бо от него все беды на Руси!

Второй

Слышь, замечай! Все зло от Годунова!

Кикин

Так, сыне, так! Все зло от Годунова!
Он держит хлеб, он язвы насылает,
Он короля призвал на Русь, он хана
Поднять хвалился на Москву!

Третий

А, братцы?
Что ж, в самом деле? Если вправду он
Всему виной — мы порешим его!

Четвертый

Да вправду ль так?

Кикин

Воистину и вправду!
Грех, сыне, нам не верить в божий глас!

Пятый

Ты сам ли слышал, отче странник?

Кикин

Сам!
Как раз когда народ валил из церкви
От всенощной. Софийский крест в огне
Явился весь, и глас с него раздался.
Не я один, весь киевский народ
Ему внимал, и ниц все пали в страхе!

Третий

Ребята! Что ж? Когда весь Киев-город
Тот слышал глас, так, стало быть, уж правда!

Говор в народе

Вестимо, правда! Значит, Годунов
Изменник! Да! Изменник и колдун!
Он, стало, божий гнев на нас накликал!
Антихрист он!

Один из народа

Эй, что вы, братцы? Полно!
Грех вам его порочить!

Другой

Вправду грех!
Опричь добра о Годунове, братцы,
Мы не слыхали ничего!

Крики в народе

Вороны!
Что слушать их! Они за колдуна!
Крепки ли ребра? Бей того, кто будет
За вора говорить! Он хлеб наш держит!

Антихрист он! Всех наших бед заводчик!
Так порешим его! Чего тут ждать!

(Слышен голос Битяговского, поющего удалую песню.)

Битяговский *(поет за сценой)*

«Уж ты, пьяница-пропойца, скажи,
Что̀ несешь ты под полою, покажи?»

Первый

Кто там горланит? Что он на̀смех, что ли,
В такую пору песню затянул?

Битяговский *(является, шапка набекрень, кафтан нараспашку)*

«Из корчмы иду я, братцы, удалой,
А несу себе я гусли под полой!»

Кикин *(к Битяговскому)*

Великий грех в такую пору, чадо,
Когда на нас прогневался господь,
Когда являет знаменья на небе,
На землю ж глад и скорби посылает,
Великий грех нам суете служить,
Веселию мирскому предаваться
И суесловием и песнопеньем
Диавола во аде потешать.

Битяговский

Красно, товарищ, сказано! Жаль только,
Что невпопад! Когда ж и веселиться,
Коль не теперь? Аль не слыхали, братцы,
Какую милость нам господь явил?

Говор

Какую? Говори! Какую милость?

Битяговский

А вот, ребята, слушайте! Бояре
Князь Шуйский с Бельским — накажи их бог! —
Задумали — чтоб им на том свету

В смоле кипеть! — задумали царя
Отравой извести!

Говор

Слышь, слышь, ребята!

(Кикин делает знаки Битяговскому.)

Битяговский *(не обращая на него внимания)*

Господь греху не попустил свершиться!
Проведал их злодейство Годунов,
Да тот пирог, что для царя спекли,
Собаке бросил. Та его как съела —
Так и издохла!

Народ

Ах они злодеи!
Ах окаянные! Да кто, сказал ты,
Кто спас царя? Кто бросил псу пирог?

Битяговский

Вестимо кто! Боярин Годунов!
Кому ж другому? Он и днем и ночью
Блюдет царя! А без него давно
Проклятый Бельский с Шуйским извели бы
Весь царский корень!

Один из народа *(к Кикину)*

Что ж ты говорил,
Что Годунов изменник!

Кикин

Да, изменник!
Иль даром нам господь из-за него
И знаменья и голод посылает?

(Тихо Битяговскому)

С ума ты, что ль, сошел аль пьян напился?

Второй *(к Кикину)*

Какой же он изменник, коль царя
От смерти спас он?

Третий *(к Битяговскому)*

Полно, так ли, брат?
Вот странник слышал сам, как обличал
С креста глас божий Годунова!

Битяговский

Странник?
Какой? Вон этот? что ли? Ха-ха-ха!
Хорош он странник! Он Прокофий Кикин,
Рязанский дворянин! Мы с ним частенько
По кружалам таскались! Из Рязани
Он дале не ходил, как до Москвы.

(Ударяет Кикина по плечу.)

Прокофий Силыч, ты кого морочишь?
Вишь, нарядился Лазарем каким!

Кикин *(тихо к Битяговскому)*

Рехнулся ты?

Битяговский *(тихо к Кикину)*

Ты за кого стоишь?

Кикин *(тихо к Битяговскому)*

Как за кого? За Бельского! Ведь Бельский
Нас торговал!

Битяговский *(презрительно)*

Пораньше было встать!

Кикин

Так вот ты как, Иуда? Погоди-ка:
Я Бельскому скажу!

Битяговский

Небось, не скажешь!
Вязать его, ребята! Шуйский с Бельским
Его к нам подослали!

Кикин

Нет, неправда!
Его вяжите! Он от Годунова
Сюда подослан!

Народ

Кто их разберет!
Один из двух морочит нас! — Ребята!
Что долго думать! Вздернем их обоих! —
Зачем обоих! — Будет одного! —
Которого? — А первого! — Второго! —
Нет, первого!

(Слышен звон бубен. Григорий Годунов показывается верхом, с двумя бирючами. За ними валит новая толпа.)

Народ

Постой, ребята! Тише!
Боярин едет с бирючами! — Смирно!
Он говорить к нам хочет! Тише! — Слушать! —
Он говорит!

Григорий Годунов *(говорит с коня)*

Зареченские люди
Московских черных сотен и слобод!
Слуга царев, его боярин ближний,
Борис Феодорович Годунов,
Шлет вам поклон. Скорбя о вашей доле
И ведая все ваши тесноты,
Поветрие и ржи дороговизну,
Он хлебные запасы, на Москве
Какие есть, из собственной казны
Скупает все, и завтра приказал
Раздать их вам безденежно, а вас
Молиться просит о его здоровье!

Народ

Отец он наш! — Дай бог ему здоровья! —
Кормилец наш! — Слышь, Годунов нам даром
Хлеб раздает! — Спаси его господь! —
Воздай ему сторицей! — Да живет

Боярин Годунов! — А кто сказал,
Что он нам враг? — Кто подымал нас, братцы,
На Годунова? — Где он, вор-собака?
Да мы его на клочья разнесем!

(Кикин хочет бежать. Народ бросается на него с криком.)

Бей, бей его! Лови!

Битяговский *(заложа руки за пояс)*

Что, дурень, взял?
Вперед смотри, откуда ветер дует!

ВНУТРЕННИЕ ПОКОИ ЦАРЯ

Ночь. **Царица Мария Федоровна**, царевна **Ирина Федоровна** и **Мария Григорьевна Годунова** глядят в окно. На звездном небе вырезываются башни Кремля и церковные главы. Между церквами Благовещения и Ивана Великого видна комета.

Мария Годунова *(к Ирине)*

Золовушка, смотри, как далеко
Звезда свой хвост раскинула! Как раз
Над городом полнеба охватила!

Ирина

Она как будто ярче с каждой ночью
И больше все становится!

(Входит царевич Федор Иоаннович.)

Федор *(дергая Ирину за рукав)*

Оставь,
Аринушка! Довольно; отойди;
Глядеть на это долго не годится;
Оно ведь не к добру!

Царица *(к Федору)*

Где государь?
Ужели все на знамение смотрит?

Федор

Да, матушка. Стоит все на крыльце
И смотрит на звезду. Мне с ним хотелось
Заговорить, но страшно было. Он
Все молча смотрит, а кругом бояре
Очей поднять не смеют на него.

Царица *(задумчиво)*

Уже который вечер ходит он
Все на звезду смотреть!

Ирина

И каждый раз
Все пасмурней приходит, и ни слова
Не вымолвит!

Федор

Нерадостные вести
Его тревожат.

Ирина

Правда ли, что хан
Уж подошел к Оке?

Федор

Борис сказал,
Что точно правда. Страшно и подумать!
Я вот хотел бы к Троице пешком
Отправиться, молебен отслужить,
Да как спросить у батюшки, не знаю.

Ирина

Ах, господи! Беда со всех сторон!
Уж не за тем ли и звезда явилась?

Мария Годунова

Бог весть! Недавно привезли сюда
Волхвов и ворожей, которых царь
Собрать велел, чтобы они ему
Поведали, зачем она явилась.

Царица

Волхвов? Помилуй бог! Царь видел их?

Федор

Нет, матушка; но говорил Борис,
Что уж они гадали всем собором
И батюшке сегодня принести
Должны ответ.

Ирина

Он, говорят, послал
За схимником каким-то?

Федор

Да, Арина;
Я от Бориса слышал, что послал.
То муж святой. Уж тридцать слишком лет
Затворником живет он. У него
Царь-батюшка спросить совета хочет.

Царица

Дай бог, чтоб схимник дал ему совет!

Ирина

Дай господи! Зачем бы государю
Сбирать волхвов и на душу брать грех!

Федор *(озираясь)*

Ирина, тс! В сенях шаги как будто
Я батюшкины слышу!

Стольник *(поспешно отворяет дверь и говорит шопотом)*

Царь идет!

(Иоанн входит, опираясь одной рукою на посох, другою на плечо Бориса Годунова. За ним бояре.)

Иоанн *(к Федору и женщинам)*

Ступайте все сюда! Все подойдите
И слушайте!

(Садится.)

Я знамение понял!
Волхвы, которых я собрать велел,
Мне нового не скажут — сам я понял!

(Молчание. Федор тихонько подталкивает Ирину.)

Ирина *(боязливо к Иоанну)*

Царь-батюшка... дозволь тебя спросить,
Что́ понял ты?

Иоанн

Вы видите звезду?
Она мне смерть явилась возвестить!

Федор *(бросаясь на колени)*

Помилуй, батюшка! Помилуй, что ты!

Иоанн

Встань и не хнычь. Еще успеешь хныкать.
Сперва принять ты должен государство.
Встань, говорю тебе!

(Женщины подымают вопль.)

Молчите, бабы!
Успеете! Позвать ко мне врача!
Царица Марья — я с тобой намедни
Негоже говорил — забудь о том.
Сын Федор — ты в тяжелый, трудный час
Восходишь на престол — ты думал ли,
Что́ будешь делать, как меня не станет?

Федор

Царь-батюшка! Когда ты нас покинешь,
Не знаю, как и быть!

Иоанн

Ты должен знать!
Ты скоро царь. Не век на колокольне
Тебе звонить. Ты продолжать ли будешь
Войну, иль мир с Батуром учинишь?

Федор

Как, батюшка, прикажешь!

Иоанн

По грехам
Мне наказанье послано от бога!
Иван, Иван! Мой старший сын Иван!
Ты мне не так бы отвечал! — Врача!

(Входит врач Якоби.)

А, вот ты! Что? К чему мне послужила
Твоя наука? Умереть я должен!
Скажи, когда умру я? Говори!
Я знать хочу!

Якоби *(пощупав пульс)*

Великий царь, ты болен,
Но умирать тебе причины нет!

Иоанн

Неправда! я умру — я знаю верно!
Кровавая звезда — я разве слеп?
Я понял все!

Якоби

Когда своим ты мненьем,
Великий царь, себе не повредишь,
Ты будешь здрав. Тебе я головою
Готов за это отвечать.

Иоанн

Ты лжешь!
Тебя бояре подкупили; Курбский
И все мои злодеи подкупили,
Чтоб умер я без покаянья. А?
Кто подкупил тебя?

Якоби

Великий царь,
Твой мозг от долгих бдений раздражен

И кровь твоя воспалена. Дозволь
Тебе напиток на́ ночь приготовить;
Он освежит тебя.

Иоанн

Я не умру
Без покаянья! Слышишь? Я успею
Покаяться!

(К боярам)

Успею — вам назло!
Позвать волхвов! От них узнаю я,
Когда мой час прийдет. А до того
Я царь еще! Я наказать сумею
Того из вас, кто хочет, чтоб я умер
Как пес, без покаянья!

(Входят два волхва.)

Вот они!
Зачем вас только двое? Где другие?

1-й волхв

Все вместе, царь, мы в Рафлях и в Зодее
Три дня читали. Ныне наш собор
Нас двух к тебе с ответом присылает.

Иоанн

Ну — что же?

2-й волхв

Царь, нам страшно говорить!

Иоанн

Я знаю все. Мне смерть? Скажите прямо!

1-й волхв

Так, государь.

Иоанн

Когда?

1-й волхв

В Кириллин день.

2-й волхв

В Кириллин день — осьмнадцатого марта.

Иоанн *(про себя)*

Осьмнадцатого марта! Это скоро!
Я думал позже — я не ждал так скоро!

(К волхвам)

Откуда вы?

1-й волхв

Я родом из корелов.

2-й волхв

Я из Литвы.

Иоанн

А кто вас научил
Кудесничать и звезды толковать?

1-й волхв

Из рода в род к нам перешло от предков.

Иоанн

Вы христиане?

2-й волхв

Нас крестили, царь.

Иоанн

Проклятые! Вы знаете ль, что наша
Святая церковь ворожбы не терпит?

1-й волхв

По твоему лишь царскому указу
Гадали мы.

Иоанн

По моему указу
Волхвов казнят! Зловещие уста
Я вам живым велю землей засыпать!

2-й волхв

Мы не виновны, царь! Не наша власть
Из наших уст к тебе вещает.

Иоанн

Чья же?

1-й волхв

Не спрашивай.

2-й волхв

Не спрашивай нас, царь —
Ты знаешь сам.

Иоанн

Нет! Бог свидетель мне,
От власти той я отрекаюсь! Вас же,
Богоотступников, я выдам церкви!
Сковать обоих и с другими вместе
Отвесть в тюрьму!

(Волхвов уводят.)

Осьмнадцатого марта!
Немного дней осталось мне. Явиться
Перед судьей пришла пора. Но я
Не дам моим врагам торжествовать
И с миром все мои покончу счеты!

(К Годунову)

Борис! Сходи в опочивальню — там
На полице лежит, под образами,
Начатый мной синодик. Принеси
Его сюда.

(Годунов уходит. Иоанн продолжает, косясь на бояр.)

Ни одного из тех,
Которых я казнил за их измены,
Я не оставлю без поминовенья —
Ни одного! Последнему холопу
Назначу вклад за упокой! — Что, взяли?

(Годунов возвращается с бумагою.)

Поди сюда. Так. Это тот синодик.
Прочти мне вслух — возьми перо — и если
Кого-нибудь еще припомню я,
Того ты впишешь!

Годунов *(берет перо и читает)*

«Упокой, господь,
Твоих рабов: боярина Михайлу,
Окольничих Ивана и Петра,
Боярина Василия с женою,
Да их холопей тридцать человек.
Помилуй воеводу князь Григорья
С княгинею, с двумя их дочерьми,
Да с малолетним сыном, а при них
Холопей их сто двадцать человек.
Боярина князь Якова с княгиней
Марией, с княжной Елисаветой,
С княжатами с Никитой и с Иваном,
Да их холопей сорок человек.
Игуменов Корнилия, Васьяна,
Архиерея Леонида, с ними ж
Пятнадцать иноков...»

Иоанн

Постой — пятнадцать?
Их было боле — двадцать напиши!

Годунов *(пишет и продолжает)*

«Помилуй, господи, и упокой
Крестьян опальных сел и деревень
Боярина Морозова, числом
До тысячи двухсот! Трех нищих старцев,
Затравленных медведем. Девять женок,
Что привезли из Пскова. Всех сидельцев,

Которые сдалися королю
И были им отпущены на волю,
Числом две тысячи... Новогородцев,
Утопленных и избиенных,
Двенадцать тысяч, их же имена
Ты веси, господи!..»

Иоанн

Постой! — За дверью
Там кто-то говорит!

(Бельский выходит и тотчас возвращается.)

Бельский

Дворецкий твой
Из слободы приехал, государь.

Иоанн

Об эту пору? Ночью? Что случилось?
Позвать его!

(Входит дворецкий.)

Зачем приехал ты?

Дворецкий

Царь-государь! Гнев божий нас постиг!
Вчерашнего утра в твой царский терем
Ударил гром и сжег его дотла!

Иоанн

Теперь? Зимой?

Дворецкий

Гнев божий, государь!
В морозное, безоблачное утро
Нашла гроза. В твою опочивальню
Проникла с треском молонья — и разом
Дворец вспылал. Никто из старожилов
Того не помнит, чтоб когда зимою
Была гроза!

Первая постановка „Смерти Иоанна Грозного“ (1867).

Рисунки костюмов акад. В. Шварца.

1-й волхв.

Иоанн *(про себя)*

Да! Это божий гнев!
В покое том я сына умертвил —
Там он упал — меж дверью и окном —
Раз только вскрикнул, и упал — хотел
За полог ухватиться, но не мог —
И вдруг упал — и кровь его из раны
На полог брызнула —

(Вздрогнув)

Что это было?
Борис — оставь, оставь теперь синодик —
Мы после кончим! Слышите? Что там
Скребет в подполье? Слышите? Еще!
Еще! Все ближе! Да воскреснет бог!
Я царь еще! Мой срок еще не минул!
Я царь еще — покаяться я властен!
Ирина, Федор, Марья! Станьте здесь —
Друг подле друга! Ближе, так, бояре!
Все рядом станьте здесь передо мной —
Чего боитесь? Ближе! Я у всех,

(кланяется в землю)

У всех у вас прощения прошу!

Бельский *(тихо к Шуйскому)*

Помилуй нас господь!

Шуйский *(тихо к Бельскому)*

Остережемся —
Быть может, он испытывает нас!

Иоанн *(стоя на коленях)*

Вы, верные рабы мои и слуги!
Меж вами нет ни одного, кого б
Не оскорбил я делом или словом!
Простите ж мне! Ты, Бельский,— ты, Захарьин,—
Ты, князь Мстиславский,— ты, князь Шуйский,—
Ты...

Шуйский

Помилуй, государь! Тебе ль у нас
Прощения просить?..

Иоанн

Молчи, холоп!
Я каяться и унижаться властен
Пред кем хочу! Молчи и слушай: каюсь:
Моим грехам несть меры ни числа!
Душою скотен — разумом растлен —
Прельстился я блещаньем багряницы,
Главу мою гордыней осквернил,
Уста божбой, язык мой срамословьем,
Убийством руки и грабленьем злата,
Утробу объядением и пьянством,
А чресла несказуемым грехом!
Бояре все! Я вас молю — простите,
Вы все простите вашему царю!

(Кланяется в землю.)

Захарьин

Царь-государь! Когда то божья воля,
Чтоб ты от мира в вечность отошел,
Ты о делах теперь подумать должен
И о войне, которую оставишь
В наследство сыну, а грехи твои
Мы все тебе усердно отпускаем
И господа все молим за тебя!

Иоанн *(вставая)*

Ты прав, старик. Сын Федор, подойди!
Немного дней — и ты на царство сядешь —
Услышь теперь последний мой наказ:

(Опускается в кресла.)

Цари с любовию, и с благочестьем,
И с кротостью. Напрасно не клади
Ни на кого ни казни, ни опалы.
Моим врагам, которыми от царства
Я прогнан был и, аки бедный странник,

Искал себе приюта на Руси,
Не мсти по мне — всевышний нас рассудит!
Мою царицу, мачеху твою,
Блюди и милуй; с Дмитрием же, с братом,
Будь за-один; не захоти никак
Присвоивать себе его удела,
Зане же Каин Авеля убил,
Наследства же не взял братоубийца.
Войну с Литвой старайся кончить миром
И силы все на хана устреми.
Советуйся с Борисом; верь ему;
Он ведает мои предначертанья
И в думном деле мной самим от млада
Был вразумлен. На первый раз тебе
Он делатель изрядный будет. После ж
Делам посольским, ратным и судейским
Сам навыкай, чтоб не тебе другие,
А ты б другим указывал во всем.
Опричнину ж ты снова ль учредишь,
Иль будешь всей землею государить —
В твоей то воле — ты рассудишь сам,
Как то тебе и брату прибыльнее,
А образец вам учинен готов.
Ты все ли понял?

Федор

Батюшка! Даст бог,
Ты не умрешь! Даст бог, еще меня ты
Переживешь молитвами моими!
А мне куда на царство? Сам ты знаешь,
Я не готовился к тому!

Иоанн *(гневно)*

Федор!
Тебя не спросят: нелюбо иль любо —
Ты за меня на царство должен сесть,
Когда меня не станет!

Федор

Не гневись,
Царь-батюшка — но я молю тебя —

Поставь другого! Мало ль на Руси
Людей меня достойнейших и лучших,
А я, царь-батюшка, доволен был бы
И небольшим уделом!

Иоанн

Пономарь!
Я говорю с тобой как с мужем, ты же
Как баба отвечаешь! Горе! Горе!
Сыноубийце мстит за брата брат!
Иван, мой сын! Мой сын, убитый мною!
Я для того ль всю жизнь провел в борьбе,
Сломил бояр, унизил непокорство,
Вокруг себя измену подавил
И на крови наследный мой престол
Так высоко поставил, чтобы вдруг
Все рушилось со мной!

(Григорий Нагой входит с бумагами.)

Гр. Нагой

Великий царь,
Две граматы к тебе!

Иоанн

Отдай Борису —
Пусть он прочтет!

Годунов *(просмотрев обе граматы)*

Из Серпухова пишут,
Великий государь, что чрез Оку
Переправляться хан уж начинает;
А из Казани, что кругом восстала
Вся Луговая Черемиса вместе
С ногаями.

Иоанн

Нет! Столько разом бед
Упасть не может на одну главу!
Не верю! Нет! Подай сюда листы!

(Годунов подает ему граматы; он долго в них смотрит, роняет и остается недвижим. Молчание. Входит стольник и шепчет на́ ухо Бельскому.)

Бельский *(к Иоанну)*

Великий царь! К тебе пришел тот схимник,
Которого ты привести велел.

Иоанн *(вздрогнув)*

Впустить его. Вы все ступайте прочь —
Я с ним хочу наедине остаться.

(Все выходят.)

Иоанн *(один)*

Всевышний боже! Просвети мой разум!

(Остается погружен в размышления. Через несколько времени входит схимник. Иоанн встает и преклоняет пред ним главу.)

Благослови меня, отец!

Схимник *(благословляет его)*

Во имя
Отца и сына и святого духа!

Иоанн *(садясь)*

Я много слышал о тебе. Ты долго
Затворником живешь. В глубокой келье
Свой слух и зренье суете мирской
Ты заградил. Таким мужам, как ты,
Господь дарит чудесное прозренье
И их устами истину гласит.

Схимник

Так, сын мой; есть в Минеях Четиих
Тому примеры; но до тех мужей
Мне далеко.

Иоанн

Давно ты схиму принял?

Схимник

В тот самый год, когда ты, государь,
Казань завоевал; а сколько лет
Тому прошло — не ведаю.

Иоанн

Тому
Уж тридцать лет. И с самой той поры
Ты заперся от мира?

Схимник

Я сегодня
Его увидел снова в первый раз.
Из подземельной келии моей
Меня насильно вывели.

Иоанн

Прости,
Святой отец, что потревожил я
Твое уединенье и молитвы.
Но мне был нужен твой совет. Скажи,
Наставь меня, как отвратить мне гибель
От всей земли и от престола?

Схимник

Гибель?
Какую гибель?

Иоанн

Разве ты не знаешь?

Схимник

Не знаю, сын мой. Вести до меня
Не доходили.

Иоанн

Отче, за грехи
Господь меня карает. Королю
Он одоленье надо мной послал —
Ливонию воюют шведы — хан

Идет с ордою на Москву — ноган
И черемисы бунтом восстают —
Что делать мне?

Схимник

Великие ж с тех пор
Настали перемены! Ты в то время
Врагам был грозен. Ты стоял высоко,
Никто не смел подняться на тебя;
Мы ж знаменье не раз воспоминали,
Которым, при рождении твоем,
Свидетелями были: в самый час,
Как ты рождался, гром ударил в небе,
Весь день гремел при солнечном сияньи,
И было так по всей Руси; и много
Отшельников пришло из разных стран
Предвозвестить тебе твое величье
И колыбель твою благословить.

Иоанн

Так, мой отец. И милостив был долго
Ко мне господь; но ныне от меня
Свою десницу отнял он. Престол мой
Шатается; враги со всех сторон
Меня теснят!

Схимник

Пошли навстречу им
Твоих вождей. Довольно у тебя
Есть воевод. Они тебе привыкли
Языцей покорять.

Иоанн

Святой отец,
Вождей тех нет, которых ты знавал!

Схимник

Ни одного? А где ж Горбатый-Шуйский,
Князь Александр Борисович, который
Разбил на Волге князя Япанчу?

Иоанн

Он изменил мне — и казнен.

Схимник

Горбатый?
Он верный был тебе слуга. А где
Князь Ря́половский, тот, что столько славных
Побед над ханом одержал?

Иоанн

Казнен.

Схимник

А Федоров, конюший твой, который
В земле Рязанской сокрушил орду
И полонил царевича Мамая?

Иоанн

Он мной убит за то, что захотел
Похитить у меня престол мой.

Схимник

Царь,
В твоих речах я истины не слышу!
Все те мужи тебе служили верно —
Я знал их всех. Но у тебя остался
Боярин князь Михайло Воротынский?
Когда Казань мы брали, первый он
Крест водрузил на вражией стене;
Врагам он ведом!

Иоанн

Он на пытке умер.

Схимник

Князь Воротынский? — Царь! — А где же Пронский
Князь Турунтай, который в славной битве
Под Полоцком Литву разбил?

Иоанн

Утоплен.

Схимник

Да будет милостив к тебе господь!..
Но Курбский, князь Андрей Михайлыч, твой
Сподвижник добрый в славный день казанский?

Иоанн

Не спрашивай о нем! Меня он бросил —
Мне изменил — и ко врагам моим
Ушел в Литву.

Схимник

В былое время, помню,
Тебя любили; от тебя никто
Не уходил; из дальних стран стекались
Тебе служить. Но где ж князья Щербатый,
Щенятев? Оболенский?

Иоанн

Мой отец,
Не называй их — их уж нет.

Схимник

А Кашин?
А Бутурлин? Серебряный? Морозов?

Иоанн

Все казнены.

Схимник

Как? Все до одного?

Иоанн

Все, отче — все.

Схимник

Всех погубил ты?

Иоанн

Всех.

(Молчание.)

Я каялся, отец мой. Мне недолго
Осталось жить — я должен умереть —
И срок уж мне назначен.

Схимник

Кто тебе
Назначил срок?

Иоанн

Не спрашивай, отец мой —
Не спрашивай — но вразуми меня,
Как царство мне спасти?

Схимник

Когда б ты не был
И слаб и хвор, я бы сказал тебе:
Встань, государь! И за святое дело
Сам поведи на брань свои полки!
Но ты согбен недугом — я в тебе
Не узнаю воителя Казани,
И должен ты другому воеводство
Свое вручить, такому, чье бы имя
Одушевило Русь. Твой сын Иван
Теперь быть должен возмужалый воин —
Пошли его.

Иоанн *(быстро вставая)*

Монах! Ты для того ли
Его назвал, чтоб издеваться, мне?
Ты смел назвать Ивана? Я тебе
Велю язык твой вырвать!

Схимник

Царь, твой гнев
Не страшен мне, хотя и непонятен.
Уже давно я смерти жду, мой сын!

Иоанн *(садясь)*

Прости меня! Прости, отец святой!
Но неужель ты ничего не слышал?
Ужель в твою обитель никакая
Весть не проникла?

Схимник

Дверь в мою обитель
До дня сего заделана была,
И проникал в глухое подземелье
Лишь дальний гул господней непогоды
Да слабый звон святых колоколов.

Иоанн

Отец мой — я исполнить не могу
Совета твоего — мой сын Иван —
Преставился!

Схимник

Кто ж твой наследник ныне?

Иоанн

Второй мой сын, Феодор; но и телом
И духом слаб он. Нечего и думать
Ждать от него пособия иль дела!

Схимник

Тогда — у бога помощи проси!

Иоанн

И никакого наставленья боле
Ты мне не дашь?

Схимник

Царь, прикажи меня
Отвесть обратно в келию мою.

Иоанн *(вставая)*

Святой отец, молися за меня!

Схимник

Всемилостивый бог да ниспошлет
Мир совести твоей!

Иоанн *(провожает схимника и, отворив дверь, говорит)*

Святого старца
Отвесть опять в его обитель! Вы же
Все можете войти!

(Федор и бояре входят.)

Иоанн *(садится и говорит, помолчав)*

Мстиславский! Бельский!
Захарьин! Годунов! Целуйте крест,
Что будете Феодору служить
До смерти и до крови! — Ты ж, Феодор,
Им четверым доверься. Ничего
Не начинай без их совета. Если ж
Господь дозволит, чтобы князь Иван
Петрович Шуйский уцелел во Пскове,
Он будет пятый. Им я завещаю
С тобою вместе Русью управлять!

(Подает им свой нагрудный крест.)

Целуйте крест!

Мстиславский, Захарьин, Бельский и Годунов *(прикладываясь ко кресту)*

Целуем, государь!

Иоанн

Послов в Литву отправить сею ж ночью
И добрый мир, во что бы то ни стало,
Хотя на срок с Батуром учинить.
«Челом-де бью возлюбленному брату
Стефану королю» — и полный титул
Весь прописать его, в конце ж назвать
Владетелем ливонским — так он хочет —
«Землею-де Ливонской бью челом

Возлюбленному брату и прошу
Оставить мне один лишь город Юрьев,
А достальное будет все его!»
Ему же уступаю города:
Велиж, Усвят, Озерище и Полоцк,
Изборск, Себеж, Холм, Заволочье, Остров,
Гдов, Невель, Луки, Красный и другие
Все города, им взятые у нас!

(Ропот между боярами.)

Захарьин

Помилуй, государь! Такое стыдно
Нам заключать условье!

Мстиславский

Государь!
Вели нам всем итти на бой с Батуром,
Лишь не вели срамиться нам!

Бельский

Дозволь,
Великий царь, мы все именье наше
Пожертвуем!

Все бояре *(говорят наперерыв)*

Все ляжем за тебя!
Всё продадим! Заложим земли наши!
До смерти постоим! Прольем до капли
Всю нашу кровь! Умрем до одного!
Лишь наших русских, кровных городов
Не прикажи нам отдавать!

Иоанн

Молчите!
Я разве рад тому? — Нельзя иначе!
Забыли вы, что хан уж под Москвой?
Что черемисы поднялись? Что шведы
Грозят итти на Новгород?

Захарьин

Но, царь,
Псков наш еще! Доколе он не сдастся,
Батур не может тылом стать к нему!
Он дале не пойдет! В его полках
Мятеж и мор, безденежье и голод —
Пожди еще — пожди — и скоро он,
Осаду сняв, уйдет и все свои
Завоеванья нам отдаст!

Иоанн

Нельзя!
Нельзя мне ждать! Кровавая звезда
Меня зовет! От Федора же боле
Еще Батур потребует! Нельзя!

Бельский

Но, государь, ты слышишь: бунт, и голод,
И мор в их войске! Неужель теперь,
Теперь — когда напором дружным можно
Их разгромить — мы им уступим столько
Владений русских?

Иоанн

Нам не победить!
Забыли вы, что не ему, а мне
Вон та звезда погибель предвещает?

Захарьин

Царь-государь! Когда б и в самом деле
Ты сам погиб — зачем же хочешь ты
И Русь еще губить с собой?

Мстиславский

Зачем
Унизить хочешь нашу честь?

Иоанн *(гордо)*

Когда,
Мои грехи пред смертью искупая,

Я унижаюсь — *я*, владыко ваш, —
Тогда не вам о вашей чести думать!
Ни слова боле! — Шуйский! ты к рассвету
Мне грамату к Батуру изготовишь,
А Пушкину с товарищи велишь,
Чтобы, чем свет, они сбирались ехать;
Чтобы они в своих переговорах
Вели себя смиренно, кротко, тихо,
Чтобы сносили брань и оскорбленья
Безропотно — чтоб всё сносили — всё!

Бояре

Нет, государь! Нет! Этого нельзя!
Ты в наших головах, в именье нашем,
Во всем волён! Но в нашей земской чести
Ты не волён! Нет, государь! Такого
Никто наказа не подпишет!

Иоанн *(вставая)*

Так-то
Присягу бережете вы свою?
Так помните Писанье? В оный день,
Когда хотел с престола я сойти,
Зачем меня собором вы молили
Остаться на престоле? Иль в тот день
Я власть от вас условную приял?
Иль я не тот же царь, который вам
От бога дан и вами ж избран снова?
Иль есть у вас иной ответ, как только
Повиноваться мне? Или, быть может,
Так мало дней осталося мне жить,
Что уж не стоит мне повиноваться?
Клятвопреступники! Мой срок не минул!
Я царь еще! Кто смеет говорить,
Что я не царь? Ниц! В прах передо мною!
Я ваш владыко!..

(Шатается.)

Годунов *(подхватывая его)*

Государю дурно!
Позвать врачей!

Иоанн *(поддерживаемый Годуновым)*

Под страшной смертной казнью,
Послов немедля снарядить! Велеть им,
Чтоб всё сносили — всё терпели — всё —
Хотя б побои!

(Бояре удаляются.)

Боже всемогущий!
Ты своего помазанника видишь —
Достаточно ль унижен он теперь!

Василию Петровичу
Боткину
от Автора

СМЕРТЬ ІОАННА ГРОЗНАГО,

ТРАГЕДІЯ

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Графа А. К. ТОЛСТАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1866.

Обложка первого издания „Смерти Иоанна Грозного“.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ДОМ ГОДУНОВА

Годунов и жена его провожают с поклонами царевича Федора.

Годунов

Прости ж, царевич! Много благодарны
Тебе за честь! Да не кручинься боле!
Ты видишь — вот Кириллин день настал,
Беды ж с собою не принес: напротив,
Сегодня стало государю легче,
И добрые всё вести к нам пришли:
Царев гонец успел его посольство
Вернуть назад; разлив мешает хану
Прейти Оку; а что король со Пскова
Осаду снял, та весть еще и прежде
Оправила царя! Пожди немного,
И скоро здрав он будет.

Мария Годунова

Государь,
Куда ж спешишь ты? Я ведь и закуской
Попотчевать тебя-то не успела!

Федор

Уволь, невестушка! Хотя и легче
Сегодня стало батюшке-царю,
А все на сердце как-то неспокойно.
Вся на тебя моя надежда, шурин;
Не отрекись от слова своего;
Когда бы что, не дай господь, случилось,

Я буду как в лесу! Тогда уж ты мне
Указывай, что делать!

Годунов

Я, царевич,
Тебе слуга и верный твой холоп;
Но если б что случилось, посмотри:
Мне не дадут тебе служить; все будут
Меня чернить!

Федор

Я не поверю им!
Отец тебя мне слушаться велел,
И на тебя во всем я положуся.
Прости ж, Борис! Прости же, дорогая
Невестушка! Прошу не провожать!

(Уходит, сопровождаемый Годуновым.)

Мария *(одна)*

О, господи! Когда бы этот день
Скорей прошел! Что муж ни говори,
А сам он неспокоен. Мне ж всю ночь
Каменье драгоценное все снилось
И крупный жемчуг — и руками царь
Все рылся в нем и яхонты, любуясь,
Пересыпал. К беде, а не к добру
Такие сны!

(Задумывается.)

Годунов *(возвращается и смотрит на нее)*

Мария, что с тобою?

Мария

Прости меня. Мне страшен этот день!
Ворожеи...

Годунов

Ворожеи солгали:
Царь стал бодрей. Я видел сам его.

Мария

Однако если б — если б не солгали
Ворожеи?

Годунов *(понижая голос)*

Когда бы то случилось —
Скажи, Мария — мы теперь одни —
Ужели б ты?..

Мария

Нет, господин мой, нет!
Не за него, а за тебя мне страшно!

Годунов

Как? За меня?

Мария

Не говорил ли Федор,
Что если что случится, он не знает,
Как быть ему? Что должен будешь ты
Ему во всем указывать? Борис!
Что, если вдруг сегодня на тебя
Падет вся тягость государства? Если
За мятежи, за голод, за войну,
За все, за все перед землею будешь
Ты отвечать?

Годунов

Когда бы в самом деле
Случилось то, чего боишься ты,
Не слабою рукою б я тогда
Приял бразды! Не власти я страшуся,
Я чувствую в себе довольно силы
Русь поддержать в годину тяжких бед!
Нет, я страшусь, что выпадет на долю
Неполная мне власть. Правитель царства,
Каков ни будь, он тень лишь государя;
Он с завистью других бороться должен,
И мысль свою не может воплотить
Заветную, всецельно, без ущерба,

Как мог бы я, когда бы не в подданстве,
А на престоле был рожден!

Мария

О, будем
Мы господа благодарить за то,
Что не высоко рождены. Ужасен
Ответ царей!

Годунов

А этого царя
Ответ еще ужасней будет. Но
Напрасно ты тревожишься. Недуг
Его прошел, и много лет, быть может,
Еще пройдет, пока ему прийдется
Свой дать ответ.

Мария

Ты неспокоен сам!

Годунов

Спокоен я — все к лучшему — солгали
Ворожеи. Поди к себе, Мария,
Оставь меня; мне дело есть.

(Мария уходит. Годунов отворяет боковую дверь и впускает двух скованных волхвов. Потом садится и смотрит на них молча.)

Годунов *(значительно)*

Сегодня
Кириллин день, осьмнадцатое марта!

1-й волхв

Так, государь.

Годунов

Царю сегодня лучше.

2-й волхв

Спаси его господь.

Годунов

Вы, стало быть,
Ошиблися, когда ему сегодня
Кончину предсказали?

1-й волхв

Что мы в звездах
Прочли, то и сказали.

Годунов

Отчего же
Так скоро спал с него недуг?

1-й волхв

Не знаем;
Но долог день, и солнце не зашло.

(Молчание.)

Годунов

А обо мне, как я вам указал,
Гадали вы?

1-й волхв *(озираясь)*

Гадали, государь.

Годунов

Вы можете здесь говорить открыто —
Нас не услышат. Что узнали вы?

1-й волхв

Сплетаются созвездия твои
С созвездьями венчанных государей,
Но три звезды покамест затмевают
Величие твое. Одна из них
Угаснет скоро.

Годунов

Говори яснее!

1-й волхв

Чем дале путь твой стелется, тем шире,
Тем ярче он.

Годунов

Куда он приведет?

2-й волхв

Чего давно душа твоя желала,
В чем сам себе признаться ты не смел —
То сбудется.

Годунов

Волхвы! Скажите прямо,
Чтó ожидает в будущем меня?

Оба волхва *(становятся на колени)*

Когда на царский сядешь ты престол,
Своих холопей помяни, боярин!

Годунов *(вставая)*

В уме ли вы!

1-й волхв

Так выпало гаданье.

Годунов

Тс! Тише! Тише! Стены нас услышат!

(Подходит к дверям, осматривает их и останавливается перед волхвами.)

Кудесники! Когда б я мог подумать,
Что вы теперь морочите меня,
Для вас на свет бы лучше не родиться!

1-й волхв

Мы говорим, чтó видим. Мы читали
В небесных знаках; прочие ж на кровь
И дым гадали, и во мгле туманной

Все на престоле видели тебя
В венце и в царских бармах...

Годунов

Тише, тише!
Когда случится то, что вы сказали?

1-й волхв

Когда — не знаем.

Годунов

Много ли мне лет
Царить прийдется?

2-й волхв

Твоего царенья
Семь только будет лет.

Годунов

Хотя б семь дней!
Но чем достигну я верховной власти?

1-й волхв

Не ведаем.

Годунов

Кого бояться мне?

2-й волхв

Не спрашивай.

Годунов

Я знать хочу, кто главный
Противник мой?

1-й волхв

Темны его приметы.

Годунов

Скажите их!

1-й волхв

Он слаб, но он могуч.

2-й волхв

Сам и не сам.

1-й волхв

Безвинен перед всеми.

2-й волхв

Враг всей земле и многих бед причина.

1-й волхв

Убит, но жив.

Годунов

Нет смысла в сих словах!

1-й волхв

Так выпало гаданье. Боле знать
Нам не дано.

Годунов

С меня пока довольно.
В темницу вас обратно отведут;
Я ж во-время вас выпустить велю
И награжу по-царски. Но смотрите!
Приказываю вам под смертной казнью
Самим забыть, чтó вы сказали мне!

(Отворяет дверь, волхвы уходят.)

Годунов *(один)*

«Чего давно душа моя желала,
В чем сам себе признаться я не смел!»
Да, это так! Теперь я вижу ясно,
Какая цель светила мне всегда!
Теперь вперед, вперед итти мне надо
И прорицанье их осуществить.
Нас не судьба возносит над толпою,
Она лишь случай в руки нам дает —

И сильный муж не ожидает праздно,
Чтоб чудо кверху подняло его.
Судьбе помочь он должен. Случай есть —
И действовать приходит мне пора!

(Топает ногой. Входит дворецкий.)

Позвать сюда которого-нибудь
Из государевых врачей!

(Дворецкий уходит.)

Семь лет!
Семь только лет! И ведать не дано мне,
Далек тот день иль близок? Между тем
Часы бегут. Безумьем Иоанна
Все рушится — и для моей державы
Готовятся развалины одни...
«Но солнце не зашло еще!» — сказали
Сейчас волхвы... Кто знает? Может быть!..
Умри сегодня этот зверь, сегодня ж
Мой слабодушный деверь власть свою
Мне передаст — *я* буду господином!..
Но то ли мне волхвы сулили? Нет!
Они в венце и в бармах, на престоле,
В венце и в бармах видели меня!
Они сказали: «Три звезды покамест
Мое величье затмевают — три!»
Одна из них — то Иоанн, другая —
Царевич Федор, третья — кто ж иной,
Как не Димитрий? Тот противник сильный,
Которого бояться должен я,
Кому ж и быть ему, как не младенцу
Димитрию? Он, он преграда мне!
«Слаб, но могуч — безвинен, но виновен —
Сам и не сам» — оно как раз подходит
К Димитрию! Но что могло бы значить:
«Убит, но жив»? Как дико мне звучит
Зловещее, загадочное слово:
«Убит, но жив»! Кем будет он убит!
Не может быть! А если б кто и вправду
Решился руку на него поднять,
То как ему, убитому, воскреснуть?

Я словно в бездну темную гляжу,
Рябит в глазах и путаются мысли...
Довольно! Прочь бесплодные догадки!
Жив иль убит — судьба его в грядущем,
Мне ж дорог ныне настоящий миг!

(Входит дворецкий.)

Дворецкий

К тебе пришел, боярин, царский дохтур.

Годунов

Пускай войдет!

(Входит Якоби.)

Роман Елиазарыч,
Я за тобой послал, чтоб ты подробно
Поведал мне, насколько государю
Сегодня легче? Можно ль уповать,
Что миновалась для него опасность?

Якоби

Его болезнь, боярин, многосложна:
Не плоть одна страдает — болен дух.
От юности привыкший, чтобы всё
Перед его державной гнулось волей,
Последнего не мог он униженья
Перенести. Но добрые его
Оправили и ободрили вести.
И будет здрав он, если нам удастся
От раздражений охранить его.

Годунов

А если бы, не дай бог, чем-нибудь
Он раздражился?

Якоби

Мы бы не могли
Тогда ответить ни за что. Сосуды,
Которые проводят кровь от сердца
И снова к сердцу, так напряжены,

Что может их малейшее волненье
Вдруг разорвать.

Годунов

Но чем же помешать нам,
Чтоб как-нибудь не опалился он?

Якоби

Все случаи волненья и досады
Во что б ни стало надо удалить.
Пусть только то и видит он и слышит,
Что развлекать его способно.

Годунов

Как
Оставил ты его?

Якоби

Он после ванны
Прилег заснуть, но ключнику велел,
Чтобы меж тем в соседнюю палату
Сокровища из главной кладовой
Перенесли, дабы, по пробужденьи,
Осматривать их мог он. Близ него
Остался мой товарищ, Ричард Эльмс.

Годунов

Вы трудное условье положили
Для исцеленья царского недуга —
Вы знаете царя!

Якоби

Боярин Бельский,
Чтоб от забот и дел его отвлечь,
Собрал толпу шутов и скоморохов.
Мысль недурна. Пусть в играх этот день
Пройдет и в смехе.

Годунов *(встает)*

Мы стараться будем
Исполнить наставления твои.

Якоби

Прости, боярин.

(Уходит. Годунов топает ногой. Входит дворецкий.)

Годунов

Здесь ли Битяговский?

Дворецкий

Здесь, государь.

Годунов

Пошли его сюда.

(Дворецкий уходит и вскоре впускает Битяговского.)

Годунов

Что деется в народе?

Битяговский

Слава богу.

Годунов

На Шуйского и Бельского они
Озлоблены ль как надо?

Битяговский

Так и рвутся.

Годунов

И, стало быть, подымутся на них,
Когда мы захотим?

Битяговский

Коли б не прежде.

Годунов

Ты должен быть готов перед царем
Свидетелем предстать, что возмущенье
Нагие подготовили.

Битяговский

Могу.

Годунов

И присягнуть, что слышал ты своими
Ушами, как холопей подсылали
Они в народ.

Битяговский

Зачем не присягнуть!

Годунов

Будь у меня сегодня под рукою;
Быть может, ты понадобишься мне;
Теперь ступай!

(Битяговский уходит.)

Годунов *(один)*

Я больно ошибаюсь,
Иль многое решится в этот день!

(Уходит.)

БОГАТАЯ ПАЛАТА ВО ДВОРЦЕ

Слуги вносят и расставляют драгоценную утварь. За ними надзирают дворецкий и ключник.

Дворецкий *(к слугам)*

Живей! Живей! Кончайте поскорей!
Сейчас проснуться государь изволит!

Ключник *(к дворецкому)*

Скажи, пожалуй, для чего он рухлядь
Сбирается смотреть?

Дворецкий

Да говорят,
Невесте хочет зá море подарки
Отправить.

Ключник

Как? Он разве не раздумал
На ней жениться?

Дворецкий

Да, раздумал было,
Да вот сегодня, кажется, опять
За прежнее взялся. Вишь, много легче
Сегодня стало милости его!

Ключник

Ну, как он знает! Жаль царицы Марьи
Феодоровны! Добрая царица!

Дворецкий *(смотрит в окно)*

Народу-то! Народу-то! Кишмя
Так и кишат!

Ключник

Да! Уж который день
У теремов с утра они толпятся:
Всё о здоровье царском узнают!

Дворецкий

Ну, слава богу! Видно, обманулись
Ворожеи! Кириллин день настал,
А государю легче!

(К слугам)

Что? Готово?

Ключник *(смотрит в список)*

Всё налицо!

Дворецкий *(к слугам)*

Ну, с богом! Уходите!

(Слуги уходят.)

Вишь, как статьи подобраны под ряд!
Чего тут нет! Каменьев самоцветных,

И золота, и шелку, и парчи!
Так вся палата и горит!

Ключник

Тс! Кто-то
Идет сюда!

Дворецкий

Ах, господи, не царь ли?

(Входит Бельский.)

Ключник

Нет, это Бельский.

Бельский

Все ль у вас готово?

Дворецкий

Все, государь.

Бельский

Сейчас изволит царь
Пожаловать. Смотрите же, чтоб он
Остался всем доволен; чтоб ему
От нас досады в чем не приключилось!
Врачи сказали: боже сохрани
Его прогневать чем-нибудь сегодня!

(Слышен хохот.)

Кто там хохочет?

(Входит шут. За ним толпа скоморохов в странных нарядах, с гудками, волынками, сковородами и разной звонкой посудой.)

Шут *(к Бельскому)*

Дядюшка Богдан!
Я хоровод тебе привел! Послушай!

Скоморохи *(с пляской)*

Ой, жги, жги, жги!
Настежь, баба, ворота!
Тащи козла за рога!

Ой, жги, жги, жги!
Пошла баба в три ноги!

Шут

Ну что? как нравится тебе?

Бельский *(осматривает скоморохов)*

Изрядно!
Смотрите ж, хари! Пяток не жалеть!
Перед царем вертеться кубарями!
Теперь пока ступайте в ту палату,
Там спрячьтеся. Когда я крикну: *Люди!* —
Вбегайте все, да эту песню гряньте
Повеселей!

(Скоморохи проходят через сцену в боковую дверь.)

Бельский *(к шуту)*

Ты около царя
Все время будь — гляди ему в глаза —
И только лишь он брови понахмурит —
Ты шутку выкинь посмешней!

Шут

Да! Выкинь!
Не хочешь ли сам выкинуть? А он
Тебя в окошко выкинет!

(Дверь отворяется.)

Вот он!
Поди шути!

(Иоанна вносят на креслах. Он в халате; лицо его изнурено болезнью, но выражает торжество. Кресла опускают среди палаты и перед ними ставят небольшой треугольный стол. За Иоанном входят Годунов, Мстиславский, Шуйский и другие бояре, кроме Захарьина.)

Иоанн *(сидя в креслах, к Годунову)*

Нельзя еще сегодня
Нам видеть королевина посла.

Пусть завтра к нам он, без меча и корда,
Откланяться придет. В опочивальне
Мы примем запросто его. Теперь же
Посмотрим, что́ назначить нам в подарок
Сестре Елисавете да ее
Племяннице, невесте нашей!

Бельский

Вот
Из Персии, великий государь,
Узорочие разное. Быть может,
Оно пригодно королеве?

Иоанн

Нет,
Тряпьем ее не удивишь. Обычай
Ее не бабий. Писемский нам пишет
Из Лондона, что любит-де она
В лесах гонять оленей; любит также
Потеху птичью и звериный бой.
Мы припасем подарок ей по вкусу.
Подайте мне ту сбрую с бирюзою,
С жемчужными наузами, да к ней
Вон тот чепрак, что яхонтами сажен!

(Иоанну подают требуемые предметы. Он осматривает их и велит знаком отложить в сторону.)

Еще пошлем ей двух живых медведей
На золотых цепях; да кречетов
Сибирских шесть. Пусть тешится сестрица
Да поминает нас! Княжне ж Хастинской —
Другое дело! ей найдем наряд.
Подать сюда все кольца и монисты!

(Иоанну подают разные драгоценности. Он берет их в руки и осматривает одну за другою.)

Вот это ожерелье из алмазов
И яхонтов лазоревых с червцами
Пошлем княжне. Лазорев темный яхонт,
Когда вглядеться в глубину его,

Покоит душу, скорби разбивает;
Червец же верность женскую блюдет,
Затем что цвет его сердечной крови.
Из перстней же вот этот ей пошлем:
Он всех ценней; зовется камень лал;
Привозится к нам из земли Индийской,
А достается нелегко, затем
Что страховидные там звери, грифы,
Его стрегут. От укушенья змей
Он исцеляет. Пусть его невеста
На пальчик свой наденет, нам в любовь!
А что до тканей, в них я не знаток;
О них спросить царицу Марью. Бабы
На том собаку съели. Что царице
Полюбится, то и послать княжне!

Шут

Царь-батюшка!

Иоанн

Что?

Шут

Ты когда жениться
Сбираешься?

Иоанн

Тебе на что?

Шут

Да так;

(Указывая на Мих. Нагого)

Хочу вот Мишке службу сослужить:
Нагих-то время при дворе прошло,
Так я хочу вот этого пристроить!

(Сымает свой колпак и ходит с ним от одного к другому, будто прося милостыни.)

Иоанн

Что делаешь ты, шут?

Шут

По нитке с миру
Сбираю, царь, Нагому на рубаху!

Иоанн

Ха-ха! Вот это шут так шут! Не бойся,
Нагим не станет по прозванью.

(К Нагим)

Вы!
Коль будете по правде мне служить,
Я не оставлю вас!

(Окидывает глазами сокровища.)

Есть, слава богу,
Казны довольно у меня; могу
Пожаловать кого хочу; надолго
Еще мне станет!

(Слышны крики на площади.)

Что за крики там?

Годунов

Народ шумит, великий государь,
И веселится о твоем здоровье!

Иоанн

Пусть веселятся! Выкатить на площадь
Им сотню бочек меду и вина!
А завтра утром новая потеха
Им будет: всех волхвов и звездочетов,
Которые мне ложно предсказали
Сегодня смерть, изжарить на костре.
Борис, ступай и казнь им объяви,
Да приходи поведать мне, какие
Они построят рожи!

(Годунов уходит.)

Вишь, хотели
Со мной шутить! Кириллиным, вишь, днем

Хотели запугать! Никто не может
Кончины день узнать вперед! Никто!
Вы! Слышите ли?

Шуйский

Слышим, государь.

Иоанн

Что ж вы молчите? Разве может кто
Сказать вперед: я проживу вот столько?
Иль так-то жизнь окончу я мою?

Мстиславский

Нет, государь!

Иоанн

Ну, то-то ж! Что же вы
Молчите, а?

Шуйский

Великий государь,
И день и ночь мы о твоем здоровье
Все молим бога!

Мстиславский

Исцели тебя
Скорей господь!

Иоанн

Да разве я еще
Не исцелен? Что вы сказать хотите?
Я разве болен? Солнце уж заходит,
А я теперь бодрей, чем утром был,
И проживу довольно лет, чтоб царство
Устроить вновь! В мой смертный час, когда
Митрополит у моего одра
Молиться будет со святым синклитом,
Я им скажу: Не плачьте, я утешен,

Бо легкую примет сын державу
Из рук моих! Так отойду я к богу!

(Бельский делает знак шуту, который рассматривал разные вещи на столах. Шут берет ящик с шахматами и подносит к Иоанну.)

Шут

Надёжа-царь! Вишь, куколки какие!

Иоанн *(к боярам)*

Волхвов за ложь на казнь я осудил.
Неправ мой суд, по-вашему?

Бояре

Прав, царь!

Иоанн

А коли прав, так что же языки
Связало вам?

Бояре

Великий государь!
Помилуй нас! Не знаем, что сказать!

Иоанн

Не знаете? Так, стало, я безвинных
На казнь обрек? Так, стало, не солгали
Ворожеи?

Бояре

Солгали, государь!
Они солгали! По вине им мука!
За их вину и казни мало им!

Иоанн

Насилу-то! Вишь, рот раскрыть боятся!
Из них слова тащить клещами надо!

(Молчание.)

Чтó шепчетесь вы там?

Шуйский

Нет, государь!
Мы не шептались!

Иоанн

Вы как будто ждете
Чего сегодня? А? чего вы ждете?

Шут

Царь-солнышко! да посмотри ж сюда
На куколки!

Иоанн

Что это у него?

Бельский

То шахматная, государь, игра,
Которую прислал тебе в подарок
Персидский царь.

Шут *(разглядывая фигуры)*

Нарядные какие!

Бельский *(берет со стола доску)*

Вот и доска к ним!

Иоанн

Покажи сюда!

(Осматривает шахматы.)

Давно в игру я эту не играл.
Садись, Богдан, посмотрим, кто сильнее!

(Слуги вносят свечи. Иоанн расставляет игру. Бельский садится против него на стольце и также расставляет.)

Шут *(к Иоанну, указывая на шахматы)*

Точь в точь твои бояре! Знаешь что?
Живых-то ты всех пóбоку, а этих
Всех в думу посади. Дела не хуже
У них пойдут, а есть они не просят!

Иоанн

Ха-ха! Дурак не слишком глуп сегодня!

(Подвигает пешку. Игра начинается. Все становятся полукругом за царскими креслами и смотрят.)

Шут

Иль вместо их меня поставь в бояре!
Я буду в думе заседать один,
И разногласья у меня не будет!
Не то пошли меня, надёжа-царь,
Послом в Литву, поздравить короля!

Иоанн

С чем, шут?

Шут

Да с тем, что о псковские стены
Он лоб разбил!

Иоанн

Тебя послать недурно;
Послал же он Гарабурду ко мне
С своей перчаткой! Чай, теперь итти
На Новгород раздумали!

Шуйский

Куда им!

Иоанн

На сейме ихном королю в пособьи
Отказано! Достойно, право, смеху!
Свои же люди своему владыке
Да денег не дают!

Шут

У нас не так!
Понадобилось что — хап, хап! и есть!

Бельский *(подвигая ферязь)*

Шах, государь.

Иоанн *(заслоняется слоном)*

Шах ферязи твоей!

Шуйский *(к Бельскому, смеясь)*

Что, взял, боярин? Ферязь-то пропала!

Иоанн

Да, кажется!

Бельский

Как есть пропала ферязь!

Иоанн

Сдается нам, мы не совсем еще
Играть забыли! Наш недуг у нас
Еще не вовсе отнял разуменье!
Кириллин день! Вишь, выдумали что!
Проклятые! Куда пропал Борис?
Что он нейдет с ответом?

(Бельский берет царского слона. Иоанн хочет взять его ферязь царем и роняет его на́ пол.)

Шут *(бросаясь подымать)*

Ай, ай, ай!
Царь шлепнулся!

Иоанн *(вспыхнув)*

Шут! Ври, да меру знай!

(К Бельскому)

Тебе ходить!

(Игра продолжается. Годунов показывается в дверях.)

Годунов *(тихо, указывая на Иоанна одному боярину, стоящему позади других)*

Каков он?

Боярин *(тихо к Годунову)*

Больно гневен!
Уж раза два сердиться начинал!

(Годунов подходит и становится напротив Иоанна.)

Иоанн *(подняв голову)*

Ты здесь? Ну, что? Ты видел чародеев?
Каков их был ответ? Зачем молчишь ты?
Что ж ты не говоришь?

Годунов

Гм, государь!

Иоанн

Что ты так смотришь на меня?

(Отодвигается от Годунова.)

Как смеешь
Ты так смотреть!

Годунов

Великий государь!
Волхвы тебе велели отвечать,
Что их наука достоверна.

Иоанн

Как?!

Годунов

Что ошибиться им нельзя, и что —
Кириллин день еще не миновал!

Иоанн *(встает, шатаясь)*

Не миновал? — Кириллин день? — Ты смеешь —
Ты смеешь мне в глаза — злодей! — Ты — ты —
Я понял взгляд твой! — Ты меня убить —
Убить пришел! — Изменник! — Палачей! —

Феодор! — Сын! — Не верь ему! — Он вор! —
Не верь ему! — А!

(Падает навзничь на пол.)

Шуйский *(бросается к нему и поддерживает его голову)*

Боже! Он отходит!

Бельский

Позвать врачей! Скорей позвать врачей!

Иоанн *(открыв глаза)*

Духовника!..

Бельский

Бегите за попом!
Скорей бегите! Люди! Люди! Гей!

(Вбегают скоморохи с пеньем, свистом и пляской.)

Скоморохи

Ой, жги, жги, жги!
Тащи козла за рога!

Бояре

Что это? Что? Назад! Побойтесь бога!

Бельский *(бросается на скоморохов)*

Назад! Назад! Безбожники! Назад!
Царь умирает!

Мстиславский

Дохтура зовите!

(Иоанн умирает. Некоторые бояре бросаются из палаты. Скоморохи разбегаются. Входят Эльмс и Якоби.)

Якоби

Где государь?

Бельский *(указывает на труп)*

Вот он!

Якоби *(нагибается и щупает пульс Иоанна)*

Не бьется пульс!

Эльмс *(берет другую руку)*

Не бьется — нет!

Якоби *(щупает сердце)*

Не бьется сердце!

Эльмс

Умер!

Якоби

Окончил жизнь!

Годунов *(подходит и кладет руку на сердце Иоанна)*

Преставился!

(Отворяет окно и кричит на площадь)

Москва!
Царь Иоанн Васильевич скончался!

(Говор и гул на площади. Годунов выходит из палаты. Бояре обступают Иоанна и глядят на него молча. Входит Захарьин и останавливается перед трупом.)

Захарьин

Свершилося! Так вот ты, царь Иван,
Пред кем тряслась так долго Русь! Бессилен,
Беспомощен лежишь ты, недвижим,
И посреди твоих сокровищ беден!
Чего же мы стоим и ждем, бояре?
Во прахе ли пред нами быть тому,
Пред кем полвека мы лежали в прахе?
Иль страшно нам коснуться до него?

Не бойтеся! Уж не откроет он
Своих очей! Уж острого жезла
Не схватит длань бессильная, и казни
Не изрекут холодные уста!

(Они подымают Иоанна, кладут его на скамью, делают ему изголовье и покрывают его парчою. Вбегают Федор, царица и царевна Ирина.)

Федор *(бросаясь к трупу)*

Царь-батюшка!

Царица

О, господи, помилуй!

Ирина

О, господи!

(Все трое голосят и рыдают. Крики на площади усиливаются. Входит стрелецкий голова.)

Голова *(к Федору)*

Великий государь!
Народ бунтует! Лезут на крыльцо!

Федор *(с испугом)*

Что надо им?

Голова

Кричат, что Шуйский с Бельским
Отравой государя извели!

(Вбегает стрелецкий сотник.)

Сотник

Народ царь-пушкой овладел! Хотят
Разбить дворец!

Бельский *(к Федору)*

Вели по ним стрелять!

Федор

Где шурин мой? Борис! Борис! Что делать?

(Входит Годунов.)

Годунов *(торжественно к Федору, опускаясь на колени)*

Великий царь!

Федор *(бросается к нему)*

А, вот ты наконец!

(Крики на площади, между которыми слышны имена Шуйского и Бельского.)

Шуйский *(к Федору)*

Решайся, государь!

Федор *(указывая на Годунова)*

Вот тот, кто должен
Теперь решать! Ему препоручаю
Отныне власть мою!

Годунов *(поклонившись Федору, подходит к окну)*

Народ московский!
Феодор Иоанныч, божьей волей
Великий князь и царь всея Руси,
Вам повестить велел, что от недуга
Скончался царь Иван. В его же смерти
Виновных нет. Но Шуйский с Бельским долго
Теснили вас; что́ ведая, царь Федор
Ссылает их далеко от Москвы.

(Гул на площади.)

Шуйский

Борис Феодорыч! Помилуй! что ты?

Бельский

За что нас в ссылку?

Годунов

Вы вольны остаться —
Хотите ль выйти на крыльцо?

Шуйский

Помилуй!
Нас разорвут!

Бельский

Нас разорвут на клочья!

Годунов

Я думаю.

(К стрелецкому голове)

За крепким караулом
Бояр отправить из Москвы. В Покрове
Вас известят, куда их отвезти.

(Шуйского и Бельского окружают стрельцы.)

Захарьин *(к Годунову)*

Ты скор, боярин. Мы еще не знаем,
Кто поднял бунт?

Годунов

Нагие со Мстиславским.

(Указывая на Битяговского, который входит в приличном виде и в добром платье.)

Вот кто на них свидетелем стоит!

Нагие и Мстиславский

Как? Он?

Битяговский *(нагло)*

Да, я!

Годунов *(ко Мстиславскому)*

Князь, ты достоин смерти,
Но царь тебя лишь в монастырь ссылает.

(К Нагим)

А вас обоих, из любви к царице,
Прощает он и в Углич вам велит
Отправиться с царевичем и с нею.

(К царице, указывая на Битяговского)

Вас всех блюсти вот этот наряжен!

Царица *(к Федору)*

Не верь ему! Не верь ему, Феодор!
Не отсылай нас, царь!

Федор *(к Годунову)*

Нельзя ли, шурин,
Царице здесь остаться?

Годунов

Государь,
Там лучше ей.

Захарьин

Боярин Годунов!
Я вижу, ты распоряжаться мастер!
Всем место ты нашел — лишь одного
Меня забыл ты! Говори, куда
Итти я должен? В ссылку? В монастырь?
В тюрьму? Или на плаху?

Годунов

Мой отец,
Тебя царь просит оставаться с ним.

Царица *(к Захарьину)*

Спаси меня! Спаси меня, боярин!
Пропали мы!

Захарьин

Дай господи, царица,
Чтобы не все пропало! Злое семя

Посеял ты, боярин Годунов!
Не доброй жатвы от него я чаю!

(Обращаясь к трупу Иоанна)

О, царь Иван! Прости тебя господь!
Прости нас всех! вот самовластья кара!
Вот распаденья нашего исход!

Федор *(к царице со слезами)*

Не плачь, царица-матушка! Что ж делать!
Так, видно, надобно!

Годунов *(подходит к окну)*

Народ московский!
Великий царь Феодор Иоанныч
Прощает вас! Ступайте все молиться
За упокой души царя Ивана,
А завтра утром будет вам раздача
По всей Москве и хлеба и вина!

Крики на площади

Да здравствует царь Федор Иоанныч!
Да здравствует боярин Годунов!

(Федор бросается, рыдая, на шею Годунову. Они стоят, обнявши друг друга.)

II

ЦАРЬ ФЕДОР ИОАННОВИЧ

ТРАГЕДИЯ В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Царь Федор Иоаннович, сын Иоанна Грозного.
Царица Ирина Федоровна, жена его, сестра Годунова.
Борис Федорович Годунов, правитель царства.
Князь Иван Петрович Шуйский, верховный воевода.
Дионисий, митрополит всея Руси.
Варлаам, архиепископ Крутицкий.
Иов, архиепископ Ростовский.
Благовещенский протопоп.
Чудовский архимандрит.
Духовник царя Федора.
Князь Василий Иванович Шуйский, племянник князя Ивана Петровича.
Князь Андрей, Князь Дмитрий, Князь Иван — Шуйские, родственники кн. Ивана Петровича.
Князь Мстиславский, Князь Хворостинин — ближние воеводы; они же, Князь Шаховской, Михайло Головин — сторонники Шуйских.
Андрей Петрович Луп-Клешнин, бывший дядька царя Федора, Князь Туренин — сторонники Годунова.
Княжна Мстиславская, племянница кн. Ивана Петровича и невеста Шаховского.
Василиса Волохова, сваха.
Богдан Курюков, Иван Красильников, Голубь, отец, Голубь, сын — московские гости, сторонники Шуйских.
Федюк Старков, дворецкий кн. Ивана Петровича.
Гусляр.
Царский стремянный.
Слуга Бориса Годунова.

Гонец из села Тешлова
Гонец из Углича.
Ратник.

Бояре, боярыни, сенные девушки, стольники, дьяки, попы, монахи торговые люди, посадские, стрельцы, слуги, нищие и народ.

Действие в Москве, в конце XVI столетия.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ДОМ КНЯЗЯ ИВАНА ПЕТРОВИЧА ШУЙСКОГО

На левом конце сцены — стол, за которым сидят все Шуйские кроме Ивана Петровича и Василия Ивановича. — Рядом с Шуйскими Чудовский архимандрит, Благовещенский протопоп и некоторые другие духовные лица. — Несколько бояр также сидят за столом; другие расхаживают, разговаривая, в глубине сцены. — По правую руку стоят купцы и люди разных сословий. — Там же виден другой стол с кубками и сулеями. За ним стоит, в ожидании, Старков, дворецкий князя Ивана Петровича.

Андрей Шуйский *(к духовным)*

Да, да, отцы! На это дело крепко
Надеюсь я. Своей сестрой, царицей,
Сидит правитель Годунов. Он ею
Одной сильней всего боярства вместе;
Как вотчиной своею помыкает
И думою, и церковью христовой,
И всей землей. Но только лишь удастся
Нам от сестры избавиться его —
Мы сладим с ним!

Чудовский архимандрит

Так князь Иван Петрович
Свое согласье дал?

Андрей Шуйский

Насилу дал!
Вишь, больно жаль ему царицы было:
Я в доме-де своем справляю свадьбу,
Племянницу за князя Шаховского,
Вишь, выдаю, — царицу же с царем
Я разлучу; у нас веселье будет,
У них же плач!

Благовещенский протопоп

Зело он мягкосерд.

Дмитрий Шуйский

Такой уж норов: в поле лютый зверь,
А снял доспех — и не узнаешь вовсе,
Другой стал человек.

Головин

А как же он
Согласье дал?

Андрей Шуйский

Спасибо князь Василью,
Он уломал его.

Головин

Не жду я проку
От этого. По мне: уж если делать —
Так все иль ничего.

Андрей Шуйский

А что б ты сделал?

Головин

Попроще б сделал, да теперь, вишь, нам
Не время толковать об этом. Шш!
Вот он идет!

(Входит Иван Петрович Шуйский с Василием Шуйским, который держит бумагу.)

Кн. Иван Петрович

Отцы! Князья! Бояре!
Бью вам челом — и вам, торговым людям!
Решился я. Нам доле Годунова
Терпеть нельзя. Мы, Шуйские, стоим
Со всей землей за старину, за церковь,
За доброе строенье на Руси,
Как повелось от предков; он же ставит

Всю Русь вверх дном. Нет, не бывать тому!
Он — или мы! Читай, Василь Иваныч!

Василий Шуйский *(читает)*

«Великому всея Руси князю,
Царю и самодержцу, государю
Феодору Иванычу — от всех
Святителей, князей, бояр, попов,
Всех воинских людей, и всех торговых,
От всей земли: Царь, смилуйся над нами!
Твоя царица, родом Годунова,
Неплодна есть, а братец твой, Димитрий
Иванович, недугом одержим
Падучим. И если б, волей божьей,
Ты, государь, преставился, то мог бы
Твой род пресечься, и земля в сиротство
Могла бы впасть. И ты, царь-государь,
Нас пожалей, не дай остаться пусту
Отцовскому престолу твоему:
Наследия и чадородья ради,
Ты новый брак прийми, великий царь,
Возьми себе в царицы (имя рек)...»

Кн. Иван Петрович

Мы имя впишем после; со владыкой
Решим, кого нам указать. Читай!

Василий Шуйский

(продолжает)

«Неплодную ж царицу отпусти,
Царь-государь, во иноческий чин,
Как то твой дед покойный учинил,
Великий князь Василий Иоанныч.
И в том тебе мы, целою землею,
От всей Руси, соборне бьем челом
И руки наши прилагаем».

Кн. Иван Петрович

(к боярам)

Все ли
Согласны подписаться?

Бояре

Все согласны!

Кн. Иван Петрович
(к духовным)

А вы, отцы?

Благовещенский протопоп

Святой владыко нас
Благословил тебе дать руки.

Чудовский архимандрит

Полно
Христову церковь Годунову доле
Насиловать!

Кн. Иван Петрович
(к купцам)

А вы?

Купцы

Князь-государь,
Уж нам ли за тобою не итти!
От Годунова нам накладней всех
С тех пор, как он дал льготы англичанам!

Кн. Иван Петрович
(берет перо)

Прости ж мне бог, что я для блага всех
Грех нá душу беру!

Василий Шуйский

И, полно, дядя!
Какой тут грех? Не по вражде к Ирине
Ты на нее идешь, но чтоб упрочить
Престол Руси!

Кн. Иван Петрович

Я на нее иду,
Чтобы сломить Бориса Годунова, —

И сам себя морочить не хочу!
Мой путь не прям.

Василий Шуйский

Помилуй! Что Ирине
В мирском величьи? Супротив блаженства
Небесного всё прах и суета!

Кн. Иван Петрович

Я говорю тебе, мой путь не прям —
Но пятиться не стану. Лучше пусть
Безвинная царица пропадает,
Чем вся земля!

(Подписывается.)

Прикладывайте руки!

(Все начинают подписываться. Кн. Иван Петрович отходит в сторону. К нему подходит кн. Шаховской.)

Шаховской

Князь-государь, когда же мне позволишь
С невестою увидеться?

Кн. Иван Петрович

Тебе
Одна забота только о невесте?
Не терпится? Пожди, она сойдет
Тебя с другими потчевать.

Шаховской

Ты, князь,
Ведь при других мне только и даешь
С ней видеться.

Кн. Иван Петрович

А ты б хотел один?
Ты молод, князь, а я держуся крепко
Обычая. Им цело государство,
Им — и семья.

Шаховской

Обычая ль тогда
Держался ты, когда сидел во Пскове,
Тебя ж хотел Замойский извести,
А ты его, в лукавстве уличив,
Как честного, на поле звал с собою?

Кн. Иван Петрович

Не красная был девица Замойский,
Я ж не жених. Глаз-нá-глаз со врагом
Быть не зазор.

(Шаховской отходит. Подходит Головин.)

Головин *(вполголоса)*

Когда б ты захотел,
Князь-государь, короче б можно дело
И лучше кончить. Углицкие люди
Ко Дмитрию Ивановичу мыслят.

Кн. Иван Петрович

Ну, что же в том?

Головин

А на Москве толкуют,
Что Федор царь и плотью слаб и духом;
Так если б ты...

Кн. Иван Петрович

Михайло Головин,
Остерегись, чтоб я не догадался,
Куда ты гнешь.

Головин

Князь-государь...

Кн. Иван Петрович

Я мимо
Ушей теперь намек твой пропускаю,
Но если ты его мне повторишь,
Как свят господь, я выдам головою
Тебя царю!

(Входит княжна Мстиславская в большом наряде; за ней две девушки и Волохова с подносом, на котором чары. — Все кланяются княжне в пояс.)

Василий Шуйский
(тихо Головину)

Нашел кого поднять
На прирожденного на государя!
Да он себя на мелкие куски
Даст искрошить скорей. Брось дурь!

Головин

Кабы
Он только захотел...

Василий Шуйский

Кабы! Кабы
У бабушки бородушка была,
Так был бы дедушка.

Кн. Иван Петрович

Ну, гости дорогие,
Теперь из рук племянницы моей
Примайте чары!

(Волохова передает поднос княжне, которая обносит гостей с поклонами.)

Шаховской *(к Мстиславской шопотом, принимая от нее чару)*

Скоро ли поволишь
Мне свидеться с тобою?
(Княжна отворачивается.)

Волохова *(шопотом Шаховскому)*

Завтра ночью,
В садовую калитку!

Кн. Иван Петрович *(подымая кубок, который поднес ему Старков)*

Наперед
Во здравье пьем царя и государя

Феодора Иваныча! Пусть много
Он лет царит над нами!

Все

Много лет
Царю и государю!

Кн. Иван Петрович

А затем
Пью ваше здравье!

Кн. Хворостинин

Князь Иван Петрович!
Ты нам щитом был долго от Литвы —
Будь нам теперь щитом от Годунова!

Благовещенский протопоп

Благослови тебя всевышний царь
Святую церковь нашу отстоять!

Чудовский архимандрит

И сокрушить Навуходоносора!

Купцы

Князь-государь! Ты нам — что твердый Кремль,
А мы с тобой в огонь и в воду!

Кн. Хворостинин

Князь,
Теперь дозволь про молодых нам выпить,
Про жениха с невестой!

Все

Много лет!

Кн. Иван Петрович

Благодарю вас, гости дорогие,
Благодарю! Она хотя мне только
Племянница, но та же дочь. Княжна!
И ты, Григорий! Кланяйтеся, дети!

Все *(пьют)*

Во здравье удалому жениху
И дорогой невесте!

Кн. Иван Петрович

Всем спасибо!

(Ко Мстиславской)

Теперь ступай, Наташа. Непривычна
Ты, дитятко, еще казаться в люди,
Вишь, раскраснелась, словно маков цвет.

(Целует ее в голову.)

Ступай себе!

(Княжна, Волохова и девушки уходят.)

Волохова *(уходя, к Шаховскому)*

Смотри же, не забудь:
В садовую калитку! Да гостинчик
Мне принеси, смотри же!

Кн. Иван Петрович

Медлить нам
Теперь нельзя. Пусть тотчас ко владыке
Идет наш лист, а там по всей Москве!

Василий Шуйский

Не проболтаться, боже сохрани!

Все

Избави бог!

Кн. Иван Петрович

Простите ж, государи,
Простите все! Владыко даст нам знать,
Когда к царю сбираться с челобитьем!

(Все расходятся.)

Мой путь не прям. Сегодня понял я,
Что чистым тот не может оставаться,

Кто борется с лукавством. Правды с кривдой
Бой неравён; а с непривычки трудно
Кривить душой! Счастлив, кто в чистом поле
Перед врагом стоит лицом к лицу!
Вокруг него и гром, и дым, и сеча,
А на душе спокойно и легко!
Мне ж на душу легло тяжелым камнем,
Что́ ныне я неправо совершил.
Но, видит бог, нам все пути иные
Заграждены. На Федора опоры
Нет никакой! Он — словно мягкий воск
В руках того, кто им владеть умеет.
Не он царит — под шурином его
Стеня, давно земля защиты просит,
От нас одних спасенья ждет она!
Да будет же — нет выбора иного —
Неправдою неправда сражена,
И да падут на совесть Годунова
Мой вольный грех и вольная вина!

(Уходит.)

Старков *(глядя ему вслед)*

Неправда за неправду! Ну, добро!
Так и меня уж не вини, боярин,
Что пред тобой неправду учиню я,
Да на тебя всю правду донесу!

ПАЛАТА В ЦАРСКОМ ТЕРЕМЕ

Годунов в раздумьи сидит у стола. Близ него стоят Луп-Клешнин и князь Туренин. У двери дожидается Старков.

Клешнин *(к Старкову)*

И ты во всем свидетельствовать будешь?

Старков

Во всем, во всем, боярин! Хоть сейчас
Поставь меня лицом к царю!

Клешнин

Добро!
Ступай себе, голубчик, с нас довольно!

(Старков уходит.)

Клешнин *(к Годунову)*

Что? Каково? Сестру, мол, в монастырь,
А брата по́-боку! И со владыкой
Идут к царю!

Годунов *(в раздумьи)*

Семь лет прошло с тех пор,
Как царь Иван преставился. И ныне,
Когда удара я не отведу,
Земли едва окрепшее строенье,
Все, что для царства сделать я успел —
Все рушится — и снова станем мы,
Где были в ночь, когда Иван Васильич
Преставился.

Клешнин

Подкопы с двух сторон
Они ведут. Там, в Угличе, с Нагими
Спознался их сторонник Головин,
А здесь царя с царицею разводят.
Не тут, так там; коль не мытьем удастся,
Так ка́таньем!

Туренин *(к Годунову)*

Боярин, не давай
Им с челобитием итти к царю!
Его ты знаешь; супротив попов,
Пожалуй, он не устоит.

Клешнин

Пожалуй!
Рассчитывать нельзя. Покойный царь
Пономарем его недаром звал.
Эх, батюшка ты наш, Иван Васильич!

Когда б ты здравствовал, уж как бы ты
И Шуйских и Нагих поуспокоил!

Годунов

Из Углича к нам не было вестей?

Клешнин

Не получал. Пусть только Битяговский
Ту грамату пришлет, что Головин
Писал к Нагим, уж мы скрутили б Шуйских!

Туренин

А если он сам от себя ворует?

Клешнин

Нам нет нужды! С той граматой они
У нас в руках.

Туренин

Твоими бы устами
Пришлося мед пить. У меня ж со князем
Иван Петровичем старинный счет:
Когда во Пскове с голоду мы мерли,
А день и ночь нас осыпали ядра
Каленые, я, в жалости души,
И не хотя сидельцев погубленья,
Дал им совет зачать переговоры
С Батуром королем. Но князь Иван
На шею мне велел накинуть петлю
И только по упросу богомольцов
Помиловал. Я не забыл того
И вотчины свои теперь бы отдал,
Чтобы на нем веревку увидать!

Клешнин

Ему б к лицу! С купцом, со смердом ласков,
А с нами горд. Эх, грамату б добыть!

Туренин *(к Годунову)*

Твоя судьба висит на волоске —
Тебе решиться надо!

Годунов *(вставая)*

Я решился.

Туренин

На что?

Годунов

На мир.

Туренин и Клешнин *(вместе)*

Как? С Шуйскими на мир?

Годунов

Мы завтра же друзьями учинимся.

Туренин

Врагам своим ты хочешь уступить?
Ты согласишься поделиться с ними
Своею властью?

Клешнин

Батюшка, дозволь
Тебе сказать: ты не с ума ли спятил?
Ведь ты козла в свой пустишь огород!

Годунов

Когда, шумя, в морскую бурю волны
Грозят корабль со грузом поглотить, —
Безумен тот, кто из своих сокровищ
Не бросит часть, чтоб целое спасти.
Часть прав моих в пучину я бросаю,
Но мой корабль от гибели спасаю!

Клешнин

А как сойдешься с ними ты? С повинной
К ним, что ль, пойдешь? Аль их к себе попросишь?
Кто мир устроит между вас?

Годунов

Сам царь.

(Стольник отворяет дверь.)

Туренин

А вот и царь!

(Входит царь Федор. — За ним стремянный.)

Федор

Стремянный! Отчего
Конь подо мной вздыбился?

Стремянный

Государь,
Ты, вишь, в мошну за деньгами полез
Для нищего, конь подался вперед,
Ты ж дернул за поводья, конь с испугу
И стал дыбиться.

Федор

Самого меня
Он испугал. Стремянный, не давать
Ему овса! Пусть сено ест одно!

Клешнин

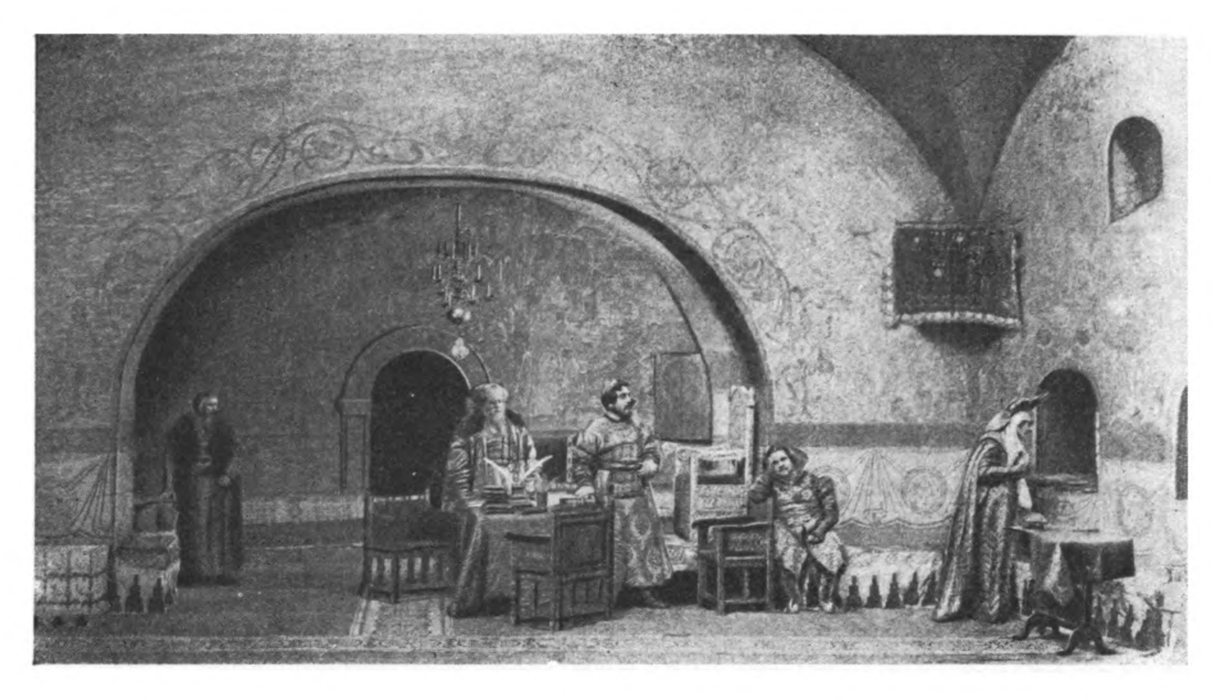
А я бы, царь, стремянного приструнил,
Чтоб милости твоей таких не смел
Он бешеных давать коней!

Стремянный

Помилуй,
Какой же бешеный он конь? Ему
Лет двадцать пять. На нем покойный царь
Еще езжал.

Федор

Я, впрочем, может быть.
Сам виноват. Я слишком сильно стиснул
Ему бока. Ты говоришь, с испугу
Вздыбился он?

„Царь Федор Иоаннович" в постановке Московского Художественного Театра (1898). Действие I, сцена 2.

Федор: Славно трезвонят у Андронья.

Стремянный

С испугу, государь!

Федор

Ну, так и быть, уж я его прощу;
Но ездить я на нем не буду боле.
В табун его! И полный корм ему
Давать по смерть!

(Из другой двери входит царица Ирина.)

Аринушка, здорово!

Ирина

Здорово, свет! Никак ты уморился?

Федор

Да, да, устал. От самого Андронья
Все ехал рысью. Здесь же, у крыльца,
Конь захотел меня сшибить, да я
Дал знать себя! Бока ему как стиснул,
Так он и стих. Аринушка, я чаю,
Обед готов?

Ирина

Готов, свет-государь,
Покушай на здоровье!

Федор

Как же, как же!
Сейчас пойдем обедать. Я от этой
Езды совсем проголодался. Славно
Трезвонят у Андронья. Я хочу
Послать за тем пономарем, чтоб он
Мне показал, как он трезвонит... Ну,
Аринушка, какую у Андронья
Красавицу я видел! Знаешь кто?
Мстиславская! Она пришлася Шуйским
Племянницей. Видал ее ты, шурин?

Годунов

Нет, государь; мы с Шуйскими давно уж
Не видимся.

Федор

Жаль, шурин, очень жаль!..
Высокая, и стройная такая,
И белая!

Ирина

Да у тебя уж, Федор,
Зазнобы нет ли к ней?

Федор

И брови, знаешь,
Какие у нее!

Ирина

Да ты и впрямь
Уж много говоришь о ней!

Федор *(лукаво)*

А что ж,
Аринушка? Ведь я еще не стар,
Ведь я еще понравиться могу!

Ирина

Стыдись, она невеста!

Федор

Да, она
Посватана за Шаховского. Шурин,
Ты Шаховского знаешь, князь Григорья?

Годунов

Знавал когда-то, царь, но он ведь ныне
Сторонник Шуйских.

Федор

Шурин, даже грустно
Мне слышать это: тот сторонник Шуйских,

А этот твой! Когда ж я доживу,
Что вместе все одной Руси лишь будут
Сторонники?

Годунов

Я рад бы, государь,
За мной не стало б дело, если б знал я,
Как помириться?

Федор

Право, шурин? Право?
Зачем же ты мне прежде не сказал?
Я помирю вас! Завтра же тебя
Я с князь Иван Петровичем сведу!

Годунов

Царь, я готов, но, кажется...

Федор

Ни, ни!
Ты этого, Борис, не разумеешь!
Ты ведай там, как знаешь, государство,
Ты в том горазд, а здесь я больше смыслю,
Здесь надо ведать сердце человека!..
Я завтра ж помирю вас. А теперь
Пойдем к столу.

(Направляется к двери и останавливается.)

Аринушка, послушай:
А ведь Мстиславская-то на меня
Смотрела в церкви!

Ирина

Что ж мне делать, Федор,
Такая, видно, горькая уж доля
Мне выпала!

Федор *(обнимая ее)*

Родимая моя!
Бесценная! Я пошутил с тобою!
Да есть ли в целом мире кто-нибудь,

Кого б ты краше не была? Пойдем же,
Пойдем к столу, а то обед простынет!

(Уходит. — Ирина следует за ним. Годунов, Клешнин и Туренин идут за обоими.)

Клешнин *(к Годунову, уходя)*

Миришься ты? В товарищи возьмешь ты
Исконного, заклятого врага?

Туренин

Того, кем ты всех боле ненавидим?
А после что ж?

Годунов

А после — мы увидим!

(Уходят.)

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЦАРСКАЯ ПАЛАТА

Царь Федор сидит на креслах. — По правую его руку Ирина вышивает золотом в пяльцах. — По левую сидят в креслах Дионисий, митрополит всея Руси; Варлаам, архиепископ Крутицкий; Иов, архиепископ Ростовский, и Борис Годунов. — Кругом стоят бояре.

Федор

Владыко Дионисий! Отче Иов!
Ты, отче Варлаам! Я вас позвал,
Святители, чтоб вы мне помогли
Благое дело учинить, давнишних
Мне помогли бы помирить врагов!
Вам ведомо, как долго я крушился,
Что Шуйские, высокие мужи,
И Годунов Борис, мой добрый шурин,
Напрасною враждой разделены.
Но, видно, внял господь моим молитвам,
Дух кротости в Бориса он вложил.
И вот он сам мне обещал сегодня
Забыть свои от недругов досады
И первый Шуйским руку протянуть.
Не так ли, шурин?

Годунов

Твоему желанью
Повиноваться — долг мой, государь!

Федор

Спасибо, шурин! Ты Писанье помнишь
И свято исполняешь. Только вот
О Шуйском я хотел тебе сказать,

О князь Иван Петровиче: он нравом
Немного крут, и горд, и щекотлив;
Так лучше б вам помене говорить бы,
А чтобы ты к нему бы подошел,
И зá руку бы взял его — вот этак —
И только бы сказал, что все забыто,
И что отныне ты со всеми ими
В согласии быть хочешь.

Годунов

Я готов.

Федор

Спасибо, шурин! Он ведь муж военный,
Он взрос в строю, среди мечей железных,
Пищалей громоносных, страшных копий
И бердышей! Но он благочестив,
И верно уж на ласковую речь
Податлив будет.

(К Дионисию)

Ты ж, святой владыко,
Лишь только зá руки они возьмутся,
Их поскорей благослови и слово
Спасительное тотчас им скажи!

Дионисий

Мой долг велит мне, государь, о мире
Вещать ко всем, а паче о христовой
Пещися церкви. Аще не за церковь
Князь Шуйский спорит с шурином твоим,
Его склонять готов я к миру.

Федор

Отче,
Мы все стоим за церковь! И Борис,
И я, и Шуйский, все стоим за церковь!

Дионисий

Великий царь, усердие твое
Нам ведомо; дела же, к сожаленью,

Не все исходят от тебя.

(Смотрит на Годунова.)

Намедни
Новогородские купцы, которых
За ересь мы собором осудили,
Свобождены и в Новгород обратно,
Как правые, отпущены, к соблазну
Всех христиан.

Годунов

Владыко, те купцы
С немецкими торгуют городами
И выгоду приносят государству
Немалую. Мы с ними разорили б
Весь Новгород.

Дионисий

А ересь ни во что
Ты ставишь их?

Годунов

Избави бог, владыко!
Уж царь послал наказы воеводам
Той ереси учителей хватать.
Но соблазненных отличает царь
От соблазнителей.

Федор

Конечно, шурин!
Но самых соблазнителей, владыко,
Ни истязать не надо, ни казнить!
Им перед богом отвечать придется!
Ты увещал бы их. Ведь ты, владыко,
Грамматиком недаром прозван мудрым!

Дионисий

Мы делаем, сколь можем, государь,
Чрез увещанья. Но тебе еще
Не все известно: старосты губные
И сборщики казенных податей

В обители входить святые стали
И в волости церковные въезжать
И старые с них править недоборы,
Забытые от прежних лет!

Годунов

Владыко,
Великий царь предупредил твое
Печа́лованье. Что́ нас крайность сделать
Заставила, уж то не повторится.

(Подает ему грамату.)

Вот грамата, владыко, о невъезде
В именья церкви никаким чинам
И о решеньи всяких дел не царским,
Но собственным твоим судом.

Федор

Да, отче,
Он написал ее, а я печать
Привесил к ней!

Дионисий *(пробегает грамату)*

Блаженны миротворцы!
Когда правитель обещает мне
И в остальных статьях все льготы церкви,
Ее права и выгоды блюсти —
То прошлое да будет позабыто!

Федор

Так, так, владыко! Отче Варлаам,
Ты помоги владыке!

Варлаам

Государь,
Что́ в деле сем святой владыко скажет,
Я повторю охотно.

Федор

Отче Иов,
И на тебя рассчитываю я!

Иов

Правитель твой, великий государь,
Незлобия и мудрости исполнен,
А наше дело господу молиться
О тишине и мире!

Федор

И тебя,
Аринушка, прошу я: если Шуйский
Упрется, ты приветливое слово
Ему скажи. Оно ведь много значит
Из женских уст и умягчает самый
Суровый нрав. Я знаю по себе:
Мужчине я не уступлю ни в чем,
А женщина попросит иль ребенок,
Все сделать рад!

Ирина

Мой царь и господин,
Как ты велишь, так мы и будем делать;
Но наше слово, против твоего,
Что́ может значить? Если только ты
Им с твердостию скажешь, что их распря
Тебя гневит, то князь Иван Петрович
Ослушаться тебя не будет властен.

Федор

Да, да, конечно, я ему велю,
Я прикажу ему! А вы, бояре,
Скорей зачните с ними разговор;
Не стойте молча; хуже нет того,
Как если два противника сошлись,
Уж помирились, смотрят друг на друга,
А все молчат...

Клешнин

Мы рады говорить бы,
Царь-государь, когда б его лишь милость,
На Шуе князь, нам рты разинуть дал!

Федор

Что ты понес? Какой он князь на Шуе?

Клешнин

А то, что он себя удельным князем,
А не слугой царевым держит — вот что!

Кн. Хворостинин

Твой дядька, царь, простить не может Шуйским,
Что за Нагих вступаются они.

Головин

И что тебя хотели б упросить
Царевича взять на Москву обратно.

Федор

Димитрия? Да я и сам бы рад!
Сердечный он! Ему, я чай, там скучно,
А я-то здесь его бы потешал:
И скоморохов показал смешных бы
И бой медвежий! Я просил Бориса,
Не раз просил, да говорит: нельзя!

Клешнин

И в том он прав! Твой батюшка покойный
Нагим недаром Углич указал;
Он знал Нагих, он воли не давал им,
И шурин твой на привязи их держит!

Федор

Негоже ты, Петрович, говоришь,
Они дядья царевичу, Петрович!

Клешнин

Царевичу! Да нешто он царевич?
И мать его, седьмая-то жена,
Царица нешто? Этаких цариц
При батюшке твоем понабралось бы
И более, пожалуй!

Федор

Полно, полно!
Мне Митя брат, ему ж дядья Нагие,
Так ты при мне порочить их не смей!

Клешнин

А чтó же мне, хвалить их, что они
Тебя долой хотели бы с престола,
А своего царенка на престол?

Федор

Как смеешь ты?

Клешнин

И Шуйских тож хвалить,
Что заодно идут они с Нагими?

Федор

Я говорю тебе: молчи! молчи!
Сейчас молчи!

Клешнин *(отходя к окну)*

Ну, что ж? И замолчу!

Федор *(к Годунову)*

Не позволяй ему в другой раз, шурин,
Порочить мачеху и брата!

Годунов

Царь,
Он человек усердный и простой!

(Крики на площади.)

Клешнин *(глядя в окно)*

Ну, вон идут!

Федор

Кто?

Бояре *(смотрят в окно)*

Шуйские идут!

Федор *(подходит к окну)*

Как? Уж пришли?

Клешнин

Да, вот уж у крыльца!

(Крики слышны громче.)

Вишь, впереди идет Иван Петрович,
А круг его валит с купцами чернь!
Ишь, голосят и шапки вверх кидают!
Еще, еще! Стрельцов сбивают с ног!
Держальников оттерли! Подхватили
Его под руки! Эвот по ступеням
Его ведут! Небось и государя
Так не честят они!

Федор

Смотри же, шурин,
Не забывай, что́ ты мне обещал!
Аринушка — смотри же, замечай!
Коль, неравно, у них пойдет негладко,
Ты помоги! Отцы мои — я паче
На вас надеюсь!

(Возвращается поспешно на свое место.)

Стольник *(отворяя дверь)*

Князь Иван Петрович!

(Входят Шуйские; за ними Мстиславский, Шаховской и другие.)

Клешнин *(тихо к Туренину, глядя на Шуйских)*

Ишь, как идут! И шеи-то не гнутся!

Кн. Иван Петрович *(опускаясь на колени)*

Великий царь! По твоему указу
Пред очи мы явилися твои!

Федор

Встань, князь Иван Петрович! Встань скорее!

Тебе так быть негоже!

(Поднимает его.)

Мы с царицей
Давно тебя не видим. Ты, должно быть,
Семейным делом занят? Мне сказали:
Племянницу ты замуж выдаешь?

Кн. Иван Петрович

Так, государь.

Федор

Я рад, я очень рад!
Я поздравляю вас! Так вот я, князь,
Хотел сказать тебе, что мы давно
Тебя не видим — впрочем, может быть,
Тебе не время? Это сватовство —
Ты оттого и в думу, вероятно,
Давно уже не ходишь?

Кн. Иван Петрович

Государь,
Мне в думе делать нечего, когда
Дела земли вершит уже не дума,
А шурин твой. Поддакивать ему
Довольно есть бояр и без меня!

Федор

Иван Петрович! Мне прискорбно видеть,
Что меж тобой и шурином моим
Такое несогласье учинилось!
Нам сам господь велел любить друг друга!
Велел, владыко?

Дионисий

Истинно велел!

Федор

Вот видишь, князь? Что́ говорит апостол
В послании к коринфянам? «Молю вы...»
Как дальше, отче Варлаам?

Варлаам

«Молю вы,
Да тожде вы глаголете, да распри
Не будут в вас, да в том же разуменьи
И в той же мысли будете!»

Федор

Вот видишь!
А как в своем послании соборном
Апостол Петр сказал? «Благоутробни...»
Как дале говорит он, отче Иов?

Иов

«Благоутробни будьте, братолюбцы,
Не воздающе убо зла за зло,
Ни досаждения за досажденье!»
И шурин твой, великий государь,
Апостольское слово исполняет
Воистину!

Федор

Да, отче Иов, да!
Ты, князь Иван Петрович, будь уверен,
Он чтит тебя — мы все твои заслуги
Высоко чтим — так, видишь ли — когда бы
Ты захотел — когда бы ты с Борисом —

(Тихо к Годунову)

Кончай же, шурин!

Годунов

Князь Иван Петрович!
Уже давно о нашей долгой распре
Крушуся я. Коль ты забыть согласен
Все прошлое, я также все забуду
И рад с тобой и с братьями твоими
Быть за один. И с тем на примиренье
Тебе я руку подаю!

Кн. Иван Петрович *(отступая)*.

Боярин,
Упорно слишком враждовали мы,
Чтобы могли теперь без договора
Сойтися вдруг!

Годунов

Какого договора
Ты хочешь, князь?

Кн. Иван Петрович

Боярин Годунов!
Виню тебя, что ты нарушил волю
И завещание царя Ивана
Васильича, который, умирая,
Русь пятерым боярам приказал!
Один был — я; другой — Захарьин-Юрьев;
Мстиславский — третий; Бельский был четвертый,
А пятый — ты. Кто ж ныне, говори,
Кто государством правит?

Годунов

Царь Феодор
Иванович, его же царской воли
Я исполнитель.

Кн. Иван Петрович

Не хитри, боярин!
Его ты волей завладел лукаво!
Едва лишь царь преставился Иван,
Ты Бельского в изгнание услал,
Мстиславского насильно ты в монахи
Велел постричь; от Юрьева ж, Никиты
Романыча, избавили тебя
Болезнь и смерть. Осталися мы оба.
Но ты, со мной совета избегая,
Своим высоким пользуясь свойством,
Стал у царя испрашивать указы
На что хотел, вступаться начал смело
В права бояр, в права людей торговых

И в самые церковные права.
Роптали все...

Годунов

Князь, дай мне слово молвить...

Кн. Иван Петрович

Роптали все. Но имя государя
Тебе щитом служило; мы же дело
Получше знали; люди на Москве
К нам мыслили — и мы за правду встали,
Мы, Шуйские, а с нами весь народ.
Вот нашей распри корень и начало.
Я все сказал. Пускай же в этом деле
Нас царь рассудит!

Годунов

Князь Иван Петрович!
Великий царь меж нас желает мира,
Твоя же речь враждою дышит, князь;
Негоже мне упреком на упреки
Ответствовать, но оправдаться должен
Я пред тобой. Меня винишь ты, князь,
Что я один вершу дела? Но вспомни:
Хотел ли ты со мною совещаться?
Не ты ль всегда мой голос отвергал?
И не снося ни в чем противоречья,
Не удалился ль ты от нас? Тогда
Великий царь, твою холодность видя,
Мне одному всю землю поручил.
Я ж, не в ущерб, воистину, для царства,
Ее приял. Война с Литвою миром
Окончена, а королю ни пяди
Не уступили русской мы земли.
В виду орды, мы подняли на хана
Племянника его, и хан во страхе
Бежал назад. Мы черемисский бунт
Утишили. От шведов оградились
Мы перемирьем. С цесарем немецким
И с Данией упрочили союз,
А с Англией торговый подписали

КАРАМЗИНСКІЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВЕЧЕРЪ

„Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ."

Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, желая почтить память знаменитаго нашего исторіографа Н. М. Карамзина и вмѣстѣ соединить съ благотворительною цѣлью торжество столѣтняго юбилея дня его рожденія, опредѣлило назначить

ТРЕТЬЯГО ДЕКАБРЯ, ВЪ СУББОТУ,
въ 8 часовъ,

Карамзинскій литературный вечеръ, по нижеслѣдующей программѣ:

1) **Н. И. Костомаровъ** — «Тушинскій таборъ и король Сигизмундъ», отрывокъ изъ сочиненія, печатаемаго въ декабрской книгѣ журнала «Вѣстникъ Европы».
2) **Гр. А. К. Толстой** — Сцены изъ новой драмы «Царь Ѳедоръ Іоанновичъ».
3) **Ап. Н. Майковъ** — Драматическая сцена «Странникъ» изъ поэмы «Жаждущій».

Билеты въ 5, 3 и 1 руб. можно получать въ книжныхъ магазинахъ *А. Ѳ. Базунова*, *Я. А. Исакова* и *Д. Е. Кожанчикова*, на Невскомъ проспектѣ, и за часъ до начала чтенія при входѣ въ *залъ Русскаго Купеческаго Собранія*, у Казанскаго моста, въ домѣ Ольхина, второй подъѣздъ съ Невскаго.

Печатать дозволяется. 23-го Ноября 1866 года Генералъ-Лейтенантъ Треповъ.
Типографія Ѳ. Стелловскаго. На углу Большой Садовой и Екатерингофскаго проспекта, домъ № 2—49.

Мы договор, быть может, неугодный
Гостям московским, но обильный выгод
Для всей земли. И в самое то время,
Когда уж Русь от смут и тяжких бедствий
В устройство начинала приходить,
Ты, князь, — я то тебе не в укоризну
Теперь скажу, — ты, с братьями своими,
Вы собирали в скоп народ московский
И черный люд вы тайно научали
Бить государю на меня челом!

Кн. Андрей Шуйский
(выступает вперед)

Не за себя мы поднялись, боярин!
Когда ломать ты начал государство,
За старину с народом встали мы!

Кн. Дмитрий Шуйский

Таких досад, как от тебя, боярин,
И при Иване не было царе!

Кн. Иван Иванович Шуйский

Покойный царь был грозен для окольных;
Кто близок был к нему, тот и дрожал;
Кто ж был далек, тот жил без опасенья
По своему обычаю. Ты ж словно
Всю Русь опутал сетью, и покоя
Нет от тебя нигде и никому!

Годунов

Когда земля, по долгом неустройстве,
В порядок быть должна приведена,
Болезненно свершается целенье
Старинных ран. Чтоб здание исправить,
Насильственно коснуться мы должны
Его частей. Но, милостию божьей,
Мы неизбежную страданья пору
Уж перешли, и мудрость государя
Сознали все; вы только лишь одни,
Вы, Шуйские, противитесь упорно

И жизни новой светлое теченье
Отвлечь хотите в старое русло!

Кн. Иван Петрович

Лишь мы одни? Владыко Дионисий!
Скажи ему, одни ли о насильях
Мы вопием христовой церкви?

Дионисий

Княже,
С правителем до твоего прихода
Мы говорили. Все, о чем с тобою
Скорбели мы — он отменил.

Кн. Иван Петрович

Нечисто!

Годунов

А в остальном надеюсь я с вами,
Князья, сойтись. Уж миновала ныне
Пора волнений; в уровень законный
Вошла земля, и не о чем нам спорить.
Ей вместе мы теперь послужим лучше,
Чем мог бы я один.

Дионисий

Такое слово
Смиренномудренно. Совет наш, княже,
Не продолжать вам распри, несогласной
С учением спасителя и вредной
Для государства.

Федор

Отче, я уверен,
Они того не захотят! Не правда ль?
Не правда ль, князь? Вот и моя царица
Тому не верит. Что же ты молчишь,
Аринушка?

Ирина *(продолжая вышивать)*

Не верится мне вправду,
Что долго так князь Шуйский заставляет

Себя просить о том, что государь
Ему велеть единым может словом.

(Смотрит на Шуйского.)

Скажи мне, князь, когда бы ты теперь
Не пред царем Феодором стоял,
Но пред отцом его, царем Иваном,
Раздумывал бы столько ты? Ужели ж
За то, что царь с тобою так негневен,
Так милостив, так многотерпелив,
Свой долг пред ним забудешь ты?

Кн. Иван Петрович

Царица,
Я говорил пред государем ныне,
Как говорил бы пред его отцом,
И прежде, чем от мысли отказаться,
На плаху я скорее бы пошел.
Но мне навряд бы при царе Иване
Так говорить пришлось — затем, что вряд бы
Покойный царь так беззаботно отдал
Из рук своих в чужие руки власть!

Ирина

Когда во Пскове, князь Иван Петрович,
Ты, окружен литовцами, сидел
И мужеством своим непобедимым
Так долго был оплотом для Руси —
Я, за твое спасенье и здоровье,
Дала тогда молитвенный обет:
На раку, где покоятся во Пскове
Святые мощи Всеволода-князя,
Вот этот вышить золотной покров.
Я шью давно — и вот моя работа
К концу приходит. Но ужель она,
Начатая во здравие того,
Кто землю спас, окончится, когда
Противником он станет государству?

(Встает и подходит к Шуйскому.)

Ужели тот, за чье спасенье я
Так горячо со всей молилась Русью,
Ее покой упорством возмутит?
Прошу тебя, не омрачи напрасно
Своей великой славы! Покорись
Святителям и царскому веленью!
Князь-государь —

(кланяется ему в пояс)

моим большим поклоном
Прошу тебя, забудь свою вражду!

Кн. Иван Петрович *(в волнении)*

Царица-матушка! Ты на меня
Повеяла как будто тихим летом!
Своим нежданным милостивым словом
Ты все нутро во мне перевернула!
Как устоять перед тобой? Поверь,
Веленье государево исполнить
Я рад душой — но наперед дозволь мне
Сказать два слова брату твоему.

(К Годунову)

Не первый раз, боярин, хитрой речью
Обходишь ты противников своих.
Какой залог нам дашь ты, что не хочешь
Нас усыпить, чтоб тем вернее после
Погибель нашу уготовить?

Годунов

Князь,
Залогом вам мое да будет слово
И вместе с ним ручательство царя.

Федор

Да, да, князья, я за него ручаюсь!

Кн. Иван Петрович

Какая участь ожидает тех,
Которые, защите нашей веря,
К нам мыслили?

Годунов

Их ни единый волос
Не упадет, и ни единым пальцом
Не тронут их.

Кн. Иван Петрович

И будешь ты на том
Крест целовать пред государем?

Годунов

Буду!

Кн. Иван Петрович

(к боярам, пришедшим с ним)
Как мыслите?

Бояре

На что согласен ты,
Мы все согласны!

Кн. Иван Петрович *(к Годунову)*

Вот моя рука!

Федор

Друзья мои! Спасибо вам, спасибо!
Аринушка, вот это в целой жизни
Мой лучший день! Владыко Дионисий —
Крест им скорее! Крест!

(Дионисий берет со стола крест и подает сперва Шуйскому, потом Годунову.)

Кн. Иван Петрович

Клянусь отныне
Не враждовать ни мыслию, ни делом
К великому боярину, к Борису
Феодорычу Годунову; в том же
Я за себя и за своих за братьев,
И за сторонников за наших всех,
За всех бояр и всех людей торговых,
Целую крест спасителя Христа!

(Прикладывается ко кресту.)

Годунов

Целую крест, что с Шуйскими отныне
Мне пребывать в согласье и любви,
Без их совета никакого дела
Не начинать, сторонникам же их:
Князьям, боярам и торговым людям,
Ничем не мстить за прежние вины!

(Прикладывается ко кресту.)

Федор

Вот это так! Вот это значит: прямо
Писание исполнить! Обнимитесь!
Вот так! Ну, что? Ведь легче стало? Легче?
Не правда ли?

(Крики на площади.)

О чем они кричат?

Кн. Иван Петрович

Должно быть, царь, хотелось бы узнать им,
Чем кончилась сегодня наша встреча
С боярином. Дозволь, я выйду к ним.

Федор

Нет, нет, останься! Сами пусть они
Сюда прийдут. Пусть умилятся, глядя
На ваше примиренье!

(К Клешнину)

Выдь, Петрович,
Выдь на крыльцо и приведи их!

Клешнин

Всех?
Да их, я чай, там сотен будет с двадцать,
Аршинников!

Федор

Зачем же всех? Зачем?
Пусть выборных пришлют!

(Клешнин уходит.)

Я с ними, шурин,
И не охотник, правда, говорить,
Когда они обступят вдруг меня
На выходе, кто с жалобой, кто с просьбой,
И стукотня такая в голове
От них пойдет, как словно тулумбасы
В ней загремят; терпеть я не могу!
Стоишь и смотришь, и не знаешь ровно,
Чтó отвечать? Но здесь другое дело,
Я рад их видеть!

Годунов

Государь, боюсь,
Тебе их вздорных жалоб не избыть;
Народ докучлив. Лучше прикажи мне,
Я выйду к ним!

Клешнин *(возвращаясь)*

Царь! Выборные люди!
От всех купцов, лабазников, ткачей,
И шорников, и мясников, которых
Привел с собой князь Шуйский! Вот они!

Выборные *(входят и становятся на колени)*

Царь-государь! Спаси тебя господь,
Что светлые свои повидеть очи
Ты нас пожаловал!

Федор

Вставайте, люди!
Я рад вас видеть. Я послал за вами,
Чтоб вам сказать — да что ж вы не встаете?
Я осерчаю!
(Выборные встают, исключая одного старика.)
Что же ты, старик?
Что ж не встаешь?

Старик

И рад бы, государь,
Да не смогу! Вишь, на колени стать-то —

Оно кой-как и удалось, а вот
Подняться-то нехватит силы! Больно
Уж древен стал я, государь!

Федор *(к другим)*

Возьмите ж
Его под руки, люди!

(Двое купцов поднимают старика.)

Ну, вот так!
Ты, дедушка, себя не утрудил ли?
Кто ты?

Старик

Богдан Семенов Курюков,
Московский гость!

Федор

Который год тебе?

Курюков

Да будет зá сто, государь! При бабке
Я при твоей, при матушке Олёне
Васильевне, уж денежником был,
Чеканил деньги по ее указу
Копейные, на коих ноне князь
Великий знатен с копием в руце;
Отголь они и стали называться
Копейными. Так я-то, государь,
В ту пору их чеканил. Лет мне будет,
Пожалуй, зá сто!

Федор

Дедушка, да ты
Шатаешься! Бояре, вы б ему
Столец подставили!

Курюков

Помилуй, царь!
Как при твоей мне милости сидеть!

Федор

Да ты ведь больно стар, ведь ты, я чаю,
Уж много видел на своем веку?

Курюков

Как, батюшка, не видеть! Всяко видел!
Блаженной памяти Василья помню
Иваныча, когда свою супругу
Он, Соломонью Юрьевну, постриг,
Неплодья ради, бабку же твою,
Олёну-то Васильевну, поял.
Тогда народ, вишь, на́-двое разделился,
Кто, вишь, стоял за бабку за твою,
Кто за княгиню был за Соломонью.
А в те поры и меж бояр разрухи
Великие чинились; в малолетство
Родителя, вишь, твоего, Ивана
Васильича, тягались до зареза
Князья Овчины с Шуйскими князьями,
А из-за них и весь московский люд.
А наш-то род всегда стоял за Шуйских,
Уж так у нас от предков повелось.
Бывало, слышишь: бьют в набат у Спаса —
Вставай, купцы! Вали к одной за Шуйских!
Тут поскорее лавку на запор,
Кафтан долой, захватишь что попало,
Что бог послал, рогатину ль, топор ли,
Бежишь на площадь, ан уж там и валка;
Одни горланят: Телепня Овчину!
Другие: Шуйских! и пошла катать!

Федор

То грех великий, дедушка!

Курюков

А вот,
Как в возраст стал твой батюшка входить,
Утихло все.

Клешнин

Что? Видно, не шутил?

Курюков

Избави бог! Был грозный государь!
При нем и все бояре приутихли!
При нем беда! Глядишь, столбов наставят
На площади; а казней-то, и мук,
И пыток уж каких мы насмотрелись!
Бывало, вдруг...

Федор

Я, дедушка, позвал вас,
Чтоб вам сказать...

Курюков

Бывало, грянут бубны,
Чтобы народ на площадь шел...

Федор

Я вас
Велел позвать...

Курюков

Тут, хочешь аль не хочешь —
Неволею идешь...

Молодой купец *(дергая его за полу)*

Богдан Семеныч!
Царь говорит с тобой!

Курюков

Постой, племянник,
Дай досказать. Вот мы прийдем на площадь,
Ан там стоят...

Федор *(к молодому)*

Так ты — ему племянник?

Молодой

Да, государь, я внучатный ему
Племянник есть!

Курюков

Ан там уж палачи
Стоят и ждут...

Молодой *(дергая его за полу)*

Богдан Семеныч! Что ты?

Федор *(к молодому)*

Твое лицо мне кажется знакомо?

Курюков

С секирами...

Федор *(к молодому)*

Где видел я тебя?

Молодой

А о Миколе мы, великий царь,
Твое здоровье тешили: медвежий
Тогда был бой, а я медведя принял,
И милость мне твоя поднесть велела
Стопу вина!

Курюков

С секирами стоят...

Федор

Да что ты, дедушка, одно наладил!
Что, в самом деле? Что тут вспоминать?
С секирами! С секирами! Не дашь
Мне слова вымолвить!

(К молодому)

Так ты тот самый,
Что запорол медведя? Помню, помню!
Аринушка! Вот это тот купец,

О ком тебе рассказывал я, знаешь?
Синельников — ведь так тебя зовут?

Молодой

Красильников, великий государь,
Иван Артемов!

Федор

Да, да-да, да-да!
Красильников! Аринушка, представь:
Медведь к нему так близко подошел,
Так близко — вот как ты теперь, владыко,
Ко мне стоишь, а он шагнул вот этак,
Да изловчил рогатину, да разом
Вот так ее всадил ему в живот!
Медведь-то прет, да все ревет: уу!
Да загребает лапами его,
Вот так его, владыко, загребает,
Пока совсем не выбился из сил
И на бок не свалился!

Годунов

Государь,
Ты этим людям повестить хотел
О нашем примиреньи.

Федор *(Красильникову)*

У тебя
Был брат еще, который Шаховского
В бою кулачном одолел?

Красильников

Он мне
Двоюродный есть брат, царь-государь,
Микитой Голубем зовут.

(Оборачивается к своим.)

Микита!
Слышь, выходи к царю!

(Голубь выступает вперед и кланяется.)

Федор

Здорово, Голубь!
Что, как живешь? Что сила-то? Что сила?
Не голубиная в тебе, чай, сила?
Не по прозванью?

Голубь

Жаловаться грех,
Царь-государь, господь нас не обидел,
Мы силою своей довольны!

Федор *(к Шаховскому)*

Князь!
Узнал его?

Шаховской

Как друга не узнать!
Ведь ты ребро сломил мне, Голубь, гладко!
По милости твоей, недели три
Я пролежал!

Голубь *(кланяясь)*

Усердно, князь Григорий
Петрович, здравствуем тебе! Даст бог,
В великий пост мы на Москве-реке
Еще с тобою встретимся на славу —
Авось твоя удача будет!

Шаховской

Что ж,
Я встретиться всегда с тобою рад —
Теперь держись!

Голубь

А что поставишь, князь?

Шаховской

Чеканный ковш! А ты?

Голубь

Соболью шапку!

Ирина *(к Федору)*

Свет-государь, не позволяй им биться;
Час неровён, недолго до беды!

Федор

Ты думаешь, Аринушка?

(К Шаховскому и Голубю)

Смотрите ж,
Не крепко бейтесь! Паче же всего
Под ложку берегитесь бить друг друга,
То самое смертельное есть место!

Кн. Иван Петрович

Великий царь — дозволь, я повещу им,
Зачем ты их позвать велел!

Федор

Ну, ну,
Добро, скажи им!

Кн. Иван Петрович

Выборные люди!
Вам ведомо да будет, что боярин
Борис Феодорович Годунов
И я, князь Шуйский, с братьями моими,
Мы учинились в мире и в ладу
И обещали клятвою друг другу,
Чтобы ни нам, ни нашим меж собою
Сторонникам не враждовать отныне,
А быть в согласьи!

Голубь-отец

Князь Иван Петрович!
Да как же это? Мы с тобою шли,
А ты нас бросил?

Кн. Иван Петрович

Я не бросил вас!
Мне обещал боярин без меня
Не начинать отныне ничего —
А я всегда за вас стою!

Красильников

Эй, князь,
Остерегись!

Голубь-сын

Эй, не мирися, князь!

Голубь-отец

Не выдавай нас, князь Иван Петрович!

Кн. Иван Петрович

Не бойтесь, люди! Мне боярин клятву
Святую дал, что никого из вас
Не тронет он ни пальцом!

Голос *(позади других)*

Дать-то клятву
Он даст ее, да сдержит ли?

Курюков

Поволь
Худое слово, князь Иван Петрович,
Мне, старику, по-старому сказать!
Когда твои нас деды подымали
На Телепня-Овчину, при Олёне
Васильевне, при бабке государя,
Они за нас, а мы за них тогда
Держались крепко; тем-то и силен
Твой дедушка Василий был Васильич!
А если б он на мир пошел с Овчиной,
Пропал бы он, и мы пропали б с ним!

Голубь-отец

Когда ты, князь, с врагом своим исконным
Хотел мириться, незачем нас было
И подымать!

Голубь-сын

Эх, князь Иван Петрович!
Вы нашими миритесь головами!

Кн. Иван Петрович *(гневно)*

Молчи, щенок! Знай, бейся на кулачках,
О деле ж дай старейшим говорить!
Как смеете не верить вы ему,
Когда он крест — вы слышите ли? крест —
В том целовал?

Годунов *(тихо к Клешнину)*

Заметь их имена
И запиши.

(Выборные между тем совещались между собой, и все разом подходят к Федору.)

Выборные

Царь-государь! Помилуй!
Не дай погибнуть нашим головам!
Царь-государь! Помилуй! Защити!
Помилуй, государь! Не оставляй нас.
Теперь пропали мы!

Федор

Да что вы? Что вы?
С чего вы взяли? От кого мне, люди,
Вас защищать?

Голубь-отец

От шурина твого!
От Годунова, государь!

Голубь-сын

Твой шурин
Ведь нас теперь совсем заест!

Федор

Как можно!
Кто вам сказал? Мой шурин любит вас!
Ты им скажи, Борис, что ты их любишь!
Вот он сейчас вам скажет! Он вам все,
Все растолкует! Мне же самому
Мне некогда теперь!

(Хочет уйти; выборные обступают его.)

Выборные

Царь-государь!
Одна надежда наша на тебя!
Мы дурна не чинили! Мы за Шуйских,
За слуг твоих, стояли! Прикажи,
Чтоб нас Борис Феодорыч не трогал!
Вели ему!

Федор

Да, хорошо! Пустите!
Мне некогда! Скажите всё Борису!
Ему скажите!

Выборные

Как же, государь,
Ему же мы да про него же скажем?
Яви нам милость! Выслушай нас, царь!
Дозволь тебе...

Федор *(затыкая уши)*

Ай-ай, ай-ай, ай-ай!
Скажите всё Борису! Всё Борису!
Мне некогда! Скажите всё Борису!

(Уходит, держа пальцы в ушах. — Выборные с недоумением смотрят друг на друга.)

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

НОЧЬ. САД КНЯЗЯ ИВАНА ПЕТРОВИЧА ШУЙСКОГО

Василиса Волохова *(выходит из дому)*

Ну, темь так темь! Ни звездочки не видно!
Пора б ему прийти! Уж он не там ли,
Не за оградой ли стоит?

(Подходит к калитке и говорит шепотом.)

Князь! Князь!
Нет никого! Прислушаться, нейдет ли?
Эх, соловьи проклятые мешают!
Расщелкались! Не слышно ничего!
Вот что-то хрустнуло! Идет, должно быть!

(Оборачивается назад и говорит шепотом.)

Княжна! Пожалуй!

Княжна Мстиславская *(шепотом)*

Где ты, Василиса
Панкратьевна?

Волохова

Здесь, матушка!

Княжна

Не вижу!

Волохова

Сюда, сюда пожалуй! Дай мне ручку!
Да как же ты, голубушка, дрожишь!

Княжна

Свежо как будто!

Волохова

Ноне-то? Помилуй!
Теплынь такая! Аж травою пахнет!
А вон оттоль, из монастырской рощи,
Березой и черемухой несет!
Уж подлинно весенняя-то ночка,
А ручка у тебя как лед!

Княжна

Я лучше
Уйду домой!

Волохова

Владычица святая!
Да ты чего боишься? Разве он
Тебе чужой? Ведь, слава богу, я
Сама тебе присватала его!

Княжна

У дядюшки гостей полна палата —
Что́, если вдруг кому прийдет на мысль
В сад заглянуть!

Волохова

Великая беда,
Что с женихом застали бы невесту!
Вот если ты захочешь после свадьбы
С каким-нибудь молодчиком сойтись,
Вот тут так надо делать осторожно!
А впрочем, не диковина и то!
За добрую пригоршню золотых
Все можно сделать!

Княжна

Полно, Василиса
Панкратьевна, стыдись!

Волохова

А что стыдиться,
Голубушка! Все вертится на деньгах!

Для них и замуж отдают, для них
И женятся; для них брат губит брата,
А сын отца! Уж против них никто
Не устоит!

Княжна

Панкратьевна — постой —
Ты не слыхала ничего?

Волохова *(прислушивается)*

Позволь-ка!
Никак плеснула рыбица в пруду...
Уж эти соловьи мне! Пши, пши, пши!
Насилу-то замолкли! А теперь
Пошли в траве кузнечики трещать!

Княжна

Ты ничего не слышишь?

Волохова

На Неглинной
Как будто мельница шумит...

Шаховской *(за оградой, вполголоса)*

Ау!

Волохова

Ну, наконец!

(Бежит к калитке и отворяет ее)

Войди же, князь!

(Показывается на ограде Шаховской и спрыгивает в сад.)

Пострел!
Ведь я ж тебе калитку отворила!

Шаховской

На что она? Жаль, что низка ограда!
С кремлевской я бы соскочил стены,

Чтоб поскорей мою увидеть радость!
Насилу-то мне удалось!

(Хочет обнять княжну.)

Волохова

Вот так!
Целуй ее! Милуй ее! А я-то
За ручки подержу!

Шаховской *(отступая)*

Княжна, не бойся!
Не подойду, доколе не поволишь!

Волохова

Ну, сокол-князь! Ведь я сдержала слово,
А ты принес ли мне гостинчик?

Шаховской *(подавая ей кошелек)*

На!

Волохова *(потряхивая деньгами)*

Сердечные! Звенят! Эх, жаль темно!

Шаховской *(к княжне)*

Да что ж ты отвернулась от меня!
Иль нелюб я тебе?

Княжна

Вишь, ждать заставил!

Шаховской

А страшно было ждать?

Княжна

Вестимо страшно!
В такую ночь!

Шаховской

Чай, бурная?

Княжна

А леший?
А мало ль что? Вишь, он еще смеется!

Шаховской

Да как же не смеяться мне тебе?
В саду-то леший!

Княжна

Да, тебе смешно,
А мне-то каково? А невзначай
Вдруг выйдет брат? Иль дядя? Что тогда?
Постылый ты!

Шаховской

А что же делать мне,
Когда тебя мне видеть не дают?
Кой-раз увидишь, а поговорить
И думать нечего!

Княжна

Вишь ты какой!
А ты о чем хотел бы говорить?

Шаховской

О том, что нет тебя на свете краше!
Что без тебя мне стала жизнь не в жизнь!
Что невтерпеж мне ждать, пока сыграем
Мы нашу свадьбу!

Княжна

Вишь ты! Ну, а если б
Брат отказал тебе?

Шаховской

Тогда бы я
Тебя увез!

Княжна

А если б не пошла я?

Шаховской

Насильно б взял!

Княжна

А я бы убежала?

Шаховской

А я б догнал!

Княжна

А я в Москву-реку
Прыгнула бы?

Шаховской

А я бы за тобой!

Княжна

А водяной бы за меня вступился?

Шаховской

А я б его за бороду схватил
Да за усы моржовые!

Княжна

Ха-ха!
Моржовые!

(Оба смеются.)

Шаховской

А вот ведь рассмеялась!
И смех-то твой — что рокот соловьиный!
Краса моя! Когда ты засмеешься,
Весь темный сад как будто просиял!
Смотри, вон там и звездочка явилась!
А вон другая! Третья! Вон еще!
Вишь, выглянули все тебя послушать!
Вон и в пруду зажглися! Берегись,
Расскажут водяному, как над ним
Смеешься ты!

Княжна

Ха-ха!

Волохова

Ну, вот пошла!

(Слышен стук в калитку.)

Княжна

Ай, что это?

Волохова

Стучат никак в калитку!

(Прячется с княжной за дерево.)

Шаховской *(подходит к калитке)*

Кто там стучит?

Голос *(извне)*

Впустите, ради бога!

Шаховской

Кто там?

Голос

То я! Красильников, купец!
Беда случилась! Поскорей впустите!

(Шаховской отворяет калитку. — Красильников вбегает. Одежда его изорвана.)

Красильников

Где Шуйский князь? Где князь Иван Петрович?

Шаховской

На что тебе?

Красильников

Князь! Князь Иван Петрович!

(В окнах дома показываются огни. Кн. Иван Петрович и гости его сходят с крыльца. Шаховской скрывается меж дерев.)

Кн. Иван Петрович

Что тут за шум? Кто звал меня?

Красильников

То я!
Князь-государь, помилуй, защити!
Сейчас стрельцы вломились к нам в подворье!
К Ногаевым, и к Голубю, ко всем,
Кто в выборных вчера был у царя!
Схватили всех!

Кн. Иван Петрович

Кто их схватил?

Красильников

Клешнин,
По приказанью Годунова!

Кн. Иван Петрович

Как?!

Красильников

Я сам насилу вырвался от них!

Кн. Иван Петрович

По приказанью Годунова?

Красильников

Да!

Кн. Иван Петрович

Ты говоришь, что Годунов велел
Всех выборных схватить?

Красильников

Так нам Клешнин
Сам повестил: — Вперед-де вам наука
Царю челом на Годунова бить!

Головин

Что, князь, тебе я говорил? Ты видишь!

Кн. Василий Шуйский

Ты видишь, дядя! Не хотел ты верить!
Больным сказаться не хотел, когда
Пришли тебя к царю звать!

Кн. Иван Петрович

Быть не может!
Не может быть!

Красильников

Князь-батюшка, пошли
К нам во дворы узнать, как было дело!

Кн. Иван Петрович

Он дорого заплатит мне за то!

Головин

Сперва купцов, а там, смотри, и нас
Начнут хватать!

Кн. Андрей Шуйский

Бессовестный!

Мстиславский

Безбожник!

Кн. Иван Петрович

Клялся на крест! На честный крест клялся!

Кн. Андрей Шуйский

Ведь это он недаром учинил:
Он разделить хотел с народом нас!

Кн. Василий Шуйский

Он всей Москве тем показать хотел,
Что мыслить к нам и верить нам нельзя,
Что выдаем сторонников мы наших!

Кн. Иван Иванович Шуйский

Чай, и теперь уж ропщут все на нас?

Красильников

Да! Не во гнев сказать вам, государи:
Как наших-то на тройках повезли,
На шум людей сбежалося немало,
Не слишком вас честили!

Кн. Иван Иванович Шуйский

Что тут думать!
Пока еще не все от нас отпали,
Поднять Москву!

Кн. Андрей Шуйский

Все слободы поднять!

Кн. Иван Иванович Шуйский

Раздать купцам оружие!

Кн. Андрей Шуйский

К Борису
Итти во двор — убить его!

Головин

А в Углич
Послать к Нагим, чтоб Дмитрия сейчас же
Поставили царем! Чтоб на Москву
Шли с угличанами Нагие!

Кн. Иван Петрович *(строго)*

Тише!

Кн. Василий Шуйский
(к Головину)

Так, зря, нельзя.

Головин

С Нагими я списался,
Они лишь знака ждут!

Кн. Иван Петрович

Ты смел писать к ним?
Ты на царя смел Углич подымать?
Ты головой за то заплатишь!

Кн. Василий Шуйский

Дядя,
В чем он виной, за то на нем одном
Лежит ответ; но ссориться теперь
Не время нам!

Головин

Князь-государь, виновен
Я пред тобой; однакож пригодилась
Моя вина. Ведь поневоле звать
Царевича прийдется!

Кн. Иван Петрович

Никогда!

Кн. Василий Шуйский
(к Головину)

Накличешь ты беду на нас, боярин!

Кн. Дмитрий Шуйский
Поднять Москву!

Кн. Василий Шуйский

Уж и Москву поднять!
Зачем? Пойдем, как мы вчера хотели,
Просить о царском о разводе!

Кн. Дмитрий Шуйский

Поздно!
Вчера владыко был за нас; сегодня ж
С Борисом он в миру; вчера купцы
Нам верили; сегодня уж не верят!

Кн. Андрей Шуйский

Убить его!

Кн. Василий Шуйский

Да, так вот и убьешь!
Он караул теперь, небось, удвоил!

(Вынимает из кармана челобитню.)

Вот подписи владыки и властей;
А вот дворян и всех людей торговых;
Все выдали себя — отстать не могут,
Хоть и хотели б!

Кн. Дмитрий Шуйский

Тем ли угрожать
Ты будешь им, что этот лист Борису
Покажешь ты?

Кн. Василий Шуйский

Показывать его
Нам и не след. Он — что заряд в пищали:
Страшон, пока не выпущен! Заставит,
Коль захотим, всех на Бориса встать!

Кн. Андрей Шуйский

Убить верней!

Кн. Иван Петрович

Вы словно все в бреду!
К чему царя нам разводить с царицей?
К чему еще Бориса убивать?
Он сам себя позорным делом выдал!
Избавил нас отыскивать средь тьмы
Кривых путей! И можем ныне мы,
Хвала творцу, не погрешая сами,
Его низвергнуть чистыми руками!

Кн. Дмитрий Шуйский

Что хочешь сделать ты?

Кн. Иван Петрович

Итти к царю
И уличить обманщика!

Кн. Василий Шуйский

Напрасный
То, дядя, труд. Что скажет Годунов,
Тому поверит царь.

Кн. Иван Петрович

Царь слышал клятву!
Все слышали ее! Себя очистить
Ничем не может Годунов!

(К Красильникову)

Иди,
Скажи купцам, что государь велит
Их выборных вернуть, а что Бориса
Он отрешит сегодня же!

(Звон к заутрени.)

Светает!
Иду к царю! Не нужно много слов —
Наружу ложь! И сгинет Годунов,
Лишь солнце там, в востоке, засияет!

(Уходит. — Красильников также. Молчание.)

Кн. Дмитрий Шуйский

Ну, что, князья?

Кн. Иван Иванович-Шуйский

Да что ж? Признаться, я
Добра не жду!

Кн. Василий Шуйский

Какое тут добро!
С чем он пошел, с тем и назад вернется,
Лишь время мы напрасно потеряем.

Кн. Андрей Шуйский
(к кн. Василью)

Зачем его не удержал ты?

Кн. Василий Шуйский

Дядю?
Да нешто вы не знаете его?

Когда что раз он в голову втемяшил —
Не вышибешь. Знай, думает, я прав,
Так съем неправого — младенец сущий!

Кн. Иван Иванович Шуйский

Что ж делать нам?

Кн. Василий Шуйский

Да быть, к его приходу,
Готовым всем, попрежнему, итти
Вот с этой челобитней; приискать бы
Царицу нам да имя-рек вписать!

Мстиславский

С владыкой он об этом сам хотел
Держать совет.

Кн. Василий Шуйский

Да не успел. Позвали
Его к царю, мириться, вишь. Нам надо
Найти царицу до его прихода,
Чтоб не ломал он даром головы.

Мстиславский

Она б должна царю прийтись по нраву,
И быть из наших. А таких немного.

Кн. Василий Шуйский

Есть на примете у меня одна.

Мстиславский

Кто? Говори!

Кн. Василий Шуйский

Да хоть твоя сестра.

Мстиславский

Наташа? что ты? Разве ты забыл:
Она посватана за Шаховского!

Кн. Василий Шуйский

Посватана — не выдана еще.
Послушай, князь: не шуточное дело
Мы затеваем. От родни царицы
Зависит все. Уверены ли мы,
Что новая родня захочет быть
У нас в руках? Сестра ж твоя из наших.

Мстиславский

Оно-то так. Пригодней нет ее,
Мне самому на ум уж приходило —
И если б нé дали мы слова...

Кн. Василий Шуйский

Князь!
Иль я не знаю, как ты слово дал?
Не пó-сердцу тебе был Шаховской,
Боец кулачный, ветром голова
Наполнена! Врасплох тебя застал
Он с дядею, бух в ноги, так и так,
Друг друга любим! Князь Иван растаял,
А ты смолчал.

Кн. Андрей Шуйский

Я тоже говорил:
Зачем спешить? Наташа, слава богу,
Могла пождать.

Кн. Дмитрий Шуйский

Скор больно князь Иван.

Мстиславский

Да, поспешил; Наташа бы могла
Царицей быть!

Кн. Василий Шуйский

А будь она царицей —
Ты царский шурин, тот же Годунов,
Почище только.

Мстиславский

Да, кажись, почище.

Кн. Василий Шуйский

Над чем же думать?

Мстиславский

Если бы не слово...

Кн. Василий Шуйский

Так вот помеха? Слово дал ему!
А разве нам ты также не дал слова
Во что б ни стало вырвать у Бориса
И разделить его меж нами власть!

Мстиславский

Как отказать ему?

Кн. Василий Шуйский

Затей с ним ссору!

Мстиславский

Что скажет дядя?

Кн. Василий Шуйский

Он вернется в гневе
За то, что царь не даст ему суда;
Он будет рад племянницу свою
Царицей сделать.

Кн. Иван Иванович Шуйский

Так! Назад он слова
Сам не возьмет, а ссора приключись —
Не время будет разбирать, кто прав,
Кто виноват.

Кн. Дмитрий Шуйский

И если быть Наташе
Царицею — так надо поспешить!

Головин *(к Василию Шуйскому)*

Позволь взглянуть мне, князь Василь Иваныч!

(Берет челобитню и, пока другие разговаривают, достает с пояса перо и черниницу и вписывает что-то в бумагу.)

Кн. Василий Шуйский
(к Мстиславскому)

Решайся, князь!

Мстиславский

Когда б на нем какую
Вину найти!

Кн. Василий Шуйский

Тогда б ты был согласен?

Мстиславский

Еще бы!

Шаховской *(является между ними)*

Князь! Спроси сперва меня,
Согласен ли невесту уступить
Другому я?

Все

Откуда он? Как смел он
Здесь тайно быть?

(Слышен крик княжны.)

Мстиславский

То вскрикнула сестра!
Они здесь вместе были!

(Идет в глубину сада и выводит княжну за руку. Показывается Волохова.)

Вот и сваха!
Ты помогала им?

Волохова

Помилуй! Что ты?
Мы прогуляться только что сошли —

А он скакни через забор! Ей-богу!
Ей-богу-ну!

Мстиславский

Так вот как бережешь
Ты нашу честь, сестрица! — Князь Григорий —
Твое негоже дело — я тебе
Даю отказ!

Шаховской

Мою невесту хочешь
Царю ты сватать? Берегися, князь!
Доколе жив я — не бывать тому!

Волохова *(наступая на Шаховского)*

А почему ж и не бывать? Смотри,
Как расходился! Невидаль какая,
Что он жених! Царь Федор-то Иваныч,
Небось, тебя почище! Негодяй!
Бессовестный! Срамник! Безбожник! Вор!

Шаховской

Прочь, ведьма, прочь! Посторонитесь все!
Ко мне, княжна! Она моя пред богом —
Ее сейчас веду я под венец —
И первый, кто из вас...

(Вынимает кинжал.)

Все

В ножны кинжал!

Кн. Василий Шуйский *(к Мстиславскому)*

Хорош жених! На брата замахнулся!

Мстиславский

Сестра, ко мне! Князь — слышал ты меня?
Ступай отсель! Разорван наш союз!

Все

Князь, не дури! Ступай! Его ты слышал!
Брат над сестрой волён!

Шаховской

Еще посмотрим!
Княжна, скажи: ты хочешь за меня?

Мстиславский

Молчи, сестра!

Княжна

О, господи!

Шаховской

Княжна!
Ты хочешь ли, чтоб за царя тебя
Посватали?

Княжна

Нет, нет! Я быть твоею,
Твоей хочу!

Шаховской

Иди ж со мной!

Мстиславский *(к сестре)*

Ни с места!

Шаховской

Иди со мной!

Княжна

Я не вольна, ты видишь!

Головин *(к Шаховскому)*

Князь, покорись, ты силой не возьмешь!
Все кончено меж ними и тобой!
Иль думаешь, тебе Иван Петрович
Простит, что́ ты сегодня учинил?
Все кончено.

(Показывает ему челобитню.)

Смотри: княжны Мстиславской
Здесь имя вписано!

Кн. Василий Шуйский
(про себя)

Ай да боярин!

Головин

Под граматой ты этой с нами руку
Сам приложил — назад не можешь!

Шаховской *(выхватывая у него грамату)*

Дай!

Головин

Стой! Что ты? Стой!

Шаховской

В моих она руках!

Все

Держи его!

Шаховской *(грозя кинжалом)*

Назад! Тот ляжет в прах,
Кто подойдет! Иду на суд великой
К царице я — вот с этою уликой!

(Убегает с граматой.)

ПОКОЙ ЦАРЯ ФЕДОРА

Входит Годунов в сопровождении дьяка, который кладет на стол связку бумаг и две государственные печати, большую и малую. — Из другой двери входит Клешнин.

Годунов *(к Клешнину)*

Ты все ль исполнил?

Клешнин

Сладил все, боярин;
Их до зари схватили на домах;

Эх, кабы нам из Углича прислали
Ту грамату!

Годунов

Ты мне ее немедля
Тогда подашь.

(Клешнин уходит. Входит царица Ирина.)

Сестра-царица, здравствуй!
Еще не вышел государь?

Ирина

Недавно
С иконой духовник в опочивальню
К нему вошел.

(Входит из другой двери Федор. За ним духовник с иконой.)

Федор

Аринушка, здорово!
Здорово, шурин! А ведь я проспал
Заутреню! Такой противный сон
Пригрезился: казалось мне, я снова
Тебя, Борис, мирю с Иваном Шуйским,
Он руку подает тебе — а ты —
Ты также руку протянул, но вместо
Чтоб зá руку, схватил его за горло
И стал душить — тут чепуха пошла:
Татары вдруг напали, и медведи
Такие страшные пришли и стали
Нас драть и грызть; меня же преподобный
Иона спас. Чтó, отче духовник,
Ведь этот сон не грешен?

Духовник

Нет, не то
Чтоб грешен был, а все ж недобрый сон.

Федор

Брат Дмитрий также снился мне и плакал,
И что-то с ним ужасное случилось,
Но чтó — не помню.

Духовник

Ты, ложася спать,
Усерднее молися, государь!

Федор

Брр! Скверный сон!

(Увидя бумаги)

А это что такое?
Надоедать мне хочешь снова, шурин?
Надоедать?

Годунов

Недолго, государь,
Я задержу тебя; твое согласье
Лишь нужно мне для некоторых дел.

Федор

А без меня покончить их нельзя?
Я не совсем здоров.

Годунов

Два слова только.

Федор

Ну, так и быть. Ты, отче духовник,
Угодника на пóлицу поставь,
Вчерашнего ж угодника прийми
До будущего года. А какого
У нас святого завтра?

Духовник

Иоанна
Ветхопещерника.

Федор

Я житие
Его в Минеях перечту, лишь только
Меня Борис отпустит; а теперь
Благослови меня заняться делом.

(Духовник благословляет его и уходит. Федор садится. Годунов развязывает бумаги.)

Ну, что там, шурин, в связке у тебя?
Уж так и быть, вытаскивай!

Годунов *(вынимая из связки несколько листов)*

Нам пишут
Украинские воеводы, царь,
Что хан опять орду на север двинул.

Федор

Да это сон мой в руку! Недостало
Еще, чтоб ты стал Шуйского душить!

Годунов *(кладет перед ним бумаги)*

Вот, государь, наказы воеводам.

Федор

Прихлопни их!

(Годунов передает бумаги дьяку, который прикладывает к ним печать.)

Годунов *(подавая другую бумагу)*

А это, государь,
Царь Иверский землей своею бьет
Тебе челом и просит у тебя,
Чтоб ты его в свое подданство принял.

Федор

Царь Иверский? А где его земля?

Годунов

Она граничит с царством Кизилбашским,
Обильна хлебом, шелком и вином,
И дорогими, кровными конями.

Федор

Так ею мне челом он бьет? Ты слышишь,
Аринушка? Ты слышишь? Вот чудак!
Что вздумалось ему?

Годунов

Его теснят
Персидский царь с султаном турским.

Федор

Бедный!
Он православной веры?

Годунов

Православной.

Федор

Ну, что ж? Скорей принять его в подданство!
И знаешь, шурин, надо бы ему
Подарок приготовить. Чтó бы нам,
Аринушка, послать ему?

Годунов

Сперва
Вот эту грамату с твоим согласьем
И с вызовом послов его к Москве.

Федор

Ну, хорошо, привешивай печать,
Привешивай!

(Дьяк привешивает печать.)

А это что такое?

Годунов

То князю Троекурову наказ,
Как говорить ему на польском сейме,
Когда начнется выбор короля.
Ты знаешь, царь, что щедростью твоею,
По смерти нашего врага Батура,

Мы многих привлекли к себе панов,
И что они поднесть уже готовы
Тебе корону.

Федор

Мне? помилуй, шурин!
Что я с ней делать буду? Мне и так
Своих хлопот довольно. Вот еще!
И что их всех подмыло? Там какой-то
Царь Иверский свою дарит мне землю,
А тут паны корону суют! Нет!
Добро тот царь, а эти что? Латинцы!
Враги Руси!

Годунов

Затем-то, государь,
Престолом их ты брезгать и не должен,
Чтоб слугами их сделать из врагов.

Федор

Ты думаешь? Ну, хлоп по ней! Вот так
Что, всё теперь?

Годунов

Еще две челобитни
От двух бояр, при батюшке твоем
В Литву бежавших. У тебя они
Теперь вернуться просят позволенья.

Федор

Кто ж им мешает? Милости прошу!
Да их, я чай, туда бежало много?
Мое такое разуменье, шурин:
Нам делать так, чтоб на Руси у нас
Привольней было жить, чем у чужих;
Так незачем от нас и бегать будет!
Ты знаешь что? Ты написал бы к ним
Ко всем в Литву, что я им обещаю
Земли и денег, если пожелают
Вернуться к нам.

Годунов

Я так и думал, царь,
И грамату о том уж изготовил.

Федор

Ну, хорошо, прихлопни ж и ее!
Что, всё теперь?

Годунов

Всё, государь.

(Дьяк берет печати, собирает бумаги и уходит.)

Федор

Ну, шурин,
Тебя я доле не держу. А ты,
Аринушка, Минеи б разогнула
Да житие святого Иоанна
Ветхопещерника прочла бы мне!

Ирина

Дозволь сперва мне, Федор, челобитье
Тебе подать. Письмо я получила
Из Углича от вдовой от царицы,
От Марьи Федоровны. Слезно
Тебя она о милости великой,
О позволеньи просит на Москву
Вернуться с сыном, с Дмитрием, своим.

Федор

Аринушка, да как же? Ты ведь знаешь,
Ведь я давно прошу о том Бориса,
Ведь я бы рад!..

Ирина

А как сегодня ты
Опальников простил своих литовских,
То я подумала, что ты вернуть
И мачеху и брата согласишься.

Федор

Аринушка, помилуй! Разве я
Не рад вернуть их?

(Показывая на Годучова)

Вот кому скажи!

Ирина

Я знаю, Федор, что правленье царством
Ты справедливо брату поручил;
Никто, как он, им править не сумел бы;
Но здесь не государственное дело;
Оно твое, семейное; и ты,
Один лишь ты, судьею быть в нем должен!

Федор

Борис, ты слышишь, что́ она сказала?
Ведь это правда! Ты ведь, в самом деле,
И шагу мне ни в чем не дашь ступить!
На что это похоже? Я хочу,
Хочу вернуть Димитрия! Ты знаешь,
Когда я так сказал, уж я от слова
Не отступлю!

Годунов *(к Ирине)*

Не дельно ты, сестра,
Вмешалася, во что не разумеешь.

(К Федору)

Царевича вернуть нельзя.

Федор

Как? Как?
Когда уж я сказал, что я хочу?

Годунов

Дозволь мне, государь...

Федор

Нет, это слишком!
Я не ребенок! Это...

(Начинает ходить по комнате.)

Стольник *(отворяя дверь)*

Князь Иван
Петрович Шуйский!

Годунов *(к стольнику)*

Царь его сегодня
Принять не может!

Федор

Кто тебе сказал?
Впустить его!

(Продолжает ходить по комнате.)

Я скоро у себя
Не властен в доме стану!

(Входит кн. Иван Петрович Шуйский.)

Здравствуй, князь!
Спасибо, что пожаловал! С тобою
Я буду говорить, с тобою, князь,
О Дмитрие, о брате!

Кн. Иван Петрович

Государь,
Я сам давно хотел тебе поведать
О Дмитрие царевиче, но прежде —
На шурина на твоего тебе
Я бью челом!

Федор

Как? На Бориса?

Кн. Иван Петрович

Да!

Федор

Что сделал он?

Кн. Иван Петрович

Свою солживил клятву!

Федор

Что? Что ты, князь?

Кн. Иван Петрович

Ты слышал, государь,
Как он клялся, что ни единым пальцом
Не тронет он сторонников моих?

Федор

Конечно, слышал! Ну?

Кн. Иван Петрович

Сегодня ж ночью
Он тех купцов, с которыми вчера
Ты говорил, велел схватить насильно
И отвезти неведомо куда!

Федор

Позволь, позволь — тут что-нибудь не так!

Кн. Иван Петрович

Спроси его!

Федор

То правда ль, шурин?

Годунов

Правда.

Ирина

Помилуй, брат!

Федор

Побойся бога, шурин!
Как мог ты это сделать!

Годунов

Я нашел,
Что их в Москве оставить не годится.

Федор

А клятва? Клятва?

Годунов

Я клялся не мстить им
За прежние вины — и я не мстил.
Они за то увезены сегодня,
Что, после примирения, меня
Хотели снова с Шуйскими поссорить,
Чему ты был свидетель, государь.

Федор

Да, разве так! Но все же надо было...

Годунов

Дивлюся я, что князь Иван Петрович
Стоит за тех, которые так дерзко
Пыталися меж нас расстроить мир!

Кн. Иван Петрович

А я дивлюсь, как ты, боярин, смеешь
Бессовестным, негодным двоязычьем
Оправдывать себя! Великий царь!
Он не в глаза ль смеялся нам вчера,
Тебе и мне, когда, в руках владыки,
Он честный крест на криве целовал?

Федор

Нет, шурин, нет, ты учинил не так!
Твои слова мы поняли не так!

Кн. Иван Петрович

Что будет думать о тебе земля,
Великий царь, когда свою он клятву,
Тобою освященную, дерзнул
Попрать ногами?

Федор

Этого не будет!
Купцов вернуть сегодня ж!

Кн. Иван Петрович

Только, царь?
А он, который обманул тебя,
Меня ж бесчестным сделал пред народом —
Попрежнему землею будет править?

Федор

Но, князь, позволь... тут не было обмана...
Вы только ведь не поняли друг друга...
Да и к тому ж, ведь вы уж сговорились,
Чтоб вместе вам обсуживать дела?

Кн. Иван Петрович

Он так клялся; ему на этом слове
Я подал руку — но ты видишь сам,
Как целованье держит он свое!
Великий царь, остерегись его!
Не доверяй ему ни государства,
Ни собственной семьи не доверяй!
Ты говорить со мной хотел о брате?
Ты знаешь ли, кто тот, кого приставил
Он в Угличе ко брату твоему?
Тот Битяговский? Знаешь ли, кто он?
Изменник он! И вор! И лжесвидетель,
Избавленный от виселицы им!
Не оставляй наследника престола
В таких руках!

Федор

Нет, нет, на этом, князь,
Спокоен будь! Уж я сказал Борису,
Что Дмитрия хочу я взять к себе!

Годунов

А я на то ответил государю,
Что в Угличе остаться должен он.

Федор

Как? Ты опять? Ты споришь?

Годунов

Государь,
Дозволь тебе сказать...

Федор

Нет, не дозволю!
Я царь или не царь?

Годунов

Дай объяснить мне...
Лишь выслушай...

Федор

И слушать не хочу!
Я царь или не царь? Царь иль не царь?

Годунов

Ты царь...

Федор

Довольно! Больше и не надо!
Ты слышала, Арина? Князь, ты слышал?
Он согласился, что я царь! Теперь уж
Не может спорить он! Теперь он — цыц!

(К Годунову)

Ты знаешь, что такое царь? Ты знаешь?
Ты помнишь батюшку-царя? Ты, ты —
Князь, будь спокоен! Дмитрия к себе
Из Углича я выпишу сюда!
И мачеху и мачехиных братьев,
Всех выпишу! Что это в самом деле?
На что это похоже? Даже в пот
Меня он бросил! Посмотри, Арина!

(Ходит по комнате и потом останавливается перед Шуйским и Годуновым.)

Ну, а теперь, как я вас помирил,
Так полно вам сердиться друг на друга!
Ну, полно, шурин! Полно, князь! Довольно!
Ну, поцелуйтесь! Ну!

Кн. Иван Петрович

Великий царь,
Тебя постичь я не могу! Ты видел,
Из собственных его ты слышал уст,
Что клятвой он двусмысленно играет,
Его насилье сам ты отменил,
Ты согласился, что оставить брата
Нельзя в руках наемника его —
А между тем ты оставляешь царство
В его руках? Великий государь —
Одно из двух! Иль я теперь обманщик.
И ты меня суди за клевету —
Или его за вероломство должен
Ты отрешить!

Федор

Да я ведь уж исправил
Его вину перед тобой? Чего же
Тебе еще? Ничем он не доволен!
Арина, слышишь?

Ирина

Князь Иван Петрович,
Мне кажется...

Годунов

Оставь его, сестра!
Царя избавлю я от затрудненья
Меж нас решать. Великий государь!
Доколе ты мне верил, я тебе
Мог годен быть — как скоро ж ты не веришь,
Я не гожусь. Князь Шуйский молвил правду:
Один из нас другому должен место
Здесь уступить. Свой выбор, государь,
Ты учинил, когда так благосклонно
Ты обвиненья выслушал его,

Мою же речь отвергнул наотрез.
Дозволь мне удалиться.

Федор

Что ты? Что ты?

Годунов

Кому прикажешь, государь, дела
Мне передать?

Федор

Да ты меня не понял!
Ах, боже мой! что ты наделал, князь!

Годунов

Нет, государь, твою я волю понял:
Тебе угодно тех людей, которых
Я удалил, чтоб город успокоить —
Вернуть назад. Тебе Нагих угодно,
С царевичем, в Москву перевести,
Хоть есть причины важные оставить
Их в Угличе. Когда, великий царь,
Ты так решил — твоя святая воля
Исполнится, но на себя ответа
Я не беру!

Федор

Да я не знал, Борис,
Что есть такие важные причины!
Уж если ты...

Кн. Иван Петрович

Прости, великий царь!

Федор

Князь! Князь! Куда?

Кн. Иван Петрович

Куда-нибудь подале,
Чтоб не видать, как царь себя срамит!

Федор

Князь, погоди, мы всё уладим...

Кн. Иван Петрович

Царь
Всея Руси, Феодор Иоанныч —
Мне стыдно за тебя — прости!

(Уходит.)

Федор

Князь! Князь!
Ах, боже мой — ушел! И этот вот
Меня оставить хочет! Шурин, ты —
Ты пошутил! А что ж с землею будет?

Годунов

Великий царь, могу ль тебе служить я,
Когда ты руки связываешь мне?

Федор

Да нету, шурин, нету! Будет все
По-твоему. Ну, что ж? Согласен ты?
Да, шурин? Да?

Годунов

На этом уговоре,
Великий царь, согласен я, но помни,
Что только так могу я продолжать
Тебе служить.

Федор

Спасибо же тебе!
Спасибо, шурин. Знаешь ли, теперь
Нам Шуйского бы надо успокоить!
Ведь он тебя не понял; я ведь тоже
Тебя вчера не понял!

(Входит Клешнин, подает Годунову бумаги и уходит. — Годунов пробегает их и передает Федору.)

Годунов

Государь,
Сперва прочти вот это донесенье
Из Углича и тайное письмо,
Которое Михайло Головин,
Сторонник Шуйских, написал к Нагим;
Его прислал с нарочным Битяговский.

Федор *(смотрит в бумаги)*

Ну, что же тут? «И в пьяном виде часто
Ругаются негодными словами...»
Да кто же слов не говорит негодных,
Когда он пьян? «И деньги вымогают
С угрозами...» Да ты уж им не мало ль
Назначил, шурин? Ведь они привыкли
Жить широко при батюшке! Ты им бы
Поболе дал! Ну, что же тут еще?
«И хвалятся, что с помощию Шуйских
Они царя...» Помилуй, быть не может!

Годунов

Ты грамату прочти Головина.

Федор *(читает про себя,*
останавливается и качает головой)

Меня согнать с престола? Боже мой,
Зачем бы им не подождать немного?
Всем ведомо, что я недолговечен;
Недаром тут, под ложечкой, болит.
Не то хоть Мите подрасти бы дали!
Уж как бы я охотно уступил
Ему престол! А то теперь насильно
Меня согнать, а малого ребенка
Вдруг посадить, а там еще опека,
Разрухи, смуты, разоренье царству —
Нехорошо!

Годунов

Теперь ты видишь, царь,
Зачем Нагим нельзя позволить было
Вернуться на Москву?

Федор

Нехорошо!

Годунов

Ты благодушно, царь, об этом судишь,
А между тем великая опасность
Грозит земле. Не терпит время. Нам
Решительное надо сделать дело!

Федор

Какое дело, шурин?

Годунов

Государь!
Из граматы Головина ты видишь,
Что Шуйские с Нагими в заговоре.
Ты должен приказать немедля Шуйских
Под стражу взять.

Федор

Под стражу? Как? Ивана
Петровича под стражу? А потом?

Годунов

Потом — когда себя он не очистит —
Он должен быть...

Федор

Что́ должен быть?

Годунов

Казнен.

Федор

Как? Князь Иван Петрович? Тот, который
Был здесь сейчас? Которого сейчас я
Брал за́ руку?

Годунов

Да, государь.

Федор

С которым
Тебя вчера я помирил?

Годунов

Тот самый.

Федор

Он? С братьями казнен?

Годунов

Со всеми, кто
Причастен к их измене.

Федор

И с Нагими?

Годунов

Без Шуйских эти не опасны, царь.

Федор

Того казнить сбираешься ты, шурин,
Кто землю спас?

Годунов

Того, кто посягает
На твой престол.

Федор

И это все затем,
Что в пьяном виде на меня Нагие
Грозилися? Что вздумалось кому-то
К ним написать, без ведома, должно быть,
И самых Шуйских? Шурин, ты скажи мне,
Ты с тем лишь мне служить еще согласен,
Чтоб я тебе их выдал головой?

Годунов

Лишь только так могу я, государь,
Тебе за целость царства отвечать.

Когда тебе мне верить не угодно,
Раз навсегда, дозволь мне удалиться,
А на себя за все возьми ответ!

Федор *(после долгой борьбы)*

Да, шурин, да! Я в этом на себя
Возьму ответ! Вот видишь ли, я знаю,
Что не умею править государством.
Какой я царь? Меня во всех делах
И с толку сбить и обмануть нетрудно.
В одном лишь только я не обманусь:
Когда меж тем, что бело иль черно,
Избрать я должен — я не обманусь.
Тут мудрости не нужно, шурин, тут
По совести приходится лишь делать.
Ступай себе, я не держу тебя:
Мне бог поможет. Я измене Шуйских
Не верю, шурин; если ж бы и верил,
И тут бы их на казнь я не послал.
Довольно крови на Руси лилося
При батюшке, господь ему прости!

Годунов

Но, государь...

Федор

Я знаю, что́ ты скажешь:
Что через это царство замутится?
Не правда ли? На то господня воля!
Я не хотел престола. Видно, богу
Угодно было, чтоб немудрый царь
Сел на Руси. Каков я есть, таким
Я должен оставаться; я не в праве
Хитро вперед рассчитывать, что́ будет!

Годунов

Но, государь, подумай...

Федор

Что тут думать?
Что думать, шурин? Дело решено.

Мне твоего не надо уговора;
Свободен ты; оставь меня теперь;
Мне одному остаться надо, шурин!

Годунов

Я ухожу, великий государь!..

(Направляется медленно к двери, но прежде, чем отворить ее, оборачивается на Федора. — Федор дает ему уйти и кидается на шею Ирине.)

Федор

Аринушка! Родимая моя!
Ты, может быть, винишь меня за то,
Что я теперь его не удержал?

Ирина

Нет, Федор, нет! Ты сделал так, как должно!
Ты ангела лишь слушай своего,
И ты не ошибешься!

Федор

Да, я тоже
Так думаю, Аринушка. Что ж делать,
Что не рожден я государем быть!

Ирина

Ты весь дрожишь, и сердце у тебя
Так сильно бьется!

Федор

Бок болит немного;
Аринушка, я не пойду к обедне.
Ведь тут греха большого нет, не правда ль,
Одну обедню пропустить? Я лучше
Пойду к себе в опочивальню; там
Прилягу я и отдохну часочек.
Дай нá руку твою мне опереться;
Вот так! Пойдем, Аринушка; на бога
Надеюсь я, он не оставит нас!

(Уходит, опираясь на руку Ирины.)

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ДОМ КНЯЗЯ ИВАНА ПЕТРОВИЧА ШУЙСКОГО

Князь Иван Петрович и княжна Мстиславская.— В стороне стол с кубками, за которым стоит Старков.

Кн. Иван Петрович

Не плачь, Наташа, я ведь не серчаю:
Тебе простил я; баба та тебя
Попутала, а бог и наказал.

Княжна

Князь-дядюшка, а с ним-то что же будет?

Кн. Иван Петрович

С Григорьем-то? Да в гору, чай, пойдет,
Когда захочет выдать нас. Два раза
Я посылал за ним, чтобы его
Усовестить, да не могли найти.
Вот голова! Когда б меня дождался,
Так не дошло б до этого.

Княжна

Ты, дядя,
Его простил бы? Ты бы за царя
Меня не стал неволить?

Кн. Иван Петрович

За таким
Тебя мне жаль бы видеть было мужем!
Я пожурил бы вас обоих, слова ж
Назад не взял бы. Опалели братья.

Княжна

Он не пойдет к царице! Не захочет
Он выдать вас!

Кн. Иван Петрович

И самому мне что-то
Не верится; но выдаст иль не выдаст,
Мы ждать не будем: прежде, чем вернулся
Я от царя, все было решено.

Княжна

Не мучь меня — скажи мне, бога ради,
Чтó ты решил?

Кн. Иван Петрович

Не девичье то дело,
Наташенька; узнаешь после.

Княжна

Дядя.
Твой мрачен вид — ты смотришь так сурово —
Со мной одной попрежнему ты ласков,
Ты добр со мной; но страшно мне смотреть
Тебе в глаза — хотелось бы по ним
Мне отгадать, чтó ты задумал?

Кн. Иван Петрович

Тотчас
Князья придут; мне дело с ними есть:
Поди к себе, Наташа.

Княжна

Дай остаться
С тобою мне! Дай потчевать гостей!

Кн. Иван Петрович

Нельзя, Наташа.

Княжна *(про себя)*

Господи, ужели
Недаром сердцу чуется беда!

(Уходит. — Входят братья кн. Ивана Петровича, купцы Голубь и Красильников с другими сторонниками Шуйских.—Все останавливаются перед ним в почтительном молчании. — Кн. Иван Петрович смотрит на них некоторое время, не говоря ни слова.)

Кн. Иван Петрович *(сидя)*

Вам ведомо, как дело повернулось:
Схватить нас могут каждый миг. Хотите ль
Погибнуть все или со мной итти?

Все

Князь-государь, приказывай что хочешь —
Мы все с тобой!

Кн. Иван Петрович

Так слушайте ж меня!
Князь Дмитрий — ты сейчас поедешь в Шую,
Сберешь народ, дворян и духовенство
И с лобного объявишь места им,
Что Федор царь во скудоумье впал
И государить долее не может;
Царем же нам законным учинился
Его наследник Дмитрий Иоанныч.
Пусть крест ему целуют. — Князь Андрей!
Тебя я шлю в Рязань. Сбери войска
И на Москву веди их. — Князь Феодор!
Ты едешь в Нижний!—Князь Иван—ты в Суздаль!
— Боярин Головин! Тебя избрал
Я в Углич ехать. Там с Нагими вы
Димитрия объявите царем
И двинетесь, при звоне колокольном,
С ним на Москву, хоругви распустя.
Я со Мстиславским и со князь Васильем
Останусь здесь, чтоб Годунова взять
Под караул.

(К дворецкому)

Федюк, подай братину!
Во здравье каждому и в добрый путь,
И да живет царь Дмитрий Иоанныч!

Все (*кроме Василия Шуйского*)

Да здравствует царь Дмитрий Иоанныч!

Кн. Василий Шуйский

Князь-дядюшка — не в гнев тебе сказать —
Не скоро ль ты решился? Вспомни только —
Сего утра еще ты не хотел
Дойти до этого!

Кн. Иван Петрович

Я был дурак!
Пред кем хотел я уличить Бориса?
Перед царем? Нет на Руси царя!

Кн. Василий Шуйский

Обдумай, князь!

Кн. Иван Петрович

Я все обдумал. — Голубь!
Я виноват перед тобой — ты прав!
Как малого мальчишку тот татарин
Меня провел — он лучше знал царя!
Как удалось тебе уйти?

Голубь

Дорóгой,
Князь-батюшка, веревки перетёр,
А на плоту, на Красной переправе,
Сшиб двух стрельцов, с повозки прыгнул в воду
И вплавь утек!

Кн. Иван Петрович

Ты во-время вернулся!
Сегодня же с Красильниковым ты
И с этими другими молодцами,
Торговых вы подымете людей!

Красильников

Уж положись на нас, князь-государь!
Все поголовно встанем на Бориса!

Кн. Иван Петрович

Лишь смеркнется, готовы будьте все:
Когда ж раздастся выстрел из царь-пушки —
Входите в Кремль!

(К дворецкому)

Федюк, подай стопу!
Во здравье всем!

(Отпивает и передает купцам.)

Купцы

Князь-батюшка! Ты нам
Родной отец! Тобою лишь стоим!
Дай господи тебе сломить Бориса —
И да живет Димитрий царь!

Кн. Иван Петрович

Аминь!

(Купцы уходят.)

Кн. Иван Петрович

(ко Мстиславскому)

Ты, князь, сейчас же выбери надежных
Пятьсот жильцов. Пусть крест они целуют
Царю Димитрию; когда ж стемнеет,
Веди их в Кремль. Я с князь Васильем вместе
Меж тем схвачу Бориса на дому.

Кн. Василий Шуйский

Эй, дядюшка! Ты знаешь, я не трус,
Опасного я не боюся дела —
Но все ж подумай лучше!

Кн. Иван Петрович

Много думать —
От дела отказаться. Нам теперь
Уж нечего раскидывать умами —
И ясен путь открылся перед нами!

ДОМ ГОДУНОВА

Годунов, в волнении, ходит взад и вперед. Клешнин стоит, прислонясь к печи.

Годунов

Я отрешен! Сам Федор словно нудит
Меня свершить, чего б я не хотел!
Нагие ждут давно моей опалы,
И весть о ней им дерзости придаст.
Они теперь на все решатся. Дмитрий
Им словно стяг, вкруг коего сбирают
Они врагов и царских и моих.
Того и жди: из Углича пожаром
Мятеж и смуты вспыхнут. Битяговский —
Мне на него рассчитывать нельзя —
Меня продаст он, если не приставлю
За ним смотреть еще кого-нибудь.
Я принужден — я не могу иначе —
Меня теснят —

(К Клешнину)

Ты хорошо ли знаешь
Ту женщину?

Клешнин

На все пригодна руки!
Гадальщица, лекарка, сваха, сводня,
Усердна к богу, с чортом не в разладе —
Единым словом: баба хоть куда!
Она уж здесь. Звать, что ль, к тебе?

Годунов

Не нужно.
Ты скажешь ей, чтобы она блюла
Царевича, а паче примечала б,
Что́ говорят Нагие. — Как царя
Оставил ты?

Клешнин

Над кипой тех бумаг,
Которые отнесть ему велел ты;

То лоб потрет, то зá ухом почешет,
И ничего, сердечный, не поймет!

Годунов

Не выдержит.

(Задумывается.)

Мне все на ум приходит,
Что в оный день, когда царя Ивана
Постигла смерть, предсказано мне было.
Оно теперь свершается: помеха
Моя во всем, вредитель мой и враг —
Он в Угличе —

(Опомнившись)

Скажи ей, чтоб она
Блюла царевича!

Клешнин

А посмотреть
Ее не хочешь, батюшка?

Годунов

Не нужно!

(Про себя)

«Слаб, но могуч — безвинен, но виновен —
Сам и не сам — потом — убит!»

(К Клешнину)

Скажи ей,
Чтобы она царевича блюла!

(Уходит.)

Клешнин *(один)*

Чтобы блюла! Гм! Нешто я не знаю,
Чего б хотелось милости твоей?
Пожалуй — что ж! Грех нá душу возьму!
Я не брюзглив — не белоручка я!
Пока он жив, от Шуйских и Нагих
Не будет нам покоя. Вишь, как крылья

Подрезали! Не ждал я этой рыси
От Федора Иваныча! Конечно,
Не выдержит — а если между тем
Случится что?

(Отворяет дверь.)

Сударыня, войди!

Волохова *(входит с просвирой в руках)*

Благослови, владычица святая!
Поклон тебе, боярин, принесла
От Трех-Святителей, просвирку вот
Там вынула во здравие твое!

Клешнин *(ласково)*

Садись сюда, голубушка, спасибо!
Тебе сказали, для чего послал
Я за тобой?

Волохова *(садясь)*

Сказали, государь,
Сказали, свет: боярин Годунов
Сменяет, мол, царевичеву мамку,
Меня ж к нему приставить указал.
Уж будь спокоен! Пуще ока стану
Его беречь; и ночи не досплю
И куса не доем, а уж дитятю
Я соблюду!

Клешнин

Бывала в мамках ты?

Волохова

Лгать не хочу, боярин, не бывала,
А уж куда охоча до детей!
Ребеночек ведь тот же ангел божий!
Сама сынка вскормила своего,
Двадцатый вот пошел ему годок,
Все при себе, под крылышком, держала
До морового года; лишь в тот год
Поопаса́лась вместе жить.

Клешнин

Что так,
Голубушка!

Волохова

А в этакую пору
Недолго до греха: как раз подсыплет
Чего-нибудь, отпел, похоронил,
Наследство взял — и поминай как звали!
Кому в такое время разбирать!

Клешнин

Ты свахою, голубушка, теперь?

Волохова

Бываю в свахах, батюшка-боярин,
Хвалиться грех, а без меня немного
Играется и свадеб на Москве!

Клешнин

Какую же последнюю ты свадьбу
Устроила?

Волохова

А Шаховского князя
С Мстиславскою княжною, государь.

Клешнин

Не с тою ли, которую вчера
Ты, при живой царице, за царя
Хотела сватать?

Волохова

Боже упаси!
Какой тебе разбойник то сказал?
Какой собака, вор и клеветник?
Чтоб у него язык распух! Чтоб очи
Полопались!

Клешнин *(грозно)*

Молчи, старуха! Цыц!
Мы знаем всё! Покойный государь,

Блаженной памяти Иван Васильич,
На медленном огне тебя бы, ведьму,
Изволил сжечь! Но жалостлив боярин
Борис Феодорович Годунов:
Он вместо казни даст тебе награду,
Когда свою исполнить службу ты
Сумеешь при царевиче.

Волохова

Сумею!
Сумею, батюшка! Сумею, свет!
Уж положися на меня! И мухе
Я на дитятю сесть не дам! Уж будет
И здрав, и сыт, и цел и невредим!

Клешнин

Но если б что не по твоей вине
Случилось с ним...

Волохова

Помилуй, уж чему
При мне случиться!

Клешнин *(значительно)*

Он тебе того
В вину бы не поставил!

(Волохова смотрит в удивлении.)

Слушай, баба:
Никто не властен в животе и смерти —
А у него падучая болезнь!

Волохова

Так как же это, батюшка? — Так — что же?
В толк не возьму?

Клешнин

Бери, старуха, в толк!

Волохова

Да, да, да, да! Так, так, боярин, так!
Всё в божьей воле! Без моей вины

Случиться может всякое, конечно!
Мы все под богом ходим, государь!

Клешнин

Ступай, карга! С тобой перед отъездом
Увижусь я — но помни: денег вдоволь —
Или тюрьма!

Волохова

Помилуй, государь,
Зачем тюрьма! Уж ты не поскупись,
Ведь наше дело вдовье. Да дозволь уж
Сынка забрать!

Клешнин

Ты в том вольна; ступай!

Волохова

Прости же, государь; уж будешь нами
Доволен! Так! Конечно так, конечно!
Час неровён, случиться может всяко!
Один лишь бог силен и всемогущ.
Один господь, а наше дело вдовье!

(Уходит.)

Слуга *(докладывает)*

Федюк Старков!

Клешнин

Зови его сюда!

(Старков входит. Занавес опускается.)

ЦАРСКИЙ ТЕРЕМ. ПОЛОВИНА ЦАРИЦЫ

Федор сидит за кипою бумаг и обтирает пот с лица.—Перед ним стоят государственные печати, большая и малая.—Ирина подходит и кладет ему руку на плечо.

Ирина

Ты отдохнул бы, Федор.

Федор

Ничего
Понять нельзя! Борис нарочно мне
Дела такие подобрал! Один лишь
Толковый лист попался: наш гонец
Из Вены пишет: цесарь-де готовит
Подарок мне: шесть обезьян мне шлет.
Аринушка, я их отправлю к Мите!

Ирина

Так ты его не выпишешь?

Федор

Вот видишь,
Аринушка, когда бы согласился
Борис остаться...

Ирина

На его ты место
Еще не выбрал никого?

Федор

Ведь ты же,
Ты ж говорила: лучше подождать.
Ты думала, он сам придет мириться,
А он прислал мне этот ворох дел!
Уж я над ним измучился, и вот
Еще беда: за Шуйским я послал,
За князь Иваном, чтоб помог он мне
Всё разобрать, а он велел ответить,
Что нездоров; упрямится, должно быть.
Я вновь послал: челом-де бью ему,
Такое-де есть дело, о котором
Не знает он!

(Входит Клешнин.)

А, это ты, Петрович!
Откуда ты?

Клешнин

От хворого.

Федор

Откуда?

Клешнин

От хворого от твоего слуги,
От Годунова.

Федор

Разве он хворает?

Клешнин

А как же не хворать ему, когда
Его, за все заслуги, слóвно пса,
Ты выгнал вон! Здорово, мол, живешь!

Федор

Помилуй, я...

Клешнин

Да что тут говорить!
Ты, батюшка, был от младых ногтей
Суров и крут, и сердцем непреклонен.
Когда себе чтó положил на мысль,
Так уж поставишь на своем, хоть там
Весь свет трещи!

Федор

Я знаю сам, Петрович,
Что я суров...

Клешнин

Весь в батюшку пошел!

Федор

Я знаю сам — но неужель Борис
Не помирится, если я скажу,
Что виноват?

Клешнин

Он столького не просит.
Лишь прикажи мне приложить печать
Вот к этому листу о взятьи Шуйских

Немедленно под стражу — и он снова
Тебе слуга!

Федор

Как? Он не перестал
Подозревать?

Клешнин

Царь! Тут не подозренье,
Тут полная улика налицо!
Старков, дворецкий князь Ивана, нам
Сейчас донес, что князь Иван сегодня
Решил признать царенка государем,
Тебя ж решил с престола до утра
Согнать долой. Ты, батюшка, Старкова
Хоть сам спроси!

Федор

Уж эти мне доносы!
Я в первый раз Старкова имя слышу,
А Шуйского звучит повсюду имя,
Как колокол. Ужели хочешь ты,
Чтоб я какому-то Старкову боле,
Чем Шуйскому, поверил?

Клешнин

Верь, не верь,
Я говорю тебе: когда их всех
Ты не велишь сейчас же...

Стольник *(докладывает)*

Князь Иван
Петрович Шуйский!

Клешнин

Как? Он сам?

Федор *(радостно)*

Пришел!
Пришел, Аринушка!

Клешнин

Вели его
Под стражу взять!

Федор

Стыдись, стыдись, Петрович!

(К стольнику)

Пускай войдет!

(К Клешнину)

Я при тебе его
Сейчас спрошу.

(Входит кн. Иван Петрович.)

Здорово, князь Иван!
Вообрази: есть на тебя донос —

(Кн. Иван Петрович смущается.)

Но я ему не верю. Я хочу,
Чтоб ты мне сам сказал, что предо мною
Ты чист теперь, как ты пред целым светом
Всегда был чист, и слова твоего
С меня довольно.

Кн. Иван Петрович

Государь...

Федор

Ты, князь,
Меня пойми: ведь я не сомневаюсь,
Я лишь хочу...

Клешнин

Нет, батюшка, позволь!
Уж коль на то пошло, дай лучше мне
Его спросить: Князь-государь! Ты можешь
Поцеловать царю вон ту икону,
Что изменить не думал ты ему?

Кн. Иван Петрович

Допрашивать меня не признаю
Я права за тобой.

Федор

Князь, то не он, —
То я прошу тебя!

Клешнин

Вот я икону
Сейчас сыму...

Федор

Не нужно тут иконы.
Скажи по чести мне, по чести только!
Ну, князь!

Кн. Иван Петрович

Уволь меня!

Ирина *(которая не спускала глаз с Шуйского)*

Свет-государь,
Зачем таким вопросом оскорблять
Того, чья доблесть всем давно известна?
Не спрашивай его — потребуй только,
Чтоб он тебе святое слово дал
И впредь остаться верным, как он верен
Доселе был!

Федор

Нет, я хочу, Арина,
Вот этого порядком пристыдить.
Скажи мне, князь, по чести мне скажи:
Задумал ты что-либо надо мною?
Да говори ж!

Клешнин

По чести! Слышишь, князь?

(Про себя)

А по иконе было бы вернее!

Ирина (*к Федору*)

Свет-государь...

Федор

Ну, князь?

Кн. Иван Петрович

Уволь меня!

Федор

Нет, не уволю!

Клешнин

Ты, чай, трусишь, князь?

Федор

Какое трусит? Он упрям и крут,
Да я его и круче и упрямей!
Нашла коса на камень, и доколе
Он мне не даст ответа, я его
Не выпущу отсель!

Кн. Иван Петрович

Так знай же все!

Федор (*с испугом*)

Что? Что ты хочешь?..

Кн. Иван Петрович

Да! Ты слышал правду —
Я на тебя встал мятежом!

Федор

Помилуй...

Кн. Иван Петрович

Ты слабостью своею истощил
Терпенье наше! Царство отдал ты
В чужие руки — ты давно не царь —
И вырвать Русь из рук у Годунова
Решился я!

Федор *(вполголоса)*

Тс! Тише!

(Указывая на Клешнина)

Не при нем!
Не говори при нем — Борису он
Расскажет все!

Клешнин

Да продолжай же, князь!

Федор

Молчи, молчи! Глаз-нá-глаз скажешь мне!

Клешнин

Царь ждет ответа!

Кн. Иван Петрович

Да! сегодня брата
Я твоего признал царем!

Федор

Петрович —
Не верь ему! Не верь ему, Арина!

Кн. Иван Петрович

Теперь тебя о милости единой
За прежние заслуги я прошу:
Один лишь *я* виновен! Не вели
Сторонников моих казнить — не будут
Они тебе опасны без меня!

Федор

Что ты несешь? Что ты городишь? Ты
Не знаешь сам, какую небылицу
Ты путаешь!

Кн. Иван Петрович

Не вздумай, государь,
Меня простить. Я на тебя бы снова
Тогда пошел. Царить не можешь ты —

А под рукою Годунова быть
Я не могу!

Клешнин *(про себя)*

Вишь, княжеская честь!
И подгонять не надо!

Федор *(берет Шуйского в сторону)*

Князь, послушай:
Лишь потерпи немного — Мите только
Дай подрасти — и я с престола сам
Тогда сойду, с охотою сойду,
Вот-те Христос!

Клешнин *(подходит к столу и берет печать)*

Прихлопнуть, что ль, приказ?

Федор

Какой приказ? Ты ничего не понял!
Я Митю сам велел царем поставить!
Я так велел — я царь! Но я раздумал:
Не надо боле; я раздумал, князь!

Клешнин

Да ты в уме ль?

Федор *(на ухо Шуйскому)*

Ступай! Да ну, ступай же!
Все на себя беру я, на себя!
Да ну, иди ж, иди!

Кн. Иван Петрович
(в сильном волнении)

Нет, он святой!
Бог не велит подняться на него —
Бог не велит! Я вижу, простота
Твоя от бога, Федор Иоанныч —
Я не могу подняться на тебя!

Федор

Иди, иди! Разделай, что ты сделал!

(Вытесняет его из комнаты.)

Клешнин *(подымая печать над приказом)*

Царь-батюшка, вели скрепить приказ!
Не дай ему собрать войска! Царица —
Скажи ему, что участь государства
В приказе сем!

Ирина

В нем нет уже нужды!
Гроза прошла, не враг нам боле Шуйский!

Федор

Петрович, слышишь? Слышал ты, Петрович?
Аринушка, ты ангел! От тебя
Ничто не скроется, ты все заметишь
И все поймешь! Да, Шуйский нам не враг!

(Шум за дверью. — Сенная девушка вбегает в испуге.)

Сенная девушка

Царица, спрячься! Схоронись! Какой-то
Вломился в терем сумасшедший!

Голос Шаховского *(за сценой)*

Прочь!
Прочь! Не держите! Я хочу к царице!

(В дверях показывается Шаховской, удерживаемый несколькими слугами. Он их отталкивает и бросается Ирине в ноги.)

Шаховской

Прости меня, прости меня, царица!
Напрасно я от самого утра
К тебе прошусь!

Федор

Да это Шаховской!

Слуги *(вбегают со стрельцами)*
Хватайте вора!

Федор

Тише, тише, люди!
Здесь вора нет!

(К Шаховскому)

Скажи мне, растолкуй,
Чего ты хочешь?

Шаховской

Царь! Казни меня —
Казни меня, но выслушай! Тебя
Хотят с твоей царицей развести!

Федор

Ты бредишь, князь!

Клешнин *(про себя)*

Так вот оно в чем дело!

(К Федору)

Царь, выслушай его!

Шаховской

Мою невесту
Они хотят посватать за тебя!

Федор

Кто? Кто они?

Шаховской

Дядья моей невесты,
Княжны Мстиславской, Шуйские князья!

Федор

Да ты и впрямь помешан, князь!

Шаховской *(встает и подает бумагу)*

Вот, вот
Их челобитня! Матушка-царица!

Вели невесту мне отдать! Вели,
Царь-государь, сегодня же — сейчас же
Нас обвенчать!

Клешнин

Об этой челобитне
Слыхали мы. Позволь-ка поглядеть!

(Берет бумагу в руки и, просмотрев, обращается к Федору)

Вот, батюшка, ты говорил сейчас,
Твоя царица знает князь Ивана —
А на поверку вышло, что не знает!
Ее, сердечную, ее, голубку,
Ее, которая сейчас, как ангел,
Стояла за него — ее он хочет,
Как грешную, преступную жену,
Как блудницу, с тобою развести,
Тебе ж свою племянницу посватать!
Не веришь, батюшка? Смотри, читай!

(Подает Федору бумагу.)

Федор *(читает)*

«Ты новый брак прийми, великий царь,
Мстиславскую возьми себе в царицы...
Ирину ж Годунову отпусти
Во иноческий чин...»

Клешнин

Ты руку знаешь
Иван Петровича? Читай же подпись!

Федор *(читает)*

«И в том тебе соборне бьем челом
И руки прилагаем: Дионисий,
Митрополит всея Руси... Крутицкий
Архиепископ Варлаам... Князь...» Что?

(Дрожащим голосом)

«Князь... Князь Иван... Иван Петрович
Шуйский»!

Его рука! Он также подписался!
Аринушка — он подписался!

(Падает в кресло и закрывает лицо руками.)

Ирина

Федор...

Федор

Он! Он! Пускай бы кто другой, но он!
Нас разлучить с тобой!

(Плачет.)

Ирина

Опомнись, Федор!

Федор

Тебя сослать!

Ирина

Мой царь и господин!
Не ведаю сама, что̀ это значит —
Но ты подумай: если князь Иван
Сейчас хотел свести тебя с престола,
Он мог ли мыслить выдать за тебя
Мстиславскую?

Федор

Тебя — мою Ирину —
Тебя постричь!

Ирина

Ведь этого не будет!

Федор *(вскакивая)*

Не будет! Нет! Не дам тебя в обиду!
Пускай прийдут! Пусть с пушками прийдут!
Пусть попытаются!

Ирина

Свет-государь,
Напрасно ты тревожишься. Кто может
Нас разлучить? Ты царь ведь!

Федор

Да, я царь!
Они забыли, что я царь! Петрович —
Где тот приказ?

(Бежит к столу и прикладывает печать к приказу.)

На! На! Отдай Борису!

Ирина

Что сделал ты...

Федор

Под стражу их! В тюрьму!

Ирина

Мой господин! Мой царь! Не торопись!

Федор

В тюрьму! В тюрьму!

Шаховской *(выходя из оцепенения)*

Царь-государь, помилуй!
Я не того просил! Я о невесте
Тебя просил!

Федор

Борис вас разберет!

Шаховской

Он изведет их! Он погубит Шуйских!

Федор

Всех разберет он!

Шаховской

Я палач им буду!
Царь, смилуйся!

Федор

В тюрьму! В тюрьму их!

Шаховской

Боже!

Что сделал я!

(Убегает.)

Ирина

Свет-государь, послушай —
Верни его! Верни ты Клешнина!
Не торопись! Не посылай ты Шуйских
Теперь в тюрьму, *теперь*, когда они
Обвинены в измене!

Федор

Ни, ни, ни,
Аринушка! И не проси меня!
Ты этого не разумеешь! Если
Я подожду, я их прощу, пожалуй —
Я их прощу — а им нужна наука!
Пусть посидят! Пусть ведают, чтó значит
Нас разлучать! Пусть посидят в тюрьме!

(Уходит.)

БЕРЕГ ЯУЗЫ

Через реку живой мост. — За рекой угол укрепления с воротами. — В стороне рощи, мельницы и монастыри. — По мосту проходят люди разных сословий. — Курюков идет с бердышом в руках. — За ним гусляр.

Курюков

Стой здесь, парень, налаживай гусли, а как соберется народ, зачинай песню про князь Иван Петровича! Господи, благослови! Господи, помоги! Вот до чего дожить довелось!

(Гусляр строит гусли; Курюков осматривает бердыш.)

Ишь, старый приятель! От самого от блаженной памяти от Василь Иваныча не сымал тебя со стены, аж всего

ржавчина съела. А вот сегодня еще послужишь. Ну, перебирай лады, парень, вона народ подходит!

Посадский *(подходит к Курюкову)*

Доброго здоровья дедушке Богдану Семенычу! Что это у тебя за бердыш?

Курюков

Внучий бердыш, батюшка, внучий бердыш! Татары, слышно, оказались. Внуку-то, вишь, некогда, так я-то вот и взялся его бердыш на справку снести, да вот парня послушать остановился.

Посадский

А близко нешто татары?

Курюков

Близко, слышно.

Другой посадский

А кого навстречу пошлют?

Третий посадский

Чай, опять князь Иван Петровича?

Курюков

Годунова пошлют!

Первый

Что ты, помилуй, Богдан Семеныч!

Курюков *(злобно)*

А что? Чем Годунов вам не воевода?

Третий

Где ж ему супротив Иван Петровича?

Курюков

Ой ли? *(К гусляру)* Ну, что ж песня-то? Песня?

Гусляр *(поет)*

Копил король, копил силушку,
Подходил он под Опсков-город,
Подошедши, похваляется:
«Уж собью город, собью турами,
Воеводу, князя Шуйского,
По рукам и по ногам скую,
Царство русское насквозь пройду!»

Один из народа

Царство русское насквозь пройду! Ха-ха! Малого захотел!

Другой

Иван Петровича скую! Да, скуешь его! Попробуй!

Курюков *(к гусляру)*

Ну, парень!

Гусляр *(продолжает)*

То не божий гром над Опсковом гремит,
Бьют о стены то ломы железные,
Ядра то каленые сыплются!

Женщина

Пресвятая богородица, какие страхи!

Гусляр *(продолжает)*

А не млад то светёл месяц зарождается,
Государь то Иван Петрович князь
На стене городской проявляется.
Он идет по стене, не сторонится,
Ядрам сустречь глядит, не морщится.

Один

Да, этот не морщился!

Гусляр *(продолжает)*

Целовали мы крест сидеть до-смерти —
Не сдадим по смерть Опскова-города!

Один

И не сдали Пскова, не сдали!

Другой

Святые угодники боронили его!

Женщина

Матерь божия покрывала!

Курюков

А кто сидел-то в нем, православные? Кто сидел-то в нем?

Один

Одно слово: Иван Петрович!

Курюков

То-то!

Гусляр *(продолжает)*

И пять месяцов король облегает Псков,
На шестой повесил голову.
А тем часом князь сделал вылазку
И побил всю силу литовскую,
Насилу король сам-третей убежал.
Бегучи, он, собака, заклинается:
«Не дай, боже, мне на Руси бывать,
Ни детям моим, ни внучатам,
Ни внучатам, ни правнучатам!»

Один

И поделом ему! Знай наших! Знай князь Иван Петровича!

Гусляр *(заканчивает)*

Слава на небе солнцу высокому!
Слава на земле Иван Петровичу!
Слава всему народу христианскому!

Один

Слава, воистину слава! Вот утешил, добрый человек!

Другой

Воздал честь кому честь подобает! *(Кладет ему деньги в шапку.)* На тебе, добрый человек!

Все

Прими ж и от нас! И от меня! И от меня!

(Все бросают деньги в шапку гусляра.)

Один

Братцы, смотри, кто это сюда скачет?

Другой

Ишь как плетью жарит коня! Должно быть, гонец!

Гонец *(верхом)*

Место! Место! Раздайтесь на мосту!

Посадский

Эй, друг, откуда? С чем едешь?

Гонец

От Тешлова! Татары Оку перешли, на Москву идут! Место! Место!

(Все раздаются. — Гонец скачет по́ мосту в город)

Один

Ишь, притча какая! Чай, скоро подступят!

Женщина *(голосит)*

Ой, господи-светы! Ой, батюшки мои! Опять выжгут наши слободы!

Третий

Ну, расхныкалась! Нешто мы не видывали их! А князь-то Иван Петрович на что?

Четвертый

Король-то, небось, почище татар, а и тот от Иван Петровича, поджамши хвост, убежал!

Третий

Не родился еще тот, кто бы сломил Иван Петровича!

Курюков *(выступает вперед)*

Родился, православные, родился! Родился он, окаянный! Сломил он Иван Петровича! Сковал его, света нашего! По рукам и по ногам сковал!

Народ

Что ты, дедушка, господь с тобой! Кто смеловал обидеть Иван Петровича!

Курюков

Годунов, православные, Годунов! Годунов хочет извести его! Сейчас его, отца нашего, в слободскую тюрьму поведут, здесь пó мосту поведут! *(Шум и говор в народе.)* Вспомяните, детушки, кто всегда стоял за вас! Кто вас от лихих судей боронил? От старост и воевод? От приставов и от целовальников? Кто не пустил короля на Москву? Кто татар столько раз отгонял? Шуйские стояли за нас, православные! Да есть ли кто на целом свете супротив Шуйских? А к кому ноне примкнулись князья и бояре нашему ворогу, Годунову, отпор дать? Пропадем мы без Шуйских, детушки!

Голоса в народе

Не дадим в обиду Шуйских! Не дадим в обиду отца нашего, князь Иван Петровича!

Курюков

Так отобьем же его у Годунова, православные, да на руках домой понесем!

Народ

Отобьем!

Курюков

Постоим за Шуйских, как при Олёне Васильевне стояли! Вот он, православные! Вот он, отец наш, Иван Петрович! Вот он, с братьями, в кандалах идет!

(Из городских ворот выезжают бубенщики. За ними едет кн. Туренин. За Турениным стрельцы ведут кн. Ивана Петровича и других Шуйских (кроме Василья) в кандалах.)

Туренин *(к народу)*

Раздайтесь на мосту! Что дорогу загородили!

Курюков

Батюшка, князь Иван Петрович! Говорил я тебе не мирись! Говорил, родимый, не мирись с Годуновым!

Народ

Правое твое дело, Иван Петрович, а мы за тебя!

Туренин

Раздайтесь, смерды! По царскому указу Шуйских в тюрьму ведем!

Народ

По царскому? Неправда! По Годунова указу!

Туренин *(к стрельцам)*

Разогнать народ!

Курюков

Стойте дружно, православные! Кричите: Шуйские живут!

Народ

Шуйские живут! Выручим отца нашего!

Курюков

Ну, теперь за мной, как при Олёне Васильевне! Шуйские! Шуйские!

(Бросается с бердышом на стрельцов.)

Народ *(бросаясь за ним)*

Шуйские! Шуйские!

Туренин *(к стрельцам)*

Руби воров! Кидай их в воду!

(Свалка.)

Курюков *(падая с моста)*

Шуйские! — Господи, прийми мою душу!

Кн. Иван Петрович

Смирно, детушки! Слушайте меня!

Народ

Отец ты наш! Не дадим тебя в обиду!

Кн. Иван Петрович

Слушайте меня, детушки, разойдитесь! То воистину царская воля! Не губите голов ваших!

Туренин

Вперед!

Кн. Иван Петрович

Погоди, князь, дай последнее слово к народу сказать. Простите, московские люди, не поминайте лихом! Стояли мы за вас до конца, да не дал бог удачи; новые порядки начинаются. Покоритесь же воле божией, слушайтесь царских указов, не подымайтесь на Годунова. Теперь не с кем вам итти на него, и некому будет отстаивать вас. А терплю я за вину мою, в чем грешон, за то и терплю. Не в том грешон, что с Годуновым спорил, а в том, что кривым путем пошел, хотел царицу с царем развести. А потом и хуже того учинил, на самого царя поднялся! Он — святой царь, детушки, он — от бога царь, и царица святая. Дай им, господи, много лет здравствовать!

(К Туренину)

Ну, теперь, князь, идем. Простите, московские люди!

Народ

Батюшка! Отец наш! На кого ты нас, сирот, покидаешь

Туренин

Бейте в бубны!

(Бубенщики бьют в бубны. — Народ расступается. — Шуйских проводят через сцену. — Из городских ворот выбегает Шаховской, без шапки, в одной руке сабля, в другой пистолет. — За ним Красильников и Голубь с рогатинами.)

Шаховской *(вне себя)*

Где князь Иван Петрович?

Один из народа

А на что тебе? Выручать, что ли? Опоздал, боярин!

Другой *(указывая на сцену)*

Эвот, сейчас тюремные ворота за ним захлопнулись!

Шаховской

Так за мной, люди! Раскидаем тюрьму по бревнам!

Красильников

Чего, ребята, задумались? Аль не знаете нас?

Голубь

Это князь Шаховской, а нас вы знаете!

Говор в народе

А что ж, братцы! И в самом деле! Нас-то много, как не выручить! Идем, что ли, за князем?

Шаховской

К тюрьме, ребята! Шуйские живут!

Народ

Шуйские! Шуйские!

(Все бегут за Шаховским.)

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ПОКОЙ В ЦАРСКОМ ТЕРЕМЕ

Годунов и Клешнин.

Годунов

Сторонники захвачены ли Шуйских?

Клешнин

Быкасовы, Урусовы князья,
И Татевы, и Колычевы все
Уже сидят. Не удалось накрыть лишь
Головина — пропал, как не бывало!
Мстиславского ж ты трогать не велел.

Слуга *(докладывает Годунову)*

По твоему боярскому указу,
Василь Иваныч Шуйский приведен.

Годунов

Впустить его.

(К Клешнину)

Ты нас одних оставишь.

(Клешнин и слуга уходят. — Василий Шуйский входит.)

Годунов

Здорово, князь. Мне ведомо, что дядю
От заговора воровского ты
Удерживал. Хвалю тебя за это.

Василий Шуйский

Царю быть верным крест я целовал.

Годунов

И доводить на ворогов на царских.
Но ты на князь Ивана не довел.

Василий Шуйский

Я знал, боярин, что через Старкова
Все ведомо тебе.

Годунов

А знал ли ты,
Что этот лист мне также ведом?

Василий Шуйский

Знал.

Годунов (*показывая ему бумагу*)

Ты сознаешься в подписи своей?

Василий Шуйский

Не в ней одной. Я сознаюсь, боярин,
Что челобитня эта мной самим
Затеяна. Зачем мне запираться?
Тебе хотел я службу сослужить:
Когда дядья в союз вошли с владыкой,
А к ним Москва пристала, каждый свой
Давал совет: нашлися и такие,
Что в Угличе признать царем хотели
Димитрия. Чтоб отвратить беду,
Я предложил им эту челобитню.
Зачем ее ты не дал нам подать?!
Ты знал о ней! Царя б ты подготовил,
Он нас бы выслушал, нам отказал бы,
И все бы кончилося тихо.

Годунов

Гладко
Ты речь ведешь. Я верю ли тебе
Или не верю — в этом нет нужды.
Ты человек смышленый; ты уж понял,

Что провести меня не так легко
И что со мной довольно трудно спорить.
В моих руках ты. Но не буду трогать
За прошлое тебя и обещаний
Не требую на будущее время.
Как прибыльней тебе: со мной ли быть
Иль на меня итти — об этом ты
Рассудишь сам. Подумай на досуге.

Василий Шуйский

Борис Феодорыч! О чем мне думать?
Я твой слуга!

Годунов

Мы поняли друг друга.
Прости ж теперь, на деле я увижу,
Ты искренно ли говорил.

(Василий Шуйский уходит.)

Слуга *(докладывает)*

Боярин,
Царица к милости твоей идет!

(Входит Ирина в сопровождении нескольких боярынь. Годунов опускается перед ней на колени.)

Годунов

Великая царица — я не ждал
Прихода твоего...

Ирина *(к боярыням)*

Оставьте нас.

(Боярыни уходят.)

Брат, не тебе — мне на коленях быть
Перед тобой приходится!

Годунов (вставая)

Сестра,
Зачем ко мне пришла ты без доклада?

Ирина

Прости меня — мне дорог каждый миг —
Тебя просить пришла я, брат!

Годунов

О чем?

Ирина

Ужели ты погубишь князь Ивана?

Годунов

В своей измене сам сознался он.

Ирина

Он в ней раскаялся! Его мы слову
Поверить можем. Благостью царевой
Он побежден. Чего боишься ты?
Ужель опять ко дням царя Ивана,
К дням ужаса, вернуться ты б хотел?
Им срок прошел! Не благостью ли Федор
Одной силён? Не за нее ли любит
Его народ? А Федорова сила —
Она твоя! Для самого себя
Ее беречь ты должен! Ею ныне,
Лишь ей одной, мы с Шуйскими достигли,
Чего достичь не смог бы страхом казни
Сам царь Иван!

Годунов

Высокая гора
Был царь Иван. Из недр ее удары
Подземные равнину потрясали,
Иль пламенный, вдруг вырываясь, сноп
С вершины смерть и гибель слал на землю.
Царь Федор не таков! Его бы мог я
Скорей сравнить с провалом в чистом поле.
Расселины и рыхлая окрестность

Цветущею травой сокрыты, но —
Вблизи от них бродя неосторожно,
Скользит в обрыв и стадо и пастух.
Поверье есть такое в наших селах,
Что церковь в землю некогда ушла,
На месте ж том образовалась яма;
Церковищем народ ее зовет,
И ходит слух, что в тихую погоду
Во глубине звонят колокола
И клирное в ней пенье раздается.
Таким святым, но ненадежным местом
Мне Федор представляется. В душе,
Всегда открытой недругу и другу,
Живет любовь, и благость, и молитва,
И словно тихий слышится в ней звон.
Но для чего вся благость и вся святость,
Коль нет на них опоры никакой!
Семь лет прошло, что над землею русской,
Как божий гнев, пронесся царь Иван.
Семь лет с тех пор, кладя за камнем камень,
С трудом великим здание я строю,
Тот светлый храм, ту мощную державу,
Ту новую, разумную ту Русь, —
Русь, о которой мысля непрестанно,
Бессонные я ночи провожу.
Напрасно все! Я строю над провалом!
В единый миг все может обратиться
В развалины. Лишь стоит захотеть
Последнему, ничтожному врагу —
И он к себе царево склонит сердце,
И мной в него вложённое хотенье
Он изменит. Врагов же у меня
Немало есть — не все они ничтожны —
Ты наглость знаешь дерзкую Нагих,
Ты знаешь Шуйских нрав неукротимый —
Не прерывай меня — я Шуйских чту —
Но доблесть их тупа и близорука,
Избитою тропой они идут,
Со стариной сковало их преданье —
И при таком царе, каков царь Федор,
Им места нет, быть места не должно!

Ирина

Ты прав, Борис, тебе помехой долго
Был князь Иван; но ты уж торжествуешь;
Его вина, которой ныне сам
Стыдится он, порукой нам, что нет
У Федора слуги вернее!

Годунов

Верю;
Он вновь уже не встанет мятежом,
Изменой боле царского престола
Не потрясет — но думаешь ли ты,
Перечить мне он также отказался?

Ирина

Ты поборол его, тобой он сломан;
В темнице он; ужели мщенья ты
Послушаешь?

Годунов

Я мщения не знаю;
Не слушаю ни дружбы, ни вражды;
Перед собой мое лишь вижу дело,
И не своих, но дела моего
Гублю врагов.

Ирина

Подумай о его
Заслугах, брат!

Годунов

За них приял он честь.

Ирина

К стенам Москвы с ордою подступает
Ногайский хан. Кто даст ему отпор?

Годунов

Не в первый раз Москва увидит хана.

Ирина

От Шуйского от одного она
Спасенья ждет.

Годунов

Она слепа сегодня,
Как и всегда. Опаснее, чем хан,
Кто в самом сердце царства подрывает
Его покой; кто плевелом старинным
Не устает упорно заглушать
Величья нового посев. Ирина!
В тебе привык я ум высокий чтить
И светлый взгляд, которому доступны
Дела правленья. Не давай его
Ты жалости не дельной помрачать!
Я на тебя рассчитывал, Ирина!
Доселе ты противницей моею
Скорее, чем опорою, была;
Ты думала, что Федор государить
Сам по себе научится; тебе
Внутри души казалося обидным,
Что мною он руководим; но ты
Его бессилье видишь. Будь же ныне
Помощницей, а не помехой мне.
Недаром ты приставлена от бога
Ко слабому царю. Ответ тяжелый
Есть на тебе. Ты быть должна царицей —
Не женщиной! Ты Федора должна
Склонить теперь, чтоб отказался он
От всякого вступательства за Шуйских!

Ирина

Когда б могла я думать, что нужна
Погибель их для блага государства,
Быть может, я в себе нашла бы силу
Рыданье сердца подавить; но я
Не верю, брат, не верю, чтобы дело
Кровавое пошло для царства впрок,
Не верю я, чтоб сам ты этим делом
Сильнее стал. Нет, тяжким на тебя

Оно укором ляжет! Помогать
Избави бог тебе! Нет, я надеюсь
На Федора!

Годунов

Со мною хочешь снова
Ты врозь итти?

Ирина

Пути различны наши.

Годунов

Прийдет пора, и ты поймешь, Ирина,
Что нам один с тобою путь.

(Отворяет дверь и говорит за кулисы)

Царица
Зовет своих боярынь!

(Боярыни входят.)

Ирина

Брат, прости!

Годунов *(с низким поклоном)*

Прости меня, великая царица!

ПЛОЩАДЬ ПЕРЕД АРХАНГЕЛЬСКИМ СОБОРОМ

Нищие толпятся у входа. — В глубине сцены виден народ.

Один нищий

Скоро ль выйдет царь?

Слепой

Слышишь, панихиду служат по покойном государе; уж вечную память пропели; должно быть, сейчас выйдет.

Другой нищий

А кто служит панихиду-то?

Слепой

Иов служит Ростовский. Его, слышно, и в митрополиты поставят, а владыку сведут.

Первый нищий

Дионисия-то сведут?

Слепой

Да, сведут. И Дионисия и Варлаама Крутицкого сведут. Годунову, вишь, неугодны стали, за Шуйских вступались!

Четвертый *(на костылях, протесняется вперед)*

Братие! Слышали, что́ на Красной площади деется?

Слепой

А чему там деяться?

Четвертый

Купцам головы секут!

Первый

Каким купцам?

Четвертый

Ногаевым! Красильникову! Голубю, отцу с сыном! Еще других повели!

Все

Господи, твоя воля! Да за что ж это?

Четвертый

За то, что за Шуйских стояли. Сами-то Шуйские уж в тюрьме сидят!

Первый

Боже их помилуй! А царь-то что же?

Четвертый

Годунов обошел царя!

Все

Место! Место! Царица идет!

(Нищие сторонятся. — Ирина подходит со Мстиславской; за ней боярыни. — Стольник идет вперед и раздает милостыню.)

Ирина

Стой здесь, княжна. Выйдет царь, поклонись ему в ноги и проси за дядю.

Княжна

Государыня-царица, награди тебя господь, что привела ты меня!

Ирина

Не бойся, дитятко, царь милостив. Что же ты так дрожишь? Дай, я тебе поднизи поправлю; и косу-то растрепала ты свою!

Княжна

Царица-матушка, сердце замирает; научи меня, как царю сказать?

Ирина

Как у тебя на сердце, так и скажи, дитятко. Где жених твой? Ему бы теперь с тобою быть!

Княжна

Не видала я его, царица, с той самой ночи, с того часа, как...

(Закрывает лицо и рыдает.)

Ирина

Бедная ты! И ему-то каково! Чай, теперь умереть бы рад, чтобы свое дело поправить!

Княжна

Воздай тебе матерь божия, что жалеешь ты нас!

(Трезвон во все колокола. Бояре выходят из собора. Двое из них раздают милостыню. За ними идет Федор.)

Княжна *(вполголоса)*

Теперь, царица?

Ирина

Нет еще, подождем, дитятко; видишь, он помолиться хочет.

Федор *(становится на колени лицом к собору)*

Царь-батюшка! Ты, столькии покаяньем,
Раскаяньем и мукой искупивший
Свои грехи! Ты, с богом ныне сущий!
Ты царствовать умел! Наставь меня!
Вдохни в меня твоей частицу силы
И быть царем меня ты научи!

(Встает и хочет итти.)

Ирина *(ко Мстиславской)*

Княжна, теперь!

Княжна *(бросается в ноги Федору)*

Царь-государь, помилуй!

Федор

Чего тебе, боярышня? Встань, встань!

Княжна

Помилуй дядю моего!

Федор

Кто ты?
Кто дядя твой?

Княжна

Иван Петрович Шуйский!

Федор

Так ты княжна Мстиславская? Да, да,
Я узнаю тебя!

Ирина *(становится на колени)*

Свет-государь!
Она тебя со мною вместе молит
За князь Иван Петровича!

Федор

Арина,
Что ты, Арина? Встань! Вставайте обе!
Я князь Иван Петровича прощу,
Но надобно, чтобы в тюрьме немного
Он посидел!

Ирина

Свет-государь, прости
Его теперь! Пошли за ним сейчас же!
Вели ему оборонять Москву,
Как некогда он Псков оборонял!

Федор

Ну, хорошо, Арина, я и сам
Хотел послать за ним — немного позже
Хотел послать — но для тебя, Арина,
Пошлю сейчас.

(К Годунову)

Борис, пошли за ним!

Годунов

Великий царь, ты сам же нам дозволил
Начать сперва над Шуйскими допрос.
Он начался...

Федор

Он должен прекратиться.

Годунов

Но, государь...

Федор

Ты слышал мой приказ?

Годунов

Великий царь...

Федор

Не во-время ты вздумал
Перечить мне. От нынешнего дня
Я буду царь. Советы все и думы
Я слушать рад, но только слушать их —
Не слушаться! Где пристав князь Ивана?
Где князь Туренин?

Клешнин

Эвот, он идет!

(Подходит Туренин.)

Федор *(к Туренину)*

Сейчас всех Шуйских свободить! Ивана ж
Петровича ко мне прислать!

(Туренин не трогается с места.)

Федор

Ты слышишь?
Чего ты ждешь?

Туренин

Великий царь...

Федор

Как смеешь
Еще стоять ты предо мной, когда
Тебя я шлю!

Туренин

Великий государь —
Не властен я твою исполнить волю...
Иван Петрович...

Федор

Ну?

Туренин

Он сею ночью...

Федор

Что — сею ночью? Говори! Ну, что?

Туренин

Он сей ночью пётлей удавился!

Княжна

Святая матерь божья!

Туренин

Государь,
В том виноваты, что не досмотрели;
Мы береглися, как народ его бы
Не свободил; вчера толпу отбили;
Привел ее с купцами Шаховской,
Да кабы я не застрелил его,
Вломились бы!

(Княжна падает в обморок.)

Федор *(смотрит страшно на Туренина)*

Князь Шуйский удавился?
Иван Петрович? Лжешь! Не удавился —
Удавлен он!

(Хватает Туренина обеими руками за ворот.)

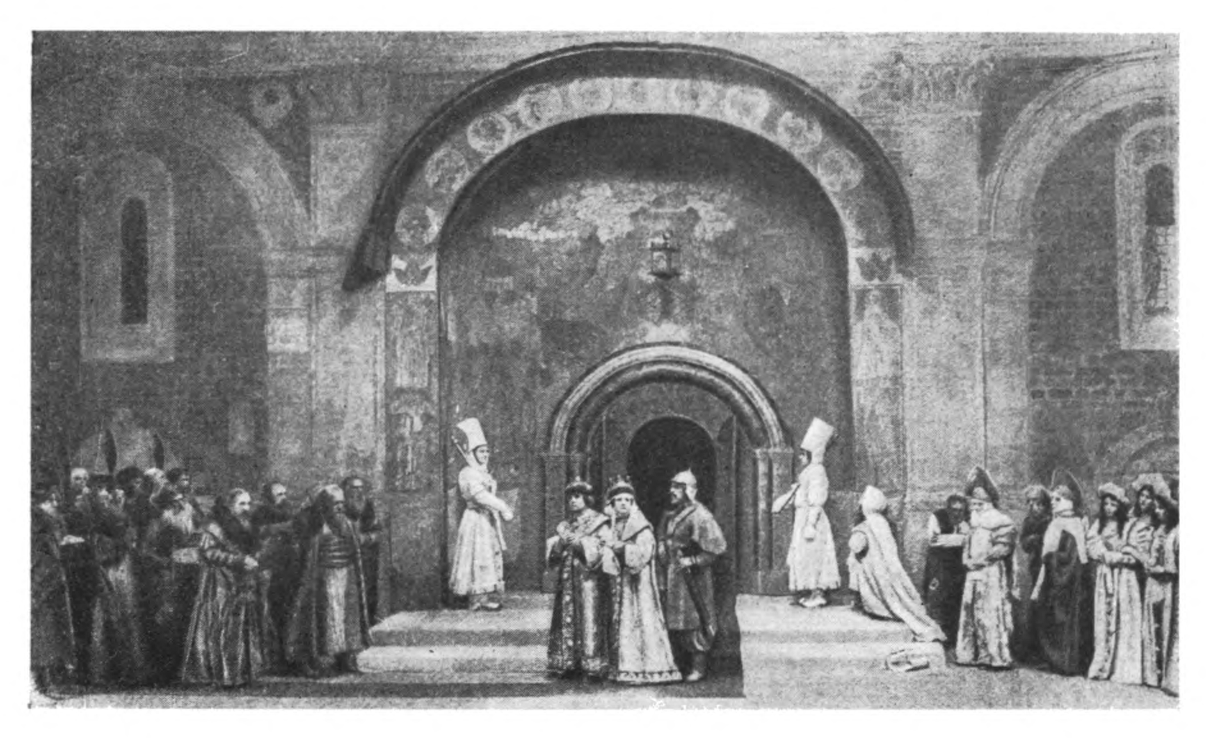
Ты удавил его!
Убийца! Зверь!

(К Годунову)

Ты ведал это?

Годунов

Бог
Свидетель мне — не ведал.

„Царь Федор Иоаннович“ в постоновке Московского Художественного Театра (1898). Действие V, сцена 2.

Федор: Не вмешаюсь боле я ни во что!

Федор

Палачей!
Поставить плаху здесь, перед крыльцом!
Здесь, предо мной! Сейчас! Я слишком долго
Мирволил всем! Пришла пора мне вспомнить,
Чья кровь во мне! Не вдруг отец покойный
Стал грозным государем! Чрез окольных
Он грозен стал — вы вспомните его!

(Гонец, весь запыленный, с граматой в руках, поспешно подходит к Годунову.)

Гонец

Из Углича, боярину Борису
Феодорычу Годунову!

Федор *(вырывая грамату у гонца)*

Дай!
Когда сам царь стоит перед тобой,
Так нету здесь боярина Бориса!

(Глядит в грамату и начинает дрожать.)

Аринушка, мое неясно зренье —
Не вижу я — мне кажется, я что-то
Не так прочел — в глазах моих рябит —
Прочти ты лучше!

Ирина *(взглянув в грамату)*

Боже милосердый!

Федор

Что там, Арина? Что?

Ирина

Царевич Дмитрий...

Федор

Упал на нож? И закололся? Так ли?

Ирина

Так, Федор, так!

Федор

В падучем он недуге
Упал на нож? Да точно ль так, Арина?
Ты, может быть, не так прочла — дай лист!

(Смотрит в грамату и роняет ее из рук.)

До смерти — да — до смерти закололя!
Не верится! Не сон ли это все?
Брат Дмитрий мне заместо сына был —
У нас с тобой ведь нет детей, Арина?

Ирина

Всю Русь господь бедою посетил!

Федор

Его любил как сына я — его —
Хотел к себе я взять, но там оставил —
Там, в Угличе. — Иван Петрович Шуйский
Мне говорил не оставлять его!
Что скажет он теперь? Ах, да-бишь! Он
Уж ничего не скажет — он удавлен!

Годунов *(который между тем поднял и прочел грамату)*

Великий царь...

Федор

Ты, кажется, сказал:
Он удавился? Митя ж закололя?
Арина — а? Что, если...

Годунов

Государь,
Тебе сейчас отправить в Углич надо
Кого-нибудь...

Федор

Зачем? Я сам отправлюсь!
Я сам хочу увидеть Митю! Сам!
Я никому не верю!

(Ратник подходит к Годунову.)

Ратник

По дороге
Серпуховской маячные дымы
Виднеются!

Годунов

Великий государь,
То хан идет. Чрез несколько часов
Его полки Москву обложат. Ехать
Не можешь ты теперь.

Клешнин

Царь-государь,
Пошли меня, холопа твоего!
Я, батюшка, хоть прост, а что́ увижу,
То и скажу!

Годунов

А розыск учинить
Об этом деле мог бы князь Василий
Иваныч Шуйский. Пусть поедут оба
И разберут, чьей в Угличе виной
Беда случилась!

Федор *(с недоумением)*

Вправду? Вправду хочешь
Послать ты в Углич Шуйского, Василья?
Послать племянника того, кого ты —
Кого они сегодня ночью...

(Бросается Годунову на шею.)

Шурин!
Прости меня! Я грешен пред тобой!
Прости меня — мои смешались мысли —
Я путаюсь — я правду от неправды
Не отличу! Аринушка моя,
Поди ко мне. Петрович, поезжай
Со князь Васильем. Князь Василий — что́-бишь
Тебе хотел сказать я? Позабыл!

Да, вот что: я послал на той недели
Игрушек Мите —

(Рыдает.)

Я хотел бы знать —
Хотел бы знать, успел ли он — успел ли...

Княжна *(которую подводят боярыни)*

Все кончено! жених застрелен мой —
Удавлен дядя...

Ирина

Дитятко, тебя
К себе возьму я, будешь ты отныне
Мне вместо дочери!

Княжна

Царица, я
Постричься бы хотела...

Федор

Да, княжна,
Да, постригись! Уйди, уйди от мира!
В нем правды нет! Я от него и сам бы
Хотел уйти — мне страшно в нем — Арина —
Спаси меня, Арина!

(Боярыни уводят княжну.)

Ирина

Свет мой, Федор,
В молитве мы у бога утешенья
Должны просить!

Федор

В молитве? Да, Арина!
Я в монастырь пойду, молиться буду —
Постригусь там...

Ирина

Нельзя тебе, свет-Федор!
Венец наследный некому тебе
Твой передать.

Федор

Да, я последний в роде —
Последний я. Что ж делать мне, Арина?

Ирина

Свет-государь, нет выбора тебе;
Один Борис лишь царством править может,
Лишь он один. Оставь на нем одном
Правления всю тягость и ответ!

Федор

Так, так, Арина! не вмешаюсь боле
Я ни во что!

Годунов *(тихо к Ирине)*

Пути сошлися наши!

Ирина

О, если б им сойтись не довелось!

(Звон труб. Входит Мстиславский в броне и в шлеме. Оружничий Годунова приносит ему вооруженье.)

Мстиславский *(к Годунову)*

Полки тебя, боярин, в поле ждут!

Годунов *(вооружаясь)*

Все по местам!

(Бояре уходят.)

Мстиславский

Ты сам ли встретить хана
Нас поведешь?

Годунов

Боярин князь Мстиславский!
Я муж совета, ты же муж войны!
Отныне будь верховным воеводой —
За честь Руси, как вождь, веди нас в бой —
Я ж следую, как ратник, за тобой!

(Уходит со Мстиславским. Народ бежит за ними. На сцене остаются только Федор, Ирина и нищие.)

Федор

Бездетны мы с тобой, Арина, стали!
Моей виной лишились брата мы!
Князей варяжских царствующей ветви
Последний я потомок. Род мой вместе
Со мной умрет. Когда бы князь Иван
Петрович Шуйский жив был, я б ему
Мой завещал престол; теперь же он
Бог-весть кому достанется! Моею,
Моей виной случилось все! А я —
Хотел добра, Арина! Я хотел
Всех согласить, всё сгладить — боже, боже!
За что меня поставил ты царем!

III
ЦАРЬ БОРИС

ТРАГЕДИЯ В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Царь Борис Федорович Годунов.

Царица Мария Григориевна, его жена, дочь Малюты Скуратова.

Царевич Федор, Царевна Ксения — их дети.

Царица Ирина Федоровна, во иночестве Александра, сестра царя Бориса, вдова царя Федора Иоанновича.

Царица Мария Федоровна Нагая, во иночестве Марфа, вдова Иоанна Грозного.

Христиан, герцог датский, жених царевны Ксении.

Гольк, Браге — его советники.

Семен Годунов, ближний боярин.

Князь Василий Иванович Шуйский.

Петр Федорович Басманов, боярин и воевода.

Федор Никитич Романов, Александр Никитич Романов, Князь Репнин, Князь Черкасский, Князь Сицкий, Князь Голицын, Салтыков — бояре.

Андрей Петрович Луп-Клешнин, во схиме брат Левкий.

Василиса Волохова, боярыня.

Афанасий Власьев, думный дьяк.

Воейков, воевода Тарский.

Дементьевна, барская барыня.

Ричард Ли, посол английский.

Миранда, папский нунций.

Барон Логау, посол австрийский.

Лев Сапега, посол литовский.

Эрик Гендрихсон, посол шведский.

Аврамий Люс, посол флорентийский.

Гермерс, любский бургомистер, присланный от ганзейских городов.

Архимандрит Кирилл, посол иверский.

Лачин-Бек, посол персидский.
Челибей, посол турецкий.
Хлопко-Косолап, атаман разбойников.
Решето } его эсаулы.
Наковальня } его эсаулы.
Митька, разбойник.
Посадский.
Мисаил Повадин } беглые монахи.
Григорий Отрепьев } беглые монахи.
1-й } часовые.
2-й } часовые.
1-й } сыщики.
2-й } сыщики.
1-ая } бабы.
2-ая } бабы.
3-ья } бабы.
4-ая } бабы.
Врач.
Стрелецкий голова.
Спальник.
Стольник.
Крилошанка.
Пристав.

Бояре, боярыни, стольники, рынды, стрельцы, посольская свита, монахини, беглые крестьяне, разбойники, нищие, сыщики, слуги и народ.

Действие в Москве и ее окрестностях в конце XVI и начале XVII столетий.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ПРЕСТОЛЬНАЯ ПАЛАТА

Салтыков и Воейков.

Салтыков

Ты во-время, боярин, с доброй вестью
Вернулся из Сибири: угодил
Как раз попасть в тот день, как государь
Венчается на царство!

Воейков

Богу слава!
Довольно он откладывал венчанье
Со дня, как земской думою соборной
На царство был избра́н!

Салтыков

Да, да, в шеломе,
А не в венце, с мечом заместо скиптра,
Он ждал татар. Но хан, им устрашенный,
Бежал назад! И то сказать: пятьсот
Нас вышло тысяч в поле. Без удара
Казы-Гирей рассыпан — и ни капли
Не пролилося русской крови!

Воейков

Слава
Царю Борису!

Салтыков

Слава и хвала!
Подумаешь: как царь Иван Васильич

Оставил Русь Феодору царю!
Война и мор — в пределах русских ляхи —
Хан под Москвой — на брошенных полях
Ни колоса! А ныне, посмотри-ка!
Все благодать: анбары полны хлеба —
Исправлены пути — в приказах правда —
А к рубежу попробуй подойти
Лях или немец!

Воейков

Что и говорить!
Воскресла вся земля! Царю недаром
От всех любовь. Такого ликованья,
Я чай, Москва от роду не видала!
Насилу я проехал чрез толпу;
На двадцать верст кругом запружены
Дороги все; народ со всех концов
Валит к Москве; все улицы полны;
И все дома, от гребней до завалин,
Стоят в цветах и в зелени! Я думал:
Авось к царю до выхода проеду!
Куды! Я чай, от валу до Кремля
Часа четыре пробирался. Там
Услышал я: в соборе царь Борис —
Венчается!

Салтыков

Сейчас вернется в терем!

Воейков

Ты что ж не там?

Салтыков

Послов примать наряжен.

Воейков

Каких послов?

Салтыков

Да мало ль их! От папы,
От цесаря, от Англии, от Свеи,

От Персии, от Польши, от Ганзы —
Не перечтешь!

Воейков

И всех их примет царь?

Салтыков

Всех с этого престола слушать будет!

Воейков

Пора, пора воссесть ему на нем!
Семь месяцев венчания мы ждали!

Салтыков

А до того, чай, целых шесть недель
Принять венец его молили!

Воейков

Да,
Смирению такому нет примера.
До нас дошло, как вашим он моленьям
Внять не хотел!

Салтыков

И если бы владыка
От церкви отлучением ему
Не угрозил — быть может, и доселе
Мы были б без царя!

Воейков

А говорили:
Честолюбив!

Салтыков

Поди ты! Мало ль что
О нем толкуют! Говорили также:
Он Дмитрия царевича извел!

Воейков

Безбожники! Бессовестные люди!
Когда б извел Димитрия Борис,
Он стал ли бы от царства отрекаться!

Салтыков

Вестимо, нет! когда скончался Федор,
Рыдали все, но скорбь ничья сравниться
Со скорбию Бориса не могла.

Воейков

Я был уже в походе; не сподобил
Меня господь к усопшего руке
С другими приложиться. Говорят,
Был чудно светел лик его?

Салтыков

Тиха
Была его и благостна кончина.
Он никому не позабыл сказать
Прощальное, приветливое слово;
Когда ж своей царицы скорбь увидел,
«Аринушка, — сказал он, — ты не плачь,
Меня господь простит, что государить
Я не умел!» И руку взяв ее,
Держал в своей, и кротко улыбаясь,
Так погрузился словно в тихий сон —
И отошел. И на его лице
Улыбка та последняя осталась.

Воейков

Царь благодушный!

Салтыков

После похорон
Постриглася царица.

Воейков

И тогда же
С ней заперся правитель?

Салтыков

В тот же день.
Молениям боярским не внимая,
Он говорил: «Со смертию царя

Постыли мне волнение и пышность,
И блеск и шум. Здесь, близ моей сестры,
Останусь я; молиться с ней хочу я,
И здесь умру!»

(Звон во все кремлевские колокола.)

Воейков *(подходя к окну)*

Идут, идут! Народ
Волнуется! Вот уж несут хоругви!
А вот попы с иконами, с крестами!
Вот патриарх! Вот стольники! Бояре!
Вот стряпчие царевы! Вот он сам!
В венце и в бармах, в золотой одежде,
С державою и скипетром в руках!
Как он идет! Все пали на колени —
Между рядов безмолвных он проходит
Ко Красному крыльцу — остановился —
Столпились все — он говорит к народу...

(Молчание; потом взрыв радостных криков.)

Целует крест — вот на крыльцо вступает —
Как светел он! Сияние какое
В его очах! Нет, сам Иван Васильич
В величии подобном не являлся —
Воистину то царь всея Руси!

(Трубы и дворцовые колокола. Рынды входят и становятся у престола; потом бояре; потом стряпчие с царской стряпней; потом ближние бояре; потом сам царь Борис, в полном облачении, с державой и скипетром. За ним царевич Федор. Борис всходит на подножие престола.)

Борис *(стоя на подножьи)*

Соизволеньем божиим и волей
Соборной думы — не моим хотеньем —
Я на престол царей и самодержцев
Всея Руси вступаю днесь. Всевышний
Да укрепит мой ум и даст мне силы
На трудный долг! Да просветит меня,
Чтобы бразды, мне русскою землею

Врученные, достойно я держал,
Чтобы царил я праведно и мудро,
На тишину Руси, как царь Феодор,
На страх врагам, как грозный Иоанн!

(Садится на престол. Царевич Федор садится по его правую руку.)

Воейков *(опускаясь на колени)*

Великий царь! Господь тебя услышал:
Твои враги разбиты в пух и прах!
Воейков я, твой Тарский воевода,
Тебе привезший радостную весть,
Что хан Кучум, свирепый царь сибирский,
На Русь восстать дерзнувший мятежом,
Бежал от нас в кровопролитной битве
И пал от рук ногайских мурз. Сибирь,
Твоей опять покорная державе,
Тебе навек всецело бьет челом!

Борис

Благодаренье господу! Да будет
В сей светлый день нам знамением добрым
Благая весть! Встань, воевода Тарский,
И цепь сию, в знак милости великой,
От нас прийми!

(Снимает с себя цепь и надевает на Воейкова.)

Мой сын, царевич Федор,
Вам здравствует со мной, бояре! Он
Летами млад, но ко святой Руси
Его любовь равна моей. В нем буду
Готовить мне достойного на царство
Преемника. Любить его, бояре,
Я вас прошу!

(Федор кланяется.)

Бояре

Да здравствует царевич!
Живет царевич!

Салтыков

Государь, послы
Ждут позволенья милости твоей
На царствии здоровать!

Борис

Пусть войдут!

(Трубный туш и литавры. Входит посол английский, предшествуемый двумя стольниками; за ним идет его свита и останавливается, не доходя престола. Посол подходит к престолу; стольники раздаются направо и налево. При входе следующих послов соблюдаются те же обряды.)

Салтыков

Посол Елисаветы, Ричард Ли!

Ричард Ли

Британии Великой королева
Царю Борису дружеский поклон
Усердно шлет, его на русском троне
Приветствуя как друга своего,
Как кровного, возлюбленного брата.
Великий царь! Ей дорог несказанно
С тобой союз, и если бы избрать
Для сына ты меж юными княжнами
Британии невесту захотел,
Твое свойство вменила б королева
Себе в любовь и видела бы в нем
Залог союза наших двух народов
И совершенье мысли Иоанна,
Который был ей другом... Графа Дарби
Младая дочь красою превышает
Красавиц всех, а кровь ее одна
С Елисаветы королевской кровью!

Борис

Благодарю сестру Елисавету.
Ее союзом боле дорожу,
Чем всех других высоких государей,

Писавших к нам о том же. Но мой сын
Феодор млад еще о браке думать —
Мы подождем.

(Ричард Ли отходит, предшествуемый стольниками. Трубы и литавры. Входит папский нунций.)

Салтыков

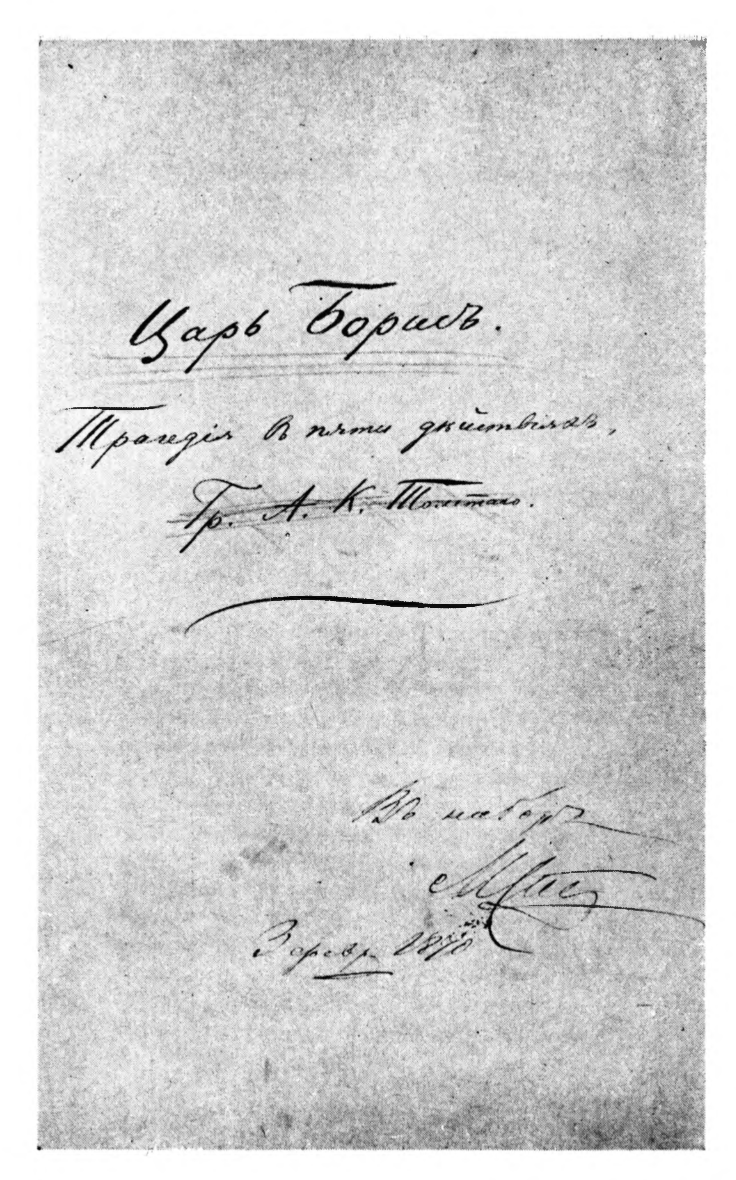
Миранда, нунций папы!

Миранда

Великий царь всея земли московской!
Святой отец Климент тебе свое
Апостольское шлет благословенье
И здравствует на государстве! В знак
Особенной своей к тебе любви,
Он утвердить твой титул предлагает,
Как титулы богемских королей
И польских утвердил он. Если ж ты
Своей душой, миролюбиво-мудрой,
Столь ведомой наместнику Христа,
Как он, о царь, скорбишь о разделеньи
Родных церквей — он через нас готов
Войти с твоим священством в соглашенье,
Да прекратится распря прежних лет
И будет вновь единый пастырь стаду
Единому!

Борис

Святейшего Климента
Благодарю. Мы чтим венчанных римских
Епископов и воздаем усердно
Им долг и честь. Но господу Христу
Мы на земле наместника не знаем.
Наш царский сан, по воле божьей, мы
От русской всей земли прияли — боле ж
Ни от кого не просим утвержденья.
Когда святой отец ревнует к вере,
Да согласит владык он христианских
Итти собща на турского султана,
О вере братий наших свободить!

Обложка беловой рукописи „Царя Бориса“ с надписью редактора „Вестника Европы“ М. М. Стасюлевича.

То сблизит нас усердием единым
К единому кресту. О съединеньи ж
Родных церквей мы молимся все дни,
Когда святую слышим литургию.

(Миранда отходит. Трубы и литавры. Входит посол австрийский.)

Салтыков

Барон Логáу, цесарьский посол!

Логау

Великий царь! Рудольфус, римский цесарь,
Тебе на царстве братский шлет поклон,
Моля тебя помочь ему войсками
И деньгами, чтобы могли султану
Мы дать отпор, безбожному Махмету,
Грозящему из Венгрии итти
На Австрию!

Борис

Не в первый раз султану
Австрийским мы обязаны посольством.
При Федоре, покойном государе,
Мы учинили с вами договор:
От турок вам помочь казною нашей,
С тем, чтобы вы взвели Максимильяна,
Рудольфа брата, на литовский трон.
Вы приняли исправно наши деньги,
Но, под рукой, с Литвою сговорились —
И Жигимонта свейского признали,
Врага Руси, литовским королем!

Логау

Великий царь, мы не были вольны!
Наш претендент, Максимильян, Замойским
В Силезии был полонен.

Борис

И вместо
Чтобы его оружьем свободить,

С Литвой скорей вы заключили мир
И даром нас поссорили с султаном.

Логау

Не мы, о царь! Султан твой давний враг,
И на Москву он хана насылает
Не в первый раз. Когда ты дашь ему
Нас одолеть, ты своего ж злодея
Усилишь, государь!

Борис

Поход крестовый
Я на него Европе предлагаю.
Он враг нам всем, не мой один. Испаньи,
Сицилии и рыцарям Мальтийским,
Венеции и Генуе он враг,
Досадчик всем державам христианским!
Пускай же все подымут общий стяг
На Турцию! Тогда не из последних
Увидят нас. Но до того мы будем
Лишь наши грани русские беречь.
Мы не хотим для Австрии руками
Жар загребать. Казною, так и быть,
Мы учиним вам снова вспоможенье,
Войска ж свои пока побережем.

(Логау отходит. Трубы и литавры. Входит посол литовский.)

Салтыков

Посол литовский, канцлер Лёв Сапега!

Сапега

Великий царь! Твой брат, король на Польше,
Король на Свеи и великий князь
Земли литовской, Третий Жигимонт,
Прислал тебе со мною, Львом Сапегой,
Его короны канцлером, поклон
И гратуляцию на царстве! Наше
К концу приходит скоро перемирье,
Но Жигимонт и мы, паны, хотим
Уже забыть вражду с Москвою. То

Король Батур с царем Иваном прались —
На души ж их пускай тот ляжет спор!
Ты ж новую вчинаешь династи́ю,
И твоему величеству не нужно
Литигиум тот старый пильновать.
Коль Жигимонта свейским королем
Призна́ешь ты и титул обещаешь
Ему давать, который у него
Его ж правитель, Карлус, отымает,
Эстонию ж землей признаешь польской —
То мы тебе Ливонию уступим
И грамату согласны подписать
На вечный мир с Москвою!

Борис

Пан Сапега!
Ты шесть недель в Москве, кажися, ждал,
Пока тебе перед собой явиться
Дозволил я. Ты времени довольно
Имел узнать войска и силы наши.
Сдается мне, мир будет Жигимонту
Нужней, чем нам. Ливонская земля
С Эстонией есть вотчина Руси
От Ярослава Первого, от сына
Владимира Святого. Род мой нов,
Но я с державой русскою приял
Права ее древнейших государей.
Доколе жив, не уступлю из них
Ни одного. Я Жигимонта свейским
Не признаю́ владыкой. Герцог Карлус
Владеет Свеей. Титулов пустых
Я не даю.

Сапега

Тогда, великий царь,
Осталось мне, всев на коня, до дому
Скакать без мира?

Борис

Доброго пути!

Сапега

Но, царь великий, я ж не за войною —
За миром прислан я!

Борис

Из уваженья
Ко брату Жигимонту, перемирье
Я вам продлю. В моей боярской думе
Ты можешь мой услышать уговор.

(Сапега отходит. Трубы и литавры. Входит посол шведский.)

Салтыков

Посол от Свеи, Эрик Гендрихсон!

Гендрихсон

Преславный царь! Правитель свейский, Карлус,
От всей души тебе на государстве
Свой шлет поклон и просит, чтобы в споре
Его чинов с литовским Жигимонтом
Ты свейскую корону поддержал!

Борис

Его зовут на королевство?

Гендрихсон

Царь...

Борис

Да, да, я знаю! Свейские чины
Уже ему корону предлагали!

Гендрихсон

Когда тебе земли желанье нашей
Уж ведомо...

Борис

Я знаю все.

Гендрихсон

Но герцог
Чинам ответа не дал и короны
Еще не принял...

Борис

Он корону примет.
К престолу Карлус призван всей землей —
Он отказаться от него не может.
Приветствую отныне королем
Его я свейским, Карлусом Девятым!
И если брат наш Карлус с нами хочет
Пребыть в любви — пусть продолжает он
Вести войну с Литвою неуклонно,
Ливонию ж с Эстонией признáет
Землею русской. Мы ему на том
Наш вечный мир и дружбу обещаем!

(Гендрихсон отходит. Трубы и литавры. Входит посол флорентийский.)

Салтыков

Аврамий Люс, Флоренции посол!

Люс

Тебе, царю Московския державы,
Избранному любовью всей земли,
Шлет Фердинанд, из рода Медицеев,
Приветствие и дружеский поклон.
Был дед его любовию народной,
Равно как ты, к правлению призван —
Достоинства сроднили оба рода:
Как Козимо и как Лоренцо наш,
Ты друг наук и вольного искусства.
То ведая, тебе великий вождь
Флоренции услуги предлагает
И рад тебе художников своих,
Ваятелей прислать и живописцев,
Литейщиков и зодчих, да цветет
Твоя земля не только славой бранной,
Но и красой художества вовек!

Борис

Любезного я брата, Фердинанда,
Благодарю душевно; принимаю
Его любовь и добрую услугу
Признательно. Суров наш русский край;
Нам не дал бог, как вам, под вольным небом
Красой искусства очи веселить;
Но что́ над плотью высит человека,
Что́ радует его бессмертный дух,
От бога то ведет свое начало,
И верю я, оно на пользу будет
И радость нам!

Люс

Прийми же, государь,
В знак непременной дружбы Фердинанда,
Сей небольшой фиал. Иссечен он
Из горного кристалла и оправлен
Искуснейшим из наших мастеров:
Ему Челлини имя.

Борис

Будет мне
Двояко дорог этот дар. Поведай
Великому Флоренции вождю,
Что если есть в земле моей русийской
Что б ни было пригодное ему —
Оно его!

(Люс отходит. Трубы и литавры. Входят ганзейские купцы: Гермерс и два ратсгерра, и подходят вместе к престолу. За ними идут слуги с дарами.)

Салтыков

Любчанский бургомистер,
От всех имперских вольных городов!

Гермерс

Земли русийской светлый император
И славный царь! Любчанские купцы
От имени Ганзы высокохвальной
На государстве здравствуют тебе!

Усердье наше ведомо Русии:
Когда еще голландцы и французы,
И англичан пронырливый народ,
В твой славный край не знали и дороги,
Уже Ганза исправно, аккуратно
И дешево все лучшие ему
Товары доставляла; и за то
Она была русийскими князьями
Избавлена от пошлин. Государь!
Вели ж и ты, чтоб неприличных пошлин
Не брали с нас! А мы, в усердьи нашем,
Тебе дары посильные несем.
Из серебра литого вот фигуры:
Фортуна вот — в ней двадцать фунтов слишком —
А это вот богиня Венус — в ней
Есть тридцать фунтов — это птица струс —
А вот павлин — вот лев — вот два еленя —
Вот два коня — петух — и славный бог
Меркуриус — всего сто десять фунтов
И двадцать три золотника!

Борис

Издавна
Нам другом был почтенный город Любек.
Благодарю Ганзу за поздравленье
И за дары. Имперских городов
Избавить мы от пошлины не можем,
Зане у нас купцы иных земель
Ее несут. Но, в уваженье древней
С любчанами приязни, мы велим
С них пошлин брать отныне половину,
Товары ж их избавим от осмотра,
С тем, чтоб они, по совести, их сами
Нам объявляли.

Гермерс и прочие *(махая шапками)*

Вйват царь Борис!

(Купцы уходят. Трубы играют туш другого характера. Из других дверей входит посол персидский; перед ним идет Семен Годунов, которому Салтыков уступает место. За послом слуги его несут драгоценный престол.)

Семен Годунов

Великий государь! От шах-Аббаса
К тебе посол персидский Лачин-Бек!

Лачин-Бек

Великий, грозный и пресветлый царь!
Твой друг и брат, Аббас, владыка персий,
Здоровает тебе на государстве
И братский шлет поклон. Ты держишь Русь
Единою могучею рукой —
Простри, о царь, с любовию другую
На моего владыку и прийми
От шах-Аббаса, в знак его приязни,
Сей кованый из золота престол,
В каменьях самоцветных и в алмазах,
Наследье древних шахов — изо всех
Ценнейшее Аббасовых сокровищ!

Борис

Благодарю великого Аббаса.
Его приязнь тем более ценю,
Что слышал я, быть может ложно, будто
Он хочет мир с султаном заключить,
Иверию ж, подвластную нам землю,
И Александра, подданного нам
Ее царя, теснит.

Лачин-Бек

Великий царь,
То клевета! Тебе сказал неправду
Царь Александр. Он сам дружит султану,
Как твоему, так нашему врагу!

Борис

Впустить сюда султанского посла!

(Трубы и литавры. Входит посол турецкий и становится рядом с персидским. Слуги его несут за ним дары.)

Семен Годунов

К царю посол султанский Челибей!

Челибей

Всея Руси могучий повелитель!
Султан Махмет, твой друг и брат, тебе
Через меня на воцаренья шлет
Приветствие и, в знак своей приязни,
Седло и златом кованую сбрую
В каменьях драгоценных. Государь!
Султан Махмет, добра тебе желая,
Предостеречь тебя велит, что твой
Неверный раб, царь Александр, замыслил
Тебя предать и к перскому Аббасу
В подданство переходит!

Борис

Пусть войдет
От Александра присланный посол!

(Входит архимандрит Кирилл и падает на колени перед Борисом.)

Арх. Кирилл

Великий, благоверный государь!
Царь Александр, твой ревностный слуга,
Тебе на царстве кланяется земно.
Не попусти, о царь всея Руси,
Ему вконец погибнуть! Шах Аббас
Безжалостно, безбожно разоряет
Иверию! Султан Махмет турецкий
Обрек ее пожарам и мечу!
Ограблены жилища наши — жены
Поруганы — семейства избиенны —
Монастыри в развалинах — и церкви
Христовые пылают!

Челибей

Славный царь,
Не верь тому — не мы, а персы грабят
Иверию!

Лачин-Бек

Великий государь,
Не верь послу сунитского султана!
На языке сунитов клевета,
Обман и ложь! Не разоряют персы
Иверию — они лишь турок гонят
Вон из нее и только лишь твоих
Изменников карают!

Арх. Кирилл

Боже правый —
Иверия моя!

Челибей *(к Лачин-Беку)*

Шеит неверный!
Султан тебе покажет в Испагане,
Как гоните вы нас!

Лачин-Бек

Сунитский пес!
В Стамбуле мы с тобою разочтемся!

Арх. Кирилл

О, государь, от злобы их обоих
Будь нам защитой!

Борис

Слушайте! Кто б ни был
Подвластной нам Иверии теснитель —
Шах иль султан — клянусь, не попущу
Ничьей руке касаться русских граней!
Дьяк Афанасий! Ты напишешь ныне ж
Бутурлину с Плещеевым приказ
Вести полки на Терек. Лачин-Бек!
Тебе был путь немалый к нам от моря
Хвалынского. Ты видел нашим войском
Покрытый край от Волги до Москвы.
Пятьсот и слишком тысяч поднялося
На мой призыв. Когда я захочу,
Я вдвое их могу поставить в поле.

С Аббасом рад я в дружбе пребывать,
Но должен ты в моей боярской думе
Дать за него нам клятвенный обет:
От персских войск Иверию очистить.
А ты, султана турского посол —
Неси ему дары его обратно!
Нам ведомо, на нас кем поднят, шел
Казы-Гирей, кичася силой ратной!
Но он бежал! Прошли те времена,
Когда Руси шатание и беды
Врагам над ней готовили победы!
Она стоит, спокойна и сильна,
Законному внутри послушна строю,
Друзьям щитом, а недругам грозою!

(Челибей уходит. Звон дворцовых колоколов. Входят боярыни, в большом наряде, по две в ряд. За ними царица Мария Григорьевна и царевна Ксения. Все кланяются им в пояс. Они садятся по обе стороны престола.)

Борис

Наш царский долг окончен. Вот царица
С царевною пришли принять, бояре,
Здорование ваше!

Бояре

Бьем челом
Царице и царевне! Им на царском
Здороваем венчаньи! Много лет
Вам, матушки вы наши!

Царица *(с поклоном)*

Государи,
Благодарим за ваше пожеланье!
Прошу любить и жаловать меня
С царевною!

Бояре

Господь благослови
Тебя, царевна наша! Божья пташка!
Весенний цветик наш!

Ксения *(с поклоном)*

Не заслужила
Великой вашей ласки я, бояре,
И не себе любовь примаю вашу,
Но батюшке царю!

Голоса

Косатка наша!
Кто за царя не рад бы умереть?
Но любим мы тебя не за него —
За разум твой! За ласковый обычай!
За тишину! За ангельские очи!
Господь с тобой!

(Шум за дверьми. Входит стрелецкий голова.)

Стрелецкий голова

Великий государь!
Народа мы не можем удержать!
Врываются насильно, голосят:
«Хотим царю Борису поклониться.
Царя Бориса видеть!»

Борис

Настежь двери!
Между народом русским и царем
Преграды нет!

(Толпа народа вваливается в палату.)

Народ

Отец родной! Поволь
Нам светлые твои повидеть очи!

Борис

Друзья мои, входите! Дорогие
Вы гости мне! Зови, царевна Ксенья,
Зови мирян к почестному столу!

Ксения *(кланяясь)*

Пожалуйте, миряне! Просим всех
К нам на́-хлеб на́-соль!

Народ

Матушка-царевна!
Дай на тебя полюбоваться! Очи
Порадовать!

Стрелецкий голова *(у дверей)*

Назад! Не будет места!
И нищие полезли!

Борис

Всем сегодня
Свободный вход! Кто нищим вступит в терем,
Имущим тот воротится домой!

(Входит новая толпа.)

Нищие

Царь праведный! Царь милостивый! Воздай тебе Христос бог с богородицей! Святая троица со Варварой мученицей! Кузьма со Демьяном!

Борис

Входите, божьи люди! — Вы ж, бояре,
Ведите всех к почестному столу!

(Сходя с престола)

Царица и царевна — ты, Феодор —
Гостей моих идите угощать!
Вино и мед чтобы лились реками!
Идите все — я следую за вами!

(Толпа народа, провожаемая боярами, идет во внутренние покои. Царевич Федор, царица, Ксения и боярыни следуют за ними. Палата остается пуста.)

Борис *(один)*

Свершилося! В венце и в бармах я
Держу бразды русийския державы!
Четырнадцать я спорил долгих лет
Со слепотой, со слабостью, с упорством —

И победил! Кто может осудить
Меня теперь, что не прямой дорогой
Я к цели шел? Кто упрекнет меня,
Что чистотой души не усомнился
Я за Руси величье заплатить?
Кто, вспомня Русь царя Ивана, ныне
Проклятие за то бы мне изрек,
Что для ее защиты и спасенья
Не пожалел ребенка я отдать
Единого? Мне нá душу не раз
Ложилось камнем темное то дело,
И думал я: Чтó если не достигну,
Чего хочу? Чтó если грех тот даром
Я совершил? Но нет! Судьба меня
Не выдала! Я с совестию счеты
Сегодня свел — и не боюсь поставить
Моих заслуг и винностей итог!
Могу теперь итти стезею чистой!
Прочь от меня притворство и обман!
Чрез пропасти и смрадные болота
К престолу днесь меня приведший мост
Ломаю я! Разорвана отныне
С прошедшим связь! Пережита пора
Кромешной тьмы — сияет солнце снова —
И держит скиптр для правды и добра
Лишь царь Борис — нет боле Годунова!

КЕЛЬЯ В НОВОДЕВИЧЬЕМ МОНАСТЫРЕ

Крилошанка вводит Бориса. За ним входит Семен Годунов.

Борис *(к крилошанке)*

Ты говоришь: царица на молитве?
Не сметь ее тревожить. В этой кельи
Мы подождем.

(Крилошанка уходит.)

Давно ли здесь, в печали,
С сестрою я беседовал вдвоем!

(Смотрит в окно.)

Вот терем тот, где я хотел провесть
Остаток дней! Судьба не так решила:
Заместо рясы плечи багряницей
Мне облекла. Чу! Радостные крики,
Сюда нас провожавшие, опять
Послышались! Ты с Шуйским объезжал
Сейчас Москву. Что молвят? Все ль довольны?

Семен Годунов

Кому ж не быть довольным, государь?
На перекрестках мед и брага льются,
Все войско ты осыпал серебром;
Нет из бояр ни одного, кому бы
Ты не послал иль блюда золотого,
Иль ценной шубы с своего плеча;
Всех должников ты выкупил из тюрем —
Кому ж не быть довольным? Только, царь,
Не в гнев тебе: ты без разбора начал
Всех жаловать; ни на кого опалы
Не наложил; и даже самых тех,
Которые при Федоре хотели
Тебя сгубить, ты наградил сегодня.
Так, государь, нельзя. Обидно то
Покажется твоим усердным слугам,
Что со врагами в милости своей
Ты смешиваешь их!

Борис

Врагов уж боле
Нет у меня. Прошла пора борьбы,
И без различья ныне изливаться
Должна на всех царя Руси милость,
Как солнца свет.

Семен Годунов

И волю языкам
Ты всем даешь. Романовы доселе
Мутят бояр!

Борис

Что говорят они?

Семен Годунов

Да то же, что и прежде говорили:
Не дельно, мол, при Федоре крестьян
Ты прикрепил; боярам недочет-де
В работниках; пустуют-де их земли
От той поры, как некого к себе
Им сманивать!

Борис

Я жалобу ту знаю.
Дворяне мыслят как?

Семен Годунов

В огонь и в воду
Готовы эти за тебя; немало
Поправились с тех пор, как Юрьев день
Ты отменил. А тоже бить челом
Сбираются тебе, что в лес от них
Бегут крестьяне.

Борис

Сами виноваты;
Сверх моготы с них требуют они;
Крестьяне не рабы; не в кабалу
Я отдал их. На-днях указ объявят:
Что́ за какой надел кому нести.

Семен Годунов

Владельцы, царь, роптать начнут.

Борис

Пусть ропщут,
Всем угодить не властен человек;
И если целой выгода земли
В ущерб пришлася стороне единой,
Ту сторону не в праве я беречь.

Семен Годунов

Начни же, царь, с Романовых. Строптив
Их больно род. Феодор вот Никитич
Ведет такие речи...

Борис

Он в отца;
Не может мысли утаить. Тем лучше!
Я не боюсь того, кто говорит,
Что думает. Охотно я прощаю
Их речи тем, чьи у меня в руках
Теперь дела. Уже не нужно мне
И день и ночь, без отдыха, как прежде,
За каждым словом каждого следить.
К иным теперь могу я начинаньям
Мысль обратить. Иван Васильич Третий
Русь от Орды татарской свободил
И государству сильному начало
Поставил вновь. Но в двести лет нас иго
Татарское от прочих христиан
Отрезало. Разорванную цепь
Я с Западом связать намерен снова;
Для Ксении из многих женихов
Недаром мною датский королевич
Уже избрáн. С державами Европы
Земля должна попрежнему стать рядом,
А в будущем их, с помощию божьей,
Опередить.

Семен Годунов

Великий государь,
Ты смотришь вдаль и царственной высоко
Ты мыслию паришь, а между тем
Вокруг тебя не все идет так гладко,
Как кажется. Романовых за речи
Их дерзкие ты трогать не велишь;
Но есть другой, опасливый на речи,
На вид покорный, преданный слуга,
Который вряд ли милости твоей
Усердствует в душе: Василий Шуйский...

Борис

Не мнишь ли ты, усердию его
Я веру дал? Он служит мне исправно
Затем, что знает выгоду свою;

Я ж в нем ценю не преданность, а разум.
Не может царь по сердцу избирать
Окольных слуг и по любви к себе
Их жаловать. Оказывать он ласку
Обязан тем, кто всех разумней волю
Его вершит, быть к каждому приветлив
И милостив, и слепо никому
Не доверять.

Крилошанка (*докладывает*)

Боярин князь Василий
Иваныч Шуйский!

Борис

Милости прошу.

(*Шуйский входит.*)

С объезда ты заехал, князь Василий?
Что нового?

Шуйский

Да что, царь-государь,
Не знаю, как тебе и доложить!
На Балчуге двух смердов захватили
Во кружечном дворе. Они тебя
Перед толпой негодными словами
Осмелилися поносить.

Борис

За что?

Шуйский

За Юрьев день.

Борис

Что сделала толпа?

Шуйский

Накинулась на них; чуть-чуть на клочья
Не разнесла; стрельцы едва отбили.

Борис

Где ж эти люди?

Шуйский

Вкинуты пока
Обои в яму.

Борис

Выпустить обоих!
Растолковать им, что на время только
Прикреплены они, затем что всюду
Шаталися крестьяне, и скудела
Чрез то земля. Когда же приобыкнут
Сидеть на месте, снимется запрет.

Семен Годунов

Помилуй, царь!

Шуйский

Помилуй, государь!

Семен Годунов

Дозволь пытать их, государь! Должно быть,
Подучены они; другие могут
Найтись еще!

Борис

Не трогать никого.
Хотели б вы, чтоб омрачил я день
Венчанья моего? День этот должен
Началом быть поры для царства новой;
Светить Руси как утро должен он
И возвещать ей времена иные
И ряд благих, безоблачных годов!

Шуйский

Царь-государь, дозволь по правде молвить,
По простоте: ведь страху-то ни в ком
Не будет так!

Борис

Надеюся, не будет.
Не страхом я — любовию хочу
Держать людей. Прослыть боится слабым
Лишь тот, кто слаб; а я силён довольно.
Чтоб не бояться милостивым быть.
Вернитеся к народу, повестите
Прощенье всем — не только кто словами
Меня язвил, но кто виновен делом
Передо мной — хотя б он умышлял
На жизнь мою или мое здоровье!

(Семен Годунов и Шуйский уходят. Дверь отворяется. Две инокини становятся по обе ее стороны. За ними входит царица Ирина, во иночестве Александра.)

Ирина

Прости меня, великий государь,
Я не ждала тебя сегодня. В церкви
В день твоего венчанья за тебя
Молилась я.

(Инокини уходят.)

Борис

Царица и сестра!
По твоему, ты знаешь, настоянью,
Не без борьбы душевной, я решился
Исполнить волю земскую и царский
Принять венец. Но раз его приняв,
Почуял я, помазанный от бога,
Что от него ж и сила мне дана
Владыкой быть, и что восторг народа
Вокруг себя недаром слышу я.
Надеждой сердце полнится мое,
Спокойное доверие и бодрость
Вошли в него — и ими поделиться
Оно с тобою хочет!

Ирина

Мир тебе!

Борис

Да, мирен дух мой. В бармы я облекся
На тишину земли, на счастье всем;
Мой светел путь, и как ночной туман
Лежит за мной пережитое время.
Отрадно мне сознанье это, но
Еще полней была б моя отрада,
Когда б из уст твоих услышал я,
Что делишь ты ее со мною!

Ирина

Брат,
Я радуюсь, что всей земли желанье
Исполнил ты. Я никого не знаю,
Опричь тебя, кто мог венец бы царский
Достойно несть.

Борис

В годину тяжких смут,
Когда, в борьбе отчаянной с врагами,
Я не щадил их, часто ты за то
Меня винила. Но перед собой
Одной Руси всегда величье видя,
Я шел вперед и не страшился все
Преграды опрокинуть. Пред одной
В сомненин остановился я...
Но мысль о царстве одержала верх
Над колебанием моим... Преграда
Та рушилась... Не произнесено
До дня сего о том меж нас ни слова,
Но с той поры как будто бездны зев
Нас разделил... В то время, может быть,
Ты не могла судить иначе, но
Сегодня я перед тобой, Ирина,
Очистился. Ты слышишь эти клики?
В величии, невиданном поныне,
Ликует Русь. Ее дивится силе
И друг и враг. Сегодня я оправдан
Любовию народной и успехом
Моих забот о царстве. Я хотел бы

Услышать оправдание мое
И от тебя, Ирина!

Ирина

Оправданья
Ты ожидаешь, брат? В тот страшный день,
Когда твой грех я сердцем отгадала,
К тебе глубокой жалости оно
Исполнилось. Я поняла тогда,
Что, схваченный неудержимой страстью,
Из собственной природы ею ты
Исхищен был. Противникам так часто
Железную являя непреклонность,
Круша их силу разумом своим,
Ты был дотоль согласен сам с собою.
Но здесь, Борис, нежданный, новый, страшный
В тебе раздор свершился. Высоту
Твоей души я ведала; твои
Я поняла страданья. Не холодность —
Нет, лишь боязнь твоей коснуться раны
Меня вдали держала от тебя.
Когда б ты мне открылся — утешеньем,
Любовию тебе б я отвечала,
Не поздними упреками. Но ты
Молчал тогда — теперь же хочешь мною
Оправдан быть? Брат, я за каждым днем
Твоим слежу, моля всечасно бога,
Чтоб каждый день твой искупленьем был
Великого, ужасного греха,
Неправды той, через нее же ныне
Ты стал царем!

Борис

Отвороти свой взор
От прошлого. Широкая река,
Несущая от края и до края
Судов громады, менее ль светла
Тем, что ее источники, быть может,
В болотах дальних кроются? Ирина,
Гляди вперед! Гляди на светлый путь
Передо мной! Что в совести моей

Схоронено, что для других незримо —
Не может то мне помешать на славу
Руси царить!

Ирина

Цари на славу ей!
Будь окружен любовью и почетом!
Будь праведен в неправости своей —
Но не моги простить себе! Не лги
Перед собой! Пусть будет только жизнь
Запятнана твоя — но дух бессмертный
Пусть будет чист — не провинись пред ним!
Не захоти от мысли отдохнуть,
Что искупать своим ты каждым мигом,
Дыханьем каждым, бьеньем каждым сердца,
Свой должен грех! И если изнеможешь
Под бременем тяжелым — в эту келью
Тогда прийди...

Борис

Твой приговор жесток.
Безвинным я себя не мню. Безвинен
Не может быть, кто с жизнию ведет
Всегда борьбу; кто хоть какую цель
Перед собой поставил; хоть какое
Желание в груди несет. В ущерб
Другому лишь желанья своего
Достигнет он! То место, где я стал,
Оно мое затем лишь, что другого
Я вытеснил! Неправ перед другими
Всяк, кто живет! Вся разница меж нас:
Кто для чего неправ бывает. Если,
Чтоб тьмы людей счастливыми соделать,
Я бо́льшую неправость совершил,
Чем тот, который блага никакого
Им не принес — кто ж, он иль я, виновней
Пред господом? Ирина, от тебя
Мое принять пришел я оправданье —
Я жду его — тебе до дна я душу
Мою открыл — еще ли не оправдан
Я пред тобой?

Ирина

Все ту же на тебе
Я вижу тень. Куда бы ни пошел ты,
Везде, всегда, зловещая, она
Идет с тобой. Не властны мы уйти
От прошлого, Борис!

Борис

Постричься должен,
Кто мыслит так! От дела отказаться!
Отшельником в пустыню отойти!
То не мое призвание. Мой грех
Я сознаю; но ведаю, что им лишь
Русь велика! Оплакивать его
Я не могу! Мне некогда крушиться
Не под ярмом раскаянья согбен,
Но полный сил, с подъятою главою,
Итти вперед я должен, чтоб Руси
Путь расчищать! Прости, сестра! Кто прав —
Ты или я — то времени теченье
Покажет нам. Злодейство ль совершил,
Иль заплатил Руси величью дань я —
Решит земля в годину испытанья!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ПОКОЙ ВО ДВОРЦЕ

Царевич Федор, царевна Ксения и герцог Христиан датский.

Федор

Вот уж который день, брат Христиан,
Мы сходимся с тех пор, как ты помолвлен
Со Ксенией, и каждый раз тебя,
Мне кажется, мы оба больше любим,
Могли б тебя мы слушать без конца,
Но ты досель о родине нам только
Рассказывал своей...

Ксения

Да, королевич.
Пора, чтоб ты нам о себе поведал.
Уже давно спросить тебя хочу я:
Как вырос ты? И как доселе жил?
И как во Фландрии сражался?

Федор

Все,
Все расскажи нам, Христиан. Мы стали
Теперь с тобой родные; вместе нам
Пришлося жить, так надо знать друг друга!

Ксения

Начни сначала. Детство нам свое
Сперва скажи!

Христиан

Несложная то повесть,
Царевна, будет: Мой отец, король,
Со мной простясь, услал меня ребенком
Из города в норвежский дальний замок
И указал там жить — зачем? не знаю.
Мрачны картины первых лет моих:
Среди туманов северной природы,
Под шум валов и сосен вековых,
Прошли мои младенческие годы.
Мне помнятся раскаты непогоды,
Громады гор, что к небу вознеслись,
С гранитных скал струящиеся воды
И крутизна, где замок наш повис.
Ребенком там, в мечтаньи одиноком,
Прибою моря часто я внимал
Или следил за ним веселым оком,
Когда в грозу катил за валом вал,
И разбиваясь о крутые стены,
Отпрядывал потоком белой пены.
И с ранних пор сказанья старины,
Морских бойцов походы и сраженья,
Отважные мне навевали сны,
И вдаль меня манили приключенья.
В один покой случайно я проник;
Висели латы там под слоем пыли,
А на столе лежало много книг —
Норвежские то летописи были.
Я стал читать — и ими, как огнем,
Охвачен был сильнее с каждым днем,
И ярче всё являлись мне виденья:
Богатыри, и схватки, и сраженья.
Так время шло. Четырнадцати лет
Я призван был в столицу. Новый свет
Открылся мне. Я с радостию детской
Предался жизни суетной и светской —
Но ненадолго. Праздности моей
Стыдиться стал я скоро. Прежних дней
Воскресли сны и прежние виденья:
Всё те же сечи, схватки и сраженья.

И думал я: настанет ли тот день,
Когда мечта, которую с любовью
Я все ловлю, как веющую тень,
Оденется и плотию и кровью?
И он настал. Вскипел великий бой,
Священный бой за веру и свободу:
Испании владыка встал войной,
Грозя цепями вольному народу.
Во Фландрию тогда Европы всей
Стекалися единоверных рати —
И из тюрьмы я вырвался моей
На выручку преследуемых братий.

Федор

Да, Христиан, мы слышали про то,
Как ты с испанцом бился под Остендом.
Счастли́в же ты! Тебе уж двадцать лет!
Ты мог уже свои изведать силы,
Ты сам себя на деле испытал —
А я!

Христиан

Тебе, царевич, суждена
Блистальнее доля. Ты стоишь
Близ своего отца, чтоб у него
Державою учиться управлять,
Как те князья, которые отвсюду
Съезжалися в испанский стан, учиться
У Спинолы, у пармского вождя,
Как управлять осадою.

Федор

Ты прав;
Отца пример перед собою видеть,
То счастье для меня, и лучшей доли
Я б не желал, как только научиться
Ему в великом деле помогать.
Но не легко дается та наука,
А праздным быть несносно. Ты ж успел
Узнать войну, ты отражал осаду,

Ты слышал пушек гром, пищалей треск,
Вокруг тебя летали ядра...

Христиан

Да,
И я узнал, что мужество и сила
Должны теперь искусству уступать;
Что не они уже решают битвы,
Как в славные былые времена,
И грустно мне то стало. Но меня
Поддерживала мысль, что я служу
Святому делу.

Ксения

И за это мне
Ты, королевич...

Федор

Сразу полюбился?
Так, Ксенья?

Ксения

Так. Но я бы знать хотела,
Его спросить хотела б я: как *он*
Чужую мог заочно полюбить?

Христиан

Легко мне дать ответ тебе, царевна:
Ты не была чужая для меня!
Царя Бориса чтит весь мир. Далеко
О нем молва в Европе разнеслась;
Кому ж его вблизи случалось видеть,
Обвороженный возвращался тот
На родину; но прославлял он столь же
Величие правителя Русии,
Сколь совершенства дочери его.
Кто б ни был то, посланник, или пленный,
Или купец ганзейский — ни один
Не забывал царевну Ксенью славить,
Ее красу и ум превозносить,
И неземную, ангельскую кротость.

Рассказы те в мою запали душу;
А дальний твой, несхожий с нашим край,
Все, что молва о нем к нам приносила:
Разливы рек, безбрежные степи,
Снега и льды, обычай, столь отличный
От нашего; державы христианской
Азийский блеск, с преданьями отцов
Нам общими — все это, как нарочно,
Набросило волшебный некий свет
На образ твой. Ты мне предстала тою,
С кем связан я таинственной судьбою...
Тебя добыть не мыслил я тогда,
Но образ твой светил мне как звезда,
Приковывал мои невольно взоры —
И в шуме битв, в пылу кипящих сил,
Я, рыцаря заслуживая шпоры,
Тебе, царевна, мысленно служил!

Федор

Брат Христиан, как странно и как ново
Мне речь твоя звучит! Не думал я,
Чтоб можно было полюбить кого,
Не знаючи иль не видав. Но правда
Мне слышится в твоих словах, и вместе
В них будто что-то чуется родное;
И хорошо с тобой мне, Христиан,
Так хорошо, как будто после долгой
Разлуки я на родину вернулся.
И Ксенья вот задумалась, смотри!

Ксения

Задумалась я вправду. Новый мир
Ты, королевич, мне открыл. У нас
Не любят так. У нас отцы детей
Посватают, не спрашивая их,
И без любви друг к другу под венец
Они идут. Я, признаюсь, всегда
Дивилася тому.

Федор

Обычай этот
К нам от татар привился, а до них

Вольна была невеста жениха
Сама избрать.

Христиан

Гаральд норвежский наш
Дочь Ярослава русского посватал.
Но не был он в ту пору знаменит
И получил отказ от Ярославны.
Тогда, в печали, бросился он в сечи,
В Сицилии рубился много лет
И в Африке, и наконец вернулся
В град Киев он, победами богат
И несказанной славою, и Эльса
Гаральда полюбила.

Федор

Да, в то время
Стекалось в Киев много женихов.
Другая Ярославна за Индрика
Французского пошла, а третья дочь
За короля венгерского Андрея.
Всем трем отец дал волю выбирать.
Тогда у нас свободней, Христиан,
И лучше было. Втéпоры у немцов
Был мрак еще, а в Киеве считалось
Уж сорок школ. Татары всё сгубили.

Христиан

Отец твой то, царевич, воскресит,
Вознаградит потерянное время!

Ксения

Да, Христиан. Но, верь мне, ты не знаешь
Еще отца! Доселе видел ты
Его дела; но если б видеть мог ты
Его любовь к земле, его заботу,
Его печаль о том, чего свершить
Он не успел, его негодованье
На тех людей, которые б хотели
Опять итти по-старому — и вместе
Терпенье к ним, и милость без конца —
Тогда бы ты узнал его!

Христиан

Хотя бы
Его не знал я вовсе — и тогда
Он за любовь великую твою
Мне б дорог стал!

Ксения

Не потому его
Люблю я, Христиан, что он отец мне;
Нет, я за то люблю его, что он
Так мало мыслит о себе!

Федор

То правда;
Лишь об одной земле его забота:
Татарщину у нас он вывесть хочет,
В родное хочет нас вернуть русло.
Подумаешь: и сами ведь породой
Мы хвастаться не можем; от татар ведь
Начало мы ведем!

Христиан

Но двести лет
Вы русские. Татарской крови мало
Осталось в вас.

Федор

Ни капли не осталось!
И вряд ли бы нашелся на Руси,
Кто б ненавидел более татар,
Чем мы с отцом.

Христиан

Они навряд ли также
Царя Бориса любят с той поры,
Как он разбил, при Федоре, их силу!

Федор

Ведь вот теперь сидим мы здесь втроем
И говорим свободно, а в народе

Ведь думают, что Ксеньи и доселе
Ты не видал, что ты ее увидишь
Лишь под венцом! А вместе показаться
И думать вам нельзя, того обычай,
Вишь, не велит! Хотелось бы мне знать:
Когда она не пряталась, пока
Невестой не была, зачем теперь
Ей прятаться!

Ксения

Нельзя, — сказал отец, —
Все разом переделать; глубоко
Пустил у нас чужой обычай корни
И медленно выводится.

Федор

К прискорбью!
И матушка вот следует ему.
Ей нелюбо, что видеться дозволил
Вам двум отец. Она бы под замком
Тебя держать хотела!

Ксения

Не вини
Ты нашу мать за это, королевич.
Не всякому дано так ясно видеть,
Как батюшке.

Федор

Не то одно. Что грех
Уж нам таить! Еще за то косится
На Христиана наша мать, что он
Не нашей веры.

Ксения *(к Христиану)*

Но ведь нашу веру,
Не правда ль, примешь ты?

Христиан

Не торопи
Меня, царевна. В этом бог волён.

Учителей я ваших обещал
С благоговеньем выслушать, но только
По убежденью откажусь от веры
Моих отцов.

Ксения

Тогда спокойна я.
Не можешь, королевич, не принять
Ты нашей веры. Без греха могу я
Тебя любить.

Федор

А я уж и подавно!
Дадим же мы втроем обет друг другу
Любить друг друга, помогать друг другу,
Не мыслить врозь и вместе жить всегда!
Ты, Ксения, согласна?

Ксения

Всей душой!

Федор

Ты, Христиан?

Христиан

И сердцем и душою!

Федор

Но втайне пусть союз наш остается!
Тем крепче будет он. Подумай только,
Чего не сможем сделать мы втроем!
Ты нас учи всему, чем превосходна
Твоя земля, а мы со Ксеньей будем
Тебя знакомить с Русью!

Христиан

Дай мне бог
Ей вместе с вами послужить!

Федор

Втроем
Мы воскресим то время, о котором
В старинных книгах ты читал, когда
Так близки были наши деды. Боже!
Продли отцу его надолго дни,
Чтоб Русью стала снова Русь!

Ксения

Господь
Услышь тебя, Феодор!

Стольник *(отворяя дверь)*

Царь идет!

Борис *(входя)*

Я перервал ваш, дети, разговор.
Вы горячо о чем-то толковали.
Что, Христиан? Успел ты на Руси
Обжиться с нами?

Федор

Да, отец! Он русский!
И русский он обычай перенял:
Он на пути к Москве, себе в забаву,
Смирял неезженных коней!

Борис

Нам Власьев
И Салтыков так донесли. Ты любишь
Искать везде опасность, Христиан,
То укрощать коней, то по волнам
Ладьею править в бурю?

Христиан

Государь,
Я датчанин. Нам, как и русским, любо,
Когда не трубит бранная труба,
Изведывать уменье или силу
Над чем пришлось.

Борис

Но Ксении моей
Твоя отвага даровая может
Не по́ сердцу прийтись.

Христиан

Царевна Ксенья!
Скажи сама, по правде: жениха
Ты робкого могла ли б полюбить?

Ксения

Нет, королевич.

Борис

Если бы у нас
Была война, тогда бы, Христиан,
Ты удаль мог свою нам показать!

Христиан

О, помяни ж ты это слово, царь!
И если кто войну тебе объявит,
Дай русскую вести мне рать! Клянусь,
Я победить врагов твоих сумею
Иль умереть, отец мой, за тебя!

Федор

А мне, отец, дозволь итти с ним вместе!
Обоим нам дай кровью послужить
Родной земле!

Борис

Любезен мне ваш пыл
И ваша доблесть, юноши, но Русь
Ограждена от войн теперь надолго.
Не чаем мы вторжения врагов;
Соседние наперерыв державы
Нам предлагают дружбу и союз;
Совместников на царство мы не знаем;
Незыблем наш и тверд стоит престол —
И мирными прийдется вам делами
Довольным быть.

Стольник *(входит)*

Великий государь —
Боярин Годунов, Семен Никитич!

Борис

Пускай войдет!

Федор

Пойдем, брат Христиан,
Пойдем, сестра. У батюшки дела!

(Все трое уходят. Входит Семен Годунов.)

Борис *(смотрит на него с удивлением)*

Что сталося с тобой? Чем так, Никитич,
Встревожен ты?

Семен Годунов

Великий государь,
Есть чем тревожиться! Возникнул слух:
Царевич жив!

Борис

Жив кто?

Семен Годунов

Царевич Дмитрий!

Борис

С ума ты, что ль, сошел?

Семен Годунов

И сам бы рад
Так думать, царь; но с разных к нам сторон
Все та же весть приходит: жив Димитрий!

Борис

Кто слышал эту весть?

Семен Годунов

На площадях,
В корчмах, везде, где только два иль три

Сойдутся человека, тотчас шепчут
Они о том промеж себя.

Борис

И что ж
По-ихному? Как тот царевич Дмитрий
Воскреснуть мог?

Семен Годунов

Все та же басня, царь!

Борис

Какая басня? Говори!

Семен Годунов

Ты помнишь —
Когда, падучим схваченный недугом,
Упал на нож и закололся он —
Ты помнишь...

Борис

Ну?

Семен Годунов

Нагие оболгали
Тебя, что будто...

Борис

Помню басню их.
Ну, что ж? Когда б и вправду так случилось,
Как мог воскреснуть он?

Семен Годунов

Убийцы, мол,
Ошиблися — зарезали другого.

Борис *(вставая)*

Кто смеет это говорить? Его
Весь Углич мертвым видел! Ошибиться
Не мог никто! Клешнин и Шуйский, оба
Его в соборе видели! Нет, нет,

То слух пустой; рассеется он скоро
Как ветром дым. Но злостный на меня
Я вижу умысел. Опять в том деле
Меня винят. Забытую ту ложь
Из пыли кто-то выкопал, чтоб ею
Ко мне любовь Русии подорвать!

Семен Годунов

Романовы Черкасских угощали
Вчерашний день. За ужином у них
Шла речь о том же. Слуги донесли.

Борис

Романовы? Которых я щадил?
Они молву ту распускают? Нет —
Нет, этого терпеть нельзя!

Семен Годунов

Давно бы
Так, государь!

Борис

Не будем торопиться —
Их чтит народ...

Семен Годунов

Лишь развяжи мне руки!

Борис *(про себя)*

Преступником в глазах народа царь
Не может быть. Чист и безгрешен должен
Являться он, чтобы не только воля
Вершилася его без препинанья,
Но чтоб в сердцах послушных как святыня
Она жила!

(К Семену Годунову)

С Романовыми я
Повременю. Но если кто в народе
Дерзнет о слухе том лишь заикнуться —
В тюрьму его! Ступай, разведай, как
И кем тот слух посеян на Москве?

До корня докопайся — и о всем
Мне донеси!

(Семен Годунов уходит.)

Борис *(один)*

Нет, этого нельзя,
Нельзя терпеть! Хоть я не царь Иван,
Но и не Федор также. Против воли
Пришлось быть строгим. Человек не властен
Итти всегда избранным им путем.
Не можем мы предвидеть, что́ с дороги
Отклонит нас. Решился твердо я
Одной любовью править; но когда
Держать людей мне невозможно ею —
Им гнев явить и кару я сумею!

ПОКОЙ ЦАРИЦЫ МАРИИ ГРИГОРЬЕВНЫ

Царица и дьяк Власьев.

Царица

Скажи мне всё; не бойся молвить правду;
Твои слова не выйдут из покоя
Из этого. Когда ты с Салтыковым
Был в датскую посылан землю сватом,
Что́ ты узнал о женихе?

Власьев

Все вести
О нем я, матушка-царица, прямо,
Как слышал, так и отписал к царю,
Не утаил ни слова.

Царица

Не хитри
Со мной, голубчик. Ты, чай, боле знаешь,
Чем отписал. Зачем король покойный
Услал его ребенком от себя?

Власьев

Не ведаю, великая царица.

Царица

Я ведаю. Король не почитал
Его за сына. Так ли?

Власьев

Видит бог,
О том не знаю.

Царица

Афанасий Власьич,
Тебе со мной ломаться не расчет.
Ты думный дьяк, да только ведь и мы
Не из простых. Иным словечком нашим
Тебе не след бы брезгать. В гору может
Оно поднять, да и с горы содвинуть!
Ну, говори ж, да не утай, дружок:
Ведь до рожденья этого Христьяна
В совете быть король уж перестал
С своею королевой?

Власьев

Были толки.

Царица

Ну, видишь ли!

Власьев

Великая царица,
Где ж толков не бывает? Мало ль что
Болтает люд! По смерти королевы
Король вернул его к себе; и жил же
Он при дворе с своим со старшим братом,
Как королевский сын!

Царица

Не зауряд ли?
И старший брат, теперешний король,
Кажись, не больно жаловал его.
Так. что ли?

Власьев

Всяко люди говорят;
Язык-то, благо, без костей. Не знаю,
Как было прежде, нове же они
В согласии; король его зовет
Своим любезным братом.

Царица

А когда
Захочет царь, как он уже задумал,
Его эстонским сделать королем,
Тогда его как братец будет звать?
Дороже, чай, эстонская земля
Ему родства покажется с царем!
Найдутся и улики. Ксенья ж наша
Очутится за неким басурманом
Без племени и роду!

Власьев

Эх, царица!
Бояться волка — не ходить и в лес!
Что́ толковать, когда царевна Ксенья
Помолвлена!

Царица

Помолвка не венец.
Когда бы ты, голубчик, согласился
Сказать царю, что́ мне ты повестил...

Власьев

Побойся бога, матушка-царица,
Я ничего не говорил тебе!

Царица

Ну, ну, добро! Мы знаем то, что́ знаем.
Ступай, дружок, не бойся ничего!

(Власьев уходит.)

Царица *(обращаясь к двери)*

Дементьевна!

Дементьевна *(входя)*

Здесь, матушка-царица!

Царица

Ну, что ты там про них узнала?

Дементьевна

Встали
Ранёхонько; на Воробьевы горы
Поехали; с царевичем жених
Все ехал рядом; много говорили
Промеж собой; смеялися; потом
Скакались вместе; обскакал жених
Царевича; но этот ничего,
Сам будто рад; души, вишь, в нареченном
Не чает зяте!

Царица

С толку вовсе немчин
Его уж сбил.

Дементьевна

Вернулися к закуске;
Откушавши с царевною втроем,
В покое царском вместе оставались,
Как царь позволил.

Царица

Новые порядки
Заводит царь. Он с ними, что ль, сидел?

Дементьевна

Нет, матушка; спустя часок изволил
Войти в покой; пришел Семен Никитич,
Они ж ушли: царевич с женихом,
Царевна во светлицу.

Царица

А часок
Таки сидели вместе? Ну, конечно,

Коль выдают за немчина ее,
Так и обычай надо ей немецкий
Перенимать. Что слышала еще?

Дементьевна

Боярыня вернулась Василиса
Из Киева. Твои повидеть очи
Ждет позволенья.

Царица

Милости прошу.
Пускай войдет.

(Дементьевна уходит. Входит Волохова и кланяется в землю).

Здорово, Василиса!
Вернулась с богомолья своего?
Ну что, голубушка? Как можешь?

Волохова

Терпит
Господь грехам, великая царица!

Царица

Что ж? Видела Печерскую ты лавру?
Чай, хорошо?

Волохова

Ох, матушка-царица,
Как хорошо! Ох, ох, как хорошо!
Просвирку вот там вынула во здравье
Твое, царица; а вот эту вот
За упокой родителя твово,
Григория Лукьяныча!

Царица

Спасибо,
Голубушка. Ну, что путем-дорогой
Узнала ты?

Волохова

Чудесное настало,
Царица, время. Знаменья являет
Везде господь: всходили три луны
Намедни враз; теленком двухголовым
Корова отелилась; колокольни
От ветра падают. И все то мне
Печерский некий старец толковал:
Великие настанут перемены,
И скоро-де совсем не будет можно
Узнать Руси!

Царица

Да. И теперь ее,
Пожалуй, не узнаешь. Чай, слыхала?
Посватали царевну!

Волохова

Как не слышать!
От радости, поверишь ли, царица,
И ноги подкосились!

Царица

Ну, немного
Тут радости.

Волохова

Как, матушка?

Царица

Да разве
Своих князей-то не было? Не то,
В Литве князей довольно православных!
Чай, каждый рад бы выехать к царю,
Аксиньюшку посватать!

Волохова

А еще бы!
Еще б не рад!

Царица

Чём немчина бог весть
Отколь выписывать.

Волохова

Ах, свет-царица!
Сказать ли правду? Как узнала я,
Что немчин он, так и кольнуло в сердце!
Ей-богу, право!

Царица

Слушай, Василиса:
Ведь не спроста оно могло случиться!

Волохова

А именно, что не спроста, царица!
Не с ветру, матушка!

Царица

Он, окаянный,
Приворотил царевну. И царя
С царевичем, должно быть, обошел.
Я Федора не узнаю с тех пор,
Как на Москву жених приехал. Смотрит
Ему в глаза, и только!

Волохова

Право дело,
Царица-матушка! Вестимо так!
Признаться, я о том лишь услыхала,
И говорю: Владычица святая!
Тут приворот!

Царица

А как по-твоему?
Помочь нельзя?

Волохова

Как, матушка-царица,
Как не помочь! Разведать только надо:

В чем сила-то его? Да эту силу
И сокрушить. Следок его, царица,
Дай вынуть мне и погадать на нем.

Царица

Ну, а потом?

Волохова

Потом его и силу
Мы сокрушим. Есть корешок такой.

Царица

Спасибо, мать. Прости ж теперь. Об этом
С тобою после потолкуем мы.

(Волохова уходит.)

Царица *(одна)*

Спесив уж больно стал со мной Борис
Феодорыч. Дочь вздумал, не спросясь
У матери, за басурмана выдать!
Нет, погоди! Еще поспорим вместе!

ЛЕС. РАЗБОЙНИЧИЙ СТАН

Атаман Хлопко-Косолап сидит на колоде. Перед ним стоит эсаул Решето. Другие разбойники стоят или сидят отдельными кружками.

Хлопко

Хорош бы день, да некого бить. Кто сегодня на Калужской засеке?

Решето

Саранча с десятью молодцами.

Хлопко

А у Красного Столба?

Решето

Шестопёр с Поддубным. Митька сидит коло московской дороги.

Хлопко

Один, что ли?

Решето

Кого ему еще? Он и один десятерых стоит!

(Подходит эсаул Наковальня.)

Наковальня

Атаман! Обходчики еще пять человек крестьян привели; к тебе просятся. Вот уж третья артель на этой неделе.

Хлопко

Эх их подваливает! Кажинный день новые! Давай сюда.

(Наковальня уходит.)

Хлопко *(к Решету)*

А повесили тех молодцов, что к нам воевода вчера подослал?

Решето

Чем свет обоих вздернули.

Хлопко

Ладно.

(Наковальня возвращается с пятью крестьянами. Они кланяются Хлопку в пояс.)

Голоса

В ноги! В ноги!

(Крестьяне кланяются в ноги.)

Хлопко

Зачем пришли?

Крестьяне

К твоей милости!

Хлопко

Чего просите?

Один крестьянин

Защити, отец родной! От вотченников своих утекли. Хотим служить тебе вольными людьми!

Хлопко

Что, солоно, чай, на привязи пришлось?

Другой крестьянин

Невмоготу, родимый. Работы ну-тебе, а уходить не смей. Напред того, бывало, нéлюбо тебе у кого — иди куда хошь! Который вотченник будет пощедли́вей, к тому и иди! А ноне, каков ни будь, где тебя указ тот застал, там и сиди; хошь волком вой, а сиди!

Хлопко

Спасибо царю: о нас постарался; нашего полку прибыло.

Все крестьяне

Защити, отец! Прийми к себе!

Хлопко

Много вас приходит; да так уж быть, приймý. А уговор такой: чтó прикажу — то, не разговаривая, делать. А кто что не так — одна расправа: петля на шею. Согласны?

Крестьяне

Согласны, батюшка! Будем служить тебе!

Хлопко

Ну, ступайте в курень!

(Крестьяне уходят. Является посадский.)

Посадский

Кто здесь Хлопко?

Разбойники

Этот откуда выскочил? — Кто он такой? С неба свалился? — Да ты знаешь ли, куда попал? — Смотри, и шапки не ломает!

Посадский

Глухи вы, что ли? Где атаман ваш?

Один разбойник

Вишь, какой шустрый! Да ты разве о двух головах?

Посадский

А вы, чай, с придурью? Да я и без вас найду его!

(Осматривается и идет прямо на атамана.)

Ты Хлопко-Косолап!

Хлопко

Косолап и есть. Неладно скроен, да крепко сшит. Побываешь в моих лапах — узнаешь меня!

Посадский

Хаживали на медведя, не в диковину нам.

(Ропот.)

А коли ты атаман, так чего смотришь? За полверсты отсель меня с двумя товарищи остановил тюлень какой-то, здоровее тебя будет. Я ему толкую: мы к тебе; а он, увалень, не говоря ни слова, сгреб их двух да и потащил.

Разбойники

Ха-ха-ха! Да это они на Митьку наткнулись!

Посадский

Я бы разбил ему череп, да с тобой ссориться не хотел.

Хлопко

Эй, милый человек! Да ты, я вижу, без чинов!

Посадский

Не в моем обычае.

Хлопко

А вот я тебя, душа моя, сперва на сук вздерну, а потом спрошу об имени-прозвище.

Посадский

Ну, нет, шутишь. Раздумаешь вздернуть!

Хлопко

Да кто ж ты такой?

Посадский

Сперва пошли свободить товарищей, а пока дай горло промочить.

(К разбойникам)

Эй! Вина!

(Садится рядом с Хлопком.)

Я к тебе за делом, дядя; ты нужен мне. Как по-твоему, кто у нас царь на Руси?

Хлопко

Да ты и вправду не шутишь ли со мной?

Посадский

Я не шучу. А ты не отлынивай, говори: кто царь на Руси?

Хлопко

Как кто? Борис Федорыч!

Посадский

Неправда! Не отгадал! Дмитрий Иваныч.

Хлопко

Какой, шут, Дмитрий Иваныч?

Посадский

Да разве их два? Вестимо какой! Сын царя Ивана! Тот, кого вор Годунов хотел извести, да не извел! Тот, кто собирает рать удальцов, на Москву вернуться, свой отцовский стол завоевать! Не веришь? Я от него к тебе прислан. Он жалеет вас; зовет тебя, со всеми людьми, к литовскому рубежу!

(Разбойники столпляются вокруг посадского.)

Говор

Слышь, слышь! Царевич зовет! Недаром шла молва, что жив царевич!

Хлопко

Молву-то мы знаем, да кто ж мне порукой, что этот к нам не подослан?

Посадский

Какой тебе поруки? Через месяц, много через два, услышишь о Дмитрие. Чем тебе здесь от Борисовых воевод отстреливаться, иди ко Брянску лесными путями, становись под царский стяг! Великий государь пожалует тебя; у него с тобой один супостат — вор Годунов!

Хлопко

А, чорт возьми, пожалуй и правда!

(Шум за сценой. Является Митька, таща за шиворот одной рукой Мисаила Повадина, другой Григория Отрепьева.)

Разбойники

Вот он и Митька! Ай да Митька! Ай да тюлень! Тащи, тащи! Не давай им упираться! Тащи их сюда, посмотрим, что они зá люди!

Митька *(подтащив обоих к Хлопку)*

Пущать, что ли?

Хлопко

Погоди пущать; допросим их сперва. Кто вы такие? Ты кто?

Мисаил

Смиренный инок Мисаил!

Хлопко

А ты?

Григорий

Смиренный инок Григорий!

Хлопко

Зачем пришли?

Мисаил

Не сами пришли, пресветлый и многославный воевода! Влекомы есмы силою хищника сего!

Хлопко

Да в лес-то мой как вы попали?

Григорий

От немощи человеческия плотскими боримые похоти, из монастыря пречестного Чуда, что на Москве-реце, бежахом!

Мисаил

А простыми словами: из-под начала ушли; яви нам милость, повелитель, дай у себя пристанище!

Хлопко

Биться дубинами умеете?

Мисаил

Не сподобил господь.

Хлопко

А на кулаках деретесь?

Григорий

И сей не вразумлены мудрости.

Хлопко

Так на кой вы мне прах?

Мисаил

Прийми нас, славный витязь, душеспасения ради!

Григорий

Насыти нас, гладных, паче же утоли жажду нашу соком гроздия виноградного, сиречь: вели пеннику поднести!

Хлопко

Пеннику вам поднесут; только у меня такой обычай: кого к себе примаю, тот сперва должен свою удаль показать. Выходите оба с Митькой на кулачки. Коли вдвоем побьете его, будет вам и пристанище.

(Хохот между разбойниками.)

Митька

Пущать, что ли?

Хлопко

Пущай!

Мисаил

Умилосердись, повелитель!

Григорий

Не обреки, воевода, членов наших сокрушению!

Хлопко

Да разве он один вам двоим не под силу?

Мисаил

Свиреп и страховиден!

Григорий

Дикообразен и скотоподобен!

Посадский *(вставая)*

Оставь их, дядя Косолап! Где инокам смиренным кулачиться? Вот я, пожалуй, выйду заместо их!

Хлопко

Ты?

Посадский

Ну да, я.

Хлопко

На Митьку?

Посадский

На Митьку, коли он Митька.

Хлопко

Один?

Посадский

А то как же ещо?

Хлопко

Да ты знаешь ли Митьку? Ведь коли ты подослан, я успею повесить тебя, а коли ты вправду от царевича, так не след тебе убиту быть.

Посадский

За меня не бойся!

Хлопко

Ой ли? Ну, как знаешь, посмотрим. Становись, Митька!

Митька

Чаво становиться-то?

Хлопко

Ну, собачий поп, не разговаривай, становись!

Посадский

Померяемся, тёзка! Побей меня.

Митька

А что ты мне сделал?

Посадский

Так тебе надо что сделать сперва? Изволь!

(Сшибает с него шапку.)

Митька

Что ж ты это?

Посадский

Мало с тебя?

(Толкает его в бок.)

Митька

Не замай — тресну!

Посадский

А я тебя!

Митька

А ну, подойди!

(Разбойники хохочут. Бой зачинается. Митька и посадский, став друг против друга, ходят кругом, левая рука на тычку, правая на маху. Мисаил и Григорий садятся на землю и смотрят.)

Посадский

Что ж не бьешь?

Митька

А вот постой!

(Хочет ударить посадского; тот увертывается и бьет его в плечо.)

Мисаил

Эх!

Григорий

Раз!

(Разбойники хохочут.)

Митька

Ты чаво вертишься?

Посадский

Не буду, тёзка. Изловчись, я подожду.

Митька *(размахнувшись)*

Так на ж тебе!

(Бьет с плеча, посадский сторонится, Митька сразмаху падает оземь.)

Посадский *(притиснув его коленом)*

Убить аль жива оставить?

Разбойники

Ай да молодец! — Вот лихо было! — Невиданное дело! — Митьку оседлал!

Посадский *(отпуская Митьку)*

Кого люблю, того и бью. Вставай, тёзка, помиримся! Приходи в Северскую землю, под царский стяг! Царевич Дмитрий пожалует тебя!

Хлопко

Так ты, что ли, вправду от царевича? Побожись!

Посадский

Как бог свят, сам Дмитрий зовет вас! Много ль у тебя беглых крестьян, дядя Косолап?

Хлопко

Довольно есть, да мне все не верится...

Посадский *(к толпе)*

Православные! Когда сядет Дмитрий на свой отцовский стол, всем Юрьев день отдаст, все кабалы порешит, всем свобода по-старому!

Крики

Воздай ему господь! Помоги ему на престол!

Посадский

Казну Борисову меж вас разделит!

Крики

Живет Дмитрий Иваныч!

Посадский

А теперь, ребята, атаман велит про его царское здоровье до-пьяна напиться! Выставляйте чаны! Выкачивайте какие там у вас бочки! Дядя Косолап угощает!

(Общее смятение, шум и крики. Посадский незаметно скрывается.)

Хлопко

Эй ты, пострел! Да где ж это он?

Один разбойник

Кто?

Хлопко

Как кто? Тот, что взбудоражил нас!

Разбойник

Он сейчас тут стоял.

Хлопко

Куда ж он пропал? Насатанил да и провалился! Эй вы, отцы святые, кто это был?

Мисаил

Не вем.

Григорий

Не сказался ми.

Хлопко

Как, черти, не сказался? Ведь вы с ним пришли, наплешники?

Мисаил

На исходище путей стеклися, повелитель! Сладкоречием мужа сего прельщенны есмы!

Григорий

Он же убеди нас купно с ним пред очеса предстати твоя, имени же своего не объяви!

Хлопко

Ну, диковина!

Крики

Эхма! Царевич в Северскую землю зовет! На Москву хочет вести! — Нам Борисову казну отдает! — К царевичу! К царевичу! Веди нас, атаман! — Когда к царевичу поведешь?

Хлопко

Ну, добро, добро, дьяволы! Завтра тронемся!

(Шум и смятение.)

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ПОКОЙ ВО ДВОРЦЕ

Борис сидит перед столом, покрытым бумагами.

Борис

**Нелепая, безумная та весть —
Не выдумка! Неведомый обманщик,
Под именем Димитрия, на нас
Идет войной; литовскую он шляхту
С собой ведет, и воеводы наши
Передаются в ужасе ему!
Кто этот вор, неслыханный и дерзкий?
Селения к нему перебегают —
Молвой Москва встревожена — его
Нам презирать нельзя! Доколь не сможем
Назвать его по имени, он будет
Димитрием в глазах толпы! Возможно ль?
Меня бродяга изменить заставит
Исконное решение мое!
Не благостью, но страхом уже начал
Я царствовать. Где ж свет тот лучезарный,
В котором мне являлся мой престол,
Когда к нему я темной шел стезею?
Где светлый мир, ценою преступленья
Мной купленный? Вступить на путь кровавый
Я должен был, или признать, что даром
Прошедшее свершилось. Колебаться
Теперь нельзя. Чем это зло скорей
Я пресеку, тем мне скорее можно
Вернуться будет к милости.**

(Входит Семен Годунов.)

**Ну, что?
Что ты узнал? Кто этот человек?**

Семен Годунов

Сам сатана, я думаю! Нигде
Я до следов его не мог добраться.
Под стражу мы людей довольно взяли,
Пытали всех; но ни с огня, ни с дыба
Нам показаний не дал ни один.

Борис

Мы знать должны, кто он! Во что б ни стало
Его назвать — хотя пришлось бы имя
Нам выдумать!

Семен Годунов

Найти такое можно.
Был в Чудове монах, Григорьем звали,
Стрелецкий сын, из Галича. Бежал
Недавно он и, пьяный, похвалялся:
Царем-де буду на Москве!

Борис

Зачем
Меня не известили?

Семен Годунов

Государь!
То был пустой, беспутный побродяга,
Хвастун и враль; монахи все ему
В глаза смеялися.

Борис

Но, может быть,
То он и есть?

Семен Годунов

Нет, государь, не он.
Тот вор умен, мечом владеть умеет,
А этот только бражничал да лгал.

Борис

Каких он лет?

Семен Годунов

Лет двадцати, иль боле.

Борис

Куда бежал?

Семен Годунов

На Стародуб. Оттоль
Ушел в Литву.

Борис

Как прозывался он?

Семен Годунов

Отрепьевым.

Борис

Он нам пригоден. Им
Того пока мы вора назовем.
Лишь то, что нам является в тумане,
Смущает нас; чтó осязать мы можем
Или назвать — свою теряет силу.
Гонца в Литву отправить к королю:
Чтобы скорей свою унял он шляхту;
Что стыдно-де пособие чинить
Негодному, беспутному бродяге;
Что Гришка-де Отрепьев, беглый инок,
Морочит их; что если в мире быть
Со мной хотят — чтоб выдали его!
Разведчиков умножить. Знать я должен,
Чтó говорят, чтó думают бояре.
Им нá-руку пришлася эта весть!
Романовым избрание мое
Досель как нож; ближайшею роднею
Они себя Феодору считают;
А Шуйские мне рады б отомстить
За князь Иван Петровича; все ж вместе
Мне Юрьев день простить они не могут!
Что слышно в городе?

Семен Годунов

По вечерам
К Романовым съезжаются бояре
И шепчут много, но от слуг они
Хоронятся. И чью-то чашу пили
В молчании.

Борис

Изменничье гнездо!
Я знаю чью! Награду обещать
Тому, кто мне на них найдет улику!

Семен Годунов

Улика будет.

Борис

Голод между тем
Досель еще свирепствует. Напрасно
Народу я все житницы открыл,
Истощены мои запасы. В день,
Когда венец я царский мой приял,
Я обещал: последнюю рубаху
Скорей отдать, чем допустить, чтоб был
Кто-либо нищ иль беден. Слово я
Теперь сдержу. Открыть мою казну
И раздавать народу: царь-де помнит,
Чтó обещал. Когда казны не станет,
Он серебро и золото отдаст,
Последнюю голодным он одежду
Свою отдаст — но чтоб лихих людей
Не слушали; чтобы ловили всех,
Кто Дмитрия осмелится лишь имя
Произнести!

(Входит царевич Федор.)

Мстиславскому сказать,
Чтоб воеводство над войсками принял.
Украинским уж боле воеводам
Не верю я. Ступай, исполни все,
Как я велел.

(Семен Годунов уходит.)

Федор

Отец, так это правда?
Земле грозит опасность? Этот дерзкий,
Безумный самозванец в самом деле
Мог обмануть украйны? Мог рубеж
Переступить? и на тебя войною
Теперь идет?

Борис

Недолго будет он,
Надеюсь я, торжествовать. Улики
У нас в руках.

Федор

Но между тем у нас
Он города берет? Отец, пошли,
Пошли меня и брата Христиана
К твоим войскам! Вели, чтоб под начало
Он взял меня!

Борис

Сын Федор, если б враг
Достойный шел на Русь, быть может, я
Послал бы вас; но с этим темным вором
Царевичу всея Руси сразиться
Не есть хвала. Кто плахе обречен —
Не царскими тот имется руками.

Федор

Не княжескими также. Ты, однако,
Мстиславского на этого врага
Сейчас послал. Его ты, стало быть,
Ничтожным не считаешь. Ты велишь
Хватать всех тех, кто произносит имя
Покойного царевича — отец,
Нам правосудье ведомо твое —
Ты мог ли бы то сделать, если б ты
Опасности не чаял? Мы со Ксеньей
Об этом долго толковали; горько
Казалося и непонятно нам,

Что ты, отец, который столько раз
Нам говорил: я лишь дела караю,
Но ни во чью не вмешиваюсь мысль —
Что начал ты доискиваться мыслей,
Что ты за мысль, за слово посылаешь
Людей на казнь! Но мы решили так:
Насилуешь свое, отец, ты сердце
Затем, что Русь в опасности. И если
Оно так есть — и если в самом деле
Опасность ей грозит — кому ж, отец,
Встречать ее, кому, коли не мне?

Борис

Кипит в нас быстро молодости кровь;
Хотел бы ты во что б ни стало доблесть
Свою скорее показать; но разум
Иного требует. Ты призван, сын,
Русийским царством править. Нам недаром
Величие дается. Отказаться
От многого должны мы. Обо мне
Со Ксенией вы вместе толковали —
В одном вы не ошиблись: неохотно
Ко строгости я прибегаю. Сердце
Меня склоняет милостивым быть.
Но если злая мне необходимость
Велит карать — я жалость подавляю
И не боюсь прослыть жестоким.

Федор

Видишь!
Ты говоришь: необходимость — стало,
Опасность есть!

Борис

Она явиться может —
И чтоб ее предупредить, я должен
Теперь быть строг. Когда придет пора,
Я к милости вернусь. Где Ксенья? Мы
Не виделись сегодня. Пусть она
Ко мне придет.

(Федор уходит.)

Слева направо: И. А. Гончаров, Е. Н. Шостак, А. К. Толстой, Н. М. Жемчужников, С. А. Толстая.

Мне кажется, когда
Ее услышу голос, легче будет
Мне на душе. Царенья моего
Безоблачна взошла заря. Какую
Она, всходя, мне славу обещала!
Ее не может призрак помрачить!
С минувшим я покончил. Что свершилось,
То кануло в ничто! Какое право
Имеет прах? Земля меня венчала,
А хочет тень войти в мои права!
Я с именем, со звуком спорить должен!

(Федор возвращается со Ксенией.)

Поди ко мне, дитя мое, садись —
Но что с тобой? Ты плакала?

Ксения

Отец...

Борис

Ты так глядишь, как будто ты какую
Утрату понесла?

Ксения

Да, мой отец,
Ты молвил правду — понесла утрату
Я страшную! Не я одна — мы все —
Все понесли ее! Тебя, отец мой,
Утратили мы все — ты стал не тот!
Куда твоя девалась благость? Ты ли,
Ты ль это предо мной? Когда, бывало,
Народу ты показывался — радость
Во всех очах сияла; на тебя
С любовию смотрели и с доверьем —
Теперь же — о, какая перемена!
Теперь со страхом смотрят на тебя!
Взгляни вокруг: везде боязнь и трепет —
Уж были казни — о доносах шепчут,
Которые ты награждать велишь —
Москва дрожит — так было, говорят,
Во времена царя Ивана...

Борис

Ксенья...

Ксения

Ты стал жесток...

Борис

Опомнись, Ксенья. Ты
Меня довольно знаешь. Если я,
Которого терпение тебе
Так ведомо, решаюся карать —
То, стало быть, я не могу иначе!
Ты то пойми.

Ксения

Нет, этого понять
Я не могу, нет, не могу, отец!
Зачем твой гнев? Чего боишься ты?
Тебя в убийстве гнусном обвиняют?
Ты чист как день! Презрением лишь должен
Ты отвечать на эту клевету!

Борис

Так на нее доселе отвечал я.
Но, Ксения, презрение мое
Почли за страх. Ты слышала, какую
Они сплели об этом деле басню —
Неведомый воспользовался вор
Молвою той и ныне...

Христиан *(отворяя дверь)*

Государь,
Могу ли я?..

Борис

Войди.

Христиан

Великий царь —
Дозволишь ли мне молвить?

Борис

Говори.

Христиан

Отец и царь! Уверен ли ты в том,
Что человек, который на тебя
Идет войной — не истинный Димитрий?

Борис

В уме ль ты, королевич? Кто в тебя
Вселил ту мысль?

Христиан

Молва такая ходит —
За тайну мой советник Гольк сегодня
Мне повестил, что слышал где-то он:
Не сам царевич Дмитрий закололся,
Но был убит. Иные ж говорят,
Что не его убили, но другого,
Ошибкою. Один противоречит
Другому слух. Кто знает, государь,
Не скрыто ль что в сем деле от тебя?
И все ль тебе подробности известны
Димитриевой смерти? Может быть,
В те дни и вправду было покушенье
На жизнь его, и спасся он? Я тотчас
Подумал, царь, что если в самом деле
Димитрий жив — ты первый поспешишь
Его признать!

Борис

И ты не обманулся.
Когда б нежданно истинный Димитрий
Явился нам — я первый бы навстречу
Ему пошел и перед ним сложил бы
Я власть мою и царский мой венец.
Но Дмитрий мертв! Он прах! Сомнений нет!
И лишь одни враги Руси, одни
Изменники тот распускают слух!
Забудь о нем. В Димитриевой смерти
Уверен я.

Федор

Но так ли он погиб,
Как донесли тебе, отец? В том слухе
Об углицком убийстве часто правда
Мне чуялась. Со дня ж, как мамку ту
Увидел я...

Борис

Где встретился ты с ней?

Федор

У матушки.

Борис

Ей во дворце не место.
За клевету Нагих ее в ту пору
Я щедро наградил; с нее довольно —
Ей здесь не место!

Федор

Стало быть, и ты,
Отец, ее подозреваешь?

Борис

Нет!
Нет, никого подозрить не могу.
Доказано мне верно: закололся
В недуге он!

Стольник *(входя)*

Великий государь,
Царица к милости твоей идет!

Борис

Что надо ей? Мне некогда!

Стольник

Она
Уж у дверей.

Борис

Оставьте, дети, нас!

(Федор, Ксения и Христиан уходят. Входят боярыни, а за ними царица.)

Царица *(с поклоном)*

Не прогневись, свет-государь Борис
Феодорыч, и на свою рабу
Не наложи опалы за докуку!

(К боярыням)

А вы, голубушки, ступайте в сени,
Пождите там.

(Боярыни уходят.)

Борис

Какой тебя, царица,
Приводит спех?

Царица

Ох, свет мой государь,
Мы все спешим! Ты Ксеньюшку посватать
Вот поспешил, а королевич твой
Спешит проведать, как пропал царенок
Там в Угличе. И немчины его
Промеж себя толкуют: уж не вправду ль
Зарезан был царенок? Как оно
По-твоему? По-моему, негоже;
Им толковать не след.

Борис

Их толкам я
Не властен помешать; все ж речи их
Мне ведомы.

Царица

Все ль, свет мой? А вот мне
Оно не так сдается. Не смекнул ли
Чего жених? Он эти дни с чего-то
Стал пасмурен.

Борис

Не мнишь ли ты, он слухам
Поверил тем?

Царица

Где мнить мне, государь!
Ты лучше знаешь. Не хотел ты слушать,
Что́ про его рождение тебе
Сказала я. Когда ты положил,
Чтоб этот безотецкий сын детей
Сбил с разума — твоя святая воля!
Так, значит, быть должно!

Борис

Царица Марья —
Куда ты гнешь? Коли что́ знаешь ты,
Скажи мне прямо!

Царица

Батюшки мои!
Что ж я скажу? Ты разве сам не видишь?
Жених с детьми толкует целый день;
Те слушают; сомнение на них
Уж он навел. Пожди еще немного,
И скоро всё они узнают.

Борис

Марья!
Я запретил тебе напоминать
Об этом мне!

Царица

Я, батюшка, молчу;
Четырнадцать вот скоро лет молчала,
Да не пришла ль пора заговорить?
Не поздно ль будет, если немчин твой
Доищется улики на тебя?

Борис

Чего ж ты хочешь?

Царица

Мне ль чего хотеть,
Свет-государь! Свое я место знаю.
Мне, бестолковой бабе, и негоже
Советовать тебе. Ты дочь посватал
Без моего совета; без меня же
Ты сам найдешь что́ сделать!

Борис

В Христиане
Уверен я.

Царица

Уверен, так и ладно.
Но моему ж по бабьему уму,
Не от народа ждать беды нам надо,
Не от бояр — не в городе для нас
Опасность есть, а в тереме твоем.
Доколе в нем останется твой немчин —
Спокойно спать не можем мы!

Борис

Довольно!
Молчи о том. Царю Руси нет дела,
Что дочери Скуратова Малюты
Не по́ сердцу жених, избранный им.
Не твоему то племени понять,
Что́ для Руси величия пригодно!

Царица

Где, батюшка, нам это понимать!
Родитель мой служил царю Ивану
По простоте. Усердие его
Царь жаловал. А ты меня посватал,
Чтобы к царю Ивану ближе стать.
Что ж? Удалось. Ты царским свояком,
Ты шурином стал царским, а потом
Правителем, а ныне государем.
Где ж дочери Скуратова Малюты
Указывать тебе! Перед тобой

Поклонную я голову держать
Всегда должна. Прости же, государь,
Прости меня за глупую мою,
За бабью речь. Вперед, отец, не буду!

(Уходит. Входит Семен Годунов.)

Борис

Какие вести? Ну?

Семен Годунов

Чернигов взят!

Борис

Не может быть!

Семен Годунов

Изменники связали
В нем воевод и к вору привели.
Путивль, Валуйки, Белгород, Воронеж
Ему сдались — Елец и Кромы также.
Один лишь Северск держится. Басманов
Засел в нем насмерть. Лаской и угрозой
Старался вор склонить его, но он
На увещанья отвечал ему
Картечию.

Борис

Я не ошибся в нем!

Семен Годунов

Я говорил тебе: не верь боярам!
Верь только тем, кто, как и мы с тобой,
Не древней крови!

Борис

Что еще принес ты?

Семен Годунов

Мятежный дух как будто обуял
Не только край, но самые войска.

Что день, к врагу они перебегают,
Скудеет рать...

Борис

О чем же воеводы
Там думают? От страху ль потеряли
Рассудок свой? Наказ послать им строгий,
Чтоб вешали изменников! Чтоб всех,
Кто лишь помыслит к вору перейти,
Всех, без пощады, смертию казнили!
Не то — я сам явлюся между них!

Стольник *(входя)*

Боярин князь Василь Иваныч Шуйский!

Семен Годунов

С чем старая лисица пришлелась?

Борис

Пускай войдет!

(Шуйский входит. Борис смотрит на него пристально.)

Ты слышал вести?

Шуйский

Слышал,
Царь-государь.

Борис

Что скажешь ты на это?

Шуйский

Неладно, царь.

Борис

Неладно — вижу я!
А кто виной? Бояре продают —
Да, продают меня!

Шуйский

Суди их бог!

Борис

Им божьего суда не миновать.
Но до того я в скорых числах буду
Их сам судить. Мстиславского меж тем
Я к рати шлю.

Шуйский

Ему и книги в руки.
Он старше всех. Голов там больно много.
Не прогневись, великий государь,
За простоту, дозволь мне слово молвить.

Борис

Скажи.

Шуйский

Когда б ты захотел туда
Поехать сам — все снял бы как рукою.

Борис

А вам Москву оставить? Знаем это.
Нет, оставлять Москву царю не час.
Придумай лучше.

Шуйский

А не то, еще
Вот что, пожалуй: вдовая царица,
Димитриева мать, теперь на Выксе,
Пострижена сидит. Ее бы, царь,
Ты выписал. Пускай перед народом
Свидетельствует крестно, что Димитрий
Во гробе спит.

Борис

Послать за ней! Но долог
До Выксы путь. Восстановить покорность
Мы здесь должны. Пример я над иными
Уж показал. Что? Утихают толки?

Шуйский

Нет, государь. Уж и не знаешь, право,
Кого хватать, кого не трогать? Все
Одно наладили. Куда ни сунься,
Все та же песня: царь Борис хотел-де
Димитрия царевича известь,
Но божиим он спасся неким чудом
И будет скоро...

Борис

Рвать им языки!
Иль устрашить тем думают меня,
Что много их? Но если б сотни тысяч
Меня в глаза убийцей называли —
Их всех молчать и предо мной смириться
Заставлю я! Меня царем Иваном
Они зовут? Так я ж его не в шутку
Напомню им! Меня винят упорно —
Так я ж упорно буду их казнить!
Увидим, кто из нас устанет прежде!

ДОМ ФЕДОРА НИКИТИЧА РОМАНОВА

Федор Никитич, Александр Никитич, князь Сицкий, князь Репнин и князь Черкасский за столом.

Федор Никитич *(наливая им вина)*

Ну, гости дорогие, перед сном —
По чарочке! Во здравье государя!

Черкасский

Которого?

Федор Никитич

Ну, вот еще! Вестимо,
Законного!

Черкасский

Не осуди, боярин,
Не разберешь. Разымчиво уж больно
Твое вино.

Сицкий

Законному царю
Мы служим все, да только не умеем
По имени назвать.

Александр Никитич

А коли так —
И называть не нужно. Про себя
Его пусть каждый разумеет. Нуте ж:
Во здравие царя и государя
Всея Руси!

Черкасский

Храни его господь!

Репнин

Дай всякого врага и супостата
Под нозе покорить!

Сицкий

А уж немало
Он покорил.

Черкасский

Ты о татарах, что ли?

Репнин

Аль, может, о татарине?

Сицкий

Нет, этот
Еще крепок.

Александр Никитич

Чернигов, слышно, взят.

Федор Никитич

Еще по чарочке!

Все

Про государя!

(Входит Шуйский.)

Шуйский

Челом, бояре, вам! Чью пьете чару?

Федор Никитич

Царя и государя, князь Василий
Иванович. На, выпей!

Шуйский

Эх, Феодор
Никитич, чай, указ-то государев
Ты позабыл? Не так, бояре, пьете.

(Подымает чару.)

«Великому, избранному от бога,
Им чтимому и им превознесенну,
И скифетры полночныя страны
Самодержащему царю Борису,
С царицею, с царевичем его
И всеми дома царского ветвями,
Мы, сущие в палате сей, воздвигли,
В душевное спасенье и во здравье
Телесное, сию с молитвой чашу.
Чтоб славилось от моря и до моря,
И до конец вселенныя, его
Пресветлое, царя Бориса, имя,
На честь ему, а русским славным царствам
На прибавленье; чтобы государи
Послушливо ему служили все
И все бы трепетали посеченья
Его меча; на нас же, на рабех
Величества его, чтоб без урыву
Щедрот лилися реки неоскудно
От милосердия его пучины
И разума!» — Ух, утомился. Вот,
Бояре, как указано нам пить.

(Не пьет, а ставит чару на стол.)

Федор Никитич

Уж больно кудровато; не запомнишь.

Шуйский

Я выдолбил.

Репнин

Не все его меча,
Кажись, трепещут.

Сицкий

Да и не на всех
Его щедроты льются.

Черкасский

Исчерпал
Пучину милосердия.

Федор Никитич *(к Шуйскому)*

Ты с Верьху?

Шуйский

Был на Верьху.

Федор Никитич

Ну, что ж?

Шуйский

Всё слава богу.
Рвать языки велел.

Черкасский

Что ты? Кому?

Сицкий

Помилуй бог, кому?

Шуйский

Да всем, кто скажет,
Что Дмитрия извел он, аль что Дмитрий
Не изведен, а жив.

Репнин

Так как же быть?

Черкасский

Что ж надо говорить?

Шуйский

А то, что было
При Федоре приказано: что Дмитрий
В недуге закололся.

Репнин

Вот как! Видно,
Уж он чиниться перестал. Да разве
Он казнями кого переуверит?

Шуйский

Пускай казнит; мешать ему не надо.

Сицкий

Как не смекнет он, что когда к Москве
Подступит *тот*, ему не сдобровать?

Шуйский

На каждого на мудреца довольно
Есть простоты. Когда ж мудрец считал,
Да все считал, да видит, что обчелся,
Тут и пошел плутать.

Черкасский

Ты, князь Василий
Иванович, ты в Углич был посылан
На розыск тот. Скажи хоть раз по правде,
По совести: убит аль нет царевич?

Шуйский

Убитого ребенка видел я.

Черкасский

Да Дмитрия ль?

Шуйский

Сказали мне, что Дмитрий.

Черкасский

Да сам-то ты?

Шуйский

А где ж его мне знать?

Черкасский

Что ж мыслишь ты о том, который ныне
На нас идет?

Шуйский

А то же, что и вы.
Язык нам враг. И батюшка Борис
Феодорыч, должно быть, это знает;
Нас от врага он избавлять велит.

Реппин *(к Федору Никитичу)*

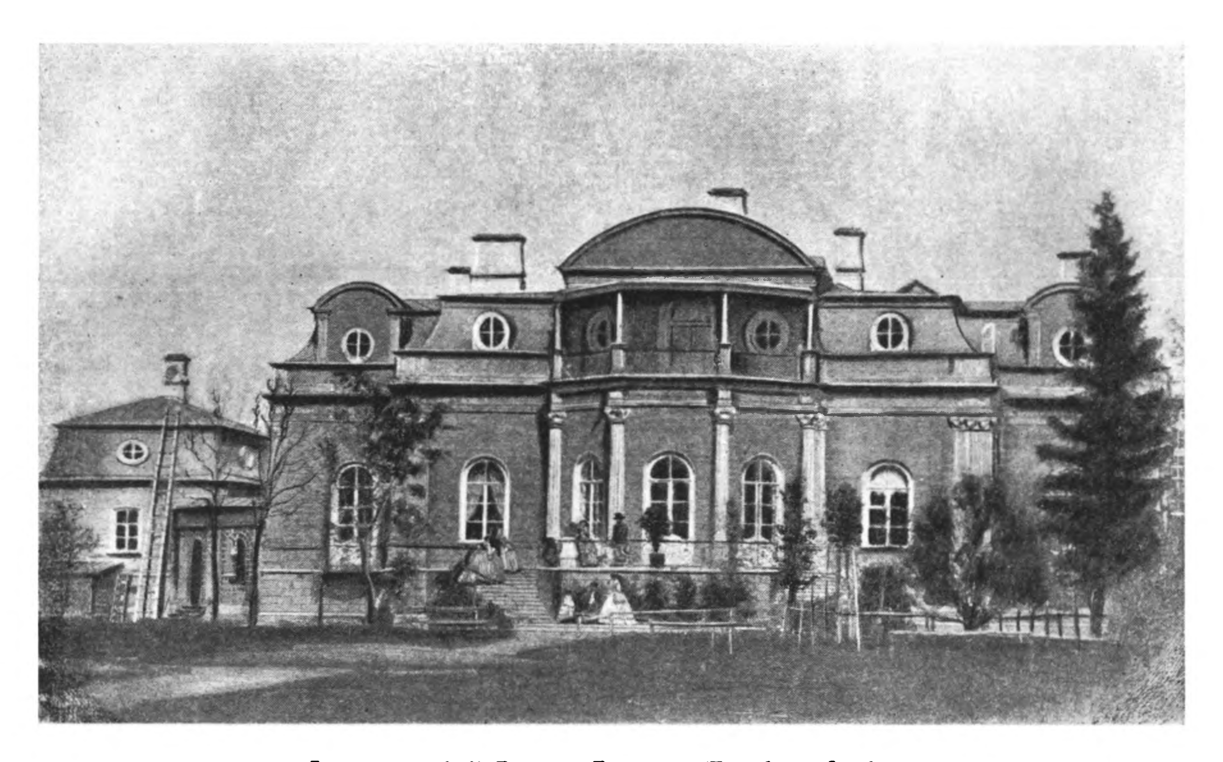
Хозяин ласковый, да так, пожалуй,
И до тебя он доберется?

Федор Никитич

Трудно.
Что скажет он? Романовы признали
Димитрия царем? Да вся Москва
Того лишь ждет, чтоб мы его признали.
Аль что его убийцей мы зовем?
Да пусть о том лишь слух пройдет в народе —
Его каменьями побьют!

Александр Никитич

А мы
Пока молчим. Народ же говорит:
Романовы поближе Годунова
К Феодору царю стояли. Если б
Романов сел на царство — Юрьев день
Нам отдал бы!

Дом в имении А. К. Толстого „Пустынька“ (Петербургской губ.

Федор Никитич

Романовым не нужно б
Заискивать у меньших у дворян;
Народ боярство любит родовое
За то, что выгоды у них одни.

Александр Никитич

А мелких он не терпит. Нет, до нас
Добраться трудно.

(Входит Семен Годунов со стрельцами.)

Семен Годунов

Бьем челом, бояре!
Вы, государи, Федор с Александром
Никитичи, по царскому указу
Под стражу взяты!

Федор Никитич

Мы? Под стражу взяты?
За что?

Семен Годунов

За то, что извести хотели
Царя и государя колдовством.
Довел на вас ваш казначей Бортенев.
Коренья те, что вы уж припасли,
Он предъявил. У патриарха вам
Допрос немедля учинят. Вы также,
Князья Черкасский, Сицкий и Репнин,
Обвинены.

Сицкий

Мы в чем же?

Семен Годунов

Заодно
С Романовыми были. Вас под стражу
Беру я с ними.

(К Шуйскому)

Князь Василь Иваныч!
Тебе велит великий государь
Вести допрос над ними.

Федор Никитич

Видит бог,
Насилие и клевета!

Александр Никитич

Возможно ль?
По одному извету казначея,
Которого за кражу я прогнал
Тому три дня?

Черкасский

Вот он тебе и платит!

Сицкий

А царь ему, должно быть? Боже правый!
Да это в точь, как при царе Иване!

Шуйский

Негоже так, бояре, говорить!
Царь милостив. А мне господь свидетель,
Я вашего не ведал воровства!
Помыслить сметь на батюшку царя!
Ах, грех какой! Пойдем, Семен Никитич,
Пойдем к владыке, начинать допрос.
Помилуй бог царя и государя!

(Уводят бояр, окруженных стрельцами.)

ПОКОЙ ВО ДВОРЦЕ

Борис *(один)*

«Убит, но жив»! Свершилось предсказанье!
Загадка разъяснилася: мой враг
Встал на меня из гроба грозной тенью!
Я ждал невзгод; возможные все беды
Предусмотрел: войну, и мор, и голод,

И мятежи — и всем им дать отпор
Я был готов. Но чтоб воскрес убитый —
Я ждать не мог! Меня без обороны
Застал удар. Державным кораблем
В моей спокойной управляя силе,
Я в ясный день на бег его глядел.
Вдруг грянул гром. Сналету взрыла буря
Морскую гладь — крутит и ломит древо,
И парус рвет... Не время разбирать,
Чей небо грех крушением карает —
Долг кормчего скорей спасти корабль!
Беда грозит — рубить я должен снасти!
Нет выбора — прошла пора медлений
И кротости! Кто враг царю Борису —
Тот царству враг! Пощады никому!
Казнь кличет казнь — власть требовала жертв —
И первых кровь чтоб не лилася даром,
Топор все вновь подъемлется к ударам!

(Входит Шуйский.)

Шуйский

По твоему, великий государь,
Являюся указу.

Борис

Князь Василий!
Ты избран мной быть старшим у допроса
Романовых. Мне верность показать
Даю тебе я случай.

Шуйский

Заслужу,
Царь-государь, великое твое
Доверие!

Борис

Издавна злоба их
Мне ведома. Но за мое терпенье
Я ожидал раскаянья от них;
Они ж бояр с собою на меня

Замыслили поднять, а мне погибель
Готовили.

Шуйский

Недаром от меня
Таилися они!

Борис

Твой розыск ныне
Явит: как мыслишь ты ко мне.

Шуйский

Помилуй,
Царь-государь! Уж на мое раденье,
Кажись, ты можешь положиться...

Борис

Прежде ж
Чем Дмитриева мать, царица Марфа,
Свидетельствовать будет на Москве,
Что сын ее до смерти заколол_ся
И погребен, ты выедешь на площадь
И с Лобного объявишь места: сам-де,
Своими-де очами видел ты
Труп Дмитрия — и крестным целованьем
То утвердишь. Меж тем я со владыкой
Велел везде Отрепьеву гласить
Анафему; в церквах, в монастырях,
На перекрестках всех, его с амвонов
Велел клясти! Быть может, вразумится
Чрез то народ.

Шуйский

Навряд ли, государь.
Не в гнев тебе, а диву я даюся,
Как мало страху на Москве!

Борис

Досель?

Шуйский

Ты кой-кого и пристрастил, пожалуй,
А все же...

Борис

Ну?

Шуйский

Да что, царь-государь!
Хоть бы теперь: Романовых под стражу
Ты взять велел. И поделом. Да разве
Одни они?

Борис

Другие также взяты.

Шуйский

Кто, государь? Черкасский с Репниным?
Да Сицкий князь? Всего три человека!
А мало ль их? И думают они:
Всех не забрать!

Борис

Так думают у вас?
Так ведайте ж: что сделано досель —
Одно лишь вам остереженье было,
Острастка то лишь малая была —
Гнев впереди!

(Уходит.)

Шуйский *(один)*

Святая простота!
Дает понять: тебя насквозь я вижу,
Ты заодно с другими! А меж тем,
Что ни скажу, за правду все приняет.
Боится нас, а нам грозит. Борис
Феодорыч, ты ль это? Я тебя
Не узнаю. Куда девалась ловкость
Твоя, отец? И нравом стал не тот,
Ей-богу! То уж чересчур опаслив,
То вдруг вспылишь и ломишь напрямик,
Ни дать ни взять, как мой покойный дядя,
Которого в тюрьме ты удавил.

Когда кто так становится неровен,
То знак плохой!

(Уходит. Входит Христиан; за ним Гольк и Браге.)

Гольк

Высочество! Подумай:
Сомнений нет, исход в сем деле ясен:
Царем Димитрий будет, а Борису
Погибели не миновать. Чтó нужды,
Что ложный то Димитрий? Он победно
Идет к Москве — и Русь его встречает!

Браге

А в преступлении Бориса, принц,
Достаточно теперь ты убежден:
Нам присланные тайно показанья
Тех в Данию бежавших угличан,
Всё, что мы здесь узнали стороною,
Чего не мог ты не заметить сам —
А сверх всего народный громкий голос
И казни те жестокие — всё, всё
Его винит, ему уликой служит!

Гольк

До короля ж дошла молва, что царь
Эстонию, короны датской лену,
Не Дании намерен возвратить,
Но дать тебе. Король за это гневен.
Спеши его умилостивить, принц!
Ждать от Бориса нечего нам боле —
Его звезда зашла!

Браге

Земли русийской
Царевну ты, высочество, посватал,
Не дочь слуги, злодейством на престол
Взошедшего. Когда законный царь,
Иль тот, кого земля таким признала,
С него венец срывает — обещаньем
Не связан ты. От брака отказаться
Ты должен, принц!

Христиан

Довольно! Все, что вы
О нем сказали, сам себе сказал я —
Но я не в силах слушать вас... моя
Кружится голова...

Гольк

Ты бледен, принц —
Ты нездоров...

Христиан

Да, да, я нездоров...
Вы совершенно правы — точно так —
Убийца он... мне холодно сегодня...
Она не знает ни о чем!

Браге

Дозволь
Позвать врача, высочество!

Христиан

Не надо.
Оно пройдет. Но отчего сегодня
Зеленое такое небо?

Гольк

Принц,
Ты вправду болен...

Христиан

Вы сказать хотите,
Что брежу я? Нет, я здоров. Оставьте
Меня теперь — я дам ответ вам скоро.

(Гольк и Браге уходят.)

Христиан *(один)*

Под этим кровом доле оставаться
Не должен я. Мне детский крик предсмертный
Здесь слышится — я вижу пятна крови

На этих тканях... я ее люблю!
Да, я люблю ее! Теперь меж нами
Все кончено.

(Входит Ксения и останавливается в дверях.)

Ксения

Один ты, Христиан?
С кем говорил ты?

Христиан

Ксения, постой —
Не уходи — тебе сказать мне надо —
Ведь ты еще не знаешь? Мы должны
Расстаться, Ксенья!

Ксения

Что с тобой? Зачем
Расстаться нам?

Христиан

Да, да, зачем расстаться?
Кто хочет нас с тобою разлучить?
Ты не моя ль? Кто говорит, чтоб душу
Я разорвал? Нет, требовать того
Не может честь!

Ксения

Опомнись, Христиан:
Твои слова без смысла. Что случилось?

Христиан

Беги со мной!

Ксения

Святая матерь божья!
Ужель я отгадала? Христиан —
Кто виделся с тобой? Чьей клевете
Ты на отца поверил?

Христиан

Ксенья, Ксенья!
И жизнь и душу я б хотел отдать,
Чтоб эту скорбь, чтоб эту злую боль
Взять от тебя!

Ксения

И ты поверил? Ты?
Ты, Христиан?

Христиан

Нельзя остаться мне —
Нельзя — ты видишь!

Ксения

Выброси скорей
Из сердца эту мысль! Она тебя,
Тебя чернит, а не отца! Как мог ты
Поверить ей!

Христиан

Не правда ль? Ей поверить
Я сам не мог? Она вошла насильно!
От лобных мест кровавыми ручьями
В меня влилась!

Ксения

Да, он жесток во гневе!
Я не хочу — я не могу его
Оправдывать! Но разве ты не видишь?
Негодованьем гнев его рожден
На клевету! Таким он не был прежде!
Ты знал его! Ужели ты забыл,
Как был высок, как милостив душою
Он был всегда! Как мог — как мог — как мог
Поверить ты! О, Христиан, какую
Ты пропасть вырыл между нами!

Христиан

Нет!
Разъединить чужое преступленье

Нас не должно! Душа моя с твоею
В одно слилась! Когда б земля под нами
Расселася — когда бы это небо
Обрушилось на нас — не врозь, а вместе
Погибли б мы!

Ксения

Уж мы разлучены!
Да, Христиан! Иль мнишь ты, не должна я
Мою любовь из сердца вырвать вон?
Когда отца кругом теснят враги,
Друзья ж бегут — ты также переходишь
К его врагам!

(Входит царевич Федор, ими незамечаемый.)

Но если б от него
И все ушли — и если б целый мир
Его винил — одна бы я сказала:
Неправда то! Одна бы я осталась
С моим отцом!

Христиан

Нет у тебя отца!
Твоим отцом убийца быть не может!
Ты сирота! Как я, ты сирота!
Беги со мной! Я не на счастье, Ксенья,
Тебя зову, не на престол! Быть может,
Я осужден к лишеньям и к нужде —
Быть может, я скитаться буду — но
Где б я ни стал, то место, где я стану,
Оно всегда достойно будет нас!
А этот терем, Ксенья...

Федор *(выступает вперед)*

Королевич!

Христиан

А, ты был здесь? Ты слышал все? Тем лучше!
Я не скрываюсь от тебя — ты должен
Меня понять!

Ф е д о р

Тебя я понял. Ты
Царя Бориса оскорбил смертельно —
Ты наглый лжец!

Х р и с т и а н

Брат Федор...

Ф е д о р

Гнусный ты,
Бесстыдный лжец и клеветник!

Х р и с т и а н

Царевич!
Войди в себя!

Ф е д о р

Предатель! Переметчик!
Иуда ты!

Х р и с т и а н

Войди в себя, царевич!
Опомнися! Когда ты оскорблен —
Не бранью мстить ты должен! На Руси
Так в старину не делали!

Ф е д о р

Ты прав —
Спасибо, что напомнил...

(Срывает со стены две сабли и подает одну Христиану.)

Бейся нáсмерть!

К с е н и я

Побойтесь бога! Что вы, что вы? Стойте!
Как? Брат на брата!

Х р и с т и а н *(бросая саблю)*

Нет, не стану биться!
Ты брат ее!

Ксения

О, до чего дошли мы!
Давно ли мы втроем, в покое этом,
Так мирно говорили, так хотели
Служить Руси — а ныне!

Христиан

Что со мной?
Кругом меня все потемнело вдруг —
Меня не держат ноги...

(Садится.)

Федор *(бросая саблю)*

Христиан,
Ты нездоров?

Христиан *(озираясь)*

Вы оба здесь? Со мною?
Как счастлив я! Друзья, скажите, что́
Случилося?

Ксения

Он болен!

Федор

Слава богу,
То был лишь бред! Сестра, останься с ним,
Я за врачом пойду!

Христиан

Не уходи —
Мне хорошо. Но что-то надо мною
Как облако внезапно пронеслось —
Был шум в ушах — так, говорят, бывает,
Когда дурману выпьешь... я припомнить
Стараюсь что-то... сам не знаю что...
Ловлю, ловлю... и все теряю...

(Вскакивая)

Вспомнил!
Бежим отсель!

(Падает в кресла.)

У пристани корабль
Норвежский ждет — уж якорь подымают —
Скорей на палубу, скорей!

Ксения

Он бредит!

Христиан

Я говорю вам всем: неправда то!
Всех, кто дерзнет подумать, что царевна
Убийцы дочь, на бой я вызываю!
Прижмись ко мне — не бойся, Ксенья, этих
Зеленых волн! — Я слушать вас устал —
Я знаю сам. — Прибавьте парусов!
Какое дело нам, что на Руси
Убийца царь! — Вот берег, берег! Ксенья —
Мы спасены!

Ксения

Брат, брат, что сталось с ним?

Христиан

Друзья мои, мне кажется, я бредил?
Мне очень дурно. Голова моя
Так кружится, а сердце то забьется,
То вдруг замрет...

Ксения

Ты болен, Христиан!
Встань, обоприся на́ руку мою...

Федор

Я поведу его!

Христиан

Спасибо, брат —
Спасибо, Ксенья — это все пройдет —
Как хорошо мне между вас обоих!

(Уходит, поддерживаемый Федором и Ксенией.)

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ С ЛОБНЫМ МЕСТОМ

Несколько переодетых сыщиков.

Главный сыщик *(наряженный дьячком)*

Сейчас народ повалит из церквей!
Вмешайтеся в толпу; глаза и уши
Насторожить! Сегодня панихида
Царевичу Димитрию идет,
Отрепьева ж клянут; так будут толки!

Второй сыщик *(в одежде купца)*

Какие толки! Всяк теперь боится
Промолвиться.

Первый

А мы на что? Зачем
Двойную нам награду обещал
Семен Никитич? Зачинайте смело
Тот с тем, тот с этим разговор, прикиньтесь,
Что вы к Москве Отрепьевым тем тайно
Подосланы; когда ж кто проболтнется —
Хвать за́ ворот его! А если будет
Кому из вас нужна подмога — свистом
Подать маяк! Ну, живо, рассыпайтесь!
Идет народ!

(Толпа выходит из церкви.)

Один посадский

Великий грех служить
Живому человеку панихиду!

Другой

Тяжелый грех!

Третий

А кто же тот Огрепьев,
Кому они анафему гласили?

Первый

Монах какой-то подвернулся.

Второй

Что ж,
Какое дело до того монаха
Царевичу Димитрию?

Первый

Молчи!
Нас слушают.

Сыщик

О чем вы, государи,
Ведете речь?

Первый

Да говорим: дай бог
Изменщика, Отрепьева того,
Что Дмитрием осмелился назваться,
Поймать скорей!

Сыщик *(про себя)*

Гм! Эти-то с чутьем!

(Подходят несколько других.)

Один

Вишь, изворот затеяли какой!
Безбожники!

Другой

Знать, плохо им пришлось,
Губителям!

Третий

Романовы в тюрьму
Посажены.

Четвертый

Помилуй бог, за что?

Пятый

Боятся их за то, что много знают!

(Проходят.)

Одна баба *(догоняет другую)*

Да постой, голубушка, куда ж ты спешишь?

Вторая

В собор, в собор, матушка! Панафиду, вишь, служат и большую анафему поют!

Первая

Да кто ж это скончался?

Вторая

Никак Гришка Отрепьев какой-то! Ох, боюсь опоздать!

Третья баба *(пристает к ним)*

Не Гришка, не Гришка, матушка! Царевича Димитрием зовут!

Первая

Так ему, стало, анафему служат? А панафида по ком же?

Вторая

По Гришке, должно быть!

Четвертая баба *(догоняет их)*

Постойте, кормилицы, и я с вами! По какому Гришке царевич панафиду служит?

Все четверо вместе

Да пойми ты, мать — Я в толк не возьму. — Ахти, опоздаем!—Да побойтесь бога—Кто же скончался-то? —Пой-

дем, пойдем! — Анафема скончался, Гришка-царевич служит панафиду!

(Уходят.)

Сыщик *(глядя им вслед)*

Проваливай, бабье! от вас ни шерсти,
Ни молока!

(Подходят два мужика.)

Первый *(указывая на сыщика)*

Федюха! А Федюха!
Смотри, у энтого какая сзади
Коса болтается! Чай, из духовных?

Второй

Божественный, должно быть, человек.
Покажем лист ему!

Первый

Нешто́, покажем!

(К сыщику)

Отец родной, поволь тебя спросить:
Ты грамотный никак?

Сыщик

Господь сподобил.

Первый

Так сделай божескую милость: вот
Какой-то лист нашли у подворотни;
Прочти его, родимый!

Сыщик

Предъяви!

(Читает)

«Мы, божиею милостью, Димитрий
Иванович, царь и великий князь

Всея Руси, ко всем русийским людям:
Господним неким преведиким чудом
Сохранены и спасены»... Гм, гм!

(Читает про себя, потом громко)

«И первых тех, которые навстречу
Со хлебом-солью к нам прийдут, тех первых
Пожалуем». Эй, люди, говорите:
Кто дал вам лист?

Первый

Нашли под воротами,
Ей-богу-ну!

Второй

Под самой подворотней!

Сыщик

А кто подкинул?

Первый

Видит бог, не знаем!

Сыщик

Не знаете?

(Свистит. Несколько сыщиков подбегают.)

Хватайте этих двух!
В застенок их!

Первый

Отец родной, за что?

Второй

За что, помилуй?

Сыщик

Вам в застенке скажут!

(Мужиков уводят среди общего ропота. Подходит купец в разговоре со вторым сыщиком.)

Сыщик

Да что, почтенный, что за торг у нас?
Себе в наклад ведь продаем сегодня.
А с немцов пошлин половину снял!
Какой тут торг!

Купец

Так, так, родимый; сами
Концов свести не можем. Разоренье
Пришло на нас!

Сыщик *(таинственно)*

Одна надежда ноне —
Царь Дмитрий Иоаннович. Не терпит
Ни немцов он, ни англичан. Пусть только
Пожалует!

Купец

А что?

Сыщик

Подметный лист
Попался мне: всех, говорит, купцов
От пошлин свобожу!

Купец

Подай-то бог!

Сыщик *(хватает его зá ворот)*

Так вот ты как! Так ты стоишь за вора?
Эй, наши! Эй!

(Сыщики бросаются на купца)

Посадские и народ

Да что вы! Бойтесь бога!
За что его?

1-й сыщик

А вы чего вступились?
Хватай их всех!

Народ

Нет, всех-то не перехватаешь! Бей их, ребята! Довольно нам терпеть от сыщиков!

(Звон бубен. Пешие бубенщики. Перед ними пристав.)

Пристав

Раздайтесь! Место! Место!
Боярин князь Василь Иваныч Шуйский!

Шуйский *(в сопровождении двух дьяков)*

С чего, миряне, подняли вы шум?
Грех вам мутиться!

Народ

Батюшка, Василий
Иванович! Вступись, отец родной!
Твой род ведь всегда за нас стоял, а ноне нам от сыщиков житья нет! Вступись, батюшка!

Шуйский

Опомнитесь, миряне. Царь Борис
Феодорыч так приказал. Он знает,
Кого хватать. А вы пройти мне дайте
До Лобного до места; по указу,
По царскому, я речь скажу.

(Идет к Лобному месту.)

Один из народа

Нет, этот
Не вступится!

Другой

Да, не чета Иван
Петровичу!

Третий

Какую ж речь он скажет?

Первый

А вот послушаем.

Шуйский *(с Лобного места)*

Народ московский!
Вам всем: гостям и всем торговым людям,
Всем воинским, посадским и слободским,
Митрополичьим всем и монастырским,
И вольным, и кабальным всяким людям,
Я, князь Василь Иваныч Шуйский, бью
Напред челом!

(Кланяется на все стороны.)

Вам ведомо, что некий
Еретик злой, расстрига, чернокнижник
И явный вор, Отрепьев Гришка, бога
Не убоясь, диаволу в угоду,
Дерзнул себя царевичем покойным,
Димитрием Иванычем назвать...

(Ропот.)

И с помощью литовской рати ныне
Идет к Москве, а с ним немало наших...
Из Северской земли...

Один

Слышь, с ним и наши!

Шуйский

Изменников. И хочет он, расстрига,
Великого, почтенного от бога
Царя Бориса Федорыча свергнуть,
И церковь православную попрать,
И вовлекти в латинскую нас ересь.
Что́ ведая, великий государь
Мне повелел вам повестить сегодня
Всё, что своими видел я очами,
Когда, при Федоре царе, посылан
Я в Углич был, чтоб розыск учинить:
Как там царевич Дмитрий Иоанныч
Упал на нож и закололся.

Другой

Знаем!

Третий

Слыхали то!

Шуйский

И по приезде мы,
С Андреем со Петровичем, в собор
Отправились, с Луп-Клешниным, и там
Увидели младенца бездыханна,
Пред алтарем лежаща, и его
Пресечена была гортань.

Третий *(вполголоса)*

Да кто же
Младенец был?

Шуйский

Что Гришка же Отрепьев
Не Дмитрий есть, а некий беглый вор,
От церкви отлученный и проклятый —
В том я клянусь и крест на том целую,
И не видать мне царствия небесна,
И быть на страшном божием суде
Мне проклятy, и в огнь итти мне вечный,
Когда солгал!

(Целует свой тельный крест.)

Первый

Да в чем же он клянется?

Второй

Что Дмитрий не Отрепьев.

Третий

Без него
Мы знаем то!

Первый

Постой, он говорит!

Шуйский

И ведомый еретик тот и вор
Великого, почтенного от бога
И милосердного царя Бориса
Кусательно язвит, а от себя
Вам милостей немало обещает,
И Юрьев день обратно вам сулит.
И вам велит великий государь
Тому расстриге веры не давать;
А кто поверит или кто посмеет
Сказать, что он есть истинный Димитрий —
Великий царь тому немедля вырвать
Велит язык. Я все сказал — простите!

(Кланяется и сходит с Лобного места. Молчание в народе.)

Один

Вот-те и речь!

Другой

К чему он вел ее?

Третий

Знать, близко тот.

Первый

И наших с ним довольно.

Четвертый

И милости, слышь, обещает нам.

Второй

Да, Юрьев день, слышь, отдает.

Пятый

Так что же?

Первый

А то, что, слышь, язык свой береги.

Четвертый

Побережем.

Пятый

А не итти ль туда?

Второй

Куда туда?

Пятый

Навстречу-то?

Третий

Ну, ну,
Чай, подождем.

Пятый

Да долго ль ждать?

Второй

А здесь-то
Спужались, чай!

Третий

Да, есть с чего спужаться;
Ведь тот-то прирожоный!

Четвертый

Подождем!

Второй

Ну, подождем.

Первый

И вправду подождем.

(Народ расходится, разговаривая вполголоса.)

ПОКОЙ ВО ДВОРЦЕ С НИЗКИМ СВОДОМ И РЕШЕТЧАТЫМ ОКНОМ

Вдовая царица Мария Нагая, во иночестве Марфа, одна.

Марфа

Четырнадцать минуло долгих лет
Со дня, как ты, мой сын, мой ангел божий,
Димитрий мой, упал, окровавленный,
И на моих руках последний вздох
Свой испустил, как голубь трепеща!
Четырнадцать я лет всё плачу, плачу,
И выплакать горючих слез моих
Я не могу. Дитя мое, Димитрий!
Доколь дышу, все плакать, плакать буду
И клясть убийцу твоего! Он ждет,
Чтоб крестным целованьем смерть твою
Я пред народом русским утвердила —
Но кто б ни был неведомый твой мститель,
Идущий на Бориса — да хранит
Его господь! Я ни единым словом
Не обличу его! Лгать буду я!
Моим его я сыном буду звать!
Кто б ни был он — он враг тебе, убийца —
Он мне союзник будет! Торжество
Небесные ему пошлите силы,
Его полки ведите на Москву!
Иди, иди, каратель Годунова!
Сорви с него украденный венец!
Низринь его! Попри его ногами!
Чтоб он, как зверь во прахе издыхая,
Тот вспомнил день, когда в мое дитя
Он нож вонзил! Но слышатся шаги —
Идут! Меня забила дрожь — и холод
Проникнул в мозг моих костей — то он!
Убийца тут — он близко — матерь божья!
Дай мне владеть собой! Притворством сердце
Исполни мне — изгладь печаль с лица
Перероди меня — соделай схожей
Коварством с ним, чтоб на моих чертах

Изобразить сумела бы я радость
О мнимом сыне, возвращенном мне!

(Входит Борис со свечой, которую ставит на стол.)

Борис *(с поклоном)*

Царица Марья Федоровна, бью
Тебе челом!

Марфа

Пострижена царица
По твоему указу. Пред тобой
Лишь инокиня Марфа.

Борис

Твой обет
Не умаляет званья твоего.
Я пред тобой благоговею ныне.
Как некогда благоговел, когда
Сидела ты с царем Иваном рядом.

Марфа

Благодарю.

Борис

Царица, до тебя
Уж весть дошла...

Марфа

Что сын мой отыскался?
Дошла, дошла! Благословен господь!
Когда его увижу я?

Борис

Царица,
В уме ли ты? Твой сын, сама ты знаешь,
Четырнадцать уж лет тому, в недуге
Упал на нож...

Марфа

Зарезан был. — Ты то́ ли
Хотел сказать? Но я лишилась чувств,

Когда та весть достигла до меня —
Его я мертвым не видала!

Борис

Но
Он мертв, царица — он убился — в том
Сомнений нет...

Марфа

Так мнила я сама...

Борис

Его весь Углич мертвым видел...

Марфа

Я
Не видела его!

Борис

На панихиде
Ты у его молилась трупа...

Марфа

Слезы
Мои глаза мрачили; я другого
За сына приняла. Теперь я знаю,
Димитрий жив! Приметы мне его
Все сказаны — он жив, он жив, мой Димитрий!
Он жив, мой сын!

Борис

Возможно ль? Радость блещет
В твоих очах? Ужель ты вправду веришь,
Что жив твой сын? Ужель мне сомневаться?
Ужели был и Клешниным и Шуйским
Обманут я?

(Входит царица Мария Григориевна.)

Царица

Не прогневись, Борис
Феодорыч. Твой разговор с царицей

Я слышала за дверью. Невтерпеж,
Свет-государь, мне стало: поклониться
Царице Марфе захотелось.

(Кланяется.)

Земно
Тебе я, матушка-царица Марфа
Феодоровна, кланяюся. Слышу:
Царевича ты мертвым не считаешь?
Так, стало, тот, кто в Угличе убился,
Тебе не сын?

Марфа

Не знаю, кто убился —
Димитрий жив! От ваших рук он божьим
Неведомо был промыслом спасен!
Хвала творцу и матери пречистой,
Мой сын спасен!

Борис

Царица — если веришь
Ты истинно тому, что говоришь —
Поведай мне: Кто подменил его?
Кем он и как из Углича похищен?
Где он доселъ скрывался? Чтобы веру
Тебе я дал, я должен ведать все!

Марфа

Какое дело мне, ты веришь, нет ли?
Верь или нет — довольно: жив мой сын —
Не удалось твое злодейство!

Борис

Нет!
Не может быть! Неправда! Быть не может!
Как спасся он?

Марфа

Дрожишь ты наконец!

Борис

Как спасся он? Царица, берегися —
Тебя могу заставить я сказать
Всю правду мне!

Царица

Свет-государь Борис
Феодорыч, быть может, обойдемся
Без пытки мы! Ты, матушка-царица,
Его убитым не видала?

Марфа

Нет!

Царица

А полно так ли, матушка? Подумай.

Марфа

Могла ль его убитым видеть я,
Когда убит он не был?

Царица

А посмотрим.

(Отворяя дверь)

Войди, голубка!

(Входит Волохова.)

Царица *(к Марфе)*

Знаешь ты ее?

Марфа

Она! Она! Прочь, прочь ее возьмите!
Возьмите прочь!

Царица

Что, матушка, с тобой?
Что взволновалася ты так? Зачем
Тебя приводит в ужас Василиса?

Марфа

Прочь! Прочь ее! Кровь на ее руках!
Кровь Дмитрия! Будь проклята вовеки!
Будь проклята!

Царица *(к Волоховой)*

Довольно, Василиса,
Ступай себе.

(Волохова уходит.)

Ну, батюшка Борис
Феодорыч? Уверился теперь,
Что нет в живых ее царенка? То-то!
Уж ты за пытку было! Ты умен,
А я простая баба, дочь Малюты,
Да знаю то, что пытки есть иные
Чувствительней и дыба и когтей.
Чего ж ты, свет, задумался? Забыл ли,
Зачем пришел?

(Дергает Марфу зá руку.)

Опомнися, царица!
Опомнись, мать. Ну, государь?

Борис

Царица,
Ты выдала себя. Теперь мы знаем,
Не можешь ты за сына почитать
Обманщика, дерзнувшего назваться
Димитрием. Как ни погиб царевич —
Хотя б о том мне ложно донесли —
Но он погиб. Твоя печаль, поверь,
Почтенна для меня, и тяжело
Мне нá душу твое ложится горе.
Я б много дал, чтоб прошлое вернуть —
Но прошлое не в нашей власти. Мы
Должны теперь о настоящем думать.
Великую, царица, можешь ты
Беду от царства отвратить: лишь стоит
Перед народом клятву дать тебе,

Что Дмитрий мертв и погребен. Согласна ль
На это ты?

Марфа

Я выдала себя —
Мой сын убит. Но как о том народу
Я повещу? Ты в том ли мне велишь
Крест целовать, что на моих глазах
Тобою купленная мамка сына
Убийцам в руки предала?

Борис

Клянусь,
Я не приказывал того!

Марфа

Мой сын
Тобой убит. Судьба другого сына
Послала мне — его я принимаю!
Димитрием его зову! Прийди,
Прийди ко мне, воскресший мой Димитрий!
Прийди убийцу свергнуть твоего!
Да, он прийдет! Он близко, близко — вижу
Победные его уж блещут стяги —
Он под Москвой — пред именем его
Отверзлися кремлевские ворота —
Без бою он вступает в город свой —
Народный плеск я слышу — льются слезы —
Димитрий царь! И к конскому хвосту
Примкнутого тебя, его убийцу,
Влекут на казнь!

Царица

Пророчит гибель нам
Твоя гортань?

(Схватывает зажженную свечу и бросается с ней на Марфу.)

Так подавись же, сука!

Борис (*удерживая ее, к Марфе*)

Отчаянью прощаю твоему.
Размыслишь ты, что месть твоя не может
Царевича вернуть, но что в твоей,
Царица, власти помешать потокам
Кровавым течь и брату встать на брата.
Не мысли ты, что до Москвы без боя
Дойдет тот вор! Нет, он лишь чужеземцов
К нам приведет! Раздор лишь воспалит он!
Утраченный тебе твой дорог сын;
Но менее ль тебе, царица, дорог
Покой земли? Молчанием своим
Усобице откроешь ты затворы.
Тьма бед, царица, по твоей вине,
Падет на Русь! За них пред богом будешь
Ты отвечать. О том раздумать время
Даю тебе — прости! Свети мне, Марья!

(*Уходит с царицей.*)

Марфа (*одна*)

Ушли — и жало жгучее уносят
В своих сердцах! Я ранила их насмерть,
Я, Дмитриева мать! Теперь их дни
Отравлены! Без сна их будут ночи!
Лишь от меня спасения он ждал —
Я не спасу его! Пусть занесенный
Топор падет на голову ему!
Прости, мой сын, что именем твоим
Я буду звать безвестного бродягу!
Чтоб отомстить злодею твоему,
На твой престол он должен сесть; венец твой
Наденет он; в твой терем он войдет;
Нарядится он в золото и в жемчуг —
А ты, мой сын, мое дитя, меж тем
В сырой земле ждать будешь воскресенья,
Во гробике! О, господи! Последний
Ребенок нищего на божьем солнце
Волён играть — ты ж, для венца рожденный
Лежишь во тьме и в холоде! Не время
Твои пресекло дни! Ты мог бы жить!

Ты вырос бы! На славу всей земле
Ты б царствовал теперь! Но ты убит!
Убит мой сын! Убит, убит мой Дмитрий!

(Падает наземь и рыдает).

ПОКОЙ ВО ДВОРЦЕ

Борис сидит в креслах. Перед ним стоит врач.

Борис

Не легче королевичу?

Врач

Увы,
Великий царь, припадки стали чаще!

Борис

Надежда есть?

Врач

Не много, государь.

Борис

Но чем он так внезапно заболел?

Врач

Неведомые признаки сбивают
Нас с толку, царь.

Борис

Послушай! Жизнь его
Мне собственной моей дороже жизни!
Сокровища не знаю я такого,
Которого б не отдал за него!
Скажи своим товарищам, скажи им —
И помни сам — нет почестей таких,
Какими бы я щедро не осыпал
Спасителя его!

Врач

Великий царь,
Не почести нам знанья придадут.
По долгу мы служить тебе готовы;
Награда нам не деньги, а успех.
Но случая подобного ни разу
Никто из нас не встретил.

Борис

Воротись
К нему скорей. Блюди его; науку
Всю истощи свою! Во что б ни стало
Спаси его! Скажи другим: пределов
Не будет благодарности моей!
Ступай, ступай!

(Врач уходит.)

Борис *(один)*

Ужели нас господь
Еще накажет этою потерей!
Он то звено, которым вновь связал бы
Я древнюю, расторгнутую цепь
Меж Западом и русскою державой!
Через него ей возвратил бы море
Варяжское! Чтó Ярослав стяжал,
Чтó под чужим мы игом потеряли —
Без боя то, без спора возвратил бы
Я вновь Руси! Со смертию его
Все рушится. А Ксения моя!
Чем чистая душа ее виновна,
Что преступленье некогда свершил
Ее отец? Ты, бедная! Легко
Жилось тебе, и по наслышке только
Ты ведала о горестях людских.
Ужели их на деле испытать
Так рано ты осуждена? Ужели
Все беды съединятся, чтобы разом
На нас упасть? Здесь умирает зять,
А там растет тот враг непостижимый —
Моя вина, которой утвердить

Навеки я хотел работу жизни,
Она ж тяжелой рушится скалой
На здание мое!

(Входит Семен Годунов со свертком в руках.)

Семен Годунов

Великий царь...

Борис

Какую новую беду еще
Ты мне принес?

Семен Годунов

То не беда, а дерзость,
Великий государь; к тебе писать
Осмелился тот вор...

Борис

Подай сюда.
Вид царской граматы имеет сверток,
И царская привешена печать...
Искусно все подделано. Прочти!

Семен Годунов *(читает)*

«Великий князь и царь всея Руси
Димитрий Иоаннович, тебе,
Борису Годунову! От ножа
Быв твоего избавлены чудесно,
Идем воссесть на царский наш престол
И суд держать великий над тобою.
И казни злой тебе не миновать,
Когда примем наши государства.
Но если ты, свою познавши мерзость,
До нашего прихода с головы,
Со скверныя со своея, сам сложишь
Наш воровски похищенный венец,
И в схиму облечешься, и смиренно
Во монастырь оплакивать свой грех
Затворишься — мы, в жалости души,

Тебя на казнь не обречем, но милость
Тебе, Борису, царскую мы нашу
Тогда явим. Путивль, осьмого марта».

(Борис закрывает лицо руками.)

Семен Годунов

Тебя кручинит этот дерзкий лист?

Борис

Не оттого, что после всех трудов
И напряженья целой жизни тяжко
Лишиться было б мне венца! Всегда
Я был готов судьбы удары встретить.
Но если он мне *милость* предлагает,
Рассчитывать он должен, что вся Русь
Отпасть готова от меня! И он,
Быть может, прав. Те самые, кто слезно
Меня взойти молили на престол,
Они ж теперь, без нуды и без боя,
Ему предать меня спешат! И здесь,
Здесь, на Москве, покорные наружно,
В душе врагу усердствуют они!
А чтó я сделал для земли, чтó я
Для государства сделал — то забыто!
Мне это горько.

Семен Годунов

Государь, чтó может
Тот наглый вор?..

Борис

Таким его считал я,
Таким считать велит его рассудок —
Но после всех невзгод моих невольно
Сомнения рождаются во мне.
Свидетеля мне надо, кто бы видел
Димитрия умершим!

Семен Годунов

Но царица
Созналася...

Борис

Сознание ее
Могло испугом вынуждено быть.
Я ведаю, что было покушенье,
Но знать хочу: была ли смерть?

Семен Годунов

Его
Василий Шуйский мертвым видел...

Борис

Шуйский!
Могу ли верить я ему?

Семен Годунов

Тогда
Вели призвать Андрея Клешнина.
Он схиму принял, богу отдался,
Он не солжет.

Борис

Послать за ним! Но тайно
Пусть он прийдет. И говорить ни с кем
Чтобы не смел!

Стольник *(отворяя дверь)*

Великий государь,
Врачи тебе прислали повестить:
Отходит королевич!

Борис

Боже правый!

(Уходит с Годуновым. Царевич Федор отворяет дверь, осматривается и говорит за кулисы.)

Федор

Нет никого — войди, сестра!

Ксения *(входя)*

Как мне
Наедине с тобою быть хотелось!
Что ты узнал о нем?

Федор

Не допустили
Меня к нему; но я у двери слушал:
Тебя зовет с собою громко он
В Норвегию и то же обвиненье
Твердит о нашем об отце...

Ксения

Ужасный,
Ужасный бред!

Федор

Бред, говоришь ты?

Ксения

Как?
Ты думаешь он вправду верит?

Федор

Ксенья —
Когда б одно лишь это мог я думать?

Ксения

Но что ж еще?

Федор

Нет, нет, об этом знать
Ты не должна! Не спрашивай меня!

Ксения *(взяв его за руку)*

Брат, слышишь?

Федор

Что?

К с е н и я

Ha половине той
Забегали!..

Ф е д о р

Отец идет сюда...

К с е н и я

Мне страшно, Федор!

Б о р и с *(входя)*

Ксения моя...

К с е н и я

Отец, что там случилось?

Б о р и с

Будь тверда —
Крепися, Ксенья!

Ф е д о р *(к Борису)*

Пощади ее!

К с е н и я

Да, я тверда! Я все могу услышать —
Надежды нет? Нет никакой? Скажи!

Б о р и с

Все кончено!

(Ксения шатается и падает.)

Б о р и с *(поддерживая ее)*

Господь с тобою, Ксенья!

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ПРЕСТОЛЬНАЯ ПАЛАТА

Ночь. Луна играет на стенах и на полу. Двое часовых.

Первый

Что, долго ли до смены?

Второй

Чай, устал?

Первый

Нет, жутко как-то.

Второй

Да и мне, признаться,
Не пó сердцу в палате этой. Все
Как будто ходит кто-то. Поглядишь —
Нет никого!

Первый

Ну, бог с тобой! Не к ночи
Об этом речь.

Второй

Часок еще, пожалуй,
Стоять придется.

Первый

То-то. А, ей-богу,
Двойную смену на дворе бы лучше
Я простоял!

Второй

Вишь, сам заводишь речь!

Первый

Нет, чур меня! О чем-нибудь другом
Заговорим. Заметил ты сегодня,
Как пасмурен был царь?

Второй

И вправь, он был
Еще мрачней, чем эти дни.

Первый

Кручина...

Второй

Да, есть о чем. А, говорят, Басманов
Того разбил недавно вора.

Первый

Что же
Все мрачен царь? Не верит, что ли?

Второй

Лик-то
Как страшен стал!

Первый

Глядит и не глядит...

Второй

Я б не хотел теперь его увидеть!

Первый

Избави бог!

Второй

Постой — ты слышал?

Первый

Что?

Второй

Дверь скрыпнула!..

Первый

Ну, врп себе!

Второй

Шаги!..

Первый

И впрямь шаги...

Второй

То из покоев царских
Сюда идут... всё ближе...

Первый *(с испугом)*

Кто идет!

Второй

Молчи, молчи! Он сам!

(Борис, в рубахе, поверх которой накинут опашень, входит, их не замечая.)

Борис *(про себя)*

«Убит, но жив»!
Меня с одра все тот же призрак гонит.
Даны часы покоя всякой твари;
Растение, и то покой находит,
В росе купая пыльные листы!
Так быть нельзя. Чтобы вести борьбу,
Я разумом владеть свободным должен.
Мне нужен сон. Не может без наклада
Никто вращать в себе и день и ночь
Все ту же мысль. И жернов изотрется,
Кружась без отдыха... «Убит, но жив»!
Я совершил без пользы преступленье!
Проклятья даром на себя навлек!
Когда судьбой так был обманут я —

Когда он жив — зачем же я как Каин
Брожу теперь? Безвинностью моей
Я заплатил за эту смерть — душою
Ее купил! Я требую, чтоб торг
Исполнен был! Я честно отдал плату —
Так пусть же мой противник вправду сгниет,
Иль пусть опять безвинен буду я!

(Осматривается.)

Куда зашел я? Это тот престол,
Где, в день венчанья моего, я в блеске
Невиданном дотоле восседал!
Он мой еще. С помазанной главы
Тень не сорвет венца!

(Подходит и отступает в ужасе.)

Престол мой занят!

(Приходит в себя.)

Нет, это там играет лунный луч!..
Безумный бред! Все та же мысль! Рожденье
Бессонницы! Но нет — я точно вижу —
Вновь что-то там колеблется как дым —
Сгущается — и образом стать хочет!
Ты — ты! Я знаю, чем ты хочешь стать —
Сгинь! Пропади!

Первый часовой

Святая сила с нами!

Второй

Помилуй бог нас!

Борис

Кто здесь говорит?

(Увидев часовых)

Кто вы? Зачем вы здесь? Как смели вы
Подслушивать?

Второй

Великий государь —
Наряжены мы терем караулить!..

Борис

Вы на часах? Так где же ваши очи?
Смотри туда! Что на престоле там?

Второй

Царь-государь... я ничего не вижу!..

Борис

Так подойди ж и бердышем своим
Ударь в престол! Чего дрожишь? Иди —
Ударь в престол!

(Часовой подходит к престолу.)

Стой! Воротись — не надо!
Я над тобой смеялся! Разве ты
Не видишь, трус, что это месяц светит
Так от окна? Тебе и невесть что
Почудилось?.. Смотрите же вы оба:
О том, что здесь вы слышали сейчас
Иль видели — молчать под смертной казнью!
Вы знаете меня!

(Вздрогнув)

Кто там?

(Входит Семен Годунов.)

Семен Годунов

То я.
Великий государь! Тебя ищу я...

Борис

Кто право дал тебе за мной следить?

Семен Годунов *(тихо)*

Андрей Клешнин, по твоему веленью.
К тебе пришел.

Борис *(к часовым)*

Ступайте оба прочь!

(Часовые уходят.)

Борис

Никто не видел Клешнина?

Семен Годунов

Никто.
По тайному крыльцу его я в терем
Сам проводил.

Борис

Впусти его!

(Семен Годунов уходит.)

Под схимой
Он от мирских укрылся треволнений,
А я, как грозный некогда Иван,
Без отдыха мятусь. Как он, средь ночи
Жду схимника, чтобы сомненье мне
Он разрешил. И как при нем, так ныне
При мне грозит Руси распаденье!
Ужель судьба минувшие те дни
Над нею повторяет? Или в двадцать
Протекших лет не двинулся я с места?
И что́ я прожил, был пустой лишь сон?
Сдается мне. я шел, все шел вперед,
И мнил пройти великое пространство,
Но только круг огромный очертил
И, утомлен, на то ж вернулся место,
Откуда шел. Лишь имена сменились,
Преграда та ж осталась предо мной —
Противник жив — венец мой лишь насмешка,
А истина — злодейство есть мое —
И за него проклятья!

(Входит Клешнин в схиме и в веригах.)

Борис

Это ты?

Клешнин

Я сам. Зачем меня ты потревожил?
Спокойно не дал умереть? В чем дело?

Борис

Давно с тобою не видались мы.

Клешнин

И лучше бы нам вовсе не видаться.

Борис

Ты нужен мне.

Клешнин

Еще? Кого зарезать
Задумал ты?

Борис

Твоя не впору дерзость,
Ее терпеть я не хочу!

Клешнин

А я
Хочу быть дерзок. Или, мнишь ты, после
Того, что я видаю по ночам,
Ты страшен мне?

Борис

Оставь обычай свой.
Дай мне ответ по правде: в Углич ты
На розыск тот посылан с Шуйским был,
Дай мне ответ — и царствием небесным
Мне поклянись: убит иль нет Димитрий?

Клешнин

Убит ли он? Дивлюся я тебе.
Или мою не разглядел ты схиму?
Так посмотри же на мое лицо!
Зачем бы я постился столько лет?
Зачем бы я носил вериги эти?

Зачем живой зарылся б в землю я,
Когда б убит он не был?

Борис

Ты его
Сам видел мертвым?

Клешнин

Будь спокоен. Мы
Его убийц названье не украли —
Оно, по праву, наше: на гортани
Зияет рана в целую ладонь!

Борис

И не было подмена?

Клешнин

Нет. Когда бы
Его черты забыть я мог — мне их
Мои бы сны напомнили...

Борис

Кто ж тот,
Кто называет Дмитрием себя?

Клешнин

Почем мне знать! Дух, может быть, иль хуже,
Но говорить с тобой об этом ночью
Я не хочу. Об эту пору чуток
Бывает тот!

Борис

Андрей...

Клешнин

Забудь Андрея!
Четырнадцать уж лет в болоте черти
Играют им. Брат Левкий пред тобой.

Борис

Постригся ты, но схима не смирила
Твой злобный дух. Не кротостию речь
Твоя звучит.

Клешнин

Не в кротости спасенье.
Ты мягко стлал, но не помог себе
Медовой речью в горькую годину.
Не помогли и казни. Над тобой
Проклятье божье. Мерзость ты свою
Познай, как я; прими такую ж схиму;
Сложи венец; молися и постись;
Заприся в келье...

Борис

Русскою землею.
Блюсти ее, на царство я избран!
В невзгоды час с престола моего
Я не сойду как скоморох с подмосток!
С мечом в руках, не с четками, я встречу
Врага земли!

Клешнин

Земля тебя клянет!
А враг у нас с тобой один: оружью
Он твоему смеется! С ним сразиться
Ты можешь, только павши ниц во прах
Перед крестом!

Борис

Когда придет мой час,
Я принесу за грех мой покаянье.
Теперь грозу я должен встретить. Если
Тебе еще что ведомо в сем деле,
Скажи мне все!

Клешнин

Я все тебе сказал.
Убийца ты. Волхвы тебе когда-то

Семь лет царенья предсказали. Близок
Твой смертный час. Прости — я ухожу.
От инока от Левкия прими
Благословенье днесь.

Борис

Перед твоей
Священною склоняюся я схимой —
Не пред тобой, монах!

Клешнин

Лобзай же руку,
Благословляющую тя!

Борис

Твою?

Клешнин

Она в крови? Так что ж? Ты разве чище?
Сложи венец!

Борис

С судьбой бороться буду
Я до конца!

Клешнин

Так умирай как пес!

(Уходит.)

УТРО. ПОКОЙ ПЕРЕД ЦАРСКОЙ ОПОЧИВАЛЬНЕЙ

Спальник слушает у дверей. Входит Семен Годунов.

Семен Годунов

Что государь? Каков он?

Спальник

До рассвета
В постелю не ложился. Все ходил,

Попрежнему, и сам с собою все
Как будто разговаривал.

Семен Годунов

Басманов
Сей ночью прибыл; о своей победе
Царю отчет привез он. Царь его
Не принимал?

Спальник

Нет. Грамату к себе
Потребовал; прочтя, перекрестился,
Ему ж велел быть к лобному столу.

Семен Годунов

И лег в постель?

Спальник

Лег, только ненадолго:
Чрез краткий час встал снова и велел
Царевича позвать; а нам дал строгий
Запрет за два покоя никого
К ним не пускать.

Семен Годунов

Они доселе вместе?

Спальник

Досель... но вот, кажись, идут!

Семен Годунов

Уйдем!

(Оба уходят. Борис входит в разговоре с царевичем Федором.)

Борис

Мы трудные с тобою времена
Проходим, сын. Предвидеть мы не можем,
Какой борьба примет оборот
С врагом Руси. Мои слабеют силы:

Престол мой нов; опасна смерть моя
Для нашего теперь была бы рода;
Предупредить волненья мы должны.
Я положил: торжественною клятвой
Связать бояр в их верности тебе.
Сегодня, сын, тебя венчать на царство
Я положил!

Федор

Отец, помилуй! Как?
В тот самый день, когда ты честь воздать
Басманову за славную победу
Готовишься?

Борис

Изменчива судьба.
Мы на лету ее всечасно ласку
Ловить должны. Усердье к нам людей
С ней заодно. Сегодня прежним блеском
Мой светит скиптр. В Бориса счастье снова
Поверили. Сегодня уклониться
От царской воли никому не может
И в мысль войти. Но знаем ли мы, что́
Нас завтра ждет? Я на обеде царском
От всех бояр хочу тебе присяги
Потребовать.

Федор

Прошу тебя, отец,
Уволь меня!

Борис

Принять венец русийский
Назначен ты в тот самый день, когда
На царство я возведен был земской думой.
Себе и роду своему престол
Упрочить ты обязан.

Федор

Нет, отец!
Я не могу — уволь меня!

Борис

Сын Федор —
Что значит это?

Федор

Не гневись, отец —
Венчаться не могу я! На престол —
Я не имею права!

Борис

Как?

Федор

Отец,
Прости меня! Ты борешься упорно —
Я ж не уверен, что противник твой —
Не истинный Димитрий!

Борис

Не уверен?
Ты, Федор — ты?

Федор

Я углицкое дело
Читал, отец, и Шуйского тот розыск.
Бессовестно допрос был учинен!
Отыскивать не так бы должно правду,
Кто б искренно хотел ее узнать!

Борис

Но правда та мне ведома!

Федор

Ты мог
Обманут быть!

Борис

Нет, не был я обманут!

Федор

От Шуйского лишь углицкое дело
Ты то узнал!

Борис

Я прежде знал его!

Федор

Ты?

Борис

Я!

Федор

Отец! как мог его ты знать?

Борис

Когда тебе улики дам я в руки,
Что Дмитрий мертв...

Федор

Как? У тебя иные
Улики есть, чем те, что сóбрал Шуйский!

Борис

Иные — да!

Федор

И ты доселе их
Не предъявил!

Борис

Я их не предъявлю!
Мне нá слово поверить должен ты!
Димитрий мертв!

Федор

Нет, прежде не поверю,
Чем сам увижу те улики!

Борис

Ты —
Их требуешь? Ты хочешь их, сын Федор?
Так знай же всё!

Федор

Нет, нет, отец! Молчи!
Поверил я! Не говори ни слова —
Поверил я!

(Молчание.)

Борис

Недолго мне осталось
На свете жить. Земли мне русской слава,
Свидетель бог, была дороже власти.
Но, вижу я, на мне благословенья
Быть не могло.

Федор

Нет, нет! Оно не может
Быть на тебе!

Борис

Ты чист и бел. Тебя
От прикасанья зла предохранить
Мне удалось. Господь твою державу
Благословит.

Федор

О, если б не пришлось мне
Ее принять!

Борис

Неизлечим недуг
Душевный мой. Он разрушает тело —
И быстро я, усильям вопреки,
Иду к концу. В страданьи человек
Бывает слаб. Мне ведать тяжело,

Что все меня клянут... Услышать слово
Приветное я был бы рад...

(Молчание.)

Федор

Прости!

(Уходит.)

СТОЛОВАЯ ПАЛАТА

Великолепно убранные столы в несколько рядов. За ними, в ожидании, сидят бояре. На правой стороне просцениума царский стол с пятью приборами. Несколько лиц разговаривают на просцениуме.

Салтыков

Нам не везет!

Голицын

Победу над собою
Мы празднуем!

Салтыков

Неволей торжествуем!

Голицын

Да полно, так ли плохо? Ведь виной
В победе этой лишь один Басманов;
Не будь его, Димитрий смял бы нас!

Салтыков

Он нас и смял. Уж наши отступали,
Как враг того Басманова принес.
Окрысился, уперся — а к нему
Как раз на помощь немцы подоспели.

Голицын

Проклятые!

Салтыков

Какое горе им!
Борису присягали, за Бориса
Кладут живот!

Голицын

Басманов за него же!

Салтыков

А то, небось, за нас? Собака знает,
Чей ела корм!

Шуйский *(подходит)*

О чем, бояре, вы?

Салтыков

Да все о том же, князь Василь Иваныч,
О радости великой.

Шуйский

Как бы только
Не горевать пришлося нам! Мне пишут:
Он вновь собрать успел свои дружины,
К нему идет подмога из Литвы,
А Роща-Долгорукий со Змеёвым
Передались ему; Мосальский также,
И Татев тож!

Голицын

Ты шутишь, князь?

Шуйский

Ей-богу.

Салтыков

Царь ведает?

Шуйский

Зачем его тревожить?
Пожалуй, пир сегодняшний та весть
Испортила б.

Голицын

Ну, слава богу! Лишь бы
Басманова царь не послал опять!

Шуйский

Нет, нет, зачем! Нельзя нам на Москве
Быть без него!

Салтыков

Признайся, князь Василий,
Ведь это *ты* царя-то надоумил
Басманова призвать?

Шуйский *(смеясь)*

А кто ж еще?
Ведь он себе награду заслужил!

Голицын

Хитёр же ты!

Шуйский

Ну, где уж нам хитрить!

Салтыков

А вот и он!

(Входит Басманов, все раздаются.)

Шуйский *(идет ему навстречу)*

Челом, боярин Петр
Феодорыч, тебе от всей от думы!
Утешил нас, ей-богу-ну! А то
И батюшке-царю кручинно стало;
Как с вором, мол, не справиться-то с тем,
С расстригою!

Басманов

Навряд ли он расстрига.

Шуйский

Расстрига, нет ли — тот же вор. Теперь,
Чай, не начнет!

Басманов

Нет, князь Василь Иваныч,
Боюсь, начнет. Хоть он и вор, а удаль
Нам показал свою. И любо видеть,
Как рубится! В беде не унывает:
Когда его войска погнали мы,
Последний он, и шаг за шагом только,
Нам уступил. Так, говорят, косматый,
Осиленный ловцами, покидает
Добычу лев!

Шуйский *(смеясь)*

Да ты, никак, боярин,
Не в шутку хвалишь вора!

Басманов

Не таюсь,
Мне пó сердцу и вражая отвага!

Шуйский

А за твою тебе сегодня царь
Воздаст почет!

Басманов

Храни его господь!
Но лучше бы меня теперь у войска
Оставил он. Не надо б дать врагу
Опомниться.

Шуйский

И без тебя, боярин,
Его добьют. Ты ж для совета нам
Здесь надобен.

Салтыков

Недаром государь
Пожаловал тебя в бояре. Будешь
Нас разуму учить!

Голицын

Нам будешь в думе
Указывать!

Басманов

Боюся, не сумею
Вам быть под стать.

Голицын

Мы славимся породой,
А ты умом!

Басманов

Кто чем богат!

(Входит Семен Годунов. Все ему кланяются. За ним два стольника несут богатую шубу.)

Семен Годунов *(к Басманову)*

Боярин
Петр Федорыч! Великий государь,
До своего до царского прихода,
Мне приказал приветствовать тебя
И эту шубу, с своего плеча,
Прислал тебе в подарок!

Все *(кланяясь Басманову)*

С царской лаской!

(Стольники надевают на него шубу.)

Басманов

Не заслужил я милости великой!

Семен Годунов

То лишь почин. Угодно государю
Тебе такие почести воздать,

Каких еще он никому доселе
Не воздавал!

Шуйский

Мое взыграло сердце!
Кому ж и честь, когда не воеводе,
Что от врага лютейшего вконец
Избавил нас!

(К Семену Годунову)

Но успокой, родимый,
Скажи, Семен Никитич, правда ль: ночью
Недужал царь?

Семен Годунов

Нет, миловал господь.
Одна была усталость.

Шуйский

Богу слава!
И то сказать, ни день, ни ночь покоя
Нет милости его. Зато теперь
Он от хлопот уж может отдохнуть!

(Звон дворцовых колоколов. Входит Борис в царском облачении. За ним царевич Федор, царица и Ксения.)

Салтыков *(к Голицыну)*

Как бледен он!

Голицын

Мертвец!

Борис *(к Басманову)*

Боярин Петр
Феодорыч!

(Басманов опускается на колени, Борис его подымает.)

Борис

За доблесть за твою,
За славную за службу и за кровь —

Прими от нас великий наш поклон
И от земли русийской челобитье!

(Берет у стольника золотое блюдо, насыпанное червонцами, и подает Басманову.)

Басманов *(принимая блюдо)*

Великий царь! За малую ты службу
Чрез меру мне сегодня воздаешь!
Дозволь мне, царь, вернуться к войску. Там,
Быть может, мне твою удастся милость
И вправду заслужить!

(Передает блюдо стольнику.)

Борис

Пожди еще.
Тяжелое принудило нас время
Быть строгими. Москва все эти дни
Опал довольно видела и казней.
Она должна увидеть на тебе,
Как верных слуг, за правду их, умеет
Царь награждать. Садись со мною рядом.

(Садится за стол. По правую его руку царица, Федор и Ксения; по левую Басманов. Бояре размещаются за другими столами. Слуги разносят блюда.)

Один боярин *(за крайним столом налево)*

Мне на царевну Ксенью жаль смотреть;
Вошла в палату, на ногах едва
Держалася.

Другой

По женихе тоскует.
Чай, нелегко сидеть в алмазах ей
Да в жомчуге, когда на сердце смерть!

Первый

Царевич также невесел.

Другой

А царь-то!

Борис *(к Басманову)*

Но в радостный ты час к нам прибыл, Петр.
Семейное меня постигло горе;
Затем порой задумчив я кажусь;
Но славная твоя победа нас
Оправила.

Басманов

Великий государь,
Дай бог тебе веселья и здоровья
И всех врагов под ноги покорить!

Салтыков *(за другим столом налево)*

Мы похоронный точно пир справляем.
Смотри, как он веселым хочет быть,
А сам не свой!

Голицын

Ему недуг, быть может,
Невмоготу.

Салтыков

Кабы да тот недуг
Нам впрок пошел! Царевны Ксеньи жаль.

Голицын

Да, жаль ее.

Салтыков

Что с братом и с сестрой
Мы сделаем, когда на царство тот
Пожалует?

Борис

Царевна Ксенья, встань
И дорогому гостю поднеси
Заздравную стопу!

Ксения *(обходит стол и подносит стопу Басманову с поклоном)*

Уважь, боярин!

Басманов *(принимая стопу)*

Во здравие царя и государя!

Все

Во здравие царя и государя!

Борис *(вставая)*

Во здравие боярина Петра
Басманова! Пусть долго он живет,
На образец другим, земле на славу,
Врагам на страх!

Все

Во здравие его
И много лет!

Борис

Да славится вовеки
Святая Русь, и да погибнут все
Ее враги!

Все

Анафема врагам!

Борис *(садясь)*

Семь лет прошло, что я земли русийской
Принял венец. Господня благодать
Была над ней — доколь, подобно язве
Египетской, тот не явился враг,
Над ним же мы победу торжествуем.
Час недалек, когда, проклятый богом,
Он на земле достойную себе
Приимет мзду. Господь дела карает
Неправые; в сердцах читает он,
И суд его, как громовая туча,
Всегда висит над головою тех,

Что злое в сердце держат умышленье.
Бояре все! Что заслужили б те,
Что, сидя здесь, за царскою трапезой,
В душе своей усердствовали б тайно
Разбитому Басмановым врагу?

Голоса

Помилуй, царь!

Борис

Моей бы ждали смерти,
Чтоб перейти к тому лихому вору,
Наследника ж хотели б моего
Ему предать?

Голоса *(с разных сторон)*

Царь-государь, помилуй!
Возможно ли! — И в мысль то не вместится! —
Нет между нас предателей!

Борис

Пусть встанет,
Кто верен мне!

Все *(вставая)*

Мы все тебе верны!

Голицын *(к Салтыкову)*

Что, встал, небось?

Салтыков

А ты-то?

Голицын

Поневоле
Подымешься. Не выдать же себя!

Борис

Клянитесь мне, что будете служить
Феодору по вере и по правде!

Все

Клянемся, царь!

Борис

Что будете его
Оберегать до смерти и до крови,
Когда меня не станет!

Все

Все клянемся!

Борис

Клянитесь мне, что если между вас
Кто-либо держит злобу на меня,
Он злобы той на сына не захочет
Перенести!

Все

Во всем тебе клянемся!

Шуйский

Уж положися на своих рабов,
Царь-батюшка!

Борис

В соборе вашу клятву
Вы целованьем крестным утвердите.
Мы в животе и смерти не вольны —
Я Федора хочу еще при жизни
Моей венчать. От младости он мной
Наставлен был в науке государской.
Господь ему превыше лет его
Дал светлый ум, и с духом твердым кротость
В нем сочетал — и правоты любовь,
Нетронутую мудрствованьем ложным,
В него вложил. — Его царенье будет
На радость вам, на славу всей земле!
Чего я сделать не успел для царства —
То он свершит —

(Выступает вперед.)

И за него теперь
Заздравный сей я кубок подымаю!

Все

Да здравствует царевич! Много лет
Царевичу Феодору!

Один боярин *(указывая на Бориса)*

Что с ним?

Другой

Шатается!

Борис

Басманов...

Басманов *(подхватывая его)*

Государь!

(Смятение между боярами.)

Ксения

Отец! Отец!

Борис

Мне дурно...

Федор

За врачом
Бежать скорей!

Борис

Не надо... смертный час
Мой настает...

(Его сажают в кресла.)

Царица

Ах, господи! Не просто
Случился грех! Знать, тут была отрава!

Несколько голосов

Отравлен царь!

Борис

Нет — не было отравы!
Иль мните вы, бессильна скорбь одна
Разрушить плоть?

Федор

О, велика твоя
Пред богом скорбь!

Борис

Сын Федор — Ксенья — дети!
Храни вас бог! Князь Шуйский — подойди!
Друг друга мы довольно знаем. Помни:
В мой смертный час я господа молю:
Как ты мне клятву соблюдешь, пусть так
И он тебя помилует! — Басманов —
Спеши к войскам! Тебе я завещаю
Престол спасти! О, господи, тяжел,
Тяжел твой гнев! Грехи мои ты не дал
Мне заслужить!

Федор

Клянусь тебе, отец,
Не забывать, что искупить я должен
Их жизнью всей!

Борис *(к боярам)*

Блюдите вашу клятву!
Вам ясен долг — господь карает ложь —
От зла лишь зло родится — все едино:
Себе ль мы им служить хотим иль царству —
Оно ни нам, ни царству впрок нейдет!

Царица *(кланяясь в ноги)*

Свет-государь! Прости меня, в чем я
Грешна перед тобой!

Борис

Мой меркнет взор...

Ксения

О, господи! Будь милостив к нему!

Борис

Простите все! Я отхожу — сын Федор...

(Встает.)

Дай руку мне! Бояре! — вот ваш царь!

(Падает в кресла. Занавес опускается.)

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРОЕКТ ПОСТАНОВКИ НА СЦЕНУ ТРАГЕДИИ «СМЕРТЬ ИОАННА ГРОЗНОГО»

Готовясь поставить на сцену трагедию «Смерть Иоанна Грозного», я считаю необходимым изложить для руководства художников, которые ее исполнят, как общую идею этой трагедии, так и все ее характеры, в том смысле, как я понимаю то и другое. Верное определение идеи уяснит каждому исполнителю степень важности занимаемого им места и те пределы яркости, через которые он не должен переступать под опасением нарушить гармонию целого.

Верное понимание отдельных характеров будет иметь следствием возможное совершенство игры, что самое облегчит зрителю понимание общей идеи. Тогда только возникнет перед публикою цельное и осмысленное создание, где не только ни один из исполнителей не понесет ущерба в своих правах, но где каждому без исключения представится случай показать себя настолько великим художником, насколько он будет способствовать к единству и гармонии целого.

ОБЩАЯ ИДЕЯ ТРАГЕДИИ

Общая идея трагедии очень проста. Иоанн, властолюбивый от природы, испорченный лестью окружающих его царедворцев и привычкою к неограниченной власти, сверх того раздражен случившимися в его детстве попытками некоторых бояр завладеть им как орудием для своего честолюбия. С тех пор он видит врагов во всех, кто стоит выше обыкновенного уровня, все равно чем: рождением ли, заслугами ли, общим ли уважением народа. Ревнивая подозрительность и необузданная страстность Иоанна побуждают его ломать и истреблять все, что кажется ему препятствием, все, что может, по его мнению, нанести ущерб его власти, сохранение и усиление которой есть цель его жизни.

Таким образом, служа одной исключительной идее, губя все, что имеет тень оппозиции или тень превосходства, что́, по его мнению, одно и то же, он под конец своей жизни остается один, без помощников, посреди расстроенного государства, разбитый и униженный врагом своим Баторием, и умирает, не унося с собою даже утешения, что наследник его, слабоумный Федор, сумеет достойно бороться с завещанными ему опасностями, с бедствиями, вызванными и накликанными на землю самим Иоанном чрез те самые меры, которыми он мечтал возвысить и утвердить свой престол.

Бояре, с своей стороны, думавшие только о своих личных выгодах, пренебрегавшие благом всей земли для достижения мелких честолюбивых целей, раболепные перед Иоанном, но разъединенные между собою, интригующие друг против друга, бояре, из которых каждый надеялся по смерти самодержца наследовать частью его власти — видят себя, вследствие своего эгоисма и распадения, в руках и под полной зависимостью гениального честолюбца, который при жизни Иоанна умел незаметно их опутать и проложить себе путь для собственного возвышения.

В этой трагедии все виноваты и все наказаны, не какою-нибудь властию, поражающею их извне, но силою вещей, результатом, истекающим с логическою необходимостью из образа действий каждого, подобно тому как из зерна образуется растение и приносит свой собственный плод, себе одному свойственный.

Торжествуют один Годунов и клеврет его Битяговский, но зритель предчувствует, что и им также прийдется пожать плоды посеянного ими семени.

НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ УСПЕХА НА СЦЕНЕ

Если кто-нибудь из художников наших театров понимает Иоанна иначе, чем я, то он не должен своего личного взгляда вносить в исполнение. Его дело быть истолкователем поэта, и для этого ему предоставлено широкое поприще.

Поэт же имеет только одну обязанность: быть верным самому себе и создавать характеры так, чтобы они сами себе не противоречили; человеческая правда — вот его закон; исторической правдой он не связан. Укладывается она в его драму — тем лучше; не укладывается — он обходится и без нее. До какой степени он может пользоваться этим правом, признаваемым за ним всеми эстетическими критиками, начиная от Аристотеля до Рётчера и Белинского — это дело его совести и его поэтического такта. На сценических же исполнителях лежит обязанность проникнуться духом характеров, как понимал их поэт, написавший драму, хотя бы другие поэты, или даже историки, понимали их иначе. Только полное согласие исполнителей и поэта упрочивает художественный успех представления; антагонизм их ведет неминуемо к ослаблению или запутанности впечатления, а затем и к падению пьесы.

Приступим теперь к объяснению характеров, сперва мужских, потом женских, и начнем с Иоанна.

ИОАНН

Он является в драме в последний год своей жизни, весь сгоревший в страстях, истерзанный угрызениями совести, униженный победами Батория, но не исправленный несчастием и готовый при первом благоприятном обороте дел воспрянуть с прежнею энергиею и снова начать дело всей своей жизни, дело великой крови и великого поту, борьбу со мнимой оппозицией, которой давно не существует. После безграничного самовластия вторая черта в Иоанне — это страстность и впечатлительность. Весьма

ошибся бы сценический художник, который, передавая его выходки раскаянья, его желание оставить свет, его самоунижение, вложил бы в свою роль хотя легкий оттенок притворства. Иоанн слишком страстен и слишком проникнут божественностью своих прав, он слишком презирает людей, чтобы низойти до притворства с ними. Он всегда искренен и чистосердечен, но он не может долго оставаться под одним впечатлением. Он жесток по природе и по системе; он не для того только губит, чтобы губить; он губит с политическою целью, но пользуется случаем, чтобы потешить свою жестокость. Он чрезвычайно умен и проницателен и, если бы природные его способности не были затемнены постоянною мыслию об измене, которая сделалась его хроническою болезнью, он был бы великим государем. Эта боязнь измены, это беспокойное охранение своей власти, которую никто у него не оспаривает, эта злопамятная подозрительность ко всему, что превышает обыкновенный уровень — составляет третью главную черту его характера.

Он также чистосердечно религиозен, но религиозен по-своему. Он служит богу, как бояре служат ему: по страху наказания и в надежде награды. Он хочет купить царствие небесное вкладами, синодиками, земными поклонами и постом, и как в нем нет ничего мелкого, то он щедро сыплет вкладами и поклонами и изнуряет себя постом до полусмерти, пока другое впечатление не заменит первого.

Эта искренность Иоанна во всех проявлениях его характера есть единственная сторона, которая примиряет с ним зрителя, и поэтому исполнитель должен всегда иметь ее в виду. Он должен показать, что Иоанн не простой злодей или сумасшедший, как какой-нибудь Нерон, но что у него есть цель, что он даже хочет блага России, разумеется по-своему, т. е. первым благом России считает безграничное увеличение произвола для себя и для своих наследников. Он верит своему призванию и своей непогрешимости в делах правления; он проникнут мыслию, что может ошибаться и грешить как человек, но как царь — никогда! Художник, который возьмет на себя роль Иоанна, должен возбудить в зрителе впечатление, что Иоанн глубоко несчастен; что если он предавался разврату, то разврат его не удовлетворял, а только заглушал в нем на время его душевные страдания; что если Иоанн палач России, то он вместе с тем и свой собственный палач; наконец художник, играющий Иоанна, должен, среди самых безумных проявлений этого характера, давать просвечивать тем качествам, которые могли бы сделать из него великого человека, если бы не были подавлены страстями, раболепством его окружающих и раннею привычкою к неограниченной власти. Качества эти: глубокий государственный ум, неутомимая деятельность, необыкновенная энергия, страшная сила воли и полная искренность в убеждениях. Но все это испорчено, помрачено, подточено в корне пороками и произволом, и ничего не идет ему впрок.

В роле Иоанна есть три главных вида. Сначала он является мучимый угрызениями совести вследствие убиения своего старшего сына. Он хочет оставить свет и уступить свой престол другому. Он согбен и подавлен, но он не окончательно сломан. Решимость

его удалиться от царства есть добровольная. В этой решимости он еще выказывает собственную волю, которой земля должна подчиниться. Он знает, что от него зависит переменить свое намерение, когда ему вздумается, и в этой уверенности есть для него нечто утешительное. Это своего рода удовлетворение произвола, своего рода наслаждение властью.

Второй вид — это пробуждение Иоанна к жизни и к жажде государственной деятельности вследствие благоприятного известия об отбитии Баториева приступа ко Пскову.

С этой минуты забыты все угрызения; он сожалеет о своем желании оставить свет, и горе боярам, которые, по его приказанию, дерзнули бы выбрать другого царя! Бранное письмо Курбского разжигает в нем еще более сознание силы и жажду власти, которую он чуть было не выпустил из рук. Он принимает прошение бояр остаться на престоле как должную дань, и с этого времени его высокомерие, его самоуверенность, его ничем неудержимый произвол растут с усугубленною силой до той минуты, когда он, ослепленный удачею, оскорбляет Гарабурду и узнает от него, что войска его разбиты и что шведы идут на Новгород.

Здесь наступает третий вид. Бедствия за бедствиями обрушаются на Иоанна. Баторий, шведы, татары, черемисы — все идет на него. Дурные известия приходят одно за другим, и на небе является комета как знаменье божьего гнева. Иоанн понимает, что его звезда зашла навсегда, что ему теперь уже не подняться. Теперь он сломан окончательно. Силы его упали, энергия его оставила, он ожидает смерти, он хочет примириться с богом. Но он не забыл, что он царь, что на нем лежит до конца ответственность за государство; он, среди самого страха загробных возмездий, дает наставления сыну и делает распоряжения о заключении мира с Баторием.

В этом месте роли Иоанна есть для сценического художника интересная и благодарная задача.

Он должен показать, как в этом характере перепутываются чувство высоких обязанностей, сознание сделанных ошибок и раскаянье в бесполезных преступлениях с закоренелою привычкой не знать ничего, кроме своего произвола, и не терпеть противоречия ни в чем и ни от кого. Иоанн искренно хочет спасти Россию, но он до конца проникнут мыслию, что она, дарованная ему в собственность божьею милостью, не что как материал, из которого он может делать что ему угодно; он убежден, что Россия есть тело, а он душа этого тела, и потому в праве оторвать от России часть, как в праве отрезать у себя палец. Его уступки Баторию кажутся ему государственною необходимостью; но рядом с этим он, считая себя тождественным с Россией, приносит ее в жертву для искупления своих грехов, как не усомнился бы принести в жертву свое тело для спасения души.

В этом Иоанн совершенно наивен, и художник, его представляющий, должен играть так, чтобы зритель, осуждая Иоанна, вместе с тем ощущал к нему сожаление.

Новое пробуждение Иоанна к энергии, являющееся в пятом действии, вследствие улучшения его здоровья, в тот самый день,

Готовясь поставить на сцену
трагедию мою: Смерть Ивана
Грознаго, я считаю необходимым
изложить для руководства ху-
дожников, которые ее исполнят,
как общую идею [illegible], так и [illegible],
[illegible]
[illegible] в том смысле, как я ее понимаю [illegible]
[illegible]
[illegible]
для [illegible]
вообще [illegible]
[illegible] Всякое [illegible]
идея должна учитывать [illegible]
[illegible]
степень вольности [illegible]
им места и т. д. [illegible] подробности,
в ряду которых он не должен
переступать под опасением
нарушить гармонию целого.
Всякое понимание [illegible]
[illegible]
[illegible] будет иметь воз-
можно [illegible]
[illegible] понимание
идеи [illegible]
[illegible] перед публикой одно
[illegible] создание,

Проект постановки на сцену трагедии „Смерть Иоанна Грозного“.
Первая страница черновой рукописи.

когда ему предсказана смерть — есть только искусственное. Иоанн сам не уверен, что он спасен; он только старается себя в этом уверить.

Тут опять художнику представляется случай выказать свое понимание характера в полной силе. Настал тот день, которого Иоанн ожидал с трепетом, к которому готовился с той минуты, когда волхвы предсказали ему смерть. К его удивлению, к его радости, ему в этот день лучше. Мысль, что волхвы ошиблись, которая, как слабая надежда, мелькала иногда перед ним, но на которой он не смел остановиться, теперь принимает значение вероятности. Иоанн, с свойственной ему страстностью, хватается за эту мысль и, в противуположность слабым характерам, боящимся с г л а з и т ь то, чего они желают, предается надежде, которую тотчас же облекает в форму полной уверенности, потому что вообще половинные или неполные ощущения ему несносны. Он объявляет, что снова принял отмененное им недавно намерение жениться на Марии Гастингс, велит себя нести в палату, где собраны его сокровища, и выбирает подарки для невесты. Он кажется спокоен и даже весел, но, вопреки его желанию считать себя выздоровевшим, предсказание волхвов беспрестанно приходит ему на ум и тревожит его. Кириллин день еще не прошел! Он это знает, он знает также, что царедворцы смотрят на него с недоумением, и он подозрительно прислушивается к их разговорам. Каждое слово, каждое движение кажется ему намеком на его близкую смерть, и он, в нетерпении, прежде окончания дня, посылает Годунова объявить казнь волхвам, как бы для того, чтобы убедить самого себя в лживости их предсказания и сделать эту лживость неисправимою. «Царь приказал казнить волхвов; царь ошибиться не может; стало быть, волхвы виноваты; стало быть, они солгали». Так точно Иоанн, в конце третьего действия, услышав, что войска его разбиты, приказывает служить победные молебны, как бы для того, чтобы этою мерою обратить в ложь известие, привезенное гонцами. Между тем, лишь только Годунов ушел, беспокойство Иоанна увеличивается. Он хочет, чтобы царедворцы подтвердили ему, что предсказание было ложно, он требует от них поддакиванья своим словам. Он насмехается над волхвами и говорит утвердительно, что никто не может сказать вперед ни когда, ни как он умрет, но тотчас же сам себе противоречит, объявляя, что он проживет довольно лет, чтобы устроить царство, а умрет окруженный святым синклитом и напутствуемый молитвами митрополита. Это противоречие Иоанн должен высказать как будто под невольным влиянием роковой силы, которая обращает в насмешку над ним самим только что им сказанное. Играющий его роль должен обдумать это место и выставить его так, чтобы оно поразило зрителя.

Дабы дать мыслям Иоанна другое направление, Бельский привлекает внимание его на шахматы. Хитрость удалась, и Иоанн начинает играть с Бельским. Но он играет рассеянно; он судорожно подвигает фигуры и время от времени смотрит на дверь, ожидая возвращения Годунова. Во всех его шутках проглядывает теперь принужденность, и надо полагать, что Бельский нарочно дает ему себя обыгрывать. Наконец Годунов возвращается и неприметно становится напротив Иоанна в то время, как глаза последнего опущены

на шахматную доску. Но Иоанн магнетически почувствовал его присутствие и поднял голову. Глаза их встретились, и, прежде чем Годунов открыл рот, Иоанн уже понял, в чем дело. Он понял, что ответ Годунова недобрый, понял также, с каким намерением Годунов приготовляется к этому ответу.

Здесь представляется художнику случай выразить немою игрой все, что происходит в сердце Иоанна.

Услыша свой приговор, он, верный своему характеру, предается порыву гнева, но с гневом смешан ужас смерти и ужас Годунова, которого он узнаёт только в эту последнюю минуту. Как истинный царь, он и теперь не забывает о государстве, но зовет своего наследника, чтобы предостеречь его от Годунова. Напрасно! Час его пробил, и он падает навзничь, сраженный нервическим ударом, не успев распорядиться об устранении того, которого слушаться он сам велел своему сыну. Федор и вся Россия будут в руках его убийцы! Лежа на полу, поддерживаемый Шуйским, Иоанн еще раз открывает глаза и зовет духовника. Наместо его вбегают скоморохи. Здесь предстоит художнику выразить немою игрой, как Иоанн объясняет себе появление в его смертный час этих безобразных, кривляющихся существ, и какой смысл его совесть может придать их бессмысленной песни.

Предостерегаю художника в одном. Он не должен хотеть развивать эту сцену; довольно одного намека. Ужас в лице Иоанна, отчаянное движение назад и вытаращенные глаза, которые, прежде чем закрыться навеки, впяряются в скоморохов, достаточно объяснят зрителю, за кого он их принимает.

Остается сказать несколько слов о наружной стороне этой роли. Иоанн был высок, строен, имел орлиный нос, проницательные глаза, чувственные губы с опущенными краями, русые волосы и русую бороду. Но в последние годы его жизни стан его согнулся, и волосы и борода почти вылезли. Когда он является в драме, ему пятьдесят четыре года, но он кажется гораздо старше. Представить его на сцене плешивым и безбородым было бы не художественно. Достаточно дать ему редкие волосы и бороду, расположенную сивыми клочьями. Приемы Иоанна всегда важны и благородны. Он никогда не перестает быть царем, даже когда стоит на коленях перед боярами и просит у них прощения. На лице его написано глубокое убеждение в своем призвании и в своих божественных правах. Речь его отзывается презрением к людям. Глаза смотрят то гордо, то подозрительно и всегда готовы вспыхнуть. Движения, обыкновенно спокойные, делаются судорожными в минуту душевных волнений. Вся его наружность должна производить впечатление, что он истерзан страстями, которых никогда не умел и не хотел обуздывать.

Задача сценического художника — разыграть всю гамму самых противоположных состояний души, начиная от иронии до отчаянья, и мотивируя каждое из них искусными переходами, так чтобы зритель сказал: Иначе и быть не могло!

У нас нет удовлетворительных портретов Иоанна.

Что касается до его одежды, ее можно найти в «Собрании русских древностей» Солнцева. В первом действии он является

сперва в шелковом домашнем кафтане, сверх которого надета простая черная ряса. Голова открыта. Потом сверх того же кафтана он вместо рясы надевает всем известное царское облачение. Во втором действии на нем может быть другой кафтан, опашень и колпак. В третьем действии, в сцене с царицей, на нем опять домашний шелковый кафтан; в сцене же с Гарабурдой опять царское облачение. В четвертом действии он входит в комнату в шубе и меховой шапке потому, что возвращается с Красного крыльца, с которого он наблюдал комету. Шубу он скидает и остается в домашнем кафтане, но уже не шелковом, а бархатном. Шапка ни в каком случае не должна на нем быть высокая, в каких обыкновенно во все эпохи являются у нас на сцене бояре. Таких шапок при Иоанне не носили. Его шапка, как и все тогдашние шапки, низкая, круглая и мягкая, с меховой опушкой, какую мы видим у Герберштейна на портрете Василья Иоанновича, отца Иоанна Грозного. В пятом действии он в халате и в колпаке, который может снять или оставить на голове, по произволу. На руках у него всегда кольца и перстни с дорогими каменьями. Сапоги его желтые, зеленые или красные, смотря по большей или меньшей нарядности остального костюма. Посох, вроде теперешних поповских, но с историческим железным острием, у него всегда или в руке, или под рукою, исключая первой сцены, где он удалил его как орудие смерти своего сына, в которой он в эту минуту раскаивается.

ГОДУНОВ

Роль не менее важная Иоанновой — есть роль Годунова. Постараемся рассмотреть и объяснить ее, как она понята в трагедии. По праву драматурга я сжал в небольшое пространство несколько периодов жизни этого лица, которых историческое развитие требовало гораздо дольшего времени.

По тому же праву я позволил себе здесь, равно как и в роли Иоанна, отступать от истории везде, где того требовали выгоды трагедии.

Годунов есть во многих отношениях противоположность Иоанна. Энергия и сила у них одни, ум Годунова равняется уму Иоанна. Но насколько Иоанн раб своих страстей, настолько Годунов всегда господин над самим собою, и это качество дает ему огромный перевес над Иоанном.

Честолюбие Годунова столь же неограниченно, как властолюбие Иоанна, но с ним соединено искреннее желание добра, и Годунов добивается власти с твердым намерением воспользоваться ею ко благу земли. Эта любовь к добру не есть, впрочем, идеальная, и Годунов сам себя обманывает, если он думает, что любит добро для добра. Он любит его потому, что светлый и здоровый ум его показывает ему добро как первое условие благоустройства земли, которое одно составляет его страсть, к которому он чувствует такое же призвание, как великий виртуоз к музыке.

Годунов страдает, глядя на заблуждения, на произвол, на жестокость Иоанна потому, что видит во всем этом государственные

ошибки. Он, как гениальный анатом, присутствующий при трудной операции, негодует на хирурга, заставляющего бесполезно страдать своего пациента, и хотел бы вырвать у него инструмент, чтобы самому приступить к операции, не потому, что ему жалко пациента, а потому, что он боготворит свою науку и не терпит на нее посягательства. Годунов, в начале своей драмы, способен пожертвовать своими личными интересами для блага государства, но пожертвовать ими только временно, то есть добровольно замедлить свое возвышение; совершенно же уничтожиться он неспособен; тогда как Иоанн (не исторический, а мой Иоанн), если бы ему сказали, что, сойдя с престола, он может упрочить за своими наследниками положение богов на земли, был бы в состоянии принести эту жертву, которую, вероятно, не выдержал бы, но на которую бы решился с увлечением и искренностью, свойственными его характеру. В этом отношении он стоит выше Годунова. В начале трагедии Годунов еще не переступил за черту, за которою он делается безусловным честолюбцем. Участие его к России равносильно его желанию возвыситься. В первом действии он говорит в пользу Иоанна потому, что в самом деле считает удержание его на престоле условием спасения земли. Во втором он видит, что Иоанн может своим разводом с царицей восстановить против себя духовенство и повредить своей популярности. По собственному побуждению и под впечатлением своего разговора с Захарьиным он высказывает Иоанну свои опасения. Он решается, для блага земли, удержать его от развода, несмотря на то, что он этим спасает своих врагов, Нагих, которые, как братья царицы, потеряли бы всякое значение, когда бы царь взял другую жену. Иоанн с оскорбительною насмешкой отвергает его предостережение. Тогда Годунов отказывается навсегда от всякой попытки действовать прямо и начинает тот знаменитый окольный путь, который со временем приведет его к престолу. Но пока о престоле нет еще и помину. Честолюбие Годунова еще не представляет ему другой цели, как упрочить себе влияние на Иоанна и быть первым боярином в думе.

Чрез своих лазутчиков Годунов узнал все подробности существующего против него заговора. Он идет к Шуйскому, застает своих врагов врасплох и одним взглядом узнает Битяговского, долженствующего служить им орудием. Гости Шуйского уходят в замешательстве, он остается с хозяином и ведет с ним незначительный разговор, чтобы продлить время, пока, по его распоряжению, слуга Шуйского, давно уже им купленный, прийдет вызвать своего господина и оставит Годунова глаз-на-глаз с Битяговским. Чтобы показать зрителю, что этот вызов подготовлен зеране, Годунов, разговаривая с Шуйским, должен иногда оборачиваться на дверь, как будто кого-то поджидая. Вообще, как в этом месте, так и в других, сценический художник должен пополнять немою игрой то, что автор не мог высказать, не расширив условленных пределов драмы.

По уходе Шуйского Годунов легко подчиняет себе Битяговского и с этой минуты растет до конца. В третьем действии роль его не представляет больших затруднений. Он докладывает Иоанну

о своих переговорах с послами, а после приема Гарабурды вбегает в престольную палату с известием о поражении наших войск.

Четвертое действие самое трудное для художника. В нем Годунов постоянно на сцене, но почти вовсе не говорит. Он только читает Иоанну синодик, докладывает в двух словах содержание грамат из Серпухова и из Казани, а в конце акта, подхватывая шатающегося Иоанна, восклицает: «Государю дурно! Позвать врачей!» С первого взгляда казалось бы, что автор в этом действии вовсе забыл о роли Годунова, но он нигде не предоставил художнику такого широкого поля для игры, как именно здесь. Один из лучших немецких актеров, дрезденский артист Квантер (который теперь сошел со сцены), готовился играть эту роль по превосходному переводу г-жи Павловой и более всего рассчитывал для своего успеха на четвертое действие. В самом деле, Годунов, хотя без слов, играет здесь от начала до конца, и художник, взявший его роль, не будучи ни в чем стеснен автором, может воспроизводить по своему личному воззрению все рефлексы, которые отражаются на Годунове многочисленными и разнообразными событиями этого действия.

Годунов, в числе прочих бояр сопровождавший Иоанна на Красное крыльцо, откуда больной царь наблюдал комету, возвращается с ним вместе в палату и поддерживает его.

Что выражает теперь лицо Годунова?

Царь еще не объявил заключения, которое он вывел из своих наблюдений, но проницательный Годунов, умеющий читать в его чертах, уже догадался, что настала минута решительная. Он весь превратился в ожидание, которое старается скрыть от Иоанна. К счастию, царь слишком занят своими мыслями, чтобы обратить на него внимание. Он объявляет присутствующим о своей близкой смерти. Федор падает на колени, женщины подымают вопль, бояре пугаются. Как держит себя в это время Годунов? Это минута опасная. Всякая неловкость может раздражить Иоанна. Недаром он прикрикнул на женщин и на сына. Годунов должен найти середину между явным выказыванием скорби, которое может показаться Иоанну навязчивым, и излишнею сдержанностью, которая может навлечь на него подозрение в равнодушии. Истинный художник найдет эту середину. Годунов должен держать себя так, чтобы Иоанн заметил и мнимую его скорбь и благоговение, мешающее ее высказать. Вместе с тем Годунов не должен играть свою комедию слишком ярко, иначе он покажется отвратительным зрителю. Следуют сцена с доктором и сцена с волхвами. К обеим Годунов относится как тайный наблюдатель. Приказание Иоанна принести синодик выводит его на время из напряженного положения. Он читает синодик с покорностью, подобающей слуге, не имеющему своей воли. Чтенье прерывается дворецким Александровой слободы, привезшим известие о сожжении Иоаннова дворца грозою. Царь, в припадке угрызений и ужаса, просит на коленях прощения у бояр. Здесь Годунов не только не суется вперед, но с дипломатическим благоразумием становится позади других, дабы царь его не заметил. Неловкая выходка Шуйского спасает Годунова от

личного обращения к нему Иоанна, которое этот вряд ли простил бы ему, если б впоследствии выздоровел. Следуют наставления царевичу, известия о хане и о черемисах и наконец доклад о приходе схимника, после чего Годунов удаляется из палаты вместе с другими. Когда все, кроме женщин, возвращаются, Иоанн заставляет Годунова вместе с Захарьиным, Мстиславским и Бельским целовать крест в верности Федору. Затем он приказывает унизительное посольство к Баторию. Приказ этот пробуждает в боярах столь долго дремавшее чувство чести. Они протестуют и наперерыв предлагают Иоанну свою кровь и свое имущество, чтобы он не уступал врагам русских городов. Годунов в это время, один между всеми, — молчит. И молчание это выказывает его характер красноречивее всяких слов. Заявление патриотисма было бы теперь оппозицией, а Годунов не может быть в оппозиции. И он прав; сопротивление ни к чему не послужит; Иоанн ссылкою на св. писание и на божественность своих прав убьет боярский патриотисм, как будто бы его и не бывало, а Годунов выждет время и найдет случай иначе парализовать царскую волю. Постыдное посольство отправится в путь, но будет остановлено и вернется с дороги. Решившись на неслыханное унижение и подавив сопротивление бояр, Иоанн шатается и готов упасть. Здесь место Годунову быть впереди всех. Он, а не кто другой, подхватывает Иоанна и зовет врачей ему на помощь. Таким образом, играющий Годунова не остается празден ни на одну минуту во все продолжение четвертого действия. Он обдумает заране, как ему войти, где ему стать, на какую сторону перейти, когда выступить вперед и когда стушеваться с толпою. Он взвесит заране каждое свое движение, каждое изменение своего лица и не забудет, что каждое из них знаменательно, потому что зритель не спускает с него глаз и делит свое участие между ним и Иоанном. Если же играющий Годунова даровит, он найдет тысячу оттенков, которых невозможно предвидеть и на которые я мог только намекнуть. Само собой разумеется, что в этом действии первая роль принадлежит Иоанну и что Годунов не должен отвлекать от него внимание. У Годунова есть другие акты, где он стоит на первом плане, и ему принадлежит конец трагедии. Здесь же он особенно должен быть заметен своею преднамеренною незаметностью.

Пятый акт открывается разговором Годунова с царевичем. Кириллин день настал, будущий царь уже весь в руках Годунова. Но чем выше восходит Годунов, тем выше он жаждет подняться. Ему уже не довольно сделаться правителем государства; он сожалеет, что не рожден на престоле. Это первое место в трагедии, где Годунов выказывает всю глубину своего честолюбия. Оно должно сделать на зрителя впечатление бессознательности. Годунов не часто бывает так откровенен, но здесь он у себя, дома, без свидетелей, он уверен в жене и может наконец перестать наблюдать над собою. Человеческие отношения его к жене служат, между прочим, и контрастом отношений Иоанна к царице. Они должны также примирить зрителя с постоянною скрытностью Годунова, которая иначе могла бы сделаться утомительною. Здесь он должен быть прост и естествен. По уходе жены он впускает

волхвов, и в разговоре его с ними сквозит досада, что здоровье Иоанна поправилось. Предвещание ему престола поражает его как электрический удар. Все, что доселе смутно носилось перед ним, выступает ясно и осязательно. Слово выговорено, и цель его воплотилась. Он уже не может отвратить очей от этой цели; он должен итти к ней безостановочно, что́ бы ему ни попалось на дороге. С этой минуты он переродился. Взгляд его стал повелителен, приемы решительны, голос потерял обычную мягкость. В монологе, который он произносит по удалении волхвов, зритель должен слышать, что хотя он еще и не думает об убиении Димитрия, но не остановится перед преступлением, если ценою его будет престол. С лихорадочным нетерпением он заботится теперь об устранении ближайших препятствий. Но дело еще далеко не выиграно, и он должен продолжать носить личину. С притворным участием расспрашивает он у доктора о состоянии царского здоровья и об условиях его исцеления.

А если бы, не дай бог, чем-нибудь
Он раздражился?

В этих словах Годунова, выговоренных медленно, с расстановкой, с испытующим взглядом на доктора, должен звучать для зрителя смертный приговор Иоанну. Приказания, отдаваемые Битяговскому, которыми заключается первая половина пятого действия, подтверждают в зрителе убеждение, что Годунов теперь не остановится ни перед чем, и должны возбудить ожидание трагического исхода.

Во второй половине того же действия Годунову опять приходится играть немую, но немаловажную роль до того места, где он, исполнив царское поручение, возвращается в палату и застает Иоанна, играющего в шахматы. В появлении Годунова должно теперь быть нечто торжественное. Он решился на поступок, который, если не удастся, будет стоить ему головы. Он играет ва-банк; он пан или пропал; но он действует не очертя голову, а взвесив все возможные случайности, и, по закону вероятностей, дерзкое предприятие должно удаться. Бледный, но решительный, он медленным, но твердым шагом подходит к группе бояр, и узнав от одного из них, что Иоанн находится в раздраженном состоянии, то есть именно в том, которое ему нужно, он не спеша обходит шахматный стол и становится напротив Иоанна. Он неподвижно встречает и выдерживает царский взгляд. Он своим взглядом заставляет Иоанна затрепетать и отшатнуться. Он нарочно медлит ответом, чтобы продлить в Иоанне нервическое ожидание и потом сразить его наверняка резко и отчетисто выговоренным ответом. Он, от самого своего прихода до произнесения этого рокового ответа, как будто натягивает лук и выискивает место в своей жертве, куда бы удобнее пустить стрелу. Вся эта сцена должна быть художественно развита до малейших подробностей. Чем долее она продлится, тем лучше. Здесь нечего опасаться утомить зрителя; если Годунов сыграет свою роль хорошо и найдет в других артистах добросовестное и понятливое содействие, зритель не останется равнодушен.

Но вот ответ произнесен, Иоанн упал на землю, врачи подтвердили его смерть, Годунов удостоверился, что царское сердце более не бьется, и, открыв окно, возвещает народу, что не стало царя Ивана Васильича.

Глухая буря подымается на площади, а Годунов уходит, чтобы окончить начатое и приготовить последнюю сцену, где он явится полным господином царства и поставит ногу на первую ступень, ведущую к престолу. С благоговейною торжественностью возвращается он в палату и опускается на колени перед растерявшимся Федором. Федор передает ему правление, и Годунов, не колеблясь, вступает в свои права, как будто они ему не новы и он уже повелевал всю свою жизнь. Не дав никому опомниться, он с неожиданною решительностью избавляется от своих главных врагов. Федор, рыдая, бросается ему на шею, и народ смешивает их имена в своем приветственном восклицании. Этим кончается роль Годунова, а с нею и трагедия. Ему принадлежит последнее слово, и зритель понимает, что он не остановится на этой ступени, но сумеет осуществить сделанное ему предсказание.

Роль Годунова несравненно труднее роли Иоанна. В ней нет той яркости, благодаря которой Иоанн виден из каждого своего слова, почти без комментарий. Здесь автор предоставил всё личному воззрению художника.

Наружность исторического Годунова была самая привлекательная. Он был, так же как Иоанн, высок и строен. Лицо его было смугло; черные глаза, осененные темными бровями, глядели ласково. Короткая темная борода окаймляла правильный очерк лица, и на изящно выгнутых губах играла приветливая улыбка. Годунов подчинял себе людей столько же превосходством своего ума, сколько своею обходительностью.

Литографированную копию с современного портрета можно видеть в сочинении Висковатого: «Вооружение русских войск».

В трагедии приемы Годунова благородны и сдержанны. Голос его никогда не возвышается, исключая в разговоре с волхвами и в следующем за ним монологе, но и то умеренно.

Держит он себя сообразно тому, с кем имеет дело. К равным он относится скромно, к Иоанну с благоговением, к Захарьину с почтительною доверчивостью, к царевичу Федору, до его вступления на престол, с родственною дружбою, не забывающею расстояния, которое их разделяет. С Битяговским он говорит повелительно и смотрит на него как на червяка, которого может раздавить во всякую минуту. Сверх того Годунов мастер изменять свои приемы смотря по обстоятельствам. Вызванный Захарьиным на говорение в думе, он начинает свою речь чрезвычайно скромно, но, по мере успеха, голос его получает уверенность, и под конец в нем слышится власть, которая дается сознанием превосходства. В споре своем с Сицким он отличается умеренностью с легким оттенком иронии, и этот оттенок становится чувствительнее, когда он несостоятельным боярам предлагает в цари одного за другим таких людей, которых они только что отвергли. Но верхом дипломатического расчета есть тон его с Иоанном, когда он, как выборный от бояр, приносит ему решение думы. Несмотря на раболепный оборот

в конце речи, Годунов произносит ее не как уничиженное моление, но как приказ от всех к одному. И расчет оказывается верен. Иоанн доволен, что его **принуждают**; он **покоряется** думе и, целуя Годунова в голову, говорит:

Я дерзкую охотно слышу речь,
Текущую от искреннего сердца!

В разговоре Годунова с Захарьиным, в начале второго акта, есть смесь искренности с долею притворства. Он действительно потому идет окольным путем, что не может итти иначе, но он не столько об этом сожалеет, как показывает. Сожаление выставлено более для Захарьина, коего прямая натура не могла бы иначе примириться с характером Годунова. С Шуйским Годунов, когда приходит к нему в дом, говорит с полным самообладанием, не отступая ни на шаг от принятой на себя роли, и спокойствие его составляет контраст с суетливым радушием Шуйского. К Битяговскому, когда он остается с ним глаз-на-глаз, Годунов обращается с неумолимым хладнокровием. Здесь особенно он должен сделать на зрителя впечатление неумолимости. В самом деле, Иоанна легче умолить, чем Годунова. Иоанн может иногда, по капризу, помиловать кого он осудит; но кого в своем сердце осудит Годунов, того он никогда не помилует. Приговоры его внушены ему не гневом, не мстительностью, но холодным убеждением в их необходимости. Иоанн губит своих врагов со злобою; Годунов безо всякой злобы устраняет их как препятствия. Он вовсе не жесток от природы, но когда он думает, что жестокость нужна для устрашения его врагов, она его не пугает. Он это доказал впоследствии, когда, чтобы заставить молчать угличан, обвинявших его в убиении Дмитрия, он разом велел казнить двести человек и всех жителей Углича переселил в отдаленные области.

О других изменениях наружности Годунова, в остальных частях трагедии, уже сказано выше.

Одежда его обыкновенная боярская. При великолепной постановке он может переменить ее несколько раз в продолжение пьесы.

ШУЙСКИЙ

После Годунова первые два места в трагедии занимают Захарьин и Шуйский. Начнем с последнего, которого характер примыкается естественно к характеру Годунова. Шуйский есть в некотором смысле слабый и искаженный с него снимок. Он неудачная попытка природы произвести Годунова. Когда Годунов прибегает к хитрости, он делает это потому, что не имеет лучшего способа для достижения своих целей. Если б он мог достичь их прямо, он отверг бы хитрость как замедляющее средство. Шуйский, напротив, любит хитрость для хитрости. Он в ней катается как сыр в масле. Ему доставляет удовольствие сначала притвориться, а потом поразить всех неожиданным эффектом. Он по своей природе заговорщик, тогда как Годунов уже потому не может быть заговорщиком, что он ни с кем не делится своими планами, а всех употребляет как свои орудия, и друзей и врагов. Годунов знает всю

подноготную Иоанна; Шуйский знает только его главные черты. Оттого он и суется так неудачно с своею фразой, когда Иоанн просит у него на коленях прощения. Цель Годунова, еще до мысли о престоле, это — подчинить себе всю Россию; цель Шуйского — составить себе партию. Годунова взвела на престол Россия; Шуйского взвела партия; оттого он и не удержался. Но рядом с этою посредственностью у Шуйского есть и хорошие качества. Он неустрашим в опасности и тверд в несчастии. Когда он сделался царем, он соблюдал законность; когда народная дума свела его с престола, он показал достоинство; когда его насильно постригали, он отказался произносить монашеский обет; когда Жолкевский привез его, пленником, в Варшаву, он не хотел кланяться королю и, лишенный престола, явил истинно-царское величие. Но все эти черты лежат вне трагедии, и я только для того указываю на них, чтобы исполняющий роль Шуйского получил ясное о нем понятие.

Наружность Шуйского не имела благородства наружности Иоанна и Годунова. Его описывают толстым, небольшого роста, с маленькими глазами. Портрет его, находящийся, кажется, в московской оружейной палате, вряд ли дает о нем верное понятие.

Приемы его должны быть льстивы, особенно с Иоанном; лицо хитро и подозрительно, хотя и видна в нем решительность; он высматривает и выслушивает; он не умеет скрыть то, что он хитер. Он прислуживается и поддакивает Иоанну, но вместе с тем он не должен казаться хамом. Этот оттенок принадлежит скорее Нагим, братьям царицы, о которых речь будет после.

ЗАХАРЬИН

Захарьин, известный Никита Романович, брат царицы Анастасии, первой жены Иоанна, дядя царевича Федора, родоначальник Романовых, есть, по народным преданиям, олицетворение добра в темную эпоху Иоанна.

Он является в старинных песнях как добрый гений, как противоположность Малюты Скуратова; он дает добрые советы Иоанну, он удерживает его от казней. Характер этот я старался сохранить ему и в трагедии. Он в полном смысле честный и прямой человек, готовый всегда итти на плаху скорее, чем покривить душой или промолчать там, где совесть велит ему говорить. Но он живет в эпоху Иоанна, в такую эпоху, где злоупотребление власти, раболепство, отсутствие человеческого достоинства сделались нормальным состоянием общества.

На все это он насмотрелся вдоволь, и его способность негодовать притупилась. В нем есть только протест, в нем нет инициативы. Он не герой; он может быть только мучеником; он стоит ниже Сицкого, в котором негодование кипит в полной силе. Смирение Захарьина смешано с долею апатии. В том-то и проклятие времен нравственного упадка, что они парализируют лучшие силы лучших людей. Подобные примеры мы видим в истории Рима и Византии. Захарьин свыкся с окружающим его порядком, и энергия его пробуждается только в экстренных случаях, когда Иоанн уже чересчур далеко хватит. В трагедии я избежал выставить все

ужасы Иоанновой эпохи и указал на них только рефлексами. Это спасает роль Захарьина, иначе зритель не мог бы помириться с его терпимостью. Захарьин, как он стоит в трагедии, должен быть противоположностью всех низких, злых и эгоистических начал, которые кишат вокруг него. Он, как брат Анастасии, первой и более всех любимой жены Иоанна, уцелел от его периодических казней. Со времени смерти сестры он пережил шесть цариц и привязался к последней, к Нагой, напоминающей ему Анастасию своею кротостию. Он любит ее как дочь, называет ее дитятком, а она его дядюшкой, и между ними существует чистая и нежная привязанность, на которой зритель должен отдохнуть после всего грубого и нечистого, представленного ему доселе. Лучшая минута Захарьина — это его монолог к Иоанну перед приемом Гарабурды. Здесь он выходит из своей обычной пассивности. Он начинает сдержанно, голос его дрожит, но мало-по-малу он одушевляется, говорит с жаром и кончает с энергией, доходящей до негодования. Второе место, где Захарьин выходит из своего спокойствия — это обращение его к Годунову после смерти Иоанна. Он уже перестал называть его «Борисом», когда Годунов велел Шуйского и Бельского схватить стрельцам. «Ты скор, боярин!» — говорит он ему с неудовольствием. Теперь же, когда Годунов отправляет царицу и Нагих в Углич, терпение его истощилось. «Боярин Годунов», — говорит старик, —

Я вижу, ты распоряжаться мастер!
Всем место ты нашел — лишь одного
Меня забыл ты! Говори, куда
Итти я должен? В ссылку? В монастырь?
В тюрьму? Или на плаху?

Слова эти должны быть произнесены с достоинством и благородством оскорбленного нравственного чувства и обманутого доверия к Годунову.

В следующих затем словах, которые Захарьин произносит после обращения к нему царицы и которые суть его последние:

О, царь Иван! Прости тебя господь!
Прости нас всех! вот самовластья кара!
Вот распаденья нашего исход!

должны звучать глубокая горесть и предвиденье будущих несчастий. В них заключается смысл и синтез всей трагедии, и потому весьма важно, чтобы художник произнес их верно и чтобы они сделали должное впечатление на зрителя. Играющего роль Захарьина считаю нужным предостеречь в одной опасности. Он не должен забывать, что Захарьин не есть отвлеченная личность, на которой лежит обязанность читать мораль другим, но живой человек со всеми свойствами человека; иначе он рискует сделаться похожим на Правдина, Здравомысла и других благонамеренных резонеров наших комедий прошлого века.

Не знаю, существует ли где портрет Захарьина, но наружность его не может быть достаточно почтенна. Высокий рост, седые волосы и седая борода очень пристанут его характеру.

БЕЛЬСКИЙ

Союзник Шуйского во вражде его к Годунову есть Богдан Яковлевич Бельский, думный боярин и оружничий государев. Роль его в драме очень коротка, но, как историческое лицо, он заслуживает некоторых указаний. После смерти Малюты Скуратова он наследовал при Иоанне место доверенного человека по всем тайным и кровавым поручениям. Он был решителен и заносчив, любил роскошь и сыпал деньгами. Из этого видно, что выражение его должно быть сурово, а приемы надменны. Собственно о его наружности мы не знаем ничего, кроме что у него была длинная и окладистая борода, которую Годунов впоследствии велел у него выщипать.

В сцене шахматной игры мне некоторые заметили, что Бельский должен не сидеть, но стоять перед Иоанном. Я с ними не согласен. Иоанн не подчинялся церемониалу до такой степени, чтобы пожертвовать ему своим комфортом. Если бы Бельский, играя, стоял, то Иоанну пришлось бы смотреть ему в живот или, говоря с ним, подымать голову. Он не для Бельского, а для собственного удобства велит ему сесть, как велел бы ему лечь, если б нашел это сподручнее. К тому же, если б даже сиденье Бельского и не было согласно с обычаем, то здесь необходимо отступление от исторической правды для сценических требований. Годунов, вернувшийся с ответом, должен один, отдельно от всех, стоять пред Иоанном и господствовать над ним всею осанкой. Другой, стоящий рядом с Годуновым, испортил бы картину и ослабил бы впечатление.

МСТИСЛАВСКИЙ

Второй союзник Шуйского, Мстиславский, старший боярин в думе, не замечателен ничем ни в истории, ни в драме. Положением своим он обязан не личным достоинствам, но знатности, которою он очень гордится.

БРАТЬЯ НАГИЕ

Нагие, братья царицы, оба грубые люди, дурного воспитания, попавшие в честь, которой они и во сне не ожидали и которая вскружила им голову. Михайло Нагой сверх того еще и пьяница. В сцене своей с Салтыковым он должен быть немного подгулявши.

У Григория Нагого есть довольно интересное место: чтение письма Курбского. Он должен читать так, чтобы в его голосе слышался страх, но чтобы чрез то не была ослаблена язвительность письма и ни одна из дерзостей Курбского не прошла бы незамеченною.

СИЦКИЙ

Сицкий — благородная, горячая натура, один из тех людей, которые являлись, как исключения, в царствованье Иоанна и весьма скоро сходили со сцены, не поддержанные общим мнением. Замечание Годунова: «Меня князь Сицкий старше» относится не к летам его, но к породе. Он должен быть молод, потому что при Иоанне

такие люди до старости не достигали. Речь его дышит пылкостью и благородством. Эта роль не велика, но очень эффектна. Ее не надобно давать статисту, она стоит тщательного исполнения.

БИТЯГОВСКИЙ

Битяговский и Кикин — два мошенника, один на другого не похожие, Битяговский — мошенник грандиозный. Он кинулся во все пороки очертя голову и отказался от совести безо всякого сожаления и усилия. У него нет ничего святого.

Отличительные черты его — смелость и наглость. Проигравшись в карты, он продается Замойскому, потом продается Шуйскому, а наконец продается Годунову и служит ему верно потому, что находит в том свою выгоду. Он сорви-голова; любит разгул и удальство; но в присутствии людей высшего круга ему не совсем ловко, не потому, чтобы он чувствовал к ним почтение, а потому, что привычки у них другие. Когда Шуйский и его гости толкуют с ним о способе погубить Годунова, он отказывается сесть, отвечает сурово и односложно. Зато на базаре, среди простого народа, он в своем элементе. Он затягивает песню, говорит речисто, смеется и исполняет свое поручение с молодецкою развязностью.

КИКИН

Кикин, напротив того, обыкновенный плут; между ним и Битяговским такое же расстояние, как между Шуйским и Годуновым.

Чтобы взбунтовать народ, он прибегает к переодеванью, он изменяет свою речь и приемы; он забирает издалека, чтобы наклеветать на Годунова. Битяговский же является на площадь, как он есть, и отхватывает свою клевету на Шуйского и Бельского безо всяких приготовлений. Наружность их также противоположна. Битяговский человек сильного телосложения, вид его разбойничий; волосы и борода нечесаные, цвет лица бледный, глаза воспаленные, взгляд дерзкий; голос хриплый от водки.

Кикин человек низенький, пухленький, с заплывшими глазками, с круглым красным носом, с лысиной на лбу; приемы его добродушны, голос масляный. Он хотя тоже гуляка, но совсем другого рода. Когда Битяговский целые ночи просиживал в кабаке, а утром вставал из-за стола как встрепанный, Кикин после первого штофа спускался под стол. Когда Битяговский смело передергивал карты, не заботясь о том, заметят ли это или нет, Кикин осторожно пускал в ход сверленые кости. Когда Битяговский хватался за нож, Кикин хватался за шапку. Роль Битяговского важнее роли Кикина, но обе требуют понятливых исполнителей, ибо они освещают целую сторону драмы: отражение на народе придворных интриг.

ГАРА́БУРДА

Михайло Богданович Гара́бурда, секретарь великого княжества Литовского и посол короля Батория, является только один раз в драме, в одной из самых коротких сцен, но на нем основан пе-

релом Иоанновой судьбы, и он представляет ту ось, на которой совершается оборот всего хода событий, когда драматическое движение из восходящего превращается в нисходящее. Он есть вершина драматической пирамиды, и потому коротенькая роль его одна из самых важных. К тому ж он поставлен к Иоанну в исключительное положение явного антагониста, положение, в котором изо всех прочих дано стоять одному Годунову, да и этому только в конце трагедии. Если Годунов убивает Иоанна физически, Гарабурда является в самой середине трагедии, чтобы убить его морально и приготовить его физическую смерть. На эту роль нельзя достаточно обратить внимания, ни приложить к ней слишком много старанья. Художник, берущий ее на себя, никак не должен увлекаться оттенком комисма, который слышится в словах Гарабурды. Развивать этот комисм, например, заставлять Гарабурду говорить ломаным русским языком или придавать ему ужимки из оперы «Москаль-чаривнык» — было бы грубой ошибкой. Малороссийское происхождение Гарабурды достаточно обозначено оборотами его речи. Играющий его может прибавить к этому более мягкий выговор, например, веди-ер произносить как веди, а не как ферт, и более ничего. Национальность Гарабурды заключается в его характере.

Приехав в Москву во время продолжительной и неудачной осады Пскова, когда счастие Батория грозило ему изменить, он, вероятно, был уполномочен на уступки. Но в самый день, назначенный для его приема, к нему прискакал литовский гонец и привез известие о победе короля над русскими войсками, а вместе с тем и новые инструкции. Иоанн об этом еще не знает, но уже отзывался презрительно о Батории. Гарабурда не говорит никому ни слова и решается проучить Иоанна. Он вступает в престольную палату с скромным достоинством, и лицо его не выражает ни малейшего торжества. Он терпеливо сносит насмешки Иоанна, но когда царь задевает его короля, он сам принимает иронический тон и, не выходя из своего хладнокровия, осаживает Иоанна. Если это место будет сыграно хорошо, оно должно произвести большой эффект. Это первое унижение, претерпенное Иоанном на сцене. Надобно вообразить себе неограниченного владыку, перед кем все трепещет, окруженного всем блеском своего величия, которому, в присутствии его рабов, иностранный посол, русский по происхождению, дает урок. Но Иоанн скрывает свою досаду под презрительною насмешкой и велит послу продолжать. Тогда Гарабурда, тем же хладнокровным тоном, высказывает ему неожиданные и неумеренные требования Батория. Ропот раздается в собрании, буря собирается в сердце Иоанна, и чем более он ее сдерживает, тем сильнее она должна разразиться. Это минута всеобщего ожидания. Гарабурда, не изменяя своего голоса, предлагает Иоанну поединок от имени Батория и бросает перед ним перчатку (западный рыцарский обычай, о котором вряд ли московский царь имеет и понятие).

Из вас обоих кто сошел с ума?
Ты иль король? К чему перчатка эта? —

начинает Иоанн сдержанным голосом, которого поддельное хладнокровие составляет контраст с действительным хладнокровием Гара-

бурды. Но вскоре царь не в силах себя сдерживать. Он уже не владеет собою. Очи его вспыхнули, он весь задрожал, ругательства загремели из уст его, и выхватив у рынды топор, он бросает его в посла.

Поторопился ж ты, пан царь!—

говорит Гарабурда с невозмутимым спокойствием и объявляет Иоанну, что он разбит и что шведы взяли Нарову и идут на Новгород. Вот где перелом в судьбе Иоанна, вот откуда он начинает падать, и вот где оборотная точка трагедии, дающая такую важность этой сцене,

Гарабурда остается хладнокровным до конца. Отличительная черта его — невозмутимость. На лице написаны ум, твердость и скрытность.

Он, как малороссиянин, хотя и прикидывается добродушно-простоватым, но этот оттенок никогда не доходит до карикатурности.

Исторический Гарабурда приезжал несколько раз в Россию и пользовался у нас большим уважением. Он был православной веры и хорошо знал русский язык. Наружность его нам неизвестна. Одежда должна быть малороссийская, вроде той, какую мы видим на портретах гетманов; волосы острижены в кружок, борода бриттая, усы длинные; лет ему под пятьдесят.

ЦАРЕВИЧ ФЕДОР

Царевич Федор Иоаннович играет весьма незначительную роль в трагедии, но как он историческое лицо и как личность Иоанна отражается в нем рефлексами, то необходимо сказать несколько слов и о нем.

Это доброе, ограниченное и забитое существо. Он более, чем другие, боится Иоанна. Он застенчив и набожен; ему хотелось бы сходить пешком к Троице, но он боится попроситься у батюшки. Он пугается мысли взойти на престол; он знает о политических событиях только через Бориса; второе слово его: Борис. В нем он видит наставника и будущего своего спасителя. Он плачет, когда Годунов отсылает в Углич его мачеху и брата, но он не смеет противиться Борису. Все внимание артиста должно быть обращено на то, чтобы не сделать его смешным. Он должен возбуждать жалость, а не смех, и на всех его приемах должно быть видно влияние Иоанна.

Здесь считаю уместным заметить вообще, что всем лицам трагедии предстоит постоянно отражать это влияние, каждому посвоему. Например, перед всяким появлением Иоанна во всех присутствующих заметно волнение. Иной оправится, другой откашляется, третий погладит бороду, и все лица напрягают свое выражение; никто не остается самим собою, разве только один Захарьин.

Федор же, когда услышит батюшкины шаги, сперва засуетится, а потом так и замрет.

Портреты Федора не внушают мне доверия. Но мы знаем, что он был мал, дрябл и опухловат. В бороде природа ему отказала

или дала такую жиденькую, что о ней не стоит и говорить. Одежда его должна быть самая богатая, не потому, чтобы он любил наряжаться, но потому, что Иоанн не позволил бы ему ходить как-нибудь. Он хочет, чтобы все к нему близкое, все ему принадлежащее, носило печать его собственности и его величия. Федор, одетый в парчу и бархат, должен казаться как не в своем платье. Ему бы скорее хотелось надеть подрясник, но батюшка не велит. Все движения его нерешительны и главный характер его наружности — запуганность.

СХИМНИК

Схимник — роль очень эффектная, но довольно легкая. Тут нужно более отрицательных, чем положительных качеств. Исполнитель должен только помнить, что он уже тридцать лет отказался от света, не видел людей, не знает ничего и весь ушел в себя. Глаза его потухли, стан согнулся, голос ослаб от непривычки говорить, лицо выражает равнодушие и кротость. Когда он входит, в нем незаметно никакого любопытства узнать, зачем он понадобился Иоанну. Только при воспоминании о Казани он относительно оживляется. Он сам брал Казань, он знает всех знаменитых воевод того времени, и картина минувшей славы мало-по-малу воскресает в его воображении и облекается в яркие краски. На минуту, но только на одну минуту, он забывает, что он схимник, и воображает себя снова воином, когда он говорит:

Встань, государь! И за святое дело
Сам поведи на брань свои полки!

Ни малейшего волнения не производит в нем грозное восклицание Иоанна, когда царь слышит от него имя своего убитого сына:

Царь, твой гнев
Не страшен мне, хотя и непонятен.
Уже давно я смерти жду, мой сын!

Эти слова схимник произносит совершенно просто и спокойно, без малейшего пафоса.

Признания Иоанна во всех казнях и убийствах потрясают эту чистую душу, и когда на вопрос царя:

И никакого наставленья боле
Ты мне не дашь?

он отвечает:

Прикажи меня
Отвесть обратно в келию мою —

в его кротком голосе слышится ужас, внушаемый ему Иоанном. Считаю почти излишним заметить, что все вопросы схимника о казненных воеводах — совершенно наивны и что в них нет и тени желания попрекнуть Иоанна. Схимник действительно ни-

чего не знает. Отличительные черты его — это кротость и простота.

Если бы он мог явиться на сцену в схиме, эта живописная, мрачная одежда произвела бы прекрасный контраст с богатою одеждой Иоанна; но как, по нашим театральным правилам, схима не допускается, то пусть он будет в простой черной рясе, вроде той, в которую одет Иоанн в первом действии.

Пусть, по той же причине, он назовется на афише не схимником, а старцем.

ГОНЕЦ ИЗ ПСКОВА

Коротенькая роль гонца из Пскова также требует скорее предостережений, чем указаний. Важнее всего, чтобы исполнитель избегал напыщенности, а говорил бы просто; иначе он будет напоминать Расиновского Ферамена. Гонец человек военный; он прибыл из осажденного города, где мало занимаются церемониалом. Поэтому, при всем его благоговении к Иоанну, в нем нет того оттенка раболепства, который более или менее заметен в других лицах трагедии. В нем видны радость успеха и чистосердечная благодарность к богу. Одежда его бранная; на голове шлем или мисюрка. Он прямо с коня явился к Иоанну, и потому доспехи его не могут блестеть, как только что вычищенные наждаком, а должны быть запылены и заржавлены. На такого рода мелочи слишком мало обращается внимания, а между тем они много способствуют к впечатлению правды или, лучше сказать, их несоблюдение сильно разрушает это чувство.

ШУТ

Про шута, являющегося во второй половине последнего действия, не могу сказать ничего, кроме, что он есть арабеск, долженствующий усилить наружную пестроту обстановки. Все, что в конце трагедии блестит и сверкает вокруг Иоанна, есть золотистый грунт, на котором отделяется мрачная катастрофа. Чем цветистее и ярче эта наружная сторона, тем зловещее чуется приближающееся событие. Но шут имеет еще и другое назначение; он дает повод Иоанну обнаружить некоторые черты своего характера, которые высказать доселе не было случая. Иоанн шутлив: он любит фарсы. Грубое издевание над Нагим, выходка насчет бояр, насмешка над королем — находят в нем одобрение. Только перед возвращением Годунова Иоанном овладевает беспокойство, и веселость его делается натянутой. Когда он роняет шахматного короля, а шут неосторожно восклицает: «Царь шлепнулся!» — это восклицание должно произвесть впечатление невольного пророчества, а вспышка Иоанна напомнить, что жизнь его висит на волоске. Шут не должен хотеть занимать собою публику. Когда говорят другие, он должен теряться в толпе. Всякое излишнее или неуместное кривляние было бы верхом не только безвкусия, но и непонимания своего назначения. Одежда шута полусермяжная, полупарчевая, во всяком случае очень пестрая, а на голове у него колпак с бубенчиками.

СКОМОРОХИ

Здесь кстати сказать несколько слов о скоморохах. Они должны быть как можно более безобразны: с горбами, с большими носами, с пеньковыми бородами, некоторые, пожалуй, с золочеными рогами, иные в польских, другие в немецких одеждах того времени, в насмешку шведам и полякам, врагам Иоанновым. Им не только позволяется, но ставится в обязанность кривляться. Они появляются два раза: сначала когда шут представляет их Бельскому, потом в минуту смерти Иоанна. Первое появление имеет целью врезать их наружность и некоторые из их слов в памяти зрителя, второе должно только напомнить о них зрителю, так чтобы он им не удивился, а тотчас понял бы, что это ему знакомые скоморохи и что они вбежали по ошибке. В первый раз они могут проплясать пред Бельским целую маленькую пантомиму, то есть ровно столько времени, сколько нужно, чтоб пропеть свои пять стихов; второе появление должно быть мгновенное. Бояре не дают им добежать до авансцены, и как скоро Иоанн их увидел, они должны исчезнуть. Это чрезвычайно важно, чтобы не возбудить рукоплесканий в райке. Последнее появление должно быть одним намеком. Скоморохов не следует представлять страшными; они только уродливы; одна нечистая совесть Иоанна может насчет их ошибиться.

ВОЛХВЫ

Роль двух волхвов не так легка, как она кажется с первого взгляда. Если где-либо нужен такт, то, конечно, в этой роли. Малейшая фальшивая нота может сделать их смешными и испортить впечатление двух весьма важных сцен в трагедии. Первою заботою играющих должно быть отсутствие всего риторического и театрального, при некоторой торжественности речи. Эту середину найти довольно трудно. Волхвы не обманщики; они убеждены в истине своей науки. Многие опыты показали им, что предвещания их сбываются, и это объяснить нетрудно. Сильно потрясенное воображение часто производит то, чего оно желает или чего боится. Таким образом, не прибегая даже к сверхъестественному (которое до известной степени допускается в трагедиях), могло бы случиться, что Иоанн, потрясенный ожиданием предстоящей ему смерти, действительно умер бы в назначенный день, даже и без содействия Годунова. Жизнь его висит на волоске, он верит в предсказание, и Годунов дает лишь толчок дереву, уже подпиленному у корня. Он совершает убийство, непредвиденное уголовными уложениями. Предсказание Годунову престола (если оно действительно случилось, как говорят летописи) также должно было немало способствовать к его успеху. Если бы Макбету шотландский трон не был предсказан, он, вероятно, на него не взошел бы.

Итак, прежде всего, волхвы люди убежденные. Вид их мрачен, как сдружившихся с недоброю силой. Иоанн спрашивает их, христиане ли они? Волхвы отвечают, что их крестили. Двусмысленность этого ответа не должна пройти незамеченною. Она должна

набросить на всю сцену колорит чего-то недоброго и нечистого, внушающего ужас Иоанну, который, по своему обыкновению, отделывается от него, обрекая на казнь людей, его испугавших.

Я нарочно одного из волхвов назвал корелом, другого литвином. Это дает случай к разнообразию костюмов. Не знаю, как одевались корелы того времени, но полагаю, что вроде нынешних чухонцов. Волосы у корела должны быть черные, плоские и длинные, борода и усы бритые, на теле рысий или волчий полушубок на ногах сапоги. Рожа у него вроде старушечьей, но с сильно развитыми скулами, со впалыми и беспокойными глазами, цвет лица нечистый. Литвин может быть рыж и с бородой. На нем что-нибудь вроде белорусской свитки, а на ногах лапти. У обоих волхвов на поясах разные медные привески и побрякушки, как у теперешних коновалов, между которыми и поныне есть знахари. У одного из них может быть заткнут за поясом короткий ореховый прут. Шапки нет ни у одного. Они их из почтения бросили в сенях. Боже сохрани сделать волхвов в чем-либо похожими на западных астрологов. Они из простого народа, и хотя читают в «Рафлях», но не имеют никакого образования. В их речи звучит убеждение, таинственность, иногда торжественность, но отнюдь не высокопарность.

ВРАЧИ ЭЛЬМС И ЯКОБИ

Иностранные врачи Эльмс и Якоби также представляют камень преткновения для исполнителей. Из них Якоби говорит в двух сценах довольно продолжительно; Эльмсу же приходится сказать только несколько слов над умершим Иоанном. Но чем короче роль, тем требовательнее к ней зритель. Беда, если она будет поручена непонятливым статистам. Они в состоянии испортить не только ее, но целые те сцены, и очень важные, где участвуют врачи.

Есть люди, наделенные от природы смешным голосом. Когда роль их длинна, публика мало-по-малу к ним привыкает; но если они являются только для того, чтобы сказать два слова, и эти два слова пропищат или прокричат в нос, то результатом бывает всеобщий смех. Мне помнится один герольд в «Роберте», который приходил вызывать его на поединок от имени гренадского принца. Кажется, чему бы тут смеяться? Но голос герольда был таков, что вся зала тряслась от смеха, и эффект разрушался надолго. Этого знаменитого герольда еще кое-как спасала музыка, но что спасет врачей, когда они, нагнувшись над Иоанном, начнут, с неверными интонациями, говорить:

— Не бьется пульс!
— Не бьется, — нет!
— Не бьется сердце!
— Умер!
— Окончил жизнь!

Эта минута торжественная, и играющие должны, сверх приличного голоса, иметь еще довольно уха, чтобы попасть в надле-

жащую ноту. Весьма было бы желательно, чтобы хорошие артисты пожертвовали собой и взяли на себя роли волхвов и врачей.

Трудно вообразить, какое значение получает самая незначительная роль, когда она сыграна мастерски, тем более роль, так тесно связанная с жизненными частями трагедии. Если б я был великим артистом, я бы нарочно искал случая играть иногда второстепенные, даже самые последние роли, чтобы показать товарищам моим, что нет такой роли, которой бы следовало пренебрегать, а публике, что нет такой роли, из которой нельзя было бы сделать чего-нибудь примечательного. Я сейчас употребил слово: пожертвовать собой. Это выражение неверно. Нигде талант сценического художника не находит такого случая заявить свое превосходство, как именно в ролях повидимому бесцветных. Чтобы испортить яркую, цветистую роль, где самый текст указывает и предписывает характер игры, нужно быть решительно посредственным актером; но малейший недостаток драматического чутья достаточен, чтобы испортить роль, где автор не указал ни на что, а все предоставил такту художника.

Врачи носят европейскую одежду XVI века, присвоенную их званию, но говорят самым чистым русским языком.

ПРИСТАВА

В роле двух приставов, являющихся в первой части четвертого действия, можно допустить маленькую карикатурность. Вся эта часть написана тоном ниже остальных; здесь нет ничего возвышенного, и зрителю можно дать случай раза два улыбнуться прежде, чем он будет введен в мрачный покой Иоаннов, где начнутся сцены видений, раскаянья и приготовлений к смерти.

Итак, пусть пристава будут пузатые, румяные, заплывшие жиром, который они высосали из народа. Пусть их наружность составляет контраст с бледными, испитыми лицами голодных людей, толпящихся вокруг лабаза. На головах у них колпаки, в руках высокие палки.

ГРИГОРИЙ ГОДУНОВ

О Григорие Годунове, являющемся в конце той же сцены, говорить нечего. Это роль статиста, одаренного громким голосом. Но можно заметить нечто о его лошади и о лошадях бирючей, его сопровождающих. Нет ничего более неприятного, как стук лошадиных копыт по театральным доскам. Во-первых, он мешает слушать играющих, а во-вторых, у зрителя тотчас отымается иллюзия, что он под открытым небом, и вся искусственность театрального устройства неумолимо бросается ему в глаза. Устранить это неудобство очень легко. Стоит только подковать лошадей толстой гуттаперчей.

Дворецкий кремлевского дворца и ключник, открывающие вторую половину пятого действия, суть только средства посвятить зрителя в положение дел. Это роли совершенно понятные, и потому о них говорить нечего.

ДВОРЕЦКИЙ АЛЕКСАНДРОВОЙ СЛОБОДЫ

Дворецкий Александровой слободы, приносящий Иоанну весть о пожаре его терема, должен находиться под страхом ответственности за этот пожар, произведенный грозою. Ему, по-настоящему, следовало бы броситься Иоанну в ноги; но в трагедии и без того уже столько коленопреклонений и земных поклонов, что они могут утомить зрителя. Поэтому достаточно, чтобы голос и колени дворецкого дрожали и он все свое извинение искал бы в повторении слов: «Гнев божий!»

Стрелецкий голова, стрелецкий сотник и лабазник, равно и все стольники и слуги, не требуют никаких замечаний, исключая, что последние не менее бояр боятся Иоанна и дрожат при его приближении.

Перебрав все главные и второстепенные мужские роли, обратимся к женским.

Их всего четыре: царица, царевна Ирина, Мария Годунова и мамка. Из них важна одна царица, во-первых, сама по себе, а во-вторых, как повод для Иоанна выказать пароксисм своего произвола.

ЦАРИЦА МАРИЯ ФЕДОРОВНА

Царица Мария Федоровна Нагая, после царевича Федора, более всех чувствует гнет Иоаннова характера. Мягкая и женственная натура ее совершенно им подавлена.

Здоровье ее расстроено, а нервы приведены в такое раздражение, что они чувствуют как бы атмосферу событий еще прежде их наступления. Так для страдающего невралгией бывает ощутительно не только малейшее прикосновение, но и самая близость иных предметов.

Та невидимая оболочка нашей души, которая отделяет ее от внешнего мира и замедляет его впечатления — исчезла для царицы. Она все воспринимает непосредственно. Она чует, что царь хочет с ней развестись; она знает, что ее сыну грозит опасность от Годунова. Это болезненное ясновидение есть дело Иоанна. Его влияние отражается постоянно на всех лицах трагедии.

Брошенная насильственно в среду для нее враждебную, постигая всех и опасаясь каждого, царица счастлива, что встретила Захарьина и что может ему довериться. Дружба к нему и любовь к своему ребенку — единственная светлая сторона ее жизни. Такою она должна показаться зрителю с первого своего появления. В разговоре с болтливою мамкой видна ее материнская заботливость, но она не совсем верит и мамке, и потому не высказывает ей своей антипатии к Годунову, а только велит ей н и к о м у не давать говорить с ее сыном. С Захарьиным она вполне откровенна. В присутствии Иоанна она чувствует себя парализованною до той минуты, когда он объявляет ей о разводе. Здесь материнское чувство берет верх, и она, вопреки предостережениям Захарьина, восклицает вне себя: «Так это правда?», но тотчас же подавляет свое волнение и с тоном совершенной покорности про-

сит пощады для сына. Когда Иоанн после наблюдения кометы объявляет о близкой своей смерти, царица плачет не из одной обрядности, но и по человеческому чувству, внушающему нам прощать, в минуту их смерти, тем, кто нам сделал зло. Если все эти переходы из одного состояния души в другое будут выражены верно, роль царицы выйдет привлекательна и интересна.

Царица должна быть непременно молода и красива. Иначе Иоанн не женился бы на ней. Речь ее беспокойна, неровна, лихорадочна, но отнюдь не плаксива. Она меняет свой костюм четыре раза. В сцене с мамкой и с Захарьиным она является во вседневной домашней одежде. Потом, для принятия Иоанна, надевает большой или царский наряд. В четвертом действии, когда она смотрит на комету, на ней снова домашняя одежда, но богаче первой, и наконец в последней сцене пятого действия она одета в праздничное платье по случаю улучшения Иоаннова здоровья.

Прекрасные образцы женских одежд можно найти в «Русских древностях» Солнцева.

МАРИЯ ГОДУНОВА И ЦАРЕВНА ИРИНА

Мария Годунова — характер сильнее царицы. Она, не будучи в постоянном соприкосновении к Иоанну и чувствуя в муже своем сильную опору, не так запугана. То же можно сказать и о царевне Ирине, в которой есть доля нравственной силы ее брата, Годунова. Но прекрасный исторический характер Ирины не мог быть развит в трагедии, и ей приходится сказать только несколько слов. Тем не менее они должны быть сказаны с достоинством и скромностью, составлявшими ее особенность.

Мария Годунова, когда муж ее, в пятом действии, обнаруживает при ней всю глубину своего честолюбия, должна испугаться, а весь разговор ее с мужем должен дать зрителю возможность заглянуть в душу Годунова, дотоле непроницаемую. Этим установится переход к следующей сцене (Годунова с волхвами), к которой зритель должен быть подготовлен заране, так чтобы переворот в Годунове не показался ему сюрпризом.

Вообще никаких психологических сюрпризов не должно быть в трагедии. Я старался избегать их в тексте, но многие переходы должен был подразумевать, за недостатком места. На сценических артистах и артистках лежит обязанность пополнять и объяснять эти переходы своею игрою.

Царевна Ирина и Мария Годунова также молоды и красивы. В «Русских древностях» Солнцева они найдут себе богатый выбор костюмов.

МАМКА

О мамке царевича Дмитрия необходимо сказать только, что она не та историческая мамка, боярыня Василиса Волохова, которая участвовала в убиении царевича. Волохова была приставлена

к Дмитрию позже. Моя мамка простая, добрая и бестолковая баба, как бо́льшая часть мамок. На ней парчевая душегрейка и такая же шапочка.

Здесь кончается обзор всех наших отдельно действующих лиц; но нам остается разобрать еще два важных характера в трагедии, а именно: бояр и народ.

БОЯРЕ И НАРОД

Когда дед Иоанна Грозного, Иван Васильевич III, положил конец удельной системе, независимые князья, лишившиеся своих дружин и владений, стали в ряды московских царедворцев, уже испорченных и порабощенных. Областные интересы обратились в придворные, характеры измельчали, и началась пора местничества, явления уродливого, смеси западной родовой гиерархии с каким-то чиновничеством и генеральством. На первых порах эта запутанность понятий и сбивчивость положений много способствовали к усилению верховной власти, которая пользовалась ими, руководствуясь правилом: *Divide et impera.* [1] Но впоследствии местничество стало большим неудобством для самой верховной власти, особенно во время внешних опасностей. Управление делами замедлялось, сражения проигрывались, потому что воеводы и военачальники спорили о первенстве в самые решительные минуты, и ни один не хотел быть под начальством другого на том основании, что отец или дед его занимал когда-нибудь высшее место. Сама железная воля Иоанна Грозного не могла искоренить этот пагубный обычай, и царь в важных случаях должен был довольствоваться временным приказанием: быть без мест.

Таково положение общества, когда открывается трагедия.

Несостоятельность бояр должна с первого раза броситься в глаза. Созванные для избрания нового государя, они думают только о том, как бы не уронить своего личного звания. Все понятия о чести у них извратились, вся энергия сосредоточилась в заботе каждого о себе самом насчет всех прочих.

Безусловно покоряясь высшему произволу, они, в свою очередь, позволяют себе безусловный произвол над низшими и всячески угнетают народ. Явление понятное: кто не признает за собою никаких человеческих прав, тот не признает и никаких обязанностей в отношении других, и наоборот. Интриги, доносы, клевета и обрядность — вот жизненное содержание этих растленных бояр, низошедших до рабства, но жадных ко власти и к почестям. Рядом с этим они мужественно дерутся в боях и почти равнодушно умирают на плахе. Странное противоречие, которое вряд ли достаточно объясняется их фатализмом, облеченным в религиозную форму; явление, которому трудно было бы поверить, если б история Византии не представляла нам сходных примеров. Исключений, слава богу, было немало, но они тем не менее оставались исключениями, и общий уровень был самый безотрадный.

---

[1] Разделяй и властвуй. — *Ред.*

Иоанн, после бурной своей юности начавший под руководством Адашева и Сильвестра заниматься делами, между прочим обратил внимание и на угнетенное состояние народа.

Он издал судебник, ограничил права воевод и областных судей и положил строгое наказание за кривосудие и лихоимство. Народ вздохнул под его правлением, и когда вскоре потом начались боярские казни, он ими не возмутился, видя в казненных своих угнетателей. Но Иоанн казнил бояр не для того, чтобы оградить народ (для этого не нужно было такого сильного средства); не для того даже, чтобы сделаться популярным. Он казнил их от страха и из мщения: от страха измены, которой не существовало; из мщения за их олигархические попытки во время его детства. Если б он был тот друг народа, которым старается выставить его новая школа, он не велел бы избивать целые деревни, целые села и посады, принадлежащие опальным боярам; он не травил бы медведями нищих, приходивших просить у него милостыни; он, чтобы сделать неприятность своим сановникам, не приказывал бы зарезывать их слуг.

Нет, Иоанн не знал лицеприятия к сословиям. Народ был для него таким же материалом, как и бояре, и он убивал крестьян своих опальников так точно, как убивал их скот и разорял их жатвы. Он действительно хотел равенства, но того равенства, которое является между колосьями поля, потоптанного конницею или побитого градом. Он хотел стоять над порабощенной землею один, *аки дуб во чистом поле*. Тщетно историк будет искать последовательности или системы в его действиях. Он везде наткнется на противоречия. Единственная система Иоанна было ломание и уничтожение всего, что с поводом или без повода подпадало под его немилость. Единственный способ объяснить его характер, это признать, что он был раб своих страстей и жил в такую пору, когда нация не только не протестовала против произвола, но как будто сговорилась помогать ему всеми силами. Если может быть извинение Иоанну, то его следует искать в сообщничестве всей России. Что была возможность ему противостоять — это доказывает, между прочим, и самое местничество, которого он не в силах был истребить, потому что оно имело свой корень *в убеждении всех*.

Итак, если народ вздохнул под правлением Иоанна, то относительное благоденствие его было непродолжительно. Удалив Сильвестра и Адашева, Иоанн стал первый попирать ногами собственные свои законы. Неустройство земли под конец его царствования достигло высшей степени. Она была разорена и опричниной, и войнами, и ханскими набегами, и голодом, и алчностью воевод, которым царь в последние годы отпустил поводья. Когда частные случаи неправосудия или лихоимства доходили до него, он казнил виновных и в этом походил на известного доктора Санградо, лечившего все болезни одним и тем же средством. Не менее того эти отдельные случаи скорого правосудия получали известность в народе, который, не будучи избалован и не находясь в личном соприкосновении к Иоанну, продолжал видеть в нем защитника и славил издали его справедливость. Все доброе относилось

к нему, все дурное к его воеводам, Иоанн же был огромная сила, а сила всегда нравится народу.

О стремлении к настоящему и прочному ограждению от административного произвола не было в народе и понятия. Ни народ, ни бояре не заботились об общих началах. Всякий думал лишь о настоящем дне и радовался беде своего врага или угнетателя, не помышляя о том, что и над ним всякую минуту могла разразиться такая же беда. Никто не искал от произвола другого средства, кроме произвола; он был и болезнию и лекарством. Ни в боярах, ни в народе не было чувства законности, и в этом заключается их вина и трагическая сторона, которую я старался выразить.

Передать эту вину игрою в отдельных сценах почти невозможно. Она должна явствовать из целой трагедии; но я считал нужным указать на нее здесь, потому что она набрасывает свет на все характеры и события вообще.

Что касается до игры масс, то я замечу следующее. Вся сцена боярской думы должна итти как можно живее. Она только вступительный аккорд, которым зритель посвящается в положение России и приготовляется к своему знакомству с Иоанном. Все споры, восклицания, перебивки и то, что я назвал **говором**, должны сыпаться как горох. В некоторых местах следует всем говорить вместе. Не беда, если зритель и проронит иное слово; где играют массы, важны не слова, а общие психические движения.

После сцены в думе бояре являются еще массою, когда просят Иоанна остаться на престоле; потом при приеме Гарабурды; потом когда восстают против унизительного посольства, и наконец в последней сцене, когда Иоанн умирает.

Во всех этих случаях им предстоит немая игра, сообразная с их положением. Они не должны стоять неподвижно, пока говорят другие, но и не должны метаться, как танцующие балет. Умеренное движение в их рядах, обращение время от времени одного к другому, выражение на лицах радости, ужаса или иного чувства, вызванного обстоятельствами, покажут их участие к драматическому действию и свяжут их с отдельными лицами трагедии. Сверх того следует заметить, что бояре, хотя и раболепные, соблюдают степенность, считавшуюся в то время главною принадлежностью высокого сана.

Когда они, в первом действии, преклоняют колена перед Иоанном, на их лицах изображается страх и недоумение. Когда царь, принимающий Гарабурду, обращается к ним с вопросом:

Ужель забавным я кажусь?

некоторые смущаются, другие готовы броситься на Гарабурду. Когда царь настаивает на своем унизительном посольстве, взрыв негодования слышится в их ответе:

Нет, государь! Нет! Этого нельзя!

Они наконец (увы, ненадолго!) почувствовали свое достоинство, и ответ их должен греметь таким единодушием, что он всякого, кроме Иоанна, заставил бы войти в себя. Но Иоанн знает, с кем

имеет дело. Медленно встает он с своего кресла; медленным и сдержанным голосом начинает:

Так-то
Присягу бережете вы свою?
Так помните Писанье?

И когда он доходит до места:

Ниц! В прах передо мною!
Я ваш владыко!

бояре преклоняют головы.

Когда, наконец, в последнем действии, Иоанн падает мертвый, когда врачи объявили, что он действительно умер, на лицах бояр изображается тупая одурелость. Они, как узники, проведшие половину жизни в тюрьме и выпущенные внезапно на волю, не радуются божьему свету. Они обступают умершего царя, смотрят на него и ничего не понимают, пока Захарьин не говорит им:

Чего же мы стоим и ждем, бояре?

Тогда они со страхом приближаются к Иоанну, с робостью подымают его и бережно кладут на скамью.

В следующей затем сцене, когда Годунов берет в руки правление царством и отделывается от своих врагов, лица бояр выражают изумление, страх, досаду или зависть.

Одежда их разнообразна; в ней допускаются многие цвета, но она всегда богата, ибо они являются или в думе, или в присутствии государя. В Иоанново время бояре стригли волосы коротко. Длинные волосы были признаком опалы, а прическа à la moujique вовсе не существовала. В думе они сидят в шапках; в царских палатах стоят с обнаженной головой.

Народ является только в одной сцене, в первой половине четвертого действия. Она, равно как и боярская дума, должна быть сыграна живо везде, где говорят массы. Таких мест в ней четыре. Сперва напор голодного народа на мучной лабаз; потом восстание на Годунова; потом предложение повесить Битяговского и Кикина; и наконец восклицания в пользу Годунова и нападение на Кикина. В этой короткой сцене психические движения масс очень разнообразны, и все они должны быть выражены дружно, с некоторым обдуманным беспорядком. Когда он доходит до взрыва, все должны кричать вместе, перебивая друг друга. Криков unisono в общем движении быть не может. Следует еще заметить, что в народе две партии: умеренные и отчаянные. Первые вступаются за Годунова довольно вяло и робко, а вторые тотчас берут над ними верх, как оно обыкновенно бывает в подобных случаях.

Одежда народа та же самая, как и в наше время, но она потерта и изношена; многие в лохмотьях. Они давно голодают, продали и заложили все, что у них было получше; на многих не сапоги, а лапти; иные даже босиком. Лица их бледны, изнурены; глаза беспокойны; они в отчаяньи; они готовы на все.

Теперь мы разобрали весь живой и человеческий элемент трагедии.

Посмотрим на местность, в которой он движется.

ДЕКОРАЦИИ

В каждом из пяти актов есть две половины, и каждая половина имеет свою декорацию, итого десять декораций, а именно: 1) боярская дума; 2) опочивальня Иоаннова; 3) покой в царском тереме; 4) покой в доме Шуйского; 5) покой на царицыной половине; 6) престольная палата; 7) площадь в Замоскворечьи; 8) внутренний царский покой с видом из окна на Кремль, на комету и на звездное небо; 9) покой в доме Годунова, и наконец 10) великолепная палата, наполненная Иоанновыми сокровищами, также с окном, выходящим на Кремль.

Описывать подробно все эти декорации здесь не место, но некоторые из них находятся в тесной связи с игрою, и потому можно сказать о них несколько слов.

Опочивальня Иоанна должна носить характер ее хозяина и его настоящего настроения. Все в ней просто; она похожа на келью. Стены тесовые, печь или лежанка изразцовая, в стороне простая кровать из голых досок. Единственным украшением служит богатый кивот с образами. Но здесь представляется затруднение, которое может быть устранено двояким способом. Показывать образа на сцене у нас запрещается, но один кивот вряд ли подпадает под это запрещение. Я предлагаю или показать его на́искось (в перспективе), так чтобы образов не было видно, или задернуть его пологом, что было в обычаях наших предков.

К тому же способу можно прибегнуть и в доме Шуйского и на царицыной половине.

Внутренний царский покой, из которого царица и другие женщины смотрят на комету, должен быть освещен слабо, дабы всей сцене придать более таинственности.

Палата, где Иоанн осматривает свои сокровища, не может быть достаточно великолепна. Пусть декоратор истощит все свое воображение, чтобы представить нам московско-византийскую залу, с низкими сводами, с вычурными столбами, с живописью на стенах, с лежащими на столах и наваленными в кучах на полу грудами золотых и шелковых материй, сосудов, ковшей, чаш и черпал, драгоценного оружия, конских сбруй, одним словом всего, что способствует к блеску впечатления и гармонирует с действительными предметами, принесенными на сцену.

Когда, по смерти Иоанна, Годунов отворяет окно, чтобы объявить о ней народу, комета опять видна на́ небе, но уже не так близко, как в четвертом действии, и не в том направлении. Она совершила свое дело; приходила предвестить нам кончину Иоанна со всеми ее последствиями и уходит теперь в неведомые пространства предвещать другим мирам другие бедствия.

Подробности меблировки можно найти в брошюре Костомарова: «Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа», а также в сочинении Забелина: «Домашний быт русских царей», а рисунки утвари и оружия в «Русских древностях» Солнцева.

ОБЩИЙ РИСУНОК ТРАГЕДИИ

Теперь собраны перед нами все отдельные материалы для постановки трагедии; но как всякая картина или всякая симфония, независимо от своих подробностей, украшений, эпизодов и прочих составных частей, должна иметь свой особенный, основной рисунок, который остается виден даже по их устранении, так и трагедия имеет свой твердый остов, который не всегда бывает заметен, но на который следует указать сценическим художникам, чтобы они могли сразу обозреть архитектуру трагедии и чрез это облегчить себе цельность исполнения.

В «Смерти Иоанна Грозного» мы видим две восходящих линии, из которых одна подымается как ракета, держится некоторое время на воздухе и потом быстро опускается, описывая параболу; другая подымается вслед за ней, пересекает ее в нисходящем ее пути, а сама не падает, но теряется в небе, выходя из рамы трагедии.

Первая линия принадлежит Иоанну, вторая Годунову. Судьба Иоанна с той минуты, когда он сожалеет о своем намерении сойти с престола, до той, когда он падает мертвый, составляет одно цельное происшествие, с его развитием, апогеею и катастрофой. Судьба Годунова не кончается в трагедии; она, когда опускается занавес, находится в периоде полного развития и образует как бы пролог для новой драмы.

Пункт апогеи Иоанна — это прием Гарабурды; пункт пресечения его нисходящей линии восходящею линиею Годунова — это конец народной сцены в четвертом действии. Отсюда Годунов продолжает подыматься, а Иоанн продолжает падать. Не выпускать из виду этих двух линий очень важно для исполнителей, потому что на этих линиях должно быть основано crescendo[1] общей игры.

ОБЩИЙ КОЛОРИТ ТРАГЕДИИ

Далее. Как в живописи каждая картина, так в драматическом искусстве каждое произведение имеет свой особенный колорит, которому подчиняются и с которым гармонируют все прочие цвета, как бы они ни были между собою различны.

Господствующий колорит «Смерти Иоанна Грозного» есть давление, производимое Иоанном на все его окружающее. Оно заметно и тогда, когда его нет на сцене, но при каждом его появлении в воздухе чувствуется как будто перемена температуры. Становится душно и дышится тяжелее.

Иоанн в трагедии то же, что бас в симфонии. Он тот знаменатель, к которому приводятся все дроби, какого бы они ни были названия. Он также камертон, по которому строятся все инструменты. Между лицами трагедии он представляет солнце, вокруг которого вращаются все планеты, не исключая и самого Годунова. Один Гарабурда пересекает эту систему, как налетевшая на нее комета. Вот почему роль Иоанна, в содержании своем равная важностью роли Годунова, несравненно ее важнее в исполнении,

[1] Нарастание. — *Ред.*

хотя последняя и требует более искусства. Если роль Годунова будет сыграна слабо, трагедия еще может существовать; если же будет испорчена роль Иоанна, пропала вся трагедия.

В заключение да будет мне позволено напомнить нашим артистам, что успех каждого преимущественно зависит от содействия ему всех прочих. Мнение, что плохая игра одного выставляет в выгодном свете хорошую игру другого — весьма ошибочно. Одно из главных сценических условий — это иллюзия; а ничто так не разрушает иллюзию, как ошибочность реплики. Слушатель, присутствующий при правильном чтении драмы кем-нибудь одним, полнее переносится в ее мир, чем зритель, видящий перед собою декорации и костюмы, когда рядом с наслаждением превосходной игрой он получает нестерпимые моральные толчки. Знаменитая Рашель среди отличной труппы в Париже была несравненно выше, чем окруженная какими-то жиденятами, наряженными в Орестов и Эссексов, которых она навезла с собою в Россию. В каждой правильно и верно сказанной фразе соревнующего художника есть что-то электрическое, вызывающее на правильность возражения. Напротив того, неверность дикции в другом парализирует самый высокий талант, и чем талант выше, чем вернее его драматическое ухо, тем труднее ему удержаться на своей высоте, когда играющие с ним фальшивят.

Он тогда находится в положении певца, если б оркестр стал вдруг повышать или понижать тон аккомпанемента. Или, чтобы употребить другое музыкальное сравнение, он будет как превосходная скрипка среди бессовестных дергачей. Нет сомнения, что и достоинство и оценка этой скрипки сильно пострадают от общей разладицы.

Итак, наши первостатейные художники поступят и благородно и благоразумно, если будут всеми силами помогать играющим с ними достигнуть до возможной для них высоты. Дело, за которое все принимаются дружно, совершается легко и выносится на плечах, к очевидной выгоде каждого.

Еще одно, последнее замечание.

Трагедия написана стихами, и к ним приложено много старанья. Надобно, чтобы все играющие выучили свои роли твердо наизусть. Полагаться на суфлера вещь вообще сомнительная, но в прозе она сходит иногда с рук. В стихах же вовсе не все равно, которое слово будет сказано прежде и которое после. Каждая перестановка и каждое неправильное ударение может поразить слушателя как обухом по лбу. Это, конечно, говорится не для первоклассных художников, которым оно и без того известно, но, при многочисленности действующих лиц, надобно иметь в виду всех без исключения.

АНТРАКТЫ И МУЗЫКА

Антракты должны быть как можно короче. На хорошо организованных сценах они не превышают пяти минут. Только после третьего действия, в конце которого совершается перелом в судьбе Иоанна, антракт может быть длиннее, потому что здесь трагедия

делится как бы на две половины: восходящее движение кончилось и начинается нисходящее. Весьма было бы желательно, чтобы все антракты были наполнены музыкой русского характера, которая согласовалась бы с содержанием следующего за ней действия. Так, перед первым действием небольшая увертюра могла бы выразить спор бояр, раскаянье Иоанна и торжество его нового вступления на престол. Перед четвертым действием можно бы включить в музыкальную пьесу, исполненную диссонансов, несколько аккордов из «Со святыми упокой!» А перед последним действием музыка могла бы изобразить радость о выздоровлении Иоанна, принять в себя песнь и пляску скоморохов и кончиться беспорядочным рушеньем трагического здания.

В третьем действии Иоанн входит в престольную палату при звуке труб и звоне колоколов. Я бы заставил трубы сыграть одну фразу из народной обрядной песни «Слава» и кончить тушем «Многие лета».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Теперь, кажется, сказано о постановке все, что было нужно. Я не имею притязания, что при разборе характеров я истощил предмет и указал на все его стороны и оттенки. Даровитый художник найдет, без сомнения, множество таких, о которых я и сам не подозреваю. Цель моя была только определить главные линии, дабы творчество исполнителей не шло врозь с творчеством поэта, коих согласие составляет первое и необходимое условие успеха.

«СМЕРТЬ ИОАННА ГРОЗНОГО» НА ВЕЙМАРСКОЙ СЦЕНЕ

ИЗ ПИСЬМА К Б. М. МАРКЕВИЧУ

...Вы желали, чтоб я описал вам подробно, как сошло с рук представление на Веймарской сцене моей трагедии «Смерть Иоанна Грозного», в превосходном переводе г-жи Павловой. Спешу исполнить ваше желание.

Я приехал в Веймар поздно вечером и на другой же день был приглашен на первую репетицию. С веймарскою труппой познакомился я в самом театре. Главного трагика, Лефельда, я знал уже с прошлого года, и как в тот же раз, так и теперь, был поражен его наружностью. Игры его я еще ни разу не видал, но если бы мне было предоставлено заказать фигуру Грозного по историческим преданиям и по собственным моим понятиям, я не мог бы вздумать ничего лучше. Рост его высок, осанка величественна, голос звучен, выразительные, резкие и подвижные черты страстно-зловещего типа кажутся созданными олицетворять гнев. Где бы я ни встретил этого человека, мне непременно пришло бы в голову: Вот лицо, подходящее к Иоанну Грозному! Характер этого артиста, как я узнал после, вполне соответствует его наружности. Ему на представлении не дают ничего острого в руки; платья шьют на него прочнее, чем на других. Он в моем присутствии подошел к директору театра, или, как его там называют, к гофинтенданту, барону Лону, и сказал ему с озабоченным видом: «Ради бога, господин барон, не велите в сцене с Гарабурдой давать мне металлического топора, или я не отвечаю ни за что!» Исторический посох Иоанна, с железным концом, был для него нарочно сделан тупой. Впоследствии я имел случай убедиться, что эти предосторожности не излишни. Но, несмотря на свою страстность, г. Лефельд человек совершенно благовоспитанный, образованный и в высшей степени добросовестный. Это качество он разделяет со всею веймарскою труппой, и я на первой же репетиции был поражен той совестливостью, тою любовью и тем глубоким уважением к искусству, которыми проникнут каждый из артистов. Какие бы ни были их личные отношения между собою, отношения эти забываются и исчезают пред общим делом. Искусство есть для веймарских артистов как бы священнодействие, к которому они готовятся, каждый по мере сил. К моему удивлению и удовольствию, я тотчас же убедился, что артисты были знакомы с моею брошюрой: «Проект постановки на сцену: Смерть Гроз-

ного». Готовясь поставить трагедию и узнав, что есть такая брошюра, дирекция позаботилась добыть с нее перевод, и добыла отличный, который я видел в рукописи у гоф-интенданта. О том, что все актеры, от первого до последнего, знали свои роли совершенно твердо — нечего и говорить. Лефельд несколько раз просил суфлера не подсказывать ему, говоря, что он только мешает, и когда я выразил ему по этому поводу мое удивление, он отвечал мне: «Это моя первая обязанность; если б я не знал своей роли наизусть, я заслуживал бы, чтобы меня со стыдом согнали со сцены!» Лефельд один из первых трагиков Германии, а в роли короля Лира считается решительно первым. Это не мешало ему выслушивать все мои замечания не только со вниманием, но даже с признательностью. То же делали и прочие артисты. Каждый из них просил меня остановить его, если я найду, что он говорит или играет не так. Случаев испытать их готовность представлялось немного, и они более относились к произношению собственных имен и к ударениям, но и эта трудность была скоро побеждена, исключая имя: Мстиславский, которое до конца произносилось Mistislavski. Некоторого труда стоило мне отучить бояр от поклонов со сложенными крестообразно на груди руками. Они привыкли так кланяться в разных «Лжедмитриях», начиная от шиллеровского до написанного Геббелем. — «Aber es ist ja orientalisch!» — говорили они мне. — «Darum eben muss nicht sein!»[1] — отвечал я с невольною досадой на это постоянное смешивание нас с турками и татарами. Легче было мне заставить бояр становиться пред Иоанном на оба колена, вместо того чтобы преклонять одно, как они делали сначала. Пред начатием репетиции некоторые актеры подошли к барону Лону и попросили его восстановить кое-какие места, вычеркнутые для сокращения драмы. Сокращения эти были сделаны того же утра бароном Лоном вместе со мною. Но когда я предложил ему сократить сцену схимника, он на это не согласился, говоря, что она наверно понравится публике. Ни из этой сцены, ни из чтения синодика не было выкинуто ни слова. Зато в боярской думе мы вычеркнули почти все начало, и хорошо сделали. Она вышла несравненно живее. Я не мог также не одобрить, что после речи Сицкого все бояре вскочили с своих мест, вышли на средину сцены и продолжали так играть до конца.

Лефельд пред репетицией объявил мне, что этот раз он будет не играть, а только говорить, и просил меня не иметь о нем еще никакого суждения; но мало-по-малу он увлекся. Его сокрушение, его радость при добрых известиях из Пскова, его гнев на Курбского, его ирония с боярами, его хладнокровный приговор Сицкому и, сверх всего, его царственный вид и голос — все было великолепно. Без гримировки, без костюма, я увидел пред собой настоящего Иоанна Грозного, каким я его воображаю.

В этот день репетировали только три первые действия, от 4 до $7^1/_2$ часов. Годунов (г. L'Hamé) был также очень хорош и понял свою роль верно. В сцене, где Шуйский угощает своих гостей, я заметил за кулисами одного человечка в очках, с длинным

[1] „Но ведь это по-восточному!“—„Потому то этого и не следует делать!“ — *Ред.*

носом, с отвислыми губами и с подвязанною рукой, который, казалось, смотрел с любопытством на угощение Шуйского. Довольно неприятная его наружность отвлекала мое внимание от актеров.

«Что это за фигура в очках? — думал я: — и зачем она тут стоит? Должно быть, какой-нибудь отставной учитель математики!» К немалому моему удивлению, Шуйский обратился к нему со словами:

Войди, Данилыч!

«Ну, хорошего же прибрали вы Битяговского!» — подумал я, но с первых же слов человека изменил свое о нем мнение. Трудно определить, в чем именно заключается верность дикции, но каждое слово Битяговского в очках было сказано так верно, что тотчас же исчезли и очки, и длинный нос, и отвислые губы. Это был тот бессовестный кутила, которого я старался описать в моей брошюре. Все движения его были художественны, естественны и картинны. За ножом он полез в свой сапог таким молодцом, что страшно стало за Годунова. Когда кончилась сцена, я пошел за кулисы и, еще не зная его имени, крепко пожал ему здоровую, неподвязанную руку. Он извинился за больную, сказав, что недавно сломал ее, но что на представлении он ее скроет. «Нет, пожалуйста, оставайтесь как вы есть, — отвечал я: — это вам к лицу и совершенно к вашей роли; вы подрались в кабаке, и ваша рука пострадала!» Я узнал, что этот человек весьма известный и даровитый актер Кнопп, которого я видел прошлого года на веймарской сцене в роли венгерского цыгана, где он играл на скрыпке чардаш, пел как цыган и выговаривал как венгерец, но без всякого преувеличения. Меня тогда же поразила необыкновенная правда и верность его игры. Я рад был с ним познакомиться.

Гарабурда оказался слаб. Он не был ни тем молодцоватым, вызывающим паном, каким представляет его Бурдин, ни тем сосредоточенным, невозмутимым малороссиянином, каким я описываю его в моей брошюре. Роль Гарабурды более вертится на его национальности, а немцы не понимают славянских оттенков. Я пожалел, что Гарабурда достался не Кноппу. Тот бы наверно понял.

И ныне же молебны
Победные служить по всем церквам! —

прохрипел, задыхаясь, Иоанн и упал в изнеможении на свой престол, совершенно как стоит у меня в тексте. Этим кончилась первая репетиция. Когда я подошел к Лефельду, руки его были холодны, и пот катился с его лица.

— Это вы называете не играть, а говорить? — сказал я.

— Пожалуйста, не судите обо мне, — отвечал Лефельд, — я берегу мои средства!

«Ну!» — подумал я.

В этот же день я познакомился с заслуженным семидесятилетним актером Франке, которому выпала на долю роль Мстиславского. Он хорошо знал Гёте, помнил много анекдотов того времени, и я обещал себе немалое удовольствие от его рассказов,

но, к моему и к общему сожалению, с ним случился на другой же день удар, и роль была передана другому.

На следующее утро репетировали два последние действия. Великий герцог приехал на репетицию. Я познакомился с царицей, царевной и Марией Годуновой. Все три молоды, красивы и представительны, особенно царица (m-lle Charles), родом стирийка и, вероятно, с примесью славянской крови: так она похожа на русскую.

Народную сцену репетировали раз шесть сряду; она все шла не довольно живо, по мнению режиссера, г. Подольского. Персонал веймарской труппы невелик, и в толпу народа надо было примешать много женщин. Здесь мне пришлось отстаивать характер и достоинство русской женщины. Режиссер непременно хотел, чтобы крики: «Порешим Годунова! Вздернем Битяговского! Разнесем на клочья Кикина!» пали на долю женщин. Он даже показывал им, как они должны потирать руки от удовольствия, и приводил им в пример dames de la halle[1] во время французского террора. Я насилу убедил его, что это не в русских нравах, и скромные статистки благодарили меня за избавление их от несвойственной им кровожадности.

Народная сцена под конец пошла отлично. Битяговский играл мастерски, но Кикин был решительно плох. В пятом действии явились скоморохи. То были почтенные отцы семейства, с седыми бакенбардами, кривляющиеся основательно и добросовестно. Лефельд заставил их вбегать несколько раз сряду, прежде чем определилась мера их кривляний и то место, где они должны были остановиться, чтобы дать себя увидеть умирающему Иоанну, а его не загородить от зрителей, ибо Лефельд много, и совершенно справедливо, рассчитывал на свою мимику в этой сцене. Он, уже лежа на полу, привстал при виде скоморохов, отполз от них в ужасе и окончательно упал навзничь. Он исполнил слово в слово совет мой в брошюре о постановке, и немая игра его вышла потрясательна для самих актеров.

Теперь вся трагедия была предо мною, и я не мог не порадоваться тому старанию, уважению и даже любви, с которыми все актеры к ней относились. Никто из них не сомневался в успехе, и на мои сомнения Лефельд отвечал теперь, как и прошлого года, со свойственною ему страстностью: «Если эта пиеса не будет иметь величайшего успеха, — назовите меня подлецом! Nennen Sie mich einen Schuft. Буду виноват я, а не вы!»

Вообще участие в трагедии и ее постановке было общее. О ней говорил весь Веймар, и это счастливое обстоятельство я приписываю прежде всего моему доброму приятелю Листу (ныне аббату Листу), который три года тому прочел в Риме первый акт, в переводе г-жи Павловой, напечатанном в «Russische Revue» покойного Вольфзона, и остался им так доволен, что рекомендовал его великому герцогу Веймарскому. Великий герцог чрез Листа предложил мне поставить трагедию на его театр, и я принял предложение с благодарностью. С тех пор великий герцог не переставал интересоваться трагедией. В прошлом году я доставил ему

[1] Рыночных торговок — *Ред.*

рисунки нашего академика Шварца. Он поручил мне написать к г. Шварцу, находившемуся в Париже, и пригласить его на возвратном пути заехать в Веймар. Г. Шварц остался вполне доволен сделанным ему приемом. Он успел осмотреть готовые костюмы, дать кое-какие советы о постановке и составить некоторые новые рисунки. При этом он имел случай, как и я, оценить горячую любовь великого герцога к искусству, его уважение к истории и к археологии и радушную добросовестность его дирекции.

Было еще две репетиции всей трагедии два дня сряду; последняя была утром в день представления. Великий герцог приезжал каждый раз на некоторое время в свою ложу. В эти четыре дня актеры успели отлично сыграться, и пиеса обещала итти хорошо. Все были в этом уверены, только Лефельд, простудившийся накануне, боялся за свой голос. В этот день я в первый раз увидел декорации. Они были неудовлетворительны для русского археологического глаза и большею частью подобраны из других пиес. Залы в византийском вкусе, взятые из «Велизария» и «Тангейзера» более всего подходили к русскому характеру. Я пошел посмотреть костюмы, и главными остался очень доволен. Царское облачение и Мономахова шапка были превосходны, шубы и кафтаны бояр совершенно приличны. Женские костюмы я увидел только вечером, на представлении. Тут чуть было не случилась беда. Осматривая костюмы, я заметил на одной полке штук десять каких-то тюрбанов, вроде тех пирогов, которые подают к чаю, но отороченных мехом. Рустан, мамелюк Наполеона I, также носил на голове такой пирог. Зловещее предчувствие мною овладело.

— Скажите, — спросил я костюмьера: — ведь это не для моей трагедии приготовлено?

— Для вашей! — отвечал он, приятно улыбаясь.

— Помилуйте, да это не по рисункам Шварца.

— Нет, — ответил костюмьер; — das ist aus dem Demetrius.[1] Мы это наденем на тех статистов, которые появятся при приеме посла.

— Но таких пирогов русские никогда не носили!

— Aber es ist orientalisch! — отвечал костюмьер.

Опять orientalisch! и я в отчаянии побежал отыскивать гоф-интенданта.

— Ради бога, велите это прибрать в кладовую и запереть на ключ, наденьте на статистов, что вам угодно, только не это!

Барон Лон обещал мне исполнить мою просьбу, и тюрбаны были прибраны.

Когда настало время представления, я отправился в маленькую боковую ложу великого герцога, предоставленную на этот раз мне одному. Она была с решеткой, которую я мог отворять, и с дверью, ведущею на сцену. Ложа гоф-интенданта была напротив меня. Сам великий герцог с семейством находился в большой средней ложе. Театр был полон, все билеты давно разобраны, и многим желающим недостало мест. Не знаю почему, я не ощущал никакого волнения, и мне казалось, что я готовлюсь смотреть не на

[1] Это из „Димитрия". — *Ред.*

свою, но на чужую драму. На репетициях, напротив, особенно в первый раз, когда я взошел на сцену и почувствовал под собою те самые доски, по которым лет за шестьдесят ходили Гёте и Шиллер, дыханье мое сперлось, и слезы навернулись на глаза.

Условный знак был подан, и началась увертюра «Кориолана».

После ее мастерского исполнения послышались споры бояр, занавесь поднялась, я увидел волнующуюся думу и тотчас же услышал монолог Захарьина о цели собрания, который в несокращенной сцене говорится позже. Захарьина играл Herr von Milde, доктор философии, трагик и вместе первый баритон веймарской оперы. Он играл хорошо и с достоинством, но далеко не так симпатично и художественно, как наш почтенный Леонидов. Годунов (г. L'Hamé) был очень хорош, Сицкий также.

Вообще, благодаря движению, введенному режиссером, и более скорому темпу веймарской труппы, сцена боярской думы сошла с рук живо и вовсе не скучно. Когда она кончилась, единодушные рукоплескания наградили актеров.

Перемена декораций совершилась очень быстро. Я не видал Лефельда с последней репетиции и увидел его в первый раз в костюме. Он сидел на своем кресле с опущенным взором, с опущенною рукой, державшею четки, у стола, на котором лежали бармы и шапка Мономаха. (Все совершенно согласно с текстом трагедии.) Лицо его вовсе не было гримировано, да и не оказывалось в том надобности. Чтобы сделать из него Иоанна Грозного, достаточно было редкой русой бороды и редких волос. Это, в самом деле, был Иоанн Грозный — и никто другой! Он говорил сдержанно, умеренно, глухим голосом, до самого письма Курбского, которое, в роли Нагого, отлично прочел молодой, красивый и даровитый серб Савич, единственный из актеров, умевший произносить имя Мстиславского. Когда кончилось чтение, Лефельд вскочил, вырвал письмо у Нагого и громким голосом потряс весь театр. Это, по моему мнению, была ошибка. Он слишком скоро превратился в богатыря. Но зато какой богатырь!

Я не видал Мочалова, но Лефельда могу сравнить только с Каратыгиным, и не знаю, кому дать преимущество. Когда надели на него полное облачение, царственная фигура его явилась во всем его величии. Слова: «Теперь идем в собор перед всевышним преклонить колена!» он произнес с необыкновенным достоинством, и в театре послышался взрыв уже прежде начинавшихся, но доселе сдержанных рукоплесканий, которые продолжались и после опущения занавеси. Ко мне вбежал режиссер, уверяя, что это меня вызывают, но я не имел причины ему поверить и велел просить Лефельда, чтоб он вышел на сцену. Лефельд вышел неохотно, и когда я в антракте отыскал его в уборной, он казался в отчаянии, чуть не сорвал с себя парика, метался во все стороны и повторял: «Я играю отвратительно! Я играю отвратительно!»

— Что с вами? — спросил я: — вы играли прекрасно!

— Нет, нет, я простудился, у меня катарр, у меня нет голоса!

— Помилуйте, у вас такой голос, какой дай бог всякому!

— Aber ich kann nicht mit der Stimme malen! (Я не могу живописать своим голосом!), — отвечал он и, бросившись в кресла,

закрыл лицо руками. Мне показалось, что он плакал. Меня позвали в мою ложу, куда пришел великий герцог поздравить меня с успехом. Я рассказал ему о состоянии Лефельда, и он, со свойственною ему добротой, пошел сам на сцену ободрить унывающего артиста. Это удалось ему не вполне; Лефельд был неутешен.

После второго акта возобновились рукоплескания, режиссер опять вбежал ко мне, уверяя, что публика меня вызывает, но я, не слыша слова «автора!», опять выслал на сцену Лефельда и Ламе (Годунов), сказавшего свой монолог замечательно хорошо.

В третьем акте я, к сожалению, нашел, что Лефельд на репетициях играл лучше. Он был теперь слишком энергичен, тратил слишком много силы, но это заметил только я, а не публика. Очень приятно поразила меня своею картинностью m-lle Charles в костюме царицы. Она была великолепна: костюм богат и верен, наружность свежей и красивой ярославской девушки; игра очень хороша.

В Гарабурду Лефельд не пустил топором, но только замахнулся и откинул топор в сторону. Это было благоразумно: в его встревоженном состоянии он и деревянным топором раскроил бы Гарабурде голову.

Опять начались рукоплескания, опять вошел режиссер, а с ним и сам гоф-интендант, уверяя меня, что я не хочу показаться публике.

— Но они не зовут автора!

— У нас никогда автора не зовут, но если в новой пиесе хлопают продолжительно, это значит, что хотят видеть автора.

Я еще колебался, как вошел в ложу один знакомый и сказал мне, что публика на меня негодует.

— Wir klatschen uns die Hände wund, und er will nicht erscheinen! (У нас от хлопанья болят руки, а он не показывается!)

Сомнения не оставалось, я должен был показаться. Меня вызвали два раза.

В четвертом акте случился сюрприз.

Пред поднятием занавеси я пошел на сцену и осмотрел Кикина. Он был одет как следует, только усы закрутил себе ужасно молодецки, что придавало ему вид италиянского браво, тем более что он был огромного роста, выше всех головой. «Так нехорошо, — сказал я, — позвольте вам опустить усы!», и опустив ему усы, я возвратился в ложу. Народная сцена пошла отлично, но вот явился Кикин, и, к ужасу моему, я увидел, что он успел всунуть свои длинные ноги до половины икор в какие-то соломенные корзины, которые, должно быть, приберег для большего эффекта до последней минуты. Корзины эти, как я узнал после, особенно понравились публике. Она увидела в них этнографическую точность, couleur locale;[1] но я на другой же день написал к гоф-интенданту, прося его запереть их в кладовую на ключ, вместе с тюрбанами. Кикин был неимоверно плох, и когда пришлось ему убегать от толпы, ноги его оказались так длинны, что они с своими корзинами могли сделать только два шага чрез всю сцену. Зато Битяговский был прекрасен, и вообще вся сцена сыграна мастерски.

---

[1] Местный колорит. — *Ред.*

Во второй половине этого действия Лефельд опять выказал слишком много энергии. Он раза два без нужды бросался на пол и тем ослабил впечатление того места, где он становится пред боярами на колени. Но стал он на колени отлично, а пред этим, когда вскочил с кресла со словами:

Что там скребет в подполье? —

он в лице и голосе выразил такой ужас, что у меня, от художественного чувства, волосы зашевелились на голове, и многие из зрителей привстали с своих мест. Это, кажется, была его лучшая минута.

Но вот настала сцена со схимником. Изнеможенный Иоанн говорил вяло, схимник отвечал ему вяло. Завязалось между ними нечто вроде дуэта на одни и те же ноты, как будто они бились об заклад, кто кому прежде надоест. Это было так нестерпимо, что мною овладела зевота и почувствовалась тоска в ногах. Кто тут был виноват? Я или они? Кажется, они. Иоанн и схимник не могут и не должны говорить в одном тоне, да еще в певучем. Тут, более чем где-либо, необходим контраст. По мне, этой сцене следовало провалиться, но она понравилась публике. Окончание акта:

Боже всемогущий!
Ты своего помазанника видишь, и пр.

было сказано прекрасно и покрыто рукоплесканиями.

В сцене с волхвами актер L'Hamé даже удивил публику. Он считался доселе приличным jeune premier,[1] но в этой сцене выказал себя настоящим трагиком и вырос в общем мнении. Он сказал мне потом, что очень полюбил свою роль и по мере игры все более в нее вживался.

Окончание пятого акта: игра в шахматы, появление Годунова, его взгляд на Иоанна, гнев и смерть Иоанна, а в особенности его трагическое движение при появлении скоморохов — произвели глубокое впечатление на публику. Мне сказали, что зрители, бывшие на задних местах, все встали, когда вышел Годунов, и не садились до самого конца.

Вообще всю вторую половину пятого акта в театре царствовало глубокое молчание, и только по опущении занавеси начались громкие и продолжительные рукоплескания, и я был вызван два раза сряду.

Я пошел на сцену и благодарил всех актеров. Успех трагедии был несомнителен. Он превзошел их собственные ожидания. Все были довольны, все меня поздравляли; один Лефельд ходил, повеся голову.

— Не судите обо мне, — говорил он, — ради бога, не судите обо мне, я играл прескверно, но в следующий раз вы меня не узнаете! Изо всего моего репертуара роль Иоанна моя любимейшая. Она как будто скроена для меня (sie ist für mich geschnitten), но моя простуда, мой катарр совершенно меня расстроили.

Я не счел нужным сообщать ему теперь мои замечания о сделанных им ошибках, а напротив, высказал ему мое чистосердечное восхищение общим характером его игры. По моему мнению, Лефельд актер, обладающий средствами необыкновенными,

[1] Первым любовником. — *Ред.*

но из двух условий великого артиста: способности вживаться в роль и способности управлять собою, он усвоил себе только первую. Он так вживается в роль, что перестает сомневаться в своей тожественности с представляемым лицом; но его необузданность есть враг его таланта.

Как бы то ни было, немецкая публика приняла русскую трагедию с давно невиданною благосклонностию. «Wir müssten weit zurückgreifen, — говорили мне актеры: — um uns eines solchen Erfolgs zu erinnern».[1] Я спросил их, не из уважения ли к одобрению великого герцога это случилось? Но мне отвечали, что веймарская публика очень самостоятельна и даже любит противоречить.

Второго представления я не видал. Оно было назначено через неделю, преимущественно для иногородних, то есть для жителей Иены, Эрфурта и Мейнингена, в каком случае обыкновенно учреждается экстренный вечерний поезд.

Теперь вот мой общий вывод: успехом своим и самым появлением в Веймаре трагедия прежде всего обязана мастерскому, высоко-художественному переводу г-жи Павловой. Я не считал возможным передать так верно и так поэтично, стих в стих, весь характер русского оригинала, со всеми его особенностями и архаизмами. Подобного перевода я не знаю ни на каком языке. Потом живому участию великого герцога, и наконец необыкновенной добросовестности самих артистов, сохранивших на своей сцене еще гётевские предания. Что касается до материальных средств веймарского театра, они уступают не только нашим, но и других главных городов Германии. Один актер должен часто играть две и три роли в той же пиесе. Так, у меня Сицкого и схимника играл один и тот же. Роли Григория Нагого и гонца были слиты в одну роль. Из двух волхвов один взял на себя роли обоих, а другой молчал. Из двух врачей явился только один. Все стольники и слуги были заменены, к моему прискорбию, мальчиками, которых представляли женщины, названные на афише (увы!) пажами. Из сорока четырех лиц «Смерти Иоанна» явилось только тридцать три. Бирючей в народной сцене не было вовсе, а вместо Григория Годунова верхом явился пеший пристав. Костюмы главных ролей, то есть Иоанна, царицы, Феодора, Годунова, Ирины и Марии Годуновой были прекрасны и богаты, прочие только приличны. Народ одет очень странно и совсем не по-русски. Декорации очень неудовлетворительны и небогаты. Но веймарская публика в этом отношении нетребовательна. Она, не избалованная внешнею постановкой, обращает внимание только на игру.

Из моего пребывания в Веймаре я вынес чувство уважения к труппе, благодарности к радушию великого герцога и признательности ко вниманию публики.

Лефельд сказал мне, что, если б его пригласили играть Иоанна в Петербурге на немецком театре, он вменил бы себе это в честь и в удовольствие.

---

[1] „Мы должны были бы обратиться к далекому прошлому, чтобы вспомнить подобном успехе. — *Ред.*

ПИСЬМО К г. РОСТИСЛАВУ ПО ПОВОДУ ПОЯВЛЕНИЯ Г. НИЛЬСКОГО В РОЛИ ИОАННА ГРОЗНОГО

Вы принимали такое живое участие в трагедии «Смерть Иоанна Грозного» с самой ее постановки на сцену (ваши журнальные статьи служат тому доказательством), что я чувствую потребность высказать вам мое мнение об игре г. Нильского в роли Иоанна. По моему убеждению, ни один из русских артистов не передал этот характер так удовлетворительно, как г. Нильский. Я знаю, что многие со мной не согласятся и скажут, что я подкуплен тем, что г. Нильский всегда твердо знает свою роль. Сознаюсь, что обстоятельство это расположило меня в пользу г. Нильского с первого моего с ним знакомства. В одной французской поварской книге сказано: чтоб сделать соус из зайца, нужно прежде всего достать зайца. Изречение мудрое, которое можно перефразировать так: чтоб хорошо сыграть свою роль, нужно прежде всего ее выучить. Г. Нильский выучил обе свои роли (Годунова и Иоанна) почти безукоризненно. Я говорю почти, и этим заявляю мое беспристрастие, но и некоторые вкравшиеся неправильности в ролях г. Нильского доказывают только одно: что предание строгой драматической школы на нашей сцене потеряно. Ни сам автор, ни большинство публики не поражаются перестановкою слов, искажающей стихи и глубоко оскорбляющей метрическое ухо. Из всех наших артистов (за исключением г. Леонидова) Нильский один знал свою роль наизусть и тем исполнил первое условие, требуемое от драматического артиста.

Но он не ограничился одним знанием: он проникнулся характером представляемого им лица, не пренебрег ни одной его чертою и разрешил трудную задачу соединить царственность со всеми видами страсти. Некоторые места вышли у него потрясательны. Так, например, при чтении синодика, он превосходно сказал:

Пятнадцать?
Их было боле — двадцать напиши!

Это место не только не вызвало у зрителей улыбки, как случалось на разных сценах, где давали «Смерть Иоанна», но произвело глубокое впечатление.

Слушая Нильского, я вспомнил, что мне сказал веймарский актер Лефельд, когда я, опасаясь неудачи, предложил ему выпустить это место.

— Ни за что! — возразил Лефельд. — Ich werde ihnen schon

das Lachen vertreiben! (Я отобью у них охоту смеяться!) — И действительно, никто не улыбнулся.

У Лефельда несравненно более природных средств, чем у Нильского, но в том и заключается заслуга Нильского, что он воспользовался всеми своими средствами, которые, впрочем, далеко не малы. Прекрасно выразил он ужас Иоанна в словах:

Что там скребет в подполье?

Прекрасно упал на колени перед боярами и прекрасно прервал Шуйского словами:

Молчи, холоп!

за которыми произнес первые строки своего покаяния голосом гнева и угрозы. Это намеренное противоречие голоса с содержанием слов произвело эффект сильный, психически верный и совершенно новый. Очень тонко выразил Нильский в сцене Иоанна с волхвами то чувство, которое овладевает Иоанном в присутствии недоброй силы. Он ее и вызывает, и отрекается от нее, и боится ее, и хочет ее наказать. Все это слышалось в его голосе и виделось на его лице. Таких тонких черт у Нильского было много; но были также и недостатки.

В сцене с Гарабурдой он показался мне несколько однообразен. Когда Гарабурда бросил ему перчатку, он должен был, по моему мнению, сперва помолчать, а потом начать совершенно тихо и сдержанно, почти шопотом:

Из вас обоих кто сошел с ума?
Ты иль король? К чему перчатка эта?

а затем уже дать волю своему гневу и дойти до бешенства.

В пятом акте, когда его вносят на креслах, он был не довольно хил и изнурен. В своей последней сцене он добровольно лишил себя того огромного эффекта, которым так удачно воспользовался Лефельд, когда, уже лежа на полу, он увидел скоморохов и отполз от них в ужасе.

Гримирован был Нильский в день своего дебюта неудовлетворительно, но зато в следующий раз нельзя было желать лучшей фигуры и лучшей маски.

Вы видите, что я говорю о Нильском беспристрастно, pro и contra.[1] Повторяю, что, по моему мнению, он был на русской сцене лучший из всех Иоаннов, и предсказываю ему вообще, как трагическому актеру, блистательную будущность, если он, при своем понимании и при своих средствах, выработает в себе ту строгую школу, без которой невозможна серьезная драма. Как ни велики дарования актера, он не достигнет совершенства одним вдохновением, как не достигнет его и певец, при самом прекрасном голосе, без школы и метода. Естественность в искусстве, конечно, необходима. Всякое проявление в его области, к какой бы отрасли оно ни принадлежало, должно быть естественно, т. е. должно согласоваться с законами правды; но сущность искусства есть

[1] За и против.— *Ред.*

высшая красота или высшая правда (что одно и то же), и потому не всякое естественное проявление годится в искусстве, которое отвергает все случайное, все ненужное и сохраняет только то, что ведет прямо к цели, т. е. к выражению заданной идеи. Фотография, воспроизводящая все случайности природы, никогда не войдет в область искусства; но живопись, игнорирующая бесполезные подробности и признающая только те черты подлинника, которые составляют его характер, — есть одно из высших выражений искусства. В сценическом воспроизведении характеров, более чем в каком-либо другом, должно держаться одного необходимого, одного ведущего к цели. Сценическое искусство менее, чем всякое другое, допускает случайности. Каждое лишнее движение (я уже не говорю о движениях фальшивых) не только бесполезно, но и вредно. Рама, в которой вращается драматическое представление, так узка, время, ему уделенное, так ограничено, что каждая минута драгоценна для артиста и каждое его движение знаменательно. Он не имеет права не только на что-нибудь ложное, но и на что-нибудь индифферентное. Индифферентизм на сцене есть потеря времени, которая ничем не вознаграждается. Места, произносимые актером бесцветно, или в которых он встает, или садится, или ходит взад и вперед без надобности — равняются местам, вычеркнутым из его роли, если (что еще вероятнее) они не наводят скуку на зрителя.

Сказать, что г. Нильский вполне сознал всю важность этого правила, значило бы отклониться от истины. Но я смею утверждать, что он сознал его лучше, чем другие виденные мною Иоанны; могу сказать также, что если не все места были переданы им равно знаменательно, он ни одного не передал фальшиво.

Видеть и слышать Нильского доставило мне художественное наслаждение, и я сожалел только об одном: что, приобрев в нем замечательного Иоанна, публика лишилась замечательного Годунова, которого она не ценила по заслугам, но которого достоинство почувствуется чрез его потерю.

ПРОЕКТ ПОСТАНОВКИ НА СЦЕНУ ТРАГЕДИИ «ЦАРЬ ФЕДОР ИОАННОВИЧ»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Хотя в настоящую минуту мне еще неизвестно, будет ли дана эта драма, но я нахожу нелишним изложить мои объяснения теперь же, в надежде, что некоторые из них окажутся небесполезными для драматических артистов вообще, и что, во всяком случае, они могут пригодиться на частном театре.

«Царь Федор» есть особая, замкнутая в себе драма, но вместе с тем она служит продолжением трагедии «Смерть Иоанна Грозного» и составляет следующее за ней звено. Многое в нем связано с предшествующим, и потому, разбирая «Царя Федора», мне придется иногда оглядываться на «Смерть Иоанна».

В проекте о постановке последней пьесы я, в самом конце, очень осторожно упомянул о необходимости всем исполнителям знать свои роли наизусть. Опыт показал, что не только напоминание не было лишним, но что я не довольно на нем настаивал.

В виду этого факта я считаю весьма важным поставить теперь в самой главе настоящей статьи энергическое заявление о том, что первое условие порядочного исполнения есть знание ролей совершенно буквально.

У каждого автора как выбор выражений, так и порядок размещения слов составляет его особенность и физиогномию. Изменять этот порядок — значит отнимать у него его физиогномию, давать его речи чуждый ей колорит. Если такое обращение не допускается в прозе, то в стихах оно двояко непозволительно, ибо посягает не только на колорит автора, но и на слух публики. Не все равно сказать:

Ох, тяжела ты, шапка Мономаха,

или:

Ох, шапка Мономаха, ты тяжела.

В первом случае это пятистопный ямб, во втором — вовсе не стих.

Какое же впечатление сделает на публику актер, который, не довольствуясь перестановкой слов, вместо:

Ох, тяжела ты, шапка Мономаха,

скажет:

Ох, как меня давит Рюрикова фуражка!

А искажения, довольно близко подходящие к этому примеру, можно, к сожалению, слышать иногда на нашей сцене.

Итак, если трагедия «Царь Федор» будет дана, то прежде всего надобно ее выучить наизусть.

Приступаю к ее разбору.

ОСНОВНАЯ ИДЕЯ

Две партии в государстве борются за власть: представитель старины, князь Шуйский, и представитель реформы, Борис Годунов. Обе партии стараются завладеть слабонравным царем Федором как орудием для своих целей. Федор, вместо того чтобы дать перевес той или другой стороне или же подчинить себе ту и другую, колеблется между обеими и чрез свою нерешительность делается причиной: 1) восстания Шуйского и его насильственной смерти, 2) убиения своего наследника, царевича Дмитрия, и пресечения своего рода. Из такого чистого источника, какова любящая душа Федора, истекает страшное событие, разразившееся над Россией долгим рядом бедствий и зол.

Трагическая вина Иоанна было попрание им всех человеческих прав в пользу государственной власти; трагическая вина Федора — это исполнение власти при совершенном нравственном бессилии.

АРХИТЕКТУРА ТРАГЕДИИ

Построение «Царя Федора» — не знаю, к выгоде или ко вреду его — есть совершенно исключительное и не встречается, сколько мне известно, ни в какой другой драме. Борьба происходит не между главным героем и его оппонентами (Spiel- und Gegenspiel), как во всех драмах, но между двумя вторыми героями; главный же герой, на котором эта борьба вертится как на своей оси, вовсе в ней не участвует; он, напротив, всеми силами старается прекратить ее, но самым своим вмешательством решает ее трагический исход.

В отношении Шуйского и Годунова Федор играет роль древней греческой судьбы, толкающей своих героев все вперед к неизбежной катастрофе, с тою разницей, что Федор не отвлеченная идея, но живое лицо, имеющее само свою судьбу, которая истекает из его характера и действий. Таким образом, трагедия является как бы сплетенною из двух отдельных драм, из коих одна имеет предметом фактическую борьбу Шуйского с Годуновым, другая моральную борьбу Федора с окружающим его миром и с самим собою.

Если представить себе всю трагедию в форме треугольника, то основанием его будет состязание двух партий, а вершиною весь душевный микрокосм Федора, с которым события борьбы связаны как линии, идущие от основания треугольника к его вершине, или наоборот. Из этого естественно выходит, что одна сторона траге-

дии выдержана более в духе романской школы, а другая более в духе германской.[1]

КОЛОРИТ ТРАГЕДИИ

Царь Иван умер. Гроза, свирепствовавшая над русской землей, утихла; небо прояснилось, вся природа оживает. Оживают и те могучие силы, которые сдерживала железная рука царя Ивана, как шлюзы сдерживают напирающую воду. В государстве являются политические партии, действующие смело и открыто. Все сословия принимают участие в их борьбе; жизнь, со всеми ее сторонами, светлыми и темными, снова заявляет свои права.

В «Смерти Иоанна» господствующим колоритом было давление власти на всю землю; в настоящей трагедии господствующий колорит есть пробуждение земли к жизни и сопряженное с ним движение. Оно должно сразу почувствоваться в первой сцене первого акта, которая служит драме изложением. Светлый колорит проходит через всю трагедию, до четвертого акта; все лица держат себя свободнее, чем в «Смерти Иоанна», темп общей игры идет живее.

ХАРАКТЕРЫ

ЦАРЬ ФЕДОР

Не отступая от указаний истории, но пополняя ее пробелы, я позволил себе изобразить Федора не просто слабодушным, кротким постником, но человеком, наделенным от природы самыми высокими душевными качествами, при недостаточной остроте ума и совершенном отсутствии воли. Природная неспособность его к делам еще умножена гнетом его отца и постоянным страхом, в котором он находился до 27 лет, эпохи смерти царя Ивана.

Доброта Федора выходит из обыкновенных границ. Она так велика, что может иногда достичь высоты, где чувство и ум, составляющие на низших степенях отдельные свойства, сходятся вместе и смешиваются в нераздельном сознании правды. Поэтому Федор, несмотря на свою умственную ограниченность, способен иногда иметь взгляды, не уступающие мудростью государственным взглядам Годунова. Так, в сцене доклада о боярах, бежавших в Литву, оба приходят к тому же заключению, Годунов умом, а Федор — сердцем.

---

[1] Особенность романской школы состоит в преимущественной отделке интриги, тогда как германская преимущественно занимается анализом и развитием характеров. Название свое получили они от предпочтения двух западных народностей, каждой одному из двух направлений, которые лежат в самом существе драмы и исключают обыкновенно одно другое. Прошу прощения у поборников русских начал искусства, но, кроме этих двух направлений, я не знаю другого, равно как в противоположность часто упоминаемой европейской драмы не знаю драмы ни азиятской, ни африканской.

Отвергать же в русском драматическом искусстве европейскую технику — все равно, что отвергать в русской живописи европейскую перспективу.

Но эта способность заменять ум чувством не всегда присуща Федору. Она в обыкновенных случаях затемняется некоторыми недостатками, неразлучными со слабостью характера. Он, например, не любит сознаваться, что он слаб, ни перед другими, ни перед самим собой, и это часто приводит его к неуместному, хотя скоро проходящему упрямству. Ему хочется иногда показать, что он самостоятелен, и ничем нельзя так польстить ему, как упрекнув его в непреклонности или суровости.

Он большой хлопотун во всем, что не касается государственных дел; никто, по его мнению, не знает так, как он, человеческое сердце; для него примирить враждующих — есть не только долг, но и наслаждение. Набожность его происходит от природного расположения; но она перешла в постничество вследствие раннего протеста против разврата и жестокости его отца; впоследствии постничество стало ему привычкой, но он нисколько не сделался педантом; он не смотрит на мирское веселие как на грех; он любит медвежью травлю и не видит в представлениях скоморохов служения сатане. Как все люди робкие, он чувствует большое уважение к смелости; геройский характер князя Шуйского и удальство купца Красильникова затрогивают в нем те же сочувственные струны.

Великодушие Федора не имеет пределов. Личных обид для него не существует, но всякая обида, нанесенная другому, способна вывести его из обычной кротости, а если обида касается кого-нибудь особенно им любимого, то негодование лишает его всякого равновесия; он кричит и шумит, ничего не видя, кроме совершенной несправедливости. Попав в такую колею, он спешит воспользоваться своим настроением, и зная, что оно недолго продлится, он наскоро предписывает строгие меры, справедливые, по его убеждению, но несогласные с его характером.

Когда Федор взошел на престол, он не обманывался насчет своей неспособности и передал Годунову полное управление царством, с намерением сам ни во что не вмешиваться. Но в расчет Годунова не входило взять на первых порах всю ответственность на себя. Он нашел полезным прикрыться авторитетом Федора, сохранил ему весь наружный вид неограниченного владыки, докладывал ему обо всем, испрашивал на все его решений, и Федор мало-по малу, при содействии неизбежных придворных льстецов, уверился, что он не так неспособен, как полагал. На этом периоде застает его трагедия. Лень и природное отвращение продолжают удалять его от дел; но он уже привык думать, что Годунов действует по его инструкциям. Только в важных кризисах жизни, когда воля Годунова прямо противоречит благости Федора, как, например, когда Годунов грозит его оставить, если он не выдаст ему Шуйского, самообольщение Федора исчезает; он убеждается в независимой силе Годунова и, не умея бороться с ним в качестве царя, дает ему отпор как человек и христианин. На этой почве он стоит всегда неизмеримо выше и Годунова, и самого Шуйского, и всех его окружающих. Ошибка Федора состоит в том, что он не постоянно держится своего призвания быть человеком, а пытается иногда играть роль царя, которая не указана ему природой. Этой

роли он не выдерживает, но от нее не отказывается; не может обойтись без руководителя, но ему не подчиняется. Такое ложное положение рождает беспрестанное противоречие между его природой и обязанностями его сана. В этом его и трагическая и комическая стороны.

Роль Федора очень многосложна и проходит через самые разнообразные состояния души, от добродушной веселости, когда он шутит с Ириной, до исступления, когда он узнает о смерти Шуйского. Из всех лиц как первой трагедии, так и этой лицо Федора, по моему мнению, самое трудное. Оно требует большого изучения и большой тонкости уже потому, что в нем трагический элемент и оттенок комизма переливаются один в другой как радужные цвета на раковине. С этим комизмом сценический художник должен обращаться чрезвычайно осторожно и никак не доводить его до яркости. Это не что иное, как фольга, слегка окрашивающая чистую душу Федора, прозрачную как горный кристалл. Прибавлять после этого, что в его роль не следует вмешивать карикатурности — я считаю излишним. Одно предположение такой возможности было бы для исполнителя оскорблением, ибо заключало бы в себе самое низкое мнение о его понимании искусства.

Первое появление Федора, в короткой сцене со стремянным, с Ириной и с Годуновым, есть вступительный аккорд в его характер и должно быть именно так понято исполнителем. Ребяческий гнев на вздыбившегося коня, заблуждение насчет своей физической силы, добродушное поддразнивание Ирины, скорбь о разделении царства на партии, жадно схваченный намек Годунова, что он непрочь от мира с Шуйским, уверенность в знании человеческого сердца и равнодушие к делам — все это, проникнутое добротой и хлопотливостью, заключает в себе зародыши полного характера, которые должны быть сразу и гармонически переданы.

Когда, в следующем акте, Федор является примирителем Годунова с Шуйским, зритель должен быть уже настолько знаком с Федором, чтобы его интересовало узнать, как этакая личность возьмется за такое дело? В приготовлениях Федора, в наставлениях его Годунову, Ирине, духовным лицам и боярам видна виртуозность человека, который чувствует себя в своем элементе, которому приятно взяться за трудное дело, где он, по своему мнению, мастер. Но по мере приближения решительной минуты Федором овладевает робость, и когда он начинает увещевать Шуйского, застенчивость его так велика, что он не находит слов и передает речь Годунову. Во все продолжение спора обоих противников Федор следит за ними с бьющимся сердцем. На лице его написаны напряжение и беспокойство до той минуты, когда противники берутся за́ руки. Тут радость его проявляется взрывом, как то бывает у добрых детей, получивших наконец, чего они давно желали, но на что не смели надеяться. Детская сторона Федора должна особенно быть видна в его разговоре с выборными. Я не опасаюсь того рода смеха, который возбудят в публике перебивки старика Курюкова, рассказ Федора о медведе или его советы Шаховскому, как биться на кулачках. Это будет смех добрый, не умаляющий нисколько уважения к высоким достоинствам Федора;

и когда он уйдет от выборных, затыкая уши, то, при хорошей игре, публика успеет достаточно полюбить его, чтобы над ним не смеяться, а разве только улыбнуться неловкому положению, в которое он себя поставил. Есть большая разница между тем, что смешно (drôle), и тем, что достойно осмеяния (ridicule). Первое совместно с любовию и с уважением, второе исключает эти чувства. На русском языке оба понятия выражаются тем же словом, но они от этого не менее различны. Ребенку часто подобает эпитет: drôle, но ему не может подобать эпитет: ridicule. Федор же в этой сцене должен быть изображен ребенком в самом хорошем значении слова. Впоследствии он покажет, что может быть и чем-нибудь иным; но если бы, несмотря на свою благость, он кому-нибудь представился не довольно достойным, мы того попросили бы подождать до третьего акта. Вообще в искусстве бояться выставлять недостатки любимых нами лиц — не значит оказывать им услугу. Оно, с одной стороны, предполагает мало доверия к их качествам; с другой, приводит к созданию безукоризненных и безличных существ, в которые никто не верит. Здесь кстати заметить, в ответ на некоторые опасения об унижении царского достоинства в лице Федора, что значение каждой пьесы определяется общим ее впечатлением, а не отдельными частями, тем менее отдельными фразами или словами. Общее впечатление Федора не должно быть иное, как сочувственное; а сочувствия нет там, где нет правдоподобия, которое исчезнет, когда отнять у Федора его слабые стороны. Если роль будет сыграна хорошо, то отвлеченная идея царского достоинства не пострадает от того, что публика увидит на сцене подтверждение факта, известного ей из истории, то есть, что последний государь из династии Рюриковичей был слаб и ограничен. Царское достоинство может разве пострадать от плохой игры, и то не в одной роли Федора, но и в роли всякого венценосца, хотя бы он был Август.

Итак, от драматического артиста зависит передать Федора, как он понят автором, то есть исполненным высоких душевных достоинств, далеко превышающих его недостатки.

После сцены доклада характер Федора является с новой стороны. Желая выписать царевича Дмитрия из Углича, он бунтуется против Годунова, не соглашающегося на эту меру, и старается сбросить его иго. Эта попытка ему не удается потому, что он противуставит Годунову свою самую слабую сторону, свое качество неограниченного царя. Зато в следующей сцене, где Годунов требует выдачи Шуйского, Федор остается победителем, потому что, вместо царской власти, опирается на свою самую сильную сторону, на качество человека и христианина. Он уже не спрашивает с сердцем:

Я царь или не царь?

но откровенно и кротко говорит:

Какой я царь? Меня во всех делах
И с толку сбить и обмануть нетрудно.

Эти две сцены нарочно сопоставлены вместе, чтобы первая усиливала вторую своим с ней контрастом, и чтобы Федор, вне-

запно сознающийся в неспособности быть царем, вырос во мнении зрителя как человек.

Переход Федора от несостоятельного царя к человеку, сильному одним человеческим чувством, его искание и обретение убежища от собственной слабости в христианском смирении — должны быть ярко и выпукло выставлены. Когда, по удалении Годунова, Федор бросается на шею Ирине, зритель должен видеть, какого усилия стоил ему разрыв с правителем и как дорого он ему обошелся. Лицо Федора изменилось как после болезни, но оно преображено сознанием, что он поступил по совести; оно выражает теперь его полное согласие с самим собой, и когда он, сломанный физически своей моральной победой, опирается на́ руку Ирины, — его прежние недостатки, его ограниченность, его комисм должны представиться зрителю в ином значении, и он должен понять, что они были нужны, дабы Федор явился велик не какими-нибудь блестящими качествами, но именно христианским смирением, лишенным всякого блеска.

Если бы Федор мог удержаться на этой высоте, он бы заслуживал быть причисленным к лику святых, но человеческая слабость берет свое. В четвертом акте он, сидя за кипою бумаг, которых не может понять, сожалеет о своей ссоре с Годуновым и готов сделать ему уступки. Клешнин приносит ему ультиматум правителя, но Годунов требует слишком много, Федор не соглашается и попрежнему не верит измене Шуйских — следует очная ставка Клешнина с Шуйским. Непроницательность Федора, смешанная с великодушием и упрямством, высказывается здесь ярче, чем где-либо. Когда он, добиваясь от Шуйского оправдательного ответа, тем самым вынуждает у него признание в измене, этот неожиданный оборот приводит его в такой испуг, что не Шуйский, а он кажется попавшим в западню. Чтобы выручить Шуйского, Федор не находит лучшего средства, как уверять, что Шуйский по его приказанию объявил царем Дмитрия. Комисм этой уловки не должен мешать зрителю быть тронутым великодушием Федора и согласиться с Шуйским, когда он говорит:

Нет, он святой!
Бог не велит подняться на него!

Задача исполнителя в этом трудном месте — заставить публику улыбаться сквозь слезы.

Если оно удастся, то публика поймет, в каком раздражении находятся нервы Федора, когда он узнаёт из бумаги, поданной ему Шаховским, что тот самый Шуйский, которого он только что спас, за которого поссорился с Годуновым — хотел развести его с женою, так нежно и горячо им любимой.

Восстание Шуйского, как обида личная, не возбудило в Федоре ни малейшего гнева. Он не принял это восстание ни как государственное преступление, ни как обиду; оно представилось ему только с точки зрения опасности, которой подвергался глубоко чтимый им воевода, тот, кому земля обязана спасеньем. Но когда Шуйский затронул его Ирину, Федор сперва плачет, потом выходит из себя. Он не соображает хронологического отношения

измены, им только что прощенной, с челобитней о разводе, не поданной Шуйским; не соображает, что челобитня предшествовала измене, а измена исключает челобитню; поступок Шуйского представляется ему как черная неблагодарность, и ничего не разбирая, ничего не видя, кроме оскорбления своей Ирины, он яростно кричит:

В тюрьму! В тюрьму!

и прихлопывает печатью заготовленный Клешниным приказ.

Не смею утверждать, что поспешность Федора происходит от одного негодования и что к ней не примешивается облегчительного чувства, что он может теперь, не греша против совести, исполнить требование правителя и с ним помириться. Во всяком случае, Федор уже смотрит на восстание иначе, чем за несколько минут, ибо чувство его к Шуйскому изменилось, а в природе человеческой окрашивать чужие поступки нашим личным расположением к их совершителям.

В пятом акте нет вовсе комисма; заключительный аккорд должен быть чисто трагический. Обращение Федора к усопшему родителю после панихиды есть последнее его усилие выдержать неподобающую ему роль. Его исступление при вести о смерти Шуйского, его возглас:

Палачей!

не должны возбуждать улыбки. Это слово, хотя не имеет в устах Федора того значения, какое имело бы в устах его отца — должно быть произнесено с неожиданной, потрясающей энергией. Это высший пароксисм страдания, до которого доходит Федор, так что силы его уже истощены, когда он узнаёт о смерти Дмитрия, и эта вторая весть действует на него уже подавляющим образом. Подозрение на Годунова, мелькнувшее в нем по поводу Шуйского, еще раз промелькивает как молния относительно Дмитрия:

Ты, кажется, сказал:
Он удавился? Митя ж закололся?
Арина — а? Что если...

Последнюю строку Федор произносит с испугом, чтобы зритель понял, какая ужасная мысль его поразила. Годунов устраняет ее предложением послать в Углич Василия Шуйского, племянника удавленного князя; Федор бросается ему на шею, прося прощения, что мысленно оскорбил его — и совершенно теряется. Он хочет дать наставления Василию Шуйскому, но рыдания заглушают его слова. Теперь он сознает, что по его вине погибли Шуйский и Дмитрий, а царство осталось без преемника, и в первый раз постигает, до какой степени было несостоятельно его притязание государить. Почва царственности проваливается под ним окончательно, он окончательно отказывается от всякой попытки на ней удержаться. Отныне он уже ни во что не вмешивается, он умер для мира, он весь принадлежит богу.

Это отречение от жизни, этот разрыв с прошедшим должны быть символически ознаменованы обстановкой Федора в последней

сцене трагедии. Все окружавшие его лица удалились. Осталась одна Ирина, да толпа нищих, да, пожалуй, два-три стольника с царской стряпней, чтобы не слишком отступать от этикета. В этом скромном окружении Федор произносит свой заключительный монолог, а нищая братия в то же время затягивает вполголоса псалом, и на его «покаянном» напеве слова Федора вырезываются как старинная живопись на золотом поле.

Мы видели из предшествующего обзора, что в характере Федора есть как бы два человека, из коих один слаб, ограничен, иногда даже смешон; другой же, напротив, велик своим смирением и почтенен своей нравственной высотой. Но эти два человека редко являются отдельно; они большею частию слиты в одну цельную личность, и воплощение этой цельности составляет главную задачу драматического исполнителя.

Наружность Федора уже описана в постановке «Смерти Иоанна». Он был мал, дрябл, склонен к водяной болезни и почти безбород. Цвет лица его бледно-желтоватый (sallow complexion, по выражению Флетчера), ноги слабы, поступь неровна, нос соколиный, губы улыбающиеся. Это очевидно не мой Федор. Моему Федору можно от его исторической наружности сохранить только малый рост, отсутствие бороды, неровность поступи и улыбающиеся черты лица. Портрет Федора над его гробницей в Архангельском соборе, воспроизведенный Солнцевым в «Русских древностях», не имеет никакого значения, ибо это не портрет, а просто человеческое лицо без всякой физиогномии, вроде тех, какие рисуют дети. Воззрение на эти черты профессора Снегирева для меня непонятно.

В трагедии я придал Федору более живости, чем у него было на деле, но она проявляется только в его хлопотливости, когда он хочет что-нибудь устроить; обыкновенно же он скорее ленив и вял; но как у меня он почти всегда занят желанием кого-нибудь помирить, или оправдать, или спасти, то он почти беспрерывно хлопочет. Приемы его робки, вид застенчив, голос и взгляд чрезвычайно кротки, при большом желании казаться твердыми и решительными.

Через всю роль Федора проходит одна черта, дающая ему особенный колорит: это его любовь к Ирине. Она ему и друг, и опора, и утешительница в скорбях. Мысль о ней не покидает его ни на миг и примешивается ко всем его душевным движениям. Все, что с ним случается, он относит к ней; горе ли с ним приключится, или обрадуется он чему, он тотчас бежит к Ирине и делится с ней своим впечатлением. Также, если он что-нибудь затеет, Ирина непременно должна ему помогать.

Особенно же он рассчитывает на поддержку Ирины, когда Годунов требует от него чего-нибудь противного его благодушию. Но бывает, что он и не соглашается с Ириной, особенно в мелочах, потому что ему хочется показать, что он все-таки царь и господин в своем доме. Иногда он любит и подразнить Ирину, но это делается очень добродушно и только с тем, чтобы тотчас же выказать к ней еще бо́льшую нежность.

Для передачи Федора требуется не только тонкий ум, но и сердечное понимание. Если же исполнитель, сверх того, еще

и полюбит его, сживется с ним и войдет к нему в душу, то в его роли может оказаться много оттенков, не тронутых в этом обзоре, и много эффектов, мною не предвиденных. Из всех наших артистов я никого так не желал бы видеть в роли Федора, как Сергея Васильевича Шумского.

ГОДУНОВ

В проекте о постановке моей первой трагедии я описал подробно его характер и потому ограничусь здесь только теми особенностями, которые принадлежат ему как правителю царства.

Получив верховную власть, Годунов, верный своим правилам, остается наружно на втором плане. Он всегда держит себя с Федором чрезвычайно почтительно; с Ириной же при свидетелях даже преувеличивает свое благоговение, ибо хочет подавать пример другим, и возвышая свою сестру в общем мнении, сам делается сильнее. Мы видим из истории, что он ничем не пренебрегал, чтобы окружить Ирину царскою пышностью и упрочить ей любовь народа. Он умножил число ее боярынь, дал ей целый полк личных телохранителей и в торжественные дни, особенно в день ее рождения, издавал граматы о прощении виновных одним ее именем, не упоминая о Федоре. В сношениях с иностранными державами он выставлял Ирину как участницу в управлении царством, так что Елисавета английская почла нужным писать лично к Ирине, чтобы этой любезностью расположить ее к себе в деле об уменьшении пошлин с английских купцов. Действуя на тщеславие бояр, Годунов завел званые царские обеды, на которые иногда сам не был приглашаем; но кто в такой день обедал у царя, тот завидовал гостям Годунова. В думе он сидел не на первом, а на четвертом месте.

Эта сдержанность, умеренность и наружное смирение видны во всех его приемах, но теперь сознание власти просвечивает в них более, чем в «Смерти Иоанна». Годунов при случае умеет быть гордым, даже с Федором.

Когда Шуйский приносит на него жалобу, а Федор его спрашивает:

То правда ль, шурин? —

он отвечает: «Правда!» с таким видом, из которого ясна его уверенность, что не Федор, а он — настоящий господин царства.

То же чувство сквозит в его обращении к Ирине:

Не дельно ты, сестра,
Вмешалася, во что не разумеешь!

равно как и в его замечании на удостоверение Федора Шуйскому, что Дмитрий будет перевезен в Москву:

А я на то ответил государю,
Что в Угличе остаться должен он.

Но Годунов обнаруживает сознание своей власти только в исключительных случаях. Обыкновенно же он скрывает его под видом полной зависимости от Федора:

Твоему желанью
Повиноваться — долг мой, государь! —

говорит он в сцене примирения так скромно, как будто оно не им самим возбуждено, а принято из покорности к Федору. В продолжение своего спора с Шуйским он держит себя чрезвычайно достойно, но вместе с тем очень скромно, и умеренность его составляет контраст с кипучею гордостью Шуйского.

Когда он объявляет Федору о необходимости взять Шуйского под стражу, в его невозмутимом спокойствии слышится непреклонность. Он знает, чего хочет, и не останавливается перед последствиями. Неожиданный отказ Федора поражает его удивлением, ибо он не привык ошибаться в людях и думал доселе, что знает Федора насквозь. Но здесь случилось, что́ случается иногда с людьми, привыкшими играть другими как пешками: они в своих сметах слишком дешево ставят нравственное чувство человека — и расчет их бывает неверен.

Монолог Годунова в четвертом акте, где он говорит о своем отрешении, должен быть произнесен с непривычным ему волнением. Зритель должен видеть, что в нем, как и в Шуйском, произошел переворот, решающий направление всей его жизни.

Сцена с Клешниным, где речь идет о Волоховой, очень трудна. Годунов не велит убить Дмитрия. Он, напротив, три раза сряду говорит Клешнину: «Скажи ей, чтоб она царевича блюла!» и, несмотря на то, Клешнин должен понять, что Дмитрий осужден на смерть. Это одно из тех мест, где исполнителю предоставляется обширное поле для его художественных соображений. Троекратное: Чтобы она блюла царевича — должно каждый раз быть сказано иначе. Мысль Годунова, противоречащая его словам, сначала едва сквозит; потом она как будто самого его пугает, и он готов от нее отказаться; в третий же раз, после слов:

Убит, но жив —

эта мысль является установившеюся, и наставление блюсти царевича должно звучать как смертный ему приговор.

Отказ Годунова увидеть Волохову также должен быть сказан знаменательно: Годунов, с одной стороны, отклоняет ответственность на случай нескромности Волоховой; с другой, чувствует невольное содрогание вступить в личные переговоры с своим гнусным орудием. Все эти подробности должны быть в действии так отчеканены, чтобы они подготовили зрителя к тому чувству чего-то недоброго, которое, при хорошей игре, исполнит его в следующей сцене, Клешнина с Волоховой.

После разговора с Клешниным Годунов является в начале пятого акта, сперва в сцене с Василием Шуйским, потом в сцене с Ириной. Первая сцена не важна в отношении характеристики Годунова; цель ее только подготовить отправку Василия Шуйского на углицкое следствие; но вторая имеет особенную важность. Она, по положению своему в экономии драмы, принадлежит к разряду замедляющих; ибо драматическое движение быстро спешит к концу

а ему бросают навстречу препятствие, чтобы, опрокинув его, оно тем неудержимее ринулось в катастрофу. По содержанию своему эта сцена синтетическая, ибо она в своем фокусе собирает весь характер Годунова, определяет значение Федора и заставляет зрителя оглянуться на пройденную им дорогу. Сверх того, в ней полнее определяется характер Ирины. По форме эта сцена лирическая, и в этом качестве должна быть играна с некоторым пафосом. Ирина просит Годунова пощадить Шуйского; он ей отказывает — вот и все внешнее содержание. Но в нем, с обеих сторон, много психических движений, а непреклонность Годунова является теперь в строгой форме государственной необходимости. Как ни жестоки его меры, зритель должен видеть, что они внушены ему не одним честолюбием, но и более благородною целью, благом всей земли; и если не простить ему приговора Дмитрия, то понять, что Дмитрий есть действительно препятствие к достижению этой цели. Свой монолог:

Высокая гора
Был царь Иван...

Годунов произносит внятно, не спеша, как бы погруженный в самого себя. Когда он доходит до места:

Семь лет с тех пор, кладя за камнем камень...

голос его одушевляется, и в нем слышатся гнев и скорбь, а последние слова:

Им места нет, быть места не должно!

он выговаривает с решительностью, не допускающей возражения. Но Ирина не считает себя побежденной. Она истощает все доводы в пользу Шуйского. Годунов их все опровергает и, переходя из оборонительного положения в наступательное, требует от Ирины, чтобы она сама помогла ему погубить Шуйских. Ирина отвергает это требование, и брат и сестра расходятся как достойные противники, знающие друг друга и не теряющие лишних слов, а зритель остается в недоумении, кому из двух будет принадлежать победа.

Эта сцена должна усилить ожидание развязки, и на нее нельзя не обратить главного внимания.

В конце пятого акта Годунов, в числе прочих бояр, выходит с Федором из собора.

Когда Федор, узнав об умерщвлении Шуйского, обращается к Годунову со словами:

Ты ведал это?

а Годунов отвечает:

Видит бог — не ведал! —

в его ответе есть и правда и ложь; он действительно не знал, что Шуйский удавлен, но приставив к нему его смертельного врага, Туренина, он имел повод ожидать, что дело именно так кончится.

При известии о смерти Дмитрия Годунов не может казаться равнодушен. Его волнение видно сквозь наружное спокойствие;

но он скоро оправляется и с невозмущенным видом предлагает послать на следствие Василия Шуйского.

Слова свои, обращенные вполголоса к Ирине:

Пути сошлися наши!

он произносит с сдержанным торжеством и, став под начало Мстиславского (факт исторический), покидает сцену с эффектом, но без напыщенности, оставляя зрителю искупающее впечатление человека, которому участь земли дороже всего и который умеет не только повелевать, но и подчиняться другому, когда благо государства того требует.

Темп его роли в конце пятого акта идет очень быстро, как и всех прочих ролей, ибо действие напирает на катастрофу, нет более места для анализа, и события изображены подтитлами или en racourci.[1]

Подобно как в «Смерти Иоанна», так и в этой драме судьба Годунова ею не оканчивается, но, пронизывая насквозь обе трагедии, теряется в будущем.

Насчет его наружности и приемов отсылаю исполнителя к «Постановке Смерти Иоанна».

КНЯЗЬ ИВАН ПЕТРОВИЧ ШУЙСКИЙ

Этот враг, соперник и жертва Годунова представляет разительную с ним противуположность. Отличительные качества его — прямота, благородство и великодушие; отличительные недостатки — гордость, стремительность и односторонность. К этому присоединяется некоторая мягкость сердца, не чуждая сильному характеру, но всегда вредная для достижения политических целей.

Зело он мягкосерд, —

говорит про него благовещенский протопоп.

Младенец сущий! —

говорит его племянник, Василий Шуйский.

Скор больно князь Иван, —

говорит Дмитрий Шуйский.

Трудно кривить душой! —

говорит он сам про себя.

Понятно, что такой человек не мог выдержать борьбу с Годуновым, который не был ни односторонен, ни мягкосерд, ни стремителен в своих действиях, ни разборчив в средствах, и которому ничего не стоило кривить душой для достижения своих целей. Но на стороне Шуйского как главы партии были такие преимущества, которых недоставало Годунову. Воинская слава князя Ивана Петровича гремела не только по всей России, но в целом образованном мире, читавшем еще недавно на всех европейских языках опи-

[1] Сжато. — *Ред.*

сания знаменитой осады Пскова и восторженные хвалы его защитнику. Его великодушный, доблестный нрав, с оттенком западного рыцарства, был ведом друзьям и недругам. Вызов его Замойскому на единоборство, на который намекает Шаховской в первой сцене трагедии, есть факт исторический. Гейденштейн и русская хроника рассказывают, что во время псковского облежания Шуйский получил из литовского стана письмо от одного немца, Моллера, изъявлявшего желание перейти на нашу сторону. При этом Моллер послал Шуйскому тяжелый ящик с просьбой вынуть из него казну и блюсти до его прибытия. Из предосторожности Шуйский поручил искусному мастеру открыть ящик, и в нем оказалось 24 заряженные ствола со взведенными курками, которые произвели бы взрыв, если б ящик был открыт неумеючи.

Приписывая это коварство, быть может ошибочно, Замойскому, Шуйский послал ему письменный укор, что он поступил нечестно, и предложил ему, вместо того, померяться с ним на саблях, лицом к лицу. Одна эта черта освещает всего Шуйского со стороны его благородства и будущей несостоятельности как руководителя заговора. Воевода, имевший под своей ответственностью многие тысячи людей и согласившийся играть жизнью в личном деле, из одного чувства прямоты — есть тот самый человек, который впоследствии, на очной ставке с Клешниным, предпочтет погубить свою голову, чем ответить неправду на вопрос царя, сделанный ему именем его чести. И Федор, с верным чутьем высокой души, узнающей другую высокую душу, не ошибается в Шуйском, когда не требует от него ни клятвы, ни целования иконы, а говорит:

Скажи по чести мне, по чести только,
И слова твоего с меня довольно!

Вообще причина любви Федора к Шуйскому — это испытанная прямота и благородство последнего: они — два родственные характера. Имей Федор силу и ум, он был бы похож на Шуйского.

Как в роли Федора, так и в роли Шуйского главные основания изложены во вступительной сцене. Из первых слов Шуйского мы узнаем его ненависть к Годунову и упорную привязанность к старине; из возражения Василию Шуйскому — его честность с самим собой; из ответа Головину — его доселе непоколебимую верность Федору; а из заключительного монолога — его отвращение от кривых путей. Сверх того, в этой сцене рассеяно, в разговорах разных лиц, много рефлексов, объясняющих другие стороны Шуйского, так что при помощи этих данных исполнителю будет нетрудно воплотить его личность и сделать ее для зрителя несомнительною.

В сцене примирения прежде всего бросается в глаза гордость Шуйского. Слова:

Государь,
Мне в думе делать нечего, и т. д.

должны быть сказаны даже с некоторою суровостью. Она продолжает являться и во всех возражениях его Годунову и в первом

ответе царице. Только после монолога Ирины, когда она, кланяясь ему, говорит:

Моим большим поклоном
Прошу тебя, забудь свою вражду! —

ледяной панцырь, которым Шуйский обложил свое сердце, растаивает, и в голосе его слышится дрожание, когда он отвечает:

Царица-матушка! Ты на меня
Повеяла как будто тихим летом!

Этот переход от суровости к умилению, это преклонение мужественного характера перед женскою благостью — лучше всего обрисовывают Шуйского, и драматический артист сделает хорошо, если обратит большое внимание на это место.

Со словами Шуйского:

Вот моя рука!

которые он выговаривает с откровенною решимостью, все враждебное исчезает из его сердца и с его лица. Он искренно помирился с Годуновым, искренно верит его обещаниям и с полным чистосердечием произносит свою клятву. К выборным, дерзающим сомневаться, что правитель сдержит свое слово, Иван Петрович обращается с гневным упреком в то самое время, как Годунов шепчет Клешнину:

Заметь их имена
И запиши.

Здесь особенно виден контраст между характерами Годунова и Шуйского. Оба исполнителя должны на репетициях усвоить себе: первый — благозвучную убедительность голоса и невозмутимое спокойствие приемов; другой — сначала гордую суровость, потом стремительную доверчивость в своих новых отношениях к примиренному врагу.

В третьем акте, при вести о вероломстве Годунова, Шуйский сперва не может ей поверить, потом вскипает негодованием. Когда же братья его хлопотливо предлагают каждый свою меру, он молчит, сдвинув брови, погруженный сам в себя, и вдруг, как будто опомнившись и удивляясь, что они так долго ищут исхода, восклицает:

Вы словно все в бреду!

и решается итти к царю, уверенный, что прямой путь самый лучший. Его слова:

И можем ныне мы,
Хвала творцу, не погрешая сами,
Его низвергнуть чистыми руками!

должны звучать уверенностью в успехе, а следующие затем:

Наружу ложь! И сгинет Годунов,
Лишь солнце там, в востоке, засияет! —

торжеством победы, как звуки бранной трубы.

«Младенец!» — замечает, пожимая плечами, Василий Шуйский, когда дядя его удалился. И в самом деле, князь Иван Петрович в этом случае такой же младенец, как и сам Федор, такой же, как и всякий чистый человек, не верящий, что наглая неправда может взять верх над очевидной правдой.

Опыт доказывает, что он слишком много рассчитывал на Федора. Эта слабая опора под ним подламывается, и когда он уходит с негодующими словами:

Прости, великий царь!

зритель должен видеть и слышать, что в нем произошел один из тех переворотов, которые изменяют всю жизнь человека.

Свои распоряжения насчет восстания он делает стремительно и отдает свои приказания отрывисто, с лихорадочною решимостью. Ему нелегко отказаться от долголетней верности царю, от тех начал законности, во имя которых он жил доселе; но он думает, что того требует благо земли, а оскорбленная гордость ему поддакивает. Но если бы Федор еще одумался и сменил Годунова, Шуйский отказался бы от восстания. Поэтому, когда Федор за ним посылает, он повинуется, предполагая, что Федор хочет дать ему удовлетворение.

Вместо того происходит сцена очной ставки, и Шуйский, из чувства чести, выдает себя головой. Здесь, быть может, не бесполезно сделать возражение на ошибочное мнение, что чувство чести в XVI веке было исключительно принадлежностью Запада. К прискорбию, мы не можем скрыть от себя, что в московский период нашей истории, особенно в царение Ивана Грозного, чувство это, в смысле охранения собственного достоинства, значительно пострадало или уродливо исказилось, и что если мы обязаны московскому периоду нашим внешним величием, то, купив его внутренним своим унижением, мы дорого за него заплатили. Но в смысле долга, признаваемого человеком над самим собой и обрекающего его, в случае нарушения, собственному презрению, чувство чести, слава богу, у нас уцелело. Древняя юридическая формула: Да будет мне стыдно! была отменена и забыта, но дух ее не вовсе исчез из народного сознания. Чему приписать иначе столько случаев именно в царение Грозного, где его жертвы предпочитали смерть студному делу? Чему приписать поступок князя Репнина, умершего, чтобы не плясать перед царем? Или поступок наших пушкарей под Венденом, лишивших себя жизни, чтобы не быть взятыми в плен? Или (если не ограничиваться одними мужскими примерами) поступок боярынь княгини Старицкой, жены князя Владимира Андреевича, избравших казнь и мучения, чтобы не принять царских милостей? Солгать же из желания спасти свою жизнь, без сомнения, считалось не менее постыдным, чем отдаться живым неприятелю.

Связь с Византией и татарское владычество не дали нам возвесть идею части в систему, как то совершилось на Западе, но святость слова осталась для нас столь же обязательною, как она была для древних греков и римлян. Довольно потеряли мы нашего достоинства в тяжелый московский период, довольно приняли униже-

ний всякого рода, чтобы не было нужно отымать у наших лучших людей того времени еще и возможности религии честного слова, потому только, что это чувство есть также западное.[1]

Как ни известна Шуйскому благость Федора, но после своего признанья он не ожидал того оборота, который Федор даст его делу. Последнее усилие Шуйского выдержать свой характер выражается в словах:

Не вздумай, государь,
Меня простить. Я на тебя бы снова
Тогда пошел.

Слова эти он выговаривает гордо и сурово, как бы для того, чтобы отнять у Федора всякую возможность его помиловать. Но с Федором сладить нелегко, когда он взял себе в голову спасти утопающего. Он, как неустрашимый пловец, бросается за ним в воду, хватает его зá руки, хватает зá волосы, хватает за что попало и против воли тащит нá берег. Суровость Шуйского разбивается вдребезги об это беспредельное великодушие. Он побежден им теперь, как прежде был побежден благостью Ирины; слезы брызнули из его глаз, и со словами:

Нет, он святой!
Бог не велит подняться на него!

он упал бы на колени перед Федором, если бы тот не вытолкал его из покоя, говоря:

Ступай, ступай! Разделай, что ты сделал!

После этой сцены мы видим Шуйского в последний раз, в кандалах, под стражею, ведомого в тюрьму его заклятым врагом, Турениным, назначенным ему в приставá. Он принял свой приговор как заслуженное наказание, и в его осанке, в его голосе должны чувствоваться раскаяние, участие к народу, достоинство и преданность судьбе. Совесть уже не позволяет ему итти против Федора, но он не может пристать к Годунову; ему остаются только — тюрьма или смерть. Его слова к народу суть его последние в трагедии; исполнитель произнесет их как можно проще, но с большим чувством, так, чтобы они сделали впечатление на зрителя.

Разобрав роль Шуйского, мы приходим к заключению, что это человек гордый и сильный, способный даже к мерам суровым, сознательно совершающий несправедливости, когда они, по его убеждению, предписаны общею пользой, но слабый против движений своего сердца. Такие люди могут приобрести восторженную

---

[1] Это равняется отвержению в русской драме общих законов искусства потому, что эти законы признаны всею Европой. Странная боязнь быть европейцами! Странное искание русской народности в сходстве с туранцами и русской оригинальности в клеймах татарского ига! Славянское племя принадлежит к семье индо-европейской. Татарщина у нас есть элемент наносный, случайный, привившийся к нам насильственно. Нечего им гордиться и им щеголять! И нечего становиться спиной к Европе, как предлагают некоторые псевдо-руссы. Такая позиция показывала бы только необразованность и отсутствие исторического смысла.

любовь своих сограждан, но они не созданы осуществлять перевороты в истории. На это нужны не Шуйские, а Годуновы.

Летописи не сохранили нам наружности Ивана Петровича, но в трагедии она должна быть представительна. Мы можем вообразить его человеком высокого роста, лет шестидесяти, с проседью. Осанка его благородна, голос резок, поступь тверда, приемы с равными повелительны, с низшими благосклонны.

С купцом, со смердом ласков,
А с нами горд! —

говорит про него Клешнин, и этот оттенок не должен пропасть в исполнении.

ИРИНА

Как ангел-хранитель Федора, как понуждающее, сдерживающее и уравновешивающее начало во всех его душевных проявлениях, стоит возле него царица Ирина.

Это одна из светлых личностей нашей истории. Русские и иностранцы удивлялись ее уму и восхищались ее красотой. Ее сравнивали с Анастасией, первой женой Ивана Грозного, той, кому Россия обязана краткими годами его славы. После смерти Федора она была единодушно признана его преемницей, и хотя тогда же постриглась под именем Александры, но таково было к ней уважение земли, что боярская дума нашла нужным издавать грамоты не иначе, как от имени царицы Александры, до самого избрания Годунова.

Редкое сочетание ума, твердости и кроткой женственности составляют в трагедии ее основные черты. Никакое мелкое чувство ей недоступно. У нее все великие качества Годунова без его темных сторон. Все ее честолюбие обращено на Федора. Ей больно, что он так слаб; ей хотелось бы пробудить в нем волю; она не только не выставляет наружу свое влияние на него, но тщательно его скрывает, стараясь всегда оставаться в тени, а его выказывать в самом выгодном свете. Она бережно обращается с его слабостями; знает его желание казаться самостоятельным и никогда ему не перечит. Любовь ее к Федору есть любовь материнская; она исполняет его капризы, поддается его поддразниванью, занимает его, няньчится с ним, но не пропускает случая напомнить ему, что он царь, что он имеет право и обязанность повелевать, где того требует его совесть. Нет сомнения, что Годунов преимущественно обязан ей своей силой; но она поддерживает брата не из родственного чувства, а по убеждению, что он единственный человек, способный править царством. Тем не менее ее оскорбляет слишком полное подчинение ему Федора. Ей хотелось бы, чтобы он не только казался, но действительно был господином в своем доме. Она, наперекор брату, напоминает Федору, что выписать Дмитрия из Углича есть дело не государственное, но семейное, в котором он должен быть судьею. С ее высоким умом, с ее благородством сердца, она не могла не оценить Ивана Петровича Шуйского, и хотя не разделяет его политических мнений, но пони-

мает его оппозицию и находит, что брат ее должен бы склонить Шуйского на свою сторону, а не стараться его погубить. Она, как и Федор, хотела бы согласить все разнородное, примирить все враждующее, но когда это невозможно, она, не колеблясь, становится на ту сторону, где, по ее убеждению, правда.

Хотя роль Ирины не ярко проходит через трагедию, но она освещает ее всю своим индивидуальным светом, ибо все нити событий сходятся в Федоре, а Федор неразрывно связан с Ириной.

В Ирине характер не выказывается сразу, как в Федоре и в Шуйском. Она в своей первой сцене видна только со стороны своей кротости, заботливости о Федоре и готовности попасть в тон его шутливого настроения. Это сцена интимная, где Ирина не царица, а добрая, любящая жена.

В следующем акте качество это отступает на второй план и дает место, в сцене примирения, другому качеству: официальной представительности. Здесь Ирина не иначе относится к Федору, как к государю. К Шуйскому она обращается как царица и даже дает ему, хотя косвенно и осторожно, почувствовать расстояние, их разделяющее. Тем сильнее она действует на Шуйского, когда, напомнив ему, что он слуга и подданный, она кланяется ему в пояс и просит его забыть свою вражду к Годунову. Этот поклон и предшествующий ему монолог Ирины должны быть проникнуты таким чувством и достоинством, чтобы всем стало понятно, что Шуйскому невозможно противостоять им.

В конце третьего акта Ирине предстоит довольно трудная немая игра, с того места, где Годунов отрекается от правления, до того, где Федор, дав ему уйти, бросается к ней на шею. Все страдания Федора, его изнеможение, борьба с самим собой и наконец победа над собственной слабостью отражаются на лице Ирины участием, боязнью, состраданием и радостью. Нежность ее к Федору, когда она обнимает его, со словами:

Нет, Федор, нет! Ты сделал так, как должно!

имеет характер сердечного порыва и произведет тем полнейшее впечатление, чем сдержаннее будет перед этим исполнительница.

В четвертом акте, в сцене очной ставки, Ирина с первого появления Шуйского догадалась, что в нем таится враждебный замысел. Она следит с беспокойством за его выражением, и когда Федор требует от него ответа, она с необыкновенным присутствием духа, чтобы спасти Шуйского и вместе обязать его в верности, просит Федора не спрашивать его о прошедшем, но только взять с него слово за будущее. Во всей этой сцене, а равно и в следующей, где Федор, узнав о челобитне Шуйских, посылает их в тюрьму, Ирина своим благоразумием, спокойствием и присутствием духа представляет контраст с хлопотливостью и растерянностью Федора.

В пятом акте Ирина является вместе с княжной Мстиславской. Чувство ревнивости, которое так легко западает в сердце даже великодушной женщины, не коснулось Ирины. В ласковом обращении с своей невольной соперницей она не выказывает преувеличенья, как сделала бы на ее месте другая, победившая свою

ревнивость. С заботливой добротой и с женской солидарностью она поправляет расстроенные поднизи Мстиславской и не думает показать этим великодушие; ее участие и солидарность разумеются для нее сами собою. Коленопреклонение Ирины перед Федором, ее просьба за Шуйского — все должно быть просто и естественно, без малейшей торжественности. Весть о смерти Шуйского, а потом о смерти Дмитрия поражают ее сильно, но не лишают присутствия духа, и утешая Федора, она не упускает из вида участи государства. Ее соболезнование проникнуто несказанною горестью, а ее ответ Годунову, торжествующему, что их пути сошлись, тяжелым сознанием, что действительно оба страшные события их сблизили. Ее восклицание:

О, если б им сойтись не довелось!

которым оканчивается ее роль, есть болезненный крик, вырвавшийся из самой глубины ее сердца.

К сожалению, у нас нет портретов Ирины. Одежда ее всегда богата, а в торжественных случаях великолепна. Архиепископ элассонский Арсений, бывший в 1588 году в Москве вместе с константинопольским патриархом Иеремиею, видел ее в длинной мантии, поверх бархатной одежды, осыпанной жемчугом. На груди у нее была цепь из драгоценных каменьев, а на голове корона с двенадцатью жемчужными зубцами. Одежда ее боярынь была белая как снег. Англичанин Горсей также говорит, что Ирина в день венчания Федора сидела на престоле у открытого окна, в короне, вся в жемчуге и драгоценных каменьях. В трагедии она переменяет одежду несколько раз, смотря по обстановке, в которой находится.

Самое задушевное желание Ирины было иметь детей, и в своем свидании с константинопольским патриархом она так трогательно просила его молить о том бога, что патриарх заплакал. Но бог не услышал их молитв, и единственный ребенок Ирины, девочка, названная Феодосиею, умерла вскоре после рождения.

Во всей наружности Ирины разлито скромное достоинство. Взгляд ее умен, улыбка добра и приветлива; каждое ее движение плавно; голос ее тих и благозвучен, скорее контральто, чем сопрано. Атмосфера спокойствия ее окружает; при ней каждый невольно становится на свое место, и ему от этого делается легко; ее присутствие вызывает в каждом его лучшие стороны; при ней делаешься добрее, при ней дышится свободнее; от нее, по выражению Шуйского, веет тихим летом.

КНЯЗЬ ВАСИЛИЙ ШУЙСКИЙ

Об этом хитром, но неглубоком человеке я говорил подробно в моем первом «Проекте», так что не много придется здесь прибавить. Он представлен у меня изобретателем и зачинщиком сложной козни против Годунова. Мастер в такого рода делах, он чрезвычайно осторожен и не суется в опасность, не упрочив себе возможности отступления. Он непрочь и свергнуть Федора, чтобы посадить на царство Дмитрия, но находит, что это дело недостаточно подготовлено, и говорит Головину:

Так, зря, нельзя.

По этой причине, а не из верности Федору, он и дядю отговаривает от восстания. Держать же в своих руках нити замысловатой интриги, имеющей за собой вероятие успеха — ему очень приятно. Ему улыбается мысль, что духовенство и граждане, подписав челобитню о разводе, попались в западню и должны, хотя или нехотя, итти вместе с Шуйским. Он выказывает большую виртуозность в уговариваньи Мстиславского отказать Шаховскому и сделать из сестры своей царицу.

Когда его приводят, арестованного, к Годунову, он не показывает смущения, но говорит очень спокойно, что затеял челобитню ему же в услугу. При этом он нисколько не ожидает, что Годунов ему поверит, но употребляет этот изворот только для благовидности, чтобы перейти на сторону Годунова не в качестве переметчика, но давнишнего его приверженца. И Годунов, знающий его насквозь, не тратит с ним лишних слов, но принимает его уверение в преданности и верит ей теперь, потому что она в интересах Шуйского. Некоторые критики заметили мне, что Василий Шуйский, сделавшись так легко орудием Годунова, играет невыгодную для себя роль — и я не могу с ними не согласиться.

Нельзя дать драматическому артисту лучшего совета, как играть Шуйского так, как играет его г. Зубров в «Дмитрии Самозванце» Чаева и в моей «Смерти Иоанна».

ГОЛОВИН

Этот также интригант, и в том же самом деле, но с особенным индивидуальным оттенком. Он заносчивее Шуйского. Ставя свою цель выше, он более рискует и, надеясь на свою находчивость, не подготовляет себе задней двери на случай неудачи. В нем более дерзости, чем хитрости.

ЛУП-КЛЕШНИН

Этот заслуживает более подробного рассмотрения. Это тип мошенника преимущественно русский; по крайней мере, его редко встречаешь между иностранцами. Можно бы назвать его мошенником сугубым, или мошенником с перехватом. Каждую свою плутню он совершает не просто, а посредством другой, предварительной плутни. Так, например, когда льстит, он не просто льстит, но посредством грубости, заключающей в себе похвалу; и на людей не особенно тонких такая лесть действует тем сильнее, чем грубее ее оболочка. Образчиком тому служит его упрек Федору, что он «пошел весь в батюшку». Нас редко оскорбляет обвинение в пороках, которых мы решительно чужды, тем менее обвинение в излишней силе. А Федору такой упрек настоящая лафа. Как ему не согласиться, что он действительно суров и крут, когда его обвиняет в том его дядька, старый, испытанный слуга, известный своей простотой и откровенностью? Мало-по-малу этот прием перешел Клешнину в привычку, и он грубит даже бескорыстно. Для Годунова такой человек — находка. Когда ему нужно,

чтобы что-нибудь было высказано, чего он сам не хочет высказать, по принятому правилу сдержанности и скромности, то высказывает Клешнин без обиняков, а Годунову остается только извинять его простоту. Клешнин же продан Годунову столько же из личных выгод, сколько от скрытого презрения к Федору. Он не в состоянии понять Федоровой благости и откровенно предпочитает ему батюшку Ивана Васильича, который ни с кем долго толковать не изволил. Клешнин человек очень решительный, ничем не стесняющийся, без совести и предрассудков, не белоручка и большой циник. Он из числа тех людей, которые говорят: «Мы люди простые, люди русские! Рук не моем, ковшей не полощем! То все про больших господ, про бояр да про немцов; а наш брат по простоте: морду зовет рылом, а пощечину — оплеухой!» И за этой простотой, за этой грубостью таится целый механизм козноделства. Впрочем, Клешнин мало кого обманывает; он для этого недовольно изворотлив; да оно ему и не нужно; с него довольно, чтобы его боялись как Годуновского человека и сторонились от него как от быка.

В его роли два важные места: вербование Василисы Волоховой и очная ставка с князем Иван Петровичем. Оба места сами по себе понятны и не требуют пояснений.

Предложение его ехать в Углич, на следствие, исполнитель должен сказать, обдумавши его хорошенько; оно знаменательно для всей трагедии и намекает на исторический факт.

Наружность Клешнина грубая, циническая, а взгляд его волчий. Он впоследствии, убоясь огня адова, пошел в монахи и посхимился под именем отца Левкея.

КНЯЗЬ ТУРЕНИН

Это роль нетрудная, заключающаяся только в непримиримой вражде ко князю Ивану Шуйскому, которая должна быть выставлена как можно ярче. Так как между его первым и вторым появлением есть большой промежуток, то наружность его должна быть очень заметна, дабы, когда он ведет Ивана Шуйского в тюрьму, зритель тотчас его припомнил и узнал, что это именно Туренин, а не кто другой, кому теперь поручается участь Шуйского. Выражение Туренина мрачное и мстительное.

ВАСИЛИСА ВОЛОХОВА

Роль очень эффектная и не совсем легкая, если не брать ее с одной внешней стороны. Из разных ее проявлений зритель должен еще до сцены с Клешниным составить себе полное понятие о характере Волоховой, так чтобы ее готовность совершить преступление его не удивила. Клешнин определяет ее верно, говоря про нее:

На все пригодна руки!
Гадальщица, лекарка, сваха, сводня,
Усердна к богу, с чортом не в разладе.

Единственный двигатель всех действий Волоховой — это деньги. Из-за них она пускается на всевозможные ремесла и, как Протей,

принимает всевозможные виды. У нее, как у Клешнина, нет ничего святого, но она с большою готовностью подлаживается под все вкусы. Цинизм ее не менее бесстыден, чем цинизм Клешнина, но он гораздо наивнее, ибо она судит обо всех по себе и высказывает часто самые рискованные убеждения, полагая, что кто не дурак, у того и быть иных не может. В молодости она была баба веселая, нестрогая к добрым молодцам, когда к ней обращались не с пустыми руками; теперь же она принимает большое участие в сердечных делах других: кого посватает, кому и так доставит свидание. Ее мнение о людях самое низкое; она полагает, что нет человека, который за деньги не сделал бы всего на свете, не отравил бы отца и матери; но это, по ее словам, от немощи человеческой, и быть иначе не может; стало, тут нет ничего и дурного, а глуп тот, кто ближнего не бережется, а паче всего собственных детей; на то и разум человеку дан.

Она большая богомолка, охотница прикладываться к иконам, знает всех московских игумений и игумнов и вхожа в лучшие дома. Боярыни от нее души не чают, она им и солит, и варит, и летники кроит, и ферязи шьет; а боярышням про суженых гадает; а боярам от разных скорбей нашептывает; а всем вместе переносит сплетни из дома в дом; одних поссорит, других помирит, и с обеих сторон выпросит себе подарок. Самые сложные обряды она знает наизусть, и нет свадьбы, и нет помолвки, и нет крестин, и нет имении, и нет похорон, где бы она не играла роли. За каждый свой совет, за каждую услугу она получает от кого ширинку, от кого пару соболей, от кого деньги, и все это прячется под замок, от которого ключ она носит на шее, вместе с образками и ладанками. Она любит говорить про свою нищету и вдовье сиротство, но она не робкого свойства, за словом в карман не полезет и, при случае, великая мастерица ругаться. Бывает, что иной боярин, который нравом покруче, велит за какую-нибудь проделку согнать ее со двора; но она, вышмыгивая из ворот, успеет при всей дворне насулить ему такую кучу разных бед, что, узнав о том, боярин призадумается. А если вскоре захворает в доме ребенок или начнется пожар, то на представления жены боярин скажет: «Ну, ну, добро, пошли этот кошель чортовой бабе, чтоб она порчи у нас не чинила!»

Тип ее, с неизбежными изменениями, сохранился до нашего времени, и потому наружность ее и приемы не требуют описания. Не думаю, чтобы кто-либо мог передать Волохову лучше нашей заслуженной, необыкновенно умной и тонкой артистки, г-жи Линской.

КНЯЗЬ ШАХОВСКОЙ И КНЯЖНА МСТИСЛАВСКАЯ

Эти два лица играют хотя краткую, но необходимую роль в трагедии, по их органической связи с ее механизмом: без Мстиславской не было бы отказа Шаховскому; без Шаховского Федор не послал бы Шуйских в тюрьму. Но оба лица, как эпизодические, особенно Мстиславская, едва очерчены и не дают времени исполнителям углубиться в их характеры. Мстиславская — красивая

девушка, привязанная к своему дяде и воспитателю, Ивану Шуйскому, которого она очень боится; жениха же своего, Шаховского, она любит и сильно с ним кокетничает.

Шаховской — красивый, удалой молодец, благородный, отважный, ловкий во всех телесных упражнениях, но не легко связывающий две идеи вместе. Отличительная его черта — необдуманность, и критики, порицая его за этот недостаток, доказали свою проницательность, равно как и открытием, что Иван Петрович Шуйский неспособен быть главою политической партии.

МИТРОПОЛИТ ДИОНИСИЙ, АРХИЕПИСКОП ИОВ, АРХИЕПИСКОП ВАРЛААМ И ПРОЧИЕ ДУХОВНЫЕ ЛИЦА

Хотя ни одному из них не суждено явиться на сцену иначе, как инкогнито, но для полноты обзора не мешает сказать о них несколько слов.

Дионисий был человек достойный, всеми уважаемый, заслуживший от современников своею ученостью и красноречием прозвание мудрого грамматика. Главной его заботою было расширение церковных прав. Он не поддавался Годунову, которому не раз приходилось его задобривать, и грамата, врученная ему во втором акте, есть факт исторический. Когда начался процесс Шуйских, он и крутицкий архиепископ Варлаам — оба энергически протестовали против их осуждения и оба были сведены с престолов. Иов же, архиепископ ростовский, напротив, всегда держал сторону Годунова и был возведен в сан патриарха всея Руси. Роль его в деле об убиении царевича Дмитрия — очень незавидная. Экономия трагедии не допускала развития святительских характеров, но в ней сохранены самостоятельность Дионисия и подобострастие Иова. На сцене они могут показаться только в условном виде старцов, равно как и благовещенский протопоп и чудовский архимандрит. Духовника же Федора можно и вовсе исключить.

БОГДАН КУРЮКОВ И ПРОЧИЕ КУПЦЫ

Роль первого требует некоторого пояснения; другие только способствуют колориту трагедии. Курюков — человек минувшего века, когда еще значение удельных князей было только побеждено, а не вовсе уничтожено. В его время народ принимал еще участие в делах земли, и сочувствие его давало перевес той или другой стороне. На него опирались политические партии с успехом, не так, как попытался опереться Шуйский, когда уже царь Иван истолок, как в ступе, все исторические отношения, связывавшие народ с удельным княжеством. Курюков еще помнит эти отношения и держится их свято. Другие купцы привержены к Шуйским более по тождественности их интересов и по личному сочувствию; но для Курюкова Шуйские представляют знамя, которому он служит по преданию и за которое умирает. Это одна из тех богатырских фигур до-петровского времени, про

которые поляк Пасек говорит, что когда они стояли в сомкнутом строю с бердышами в руках, то казалось, что идешь «на отцов родных». Но в трагедии Курюков является уже как развалина былого, навсегда прошедшего времени. Он стал слаб и болтлив, и часто заговаривается. Только когда идет дело о Шуйских, он находит свою прежнюю ясность и прежнюю энергию. Лицо его умно и добродушно, рост высок, вся фигура живописна.

Иван Красильников и Голубь-сын — оба дюжие молодцы, особенно второй. Их ролей не следует давать щедушным статистам, иначе выйдет смешное противоречие между их наружностью и приписываемой им силой. Одно из назначений обоих — это показать неизгладившиеся еще или возобновившиеся после Иоанна отношения взаимного доверия между народом и боярством.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ, ДМИТРИЙ И ИВАН ШУЙСКИЕ; КНЯЗЬ МСТИСЛАВСКИЙ И КНЯЗЬ ХВОРОСТИНИН

Все три Шуйские были обвинены в измене и сосланы в заточение, где одновременно с Иван Петровичем удавлены также Иван Иванович и Андрей Иванович. Последний, настаивающий в третьем акте на убиении Годунова, был признан главным преступником.

Желательно, чтобы у всех троих в осанке и приемах была видна родственная черта гордой независимости, которою они, вместе с Иваном Петровичем, отличаются в большей мере, чем другие бояре, их сторонники.

О Хворостинине и Мстиславском не могу сказать ничего, кроме того, что первый был известен умом и воинскою доблестью, а второй, подобно своему отцу, постриженному Годуновым, одною доблестью. У Мстиславского есть сцена, требующая большой живости в исполнении, именно сцена, где он дает отказ Шаховскому.

ФЕДЮК СТАРКОВ

Этот шпион, слуга князя Ивана Петровича и его предатель, почти вовсе не говорит, но является в трех важных местах трагедии. Чтобы придать ему некоторую оригинальность, я предлагаю представить его седым человеком самого почтенного вида, которого одна наружность вселяет доверие. Он как будто ничего не видит и не знает, кроме своей должности дворецкого; но, когда на него не смотрят, глаза его бегают как мыши, а уши так и навастриваются. Если за эту роль возьмется умеющий, она даст ему случай к интересной немой игре.

ГУСЛЯР

Он должен быть молод, а не стар, чтобы его наружность составляла контраст с Курюковым. Песня его о Шуйском переделана из настоящей народной песни и бо́льшая часть стихов сохранена. Очень важно подобрать под них приличный напев, чтобы несведущий в археологии исполнитель не вздумал угостить публику

каким-нибудь романсом. Худшей услуги он бы не мог оказать народной сцене на Яузском мосту.

В собрании Стаховича он найдет характерные и подходящие мотивы. Одежда гусляра бедна, но опрятна.

НИЩИЕ

Эти должны быть в лохмотьях, и чем они будут оборваннее, тем живописнее выйдет последняя картина. Когда Годунов со Мстиславским уходят со сцены, а бояре и народ спешат за ними, нищие затягивают псалом, но так тихо, что он только слышится сквозь последний монолог Федора, но его не заглушает. Некоторые особенности одежды, а главное оригинальный народный напев можно найти в «Калеках перехожих» г. Бессонова.

ДЕКОРАЦИИ

Бóльшая часть декораций «Смерти Иоанна Грозного» годится и для «Царя Федора», но если он будет дан, то надобно сделать три новые:

Первую, в начале третьего акта:

САД КНЯЗЯ ИВАНА ПЕТРОВИЧА ШУЙСКОГО.

На первом плане кусты смородины и большие подсолнечники; в стороне забор с калиткой; в глубине пруд, с отражением в нем звездного неба, и крыльцо княжеского дома, по которому сходят действующие лица. Сначала ночь, потом занимающаяся заря.

Вторую, в конце четвертого акта:

МОСТ ЧЕРЕЗ ЯУЗУ.

Он должен итти от зрителей в глубину сцены, немного наискось, чтобы все на нем происходящее было видно. За рекой угол укрепления с воротами, через которые выводят Шуйских нá мост. Вдали рощи и монастыри.

Третью, в конце пятого акта:

ПЛОЩАДЬ ПЕРЕД АРХАНГЕЛЬСКИМ СОБОРОМ.

Церковные врата должны находиться на первом плане, справа или слева, ибо вся сцена происходит у самого собора.

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

При неустановившейся еще у нас театральной критике, при отсутствии общепризнанной теории драматической игры, артисты наши бывают постоянно сбиваемы самыми разнородными взглядами не только на их исполнение, но и на основные правила искусства.

Да будет же мне позволено, не вдаваясь в подробную теорию, которой здесь не место, заявить только о коренном законе, долженствующем руководить исполнителей всякой серьезной драмы. Закон

этот для них тот же самый, как и для драматического поэта: он предписывает взаимное проникновение идеализма и реализма или, простыми словами, соединение правды с красотой.

Полная и голая правда есть предмет науки, а не искусства. Искусство не должно противуречить правде, но оно не принимает ее в себя всю, как она есть. Оно берет от каждого явления только его типические черты и отбрасывает все несущественное. Этим живопись отличается от фотографии, поэзия от истории и, в частности, драма от драматической хроники. Иллюзия, производимая искусством, не должна быть иллюзией полного обмана. Удовольствие, ощущаемое нами при виде художественного портрета, есть иное чувство, чем созерцание оригинала в зеркале. Напротив, оригинал часто бывает нам неприятен, а воспроизведение нас привлекает. Причина тому, что живопись (когда она достойна этого имени) отбрасывает все, что в оригинале случайно, незнаменательно, индифферентно, и сохраняет только его сущность. Она возводит единичное явление природы в тип или в идею, другими словами, она его идеализирует и тем придает ему красоту и значение. То же делает драматург с историческим событием; то же должны делать с ним и драматические исполнители, которых обязанность: облекать в плоть и кровь идею драматурга. Как его фигуры в драме не суть повторения живых личностей, но идеи этих личностей, очищенные от всего, что не принадлежит к их сущности, так и драматический артист должен в исполнении воздерживаться от всего, что не составляет сущность его роли, но тщательно отыскивать и воспроизводить все ее типические черты. Его игра должна быть согласна с природой, но не быть ее повторением. Нет сомнения, что Юлию Кесарю случалось иногда кашлять и чихать, как и всем другим смертным, и художник, который в его роли вздумал бы кашлять и чихать, не отступил бы от природы, но он своим реализмом умалил бы идею Юлия Кесаря, ибо его сущность состояла не в чиханьи, которое он разделял и с другими римлянами, но в чертах, ему одному принадлежащих. Исполнитель серьезной роли не должен забывать, что, при ограниченности драматической рамы, каждое его движение, каждая его интонация имеют значение; он не должен позволять себе ничего лишнего и не должен упускать ничего существенного: одним словом, он должен проникнуться идеей, им представляемой, и постоянно держаться на ее высоте, имея в виду идеальную, а не реальную правду. Я настаиваю на этом законе так положительно потому, что он найден не мной, а Аристотелем. К нему же пристали все великие критики нашего времени, в том числе Лессинг и Гёте, и в этом смысле он может по справедливости назваться законом европейским. Хотя многие у нас находят, что мы не обязаны подчиняться этим законам «потому, что мы не европейцы», — подождем, чтобы Азия или Новая Голландия выслали нам более верную эстетику, или же чтобы явились особенные русские законы искусства, которые еще не открыты, но скоро должны открыться; а до того, за неимением лучшего, будем держаться как в технике драмы, так и в ее исполнении законов европейских, под опасением попасть в беззаконность.

Если бы кто нашел, что все сказанное мною разумеется само собой, и что я, по французскому выражению, взламываю незамкнутую дверь, — я тому отвечу, что совершенно с ним согласен, но в оправдание себе укажу на распространившуюся доктрину о каких-то русских началах, на которых должны у нас развиваться наука и искусство.

Есть русские нравы, русская физиогномия, русская история, русская археология; есть даже русское искусство — но нет русских начал искусства, как нет русской таблицы умножения. Нет, в строгом смысле, и европейских начал, а есть начала абсолютные, общие, вечные. Можно сомневаться в верности их определения, но не их существования; можно спорить о их сущности, но не о их применимости. И если бы даже которое-нибудь из этих начал не было достаточно уяснено, то с минуты своего уяснения оно станет обязательно для всех наций без исключения. Которое же из них признано годным для одного народа, то годно для всех народов, ибо перед законодательством искусства нет привилегированных классов.

С этими абсолютными началами не следует смешивать ни ту национальную физиогномию, которую невольно выказывает каждый драматург и каждый исполнитель и которая в иных случаях бывает недостатком; ни те национальные особенности, которые принадлежат по праву всем драматическим лицам, смотря по их народности, и с которыми соображаться есть долг и обязанность. Мы требуем как от драматурга, так и от исполнителя, чтобы каждое лицо действовало в нравах своей нации (русская ли она, или другая — все равно), и несоблюдение этого правила заслуживает порицания; но иное грешить против национальности, иное против законов искусства, и каждый из этих проступков подлежит особой подсудности. Спутывать национальные нравы с небывалыми национальными началами искусства — значит вносить неясность в понятия не только артистов и публики, но и самих писателей. Так называемая живая струя, «которая бьет из самобытного родника русского творчества», если она рождает действительно художественные произведения, бьет, без сомнения, из родника, общего всему художеству, как бы ни были национальны ее краски. Если же она бьет из другого источника, то, при всей национальности красок, никогда ничего не произведет истинно-художественного. Туманные выражения вроде: «Своеобычная форма исторического развития русского народа», или «Родовые черты бытового начала», или «Условия родовых отличий русской жизни» и так далее, которые выдаются нам за предтечи новых, оригинальных законов творчества, переводятся очень просто словами: Русские нравы, русская физиогномия. Само собою разумеется, что держаться этих условий на русской сцене есть долг как драматурга, так и исполнителя; но нет причины давать этому простому правилу какой-то глубокий, таинственный смысл. Писатель, который заставил бы Дмитрия Донского петь серенаду под балконом своей возлюбленной, или актер, который в роли Пожарского стал бы расшаркиваться, держа шапку подмышкой, оба провинились бы не перед русскими началами искусства, а перед

русскими нравами и русской физиогномией. И странно было бы говорить про них, что они нарушили «своеобычные условия родовых отличий», или приписывать их нелепость тому, что еще не открыта какая-то «струя» или «своебычная форма русской исторической драмы». Такого рода фразы затемняют самые простые понятия и уподобляются ученому, глубокомысленному отыскиванию рукавиц, торчащих за поясом.

Итак, пусть не смущаются ими наши исполнители, но, оставаясь русскими с головы до ног, тем не менее свято соблюдают общие законы искусства, обязательные для всех наций, и не упускают из вида главного из них: закона идеальной правды, который есть краеугольный камень всякого художника.

В заключение скажу, что какому бы искусству мы себя ни посвятили, оно никогда не дается нам даром, и что если нет художника без вдохновения, то одно вдохновение не составляет художника. Какие бы ни были природные дарования живописца, зодчего, ваятеля, музыканта или поэта, если они не подвергнут себя самой строгой дисциплине, они не возвысятся над посредственностью. Успех же, приобретаемый ими иногда насчет честного исполнения дела, есть стыд, а не торжество.

Первая степень дисциплины драматического артиста — это буквальное изучение своей роли; вторая — присвоение себе передаваемого характера в его малейших подробностях, с отбрасыванием всего, что не составляет его сущность; третья — согласование своей роли с прочими ролями пьесы и держание себя на подобающем градусе яркости, ни выше, ни ниже.

Это согласование ролей, которое называется у нас неприятным именем ансамбль и которое можно бы заменить словом дружность, есть преимущественно дело режиссера. Оно так важно, что без него никакое художественное исполнение немыслимо. Живописец, ваятель, зодчий или поэт зависят каждый от себя самого; но драматический артист, равно как и музыкант, участвующий в симфонии, зависят каждый от своих товарищей, как и эти от него зависят. Малейшее между ними несогласие производит диссонанс, разладицу, фальшь, и ответственность за это лежит на режиссере, который есть капельмейстер труппы.

Мы удивляемся иногда, что между драматическими художниками, которых общее согласие единственно упрочивает успех их общего дела, так трудно найти это согласие; но причина тому в самом существе их искусства. Исполнитель живет только в настоящем времени; в нем одном лежат его успех и торжество. Другие художники, если они не признаны современниками, могут надеяться на одобрение потомства; исполнитель ожидает его только от современников. Отсюда его жажда рукоплесканий; отсюда его уступки вкусу публики, хотя бы этот вкус противоречил его артистическим убеждениям; отсюда его желание быть замеченным во что бы то ни стало, хотя бы в ущерб пиесе. Но действующий так — ошибается. Правда окончательно берет верх над неправдой, и хотя у исполнителя короче срок, чем у другого художника, чтобы заставить публику его оценить — но жизни его на это достаточно. Вспомним покойного Щепкина, который, никогда не спускаясь до уровня толпы, тем

самым заставлял толпу подыматься до его высоты. Художник, жертвующий своею совестью минутному торжеству, перестает быть художником, ибо он забывает, что уже одно служение искусству заключает в себе свою награду. Пусть лучше он останется непризнанным, пусть лучше вся пиеса упадет и провалится, чем допустится посягательство на достоинство искусства! В этой области более, чем во всякой другой, должно царить правило: «Вершися правда, хоть свет пропадай!» Fiat justitia, pereat mundus!

Красный Рог, Черниговск. губ.
Сентябрь, 1868.

ВАРИАНТЫ

СМЕРТЬ ИОАННА ГРОЗНОГО

ВАРИАНТЫ ЖУРНАЛЬНОГО ТЕКСТА

Стр. 10, ст. 6[1]

Шереметев

Стр. 12, вместо ст. 8

Смягчится царь, когда мы всею думой
Ему челом ударим.

Стр. 12, вместо ст. 15—22

Захарьин

Да, непохож он на себя теперь!
Не ест, не пьет, давно не знает сна.

Стр. 23, ст. 7

Царские покои

Стр. 26, ст. 9

Великий государь! Сейчас из Пскова

Стр. 36, вместо ст. 18—24

Тому из вас, кто, бога позабыв,
Задумает что-либо надо мною,
Или врагам что́ передаст, иль в дружбу
Войдет с опальным недругом моим,
Иль в чем-нибудь дерзнет мне прекословить!

Стр. 37, вместо ст. 18—22

Сам сесть на царство — случай был сегодня —
Теперь молчи! Мы все идем в собор

Стр. 38, ст. 10

Мы, кажется, с тобой ошиблись оба:

Стр. 38, после ст. 14

Захарьин

И никому теперь не доверяет.
В делах посольских он, бывало, с думой
Держал совет. Теперь же без совета
Всё сам вершит. Боюсь я, что наш выбор
Умножил в нем уверенность в себе!

Годунов

Что было делать нам, отец названный!

Стр. 39, вместо ст. 3—10

С царицей развестися! Но за что же!
Скажи, за что?

---

[1] Стр. — страница; ст. — строка (не стих).

Годунов

За то лишь, что она
Не царственного рода.

Захарьин

Быть не может!
Борис, ты точно ль знаешь?

Годунов

Он мне сам

Стр. 44, вместо ст. 32
Что делатель ты добрый, и что лучше
Других бояр мою вершишь ты волю;

Стр. 45, ст. 2—6 *отсутствуют.*

Стр. 46, ст. 10 За Годунова, князь, ты пить не хочешь?

Стр. 49, ст. 22 *отсутствует.*

Стр. 90, ст. 32 Войну, иль мир с Батуром заключишь?

Стр. 98, ст. 15 А чресла непрощаемым грехом!

Стр. 101, ст. 14 *Вместо* «главу»: голову.

Стр. 107, ст. 1 *Ремарки нет.*

Стр. 116, вместо ст. 4
Помилуй!
Меня твои пугают речи! Будем

Вместо стр. 127, ст. 28—стр. 128, ст. 7
Я хоровод тебе привел!

Бельский *(осматривает скоморохов)*

Изрядно!

Стр. 128, ст. 18—19
И чуть лишь он нахмурится — состря
Иль шутку выкинь посмешней!

Стр. 128, ст. 26 Поди сострн!

Вместо стр. 133, ст. 2—стр. 134, ст. 11
Из рук моих! Так отойду я к богу
И посрамятся недруги мои!
Что шепчетесь вы там?

Шуйский

Нет, государь,
Мы не шептались!

Иоанн

Вы как будто ждете
Чего сегодня? а? Чего вы ждете?

(Бельский делает знак шуту, который рассматривал разные вещи на столах. Шут берет ящик с шахматами и подносит к Иоанну.)

Шут

Надёжа-царь! Вишь, куколки какие!
Похожи больно на твоих бояр!
К чему они?

Иоанн

Что это у него?

Стр. 138, ст. 8 Позвать врачей! Дать знать митрополиту!

Стр. 138, вместо 15—19

Скоморохи

Ой, жги, жги, жги!
Поджигай! Жги, жги!
Настежь, баба, ворота!
Тащи козла за рога!

Бояре

Что это? Что? Назад! Побойтесь бога!

Скоморохи

Ой, жги, жги, жги!
Пошла баба в три ноги!

Стр. 141, ст. 5 *Слов* «опускаясь на колени» *нет.*

Вместо стр. 142, ст. 24—27

Григорий и Михайло Нагие

Как? Он? На нас?

Мстиславский *(к Битяговскому)*

И в том ты присягнешь?

Битяговский *(нагло)*

Да! Присягну!

Стр. 143, вместо ст. 6

Вот этот наряжен от государя
Блюсти тебя с царевичем твоим.

Стр. 143, перед ст. 8

Феодор Иоанныч! Как? Отец твой
Еще лежит перед тобой — еще
Он не остыл — а нас уж отсылают!

Стр. 143, вместо ст. 15

Там лучше ей. Покойный твой родитель
Так завещал.

Стр. 143, вместо ст. 25

Великий царь Феодор Иоанныч,
Лишь только долг родителю отдаст,
Начать намерен новые порядки:
Тебя он просит оставаться с ним
И помогать ему твоим советом.

Стр. 144, ст. 5—6 *отсутствуют.*

ЦАРЬ БОРИС

РУКОПИСНЫЕ ВАРИАНТЫ [1]

Стр. 309, после ст. 22

Вы, стольники — вы, стряпчие и рынды —
Идите с ними всказывать в столы!

Стр. 309, ст. 27 *После* «пуста»: Борис сходит с престола и подходит к просцениуму. [2]

Вместо стр. 309, ст. 28—стр. 310, ст. 26 *Монолог Бориса вставлен позже. Первоначально он был в следующей картине: «Келья в Новодевичьем монастыре». Борис произносил его между уходом Шуйского и Семена Годунова и приходом Ирины (с. 316). В этом месте рукописи он зачеркнут, а две ремарки (уход одних действующих лиц — перед монологом — и появление других — после монолога) соединены в одну.*

Стр. 318, вместо ст. 33

От прошлого. Твой светлый ум, сестра,
Способен видеть далее и шире
Той тесноты, где нам дела отдельно
Являются. Широкая река,

Стр. 319, вместо ст. 21—22

Не может быть, кто жизнью осужден
Вести борьбу; кто хоть какую цель

Стр. 322, после ст. 32

Обманывая слуг моих надзор,
Я иногда бежал в дремучий бор,
А иногда, в необъяснимом горе,
Бросался я в забытую ладью
И уносил в бушующее море,
Один, тоску неясную мою.
Но вновь она меня одолевала,
Бездействен я и пасмурен сидел —
Не детских игр душа моя искала.
Я жаждал битв и мужественных дел.
И те ж меня всё осаждали грезы —
И из очей моих катились слезы.

---

[1] Все они зачеркнуты в рукописи.

[2] Вместо этих слов появилась ремарка „Сходя с престола" после ст. „Гостей идите угощать!", а затем она была перенесена на свое окончательное место.

Стр. 326, ст. 33—34 Его печаль о том, что Русь отстала
От прочих царств, его негодованье

Стр. 327, вместо ст. 7—9

И ты б не обманулся.
Не потому, что мне отец он, так
Я горячо люблю его. За то
Его люблю я, Христиан, что он

Стр. 327, вместо ст. 13 Он о себе не думает совсем;
Лишь об одной Руси его забота:

Стр. 332, вместо ст. 11 Что сталося с тобой, Семен Никитич?
Лица не видно на тебе. Чем так

Стр. 347, ст. 3 *Вместо* «Тот, кто собирает»: Тот, что в Угличе от ножа его спасся, а ноне собирает

Вместо стр. 351, ст. 21—стр. 352, ст. 3

Посадский

Ходит чучело, эх его распучило!

Митька

Ты про кого?

Посадский

Про тебя, тюлень. Ползет улита, знать еще не бита!

Митька

Кто ж это улита?

Посадский

Ты улита. Что ж не бьешь?

Митька

А вот хвачу! постой!

(Хочет ударить посадского; тот увертывается и бьет его в плечо.)

Мисаил

Эх!

Григорий

Раз!

(Разбойники хохочут.)

Митька *(к монахам)*

Чаво считаете?

Посадский

Где ж тебе меня свалить?

Стр. 352, ст. 24 *После* «зовет вас!»: Чрез шесть недель будьте на Десне. Там свидимся и вместе на Москву пойдем!

Стр. 353, ст. 3 *После* «всем»: крестьянам

Стр. 354, вместо ст. 12—17

Хлопко

Ну, диковина!

Один разбойник *(с чаркой в руке)*

Выпущала сокола́
Из права́го рукава!

Другой *(с балалайкой)*

Ай, люли, люли, люли!
Да разлюлишеньки мои!

Крики

Эхма! Царевич в Северскую землю зовет! На Москву хочет вести. — Нам Борисову казну отдает!

Первый со вторым

Ай, люли, люли, люли!
Да разлюлишеньки мои!

Крики

К царевичу! К царевичу! Веди нас, атаман! — Когда к царевичу поведешь?

Стр. 355, ст. 16—29 *Отрывок от «Возможно ль» до «Вернуться будет к милости» вставлен уже после отсылки рукописи в редакцию «Вестника Европы».*

Стр. 359, ст. 14 Он города воюет? О, отец,

Стр. 364, ст. 21 Нет, никого я не подозреваю.

Стр. 367, ст. 15—17
Не от бояр — не в городе опасность,
А в тереме живет твоем. Доколе
В нем этот семиба́течник живет —

Стр. 369, вместо ст. 10—12
Не то — я сам явлюся между них, —
И горе им!

Стольник *(входя)*

Великий государь —
Боярин князь Василь Иваныч Шуйский!

Вместо стр. 379, ст. 25—стр. 380, ст. 18 На площадь ты отправишься сегодня [1]

Стр. 386, после ст. 9 Любовь к тому [2]

Стр. 391, ст. 31 Взбесилися!

Стр. 410, ст. 22—23 Через него я возвратил бы море
Ей Русское! Чтó Ярослав стяжал, [3]

Стр. 412, вместо ст. 5—8

Семен Годунов

Кручинен ты?

Борис

Бог видит, не от страха!
Не оттого, чтó после всех трудов

Стр. 412, ст. 25—26 Государь, напрасно
Тебя печалит дерзкий этот лист. [4]

ПРОЕКТ ПОСТАНОВКИ НА СЦЕНУ ТРАГЕДИИ «СМЕРТЬ ИОАННА ГРОЗНОГО»

РУКОПИСНЫЕ ВАРИАНТЫ

Стр. 445, ст. 32 *Вместо* «одной исключительной идее»: исключительно идее самодержавия,

Стр. 449, ст. 44 *Вместо* «Бельский»: [Шуйский] [5]

Стр. 451, после ст. 24 *Здесь был первоначально абзац: «В сцене шахматной игры» и т. д.; он зачеркнут и перенесен в характеристику Бельского (с. 460).*

Стр. 453, ст. 48 *Вместо* «угрызений»: [галлюцинаций]

Стр. 471, ст. 30 *После* «личного звания»: Такими людьми помыкать нетрудно.

Стр. 471, ст. 32 *После* «всех прочих»: Англичане во все времена добивались гражданской свободы; французы до сих пор добиваются только равенства; если во Франции всех давят одинаково, то все довольны.

---

[1] Весь отрывок вставлен уже после отсылки рукописи в „Вестник Европы".
[2] Стих был только начат.
[3] Об этом исправлении см. письмо Т. к Стасюлевичу от 2 янв. 1870 г.
[4] Вариант был сразу отвергнут и заменен окончательным текстом этих строк.
[5] Слова, заключенные в квадратные скобки, зачеркнуты в рукописи.

Русские XVI века не добивались ни свободы, ни равенства. Они добивались пересесть друг друга, обогатиться на счет городов, даваемых им в кормление, и удостоиться царской милости.

Стр. 471, ст. 33 — *Вместо* «Безусловно покоряясь высшему произволу»: [Раболепно покоряясь царскому произволу]

Стр. 472, ст. 17 — *После* «приказывал бы»: [сотнями]

Стр. 472, ст. 25 — *После* «во чистом поле»: [И это удалось ему под конец его царствованья.]

Стр. 473, ст. 10 — *После* «не было чувства законности»: которое есть первое условие гражданской свободы [единственная несокрушимая хартия, которую нация дает сама себе и против которой итти не властен никакой Иоанн на свете], без которого не действительны никакие [конституции] хартии и которое, перешедши в кровь и тело нации, может одно служить ей отпором против злоупотреблений власти. Чувства этого были равно чужды и народ и бояре.

Стр. 473, ст. 24 — *Вместо* «общие психические движения»: [общее движение речи]

Стр. 474, ст. 31 — *После* «говорят массы»: [Цель ее показать рефлексом, насколько Годунов ушел вперед с тех пор, как зритель его оставил. Вместе с тем она приготовляет зрителя к появлению кометы.]

Стр. 474, ст. 44 — *После* «в наше время»: Заветных кафтанчиков верблюжьего цвета, с голубыми или розовыми отворотами, в каких народ является у нас на сцене в исторических пиесах, никто никогда не носил. Не носил никто также и кучерских шляп вроде той, с которой балетмейстер Гольц танцует мнимую русскую. На простолюдинах должны быть круглые шапки или поярковые грешневики.

Стр. 474, ст. 47 — *После* «босиком»: Если же они явятся в условных кафтанчиках, да еще с иголочки, вся иллюзия пропала.

Стр. 476, ст. 5 — *Вместо* «иметь свой особенный, основной рисунок»: [представлять архитектурный рисунок или твердый остов]

Стр. 476, ст. 27—28 — *Вместо* «потому что... общей игры»: [особенно для двух главных ролей, потому что от этого зависит [pianissimo, fortissimo и smorzando] т е м п о их игры, с которым соображаются и остальные роли.]

ПРИМЕЧАНИЯ

ОТ РЕДАКТОРА

Настоящее издание является первой попыткой научного издания драматической трилогии Т.

Обилие материала заставило нас ограничиться в примечаниях главным образом историей создания пьес и их историческими источниками. Для того чтобы не комкать этого материала, мы, в виду недостатка места, должны были вовсе отбросить ту часть примечаний, которая была посвящена театральной истории трилогии и обзору и интерпретации современных Т. критических отзывов.

Мы не могли также подробно охарактеризовать драматургические принципы Т., о которых лишь попутно говорится в нескольких местах, соотношение трилогии с драматургией Шекспира, Шиллера, романтиков и Пушкина, равно как и историческую концепцию Т. Это — предмет статьи, а не примечаний. Краткая характеристика исторических взглядов Т. дана в нашей вступительной статье к «Стихотворениям» Т. («малая серия» «Библиотеки поэта», № 41).

Отдельные наблюдения, сделанные в примечаниях к одной из частей трилогии, относятся в ряде случаев и к другим ее частям.

Рукописные и печатные варианты приведены не все, а только наиболее существенные.

В тексте трилогии и «проектов» сохранены особенности орфографии Т., имеющие фонетическое или лексическое значение («ихных», «немцов», анбары», «крилошанка» и пр.). Из особенностей пунктуации не сохранено тире, часто употреблявшееся Т. вместо многоточия в конце реплик.

В примечаниях допущены следующие сокращения:

ВБЛ — рукоп. отд. Всесоюзной Публичной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

ВЕ — «Вестник Европы».

ИГР, IX, X, XI, XII — Н. М. Карамзин. История государства Российского. Том IX, СПБ., 1821; томы X—XI, СПБ., 1824; том XII, СПБ., 1829.

ИРЛИ — рукоп. отд. Института Русской Литературы Академии Наук СССР.

ОЗ — «Отечественные Записки».

СИГ — «Смерть Иоанна Грозного».

ЦБ — «Царь Борис».

ЦФИ — «Царь Федор Иоаннович».

Неоднократно цитирующиеся письма Т. к М. М. Стасюлевичу и Н. И. Костомарову напечатаны в издании «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. II, СПБ., 1912. Письма

к жене, Б. М. Маркевичу, кн. Сайн-Витгенштейн, Я. П. Полонскому, О. А. Новиковой собраны в IV томе «Полного собрания сочинений», изд. А. Ф. Маркса, СПБ., 1908. Цитаты из неизданных писем к Маркевичу и из выпущенных при их публикации отрывков приведены по автографам, находящимся в ИРЛИ.

СМЕРТЬ ИОАННА ГРОЗНОГО

Впервые — в ОЗ, 1866, № 1, с. 1—116. Отдельное издание трагедии вышло в конце того же года. Печатаем текст этого издания с исправлениями по ОЗ.

В начале 1863 г. Т. сообщил Я. П. Полонскому (копия ответа на это письмо, сохранившаяся в арх. Полонского в ИРЛИ, датирована февралем 1863 г.): «А я, с позволения сказать, пишу теперь большую трагедию в стихах: «Смерть Иоанна Грозного». Два акта уже написаны и, говорят, вышли хорошо». Приблизительно к этому времени относится чтение начала пьесы, о котором упоминает Маркевич в своей статье 1866 г.: «Пишущий эти строки имел случай присутствовать в 1863 г. в Дрездене при чтении первых двух актов «Смерти Грозного», только что написанных тогда графом Толстым и тогда же переведенных на немецкий язык известною писательницею нашею К. К. Павловою. Чтение происходило у графа Б., современника и друга Жан-Поля, в присутствии довольно многочисленного общества немецких литераторов и дрезденских актеров» и т. д. («Соврем. Летопись», 1866, № 36, с. 11). Приведенные выше слова из письма Т. к Полонскому и связаны, по всей вероятности, с высокой оценкой начала трагедии именно после этого чтения. Обострившаяся болезнь значительно замедлила работу над пьесой. За первую половину 1863 г., сплошь проведенную за границей, Т. написал еще только третий акт; в июне поэт скопировал его для К. Павловой (письмо к жене от 28 июня). Подробности дальнейшей работы над СИГ неизвестны. Во всяком случае, к лету 1864 г. она была закончена. «Я читал Гончарову «Смерть Иоанна», — писал Т. жене 27 июня 1864 г. — Он восхитился, но ты никогда не отгадаешь, что́ он осудил и даже сказал, что он на это негодует. — Зачем сбылось предсказание волхвов? Это, мол, невозможно.... Про «Серебряного» он говорит, что это — подвиг, и что меня только тогда оценят, когда я умру, — а появления «Смерти Иоанна» уже ждут со злобою, чтобы на нее напасть и уничтожить. Он же говорит, что она так хороша, что в нашей литературе нет ничего ей подобного, исключая „Бориса Годунова“».

Т. вел переговоры о напечатании СИГ с «Русским Вестником». 24 ноября 1864 г. он известил Каткова, что посылает ему рукопись в исправленном виде: «Я много что прибавил, а еще более выпустил бесполезного. Это мне дает возможность написать в виде продолжения другую драму: «Царь Федор», к которой я уже и приступил». Одним из условий Т. было: «никакого цензурного изменения или усечения» (ВБЛ). Они разошлись в денежных условиях (Т. хотел получить 4000 р.). Поручая вслед за этим свою пьесу И. А. Гончарову, Т. «просил не отдавать ее... ни в книги-

листические журналы, ни в «Русский Вестник» (письмо Гончарова к П. А. Вяземскому — «Красный Архив», т. II, М. — П., 1923, с. 266). Были какие-то цензурные затруднения. В марте 1865 г. Гончаров сообщил Т., что сейчас получить разрешение невозможно и нужно некоторое время выждать (A. Lirondelle, Le poète Alexis Tolstoï, Paris, 1912, с. 226 и 235). Лишь в конце года ему удалось, повидимому, преодолеть цензурные препятствия, и он отдал пьесу в ОЗ. В то же время к Т. обратилась редакция ВЕ с просьбой предоставить СИГ ей. 7 дек. 1865 г. Т. писал Н. И. Костомарову: «Сердечно сожалею, что Вы не написали мне одною неделею раньше. Я, конечно, предпочел бы отдать трагедию Вам; жаль также, что Вы не видали Гончарова прежде, чем он дал слово Дудышкину. Я уверен, что и он охотнее отдал бы ее Вам, тем более, что Вы согласились бы и на объявленную мною цену, а Дудышкин дал только половину. Но делать нечего, дело сделано.... На будущее время я очень рад быть Вашим сотрудником по части литературы, т. е. беллетристики».

В конце 1865 и в 1866 г. СИГ несколько раз читалась в литературных и артистических кругах: одно чтение происходило у Ф. И. Тютчева (см. статью Ростислава — Ф. М. Толстого в «Голосе», 1867, № 18; Ростислав называет это чтение «первым»); 3 дек. 1865 г. Гончаров читал пьесу у А. В. Никитенко («Записки и дневник» Никитенко, т. III, СПБ., 1893, с. 63), 8 февр. 1866 г. Маркевич у П. А. Вяземского («Русская Старина», 1892, № 12, с. 671, и «Записки и дневник» Никитенко, т. III, с. 81), наконец, уже в декабре 1866 г. А. Н. Островский в Московском артистическом кружке («Историч. Вестник», 1912, № 5, с. 488).

В отдельное издание СИГ, вышедшее в конце 1866 г., Т. внес ряд изменений. Так, в I сц. 1 д. Бельский был сначала лицом без речей, а при подготовке отдельного издания ему передана реплика Шереметева «Без мест, пожалуй» и часть реплики Захарьина («Не ест, не пьет, давно не знает сна») в соединении с четырьмя новыми строками. В обеих сценах 1 д. не было упоминаний о переговорах с английским послом (одно из них и есть отмеченные выше четыре строки, которые вошли в реплику Бельского). На последней странице СИГ в уста Захарьина вложены слова: «Прости нас всех! вот самовластья кара! Вот распаденья нашего исход!», отсутствовавшие в ОЗ и формулирующие центральную идею трагедии. В ряде мест Т. несколько архаизировал язык: вместо «от Пскова прибыл гонец» первоначально было «из Пскова...», вместо «Про Годунова, князь, ты пить не хочешь» — «За Годунова...», вместо «мир с Батуром учинишь?» — «...с Батуром заключишь» и т. д. Наиболее существенные варианты приведены на с. 521—524.

При переработке некоторых мест Т. учел доходившие до него отзывы. Два изменения были внесены под влиянием письма Б. М. Маркевича. Передавая Т. впечатления читателей и слушателей трагедии (Маркевич несколько раз читал ее в петербургских аристократических домах и в писательской среде), он писал 27 февр. 1865 г.: «Строгие критики указывают лишь на некоторые археологические промахи и на анахронизмы языка, из которых главные,

если не ошибаюсь, слова Бельского «состри, шут» и ответ шута, в котором повторяется тот же глагол. И действительно, глагол этот в данном смысле едва ли принадлежит к выражениям, употреблявшимся в России в XVI веке». Слово «состри» было изъято Т. из обеих реплик. В том же письме Маркевич сообщил Т.: «Феофил Толстой заметил совершенно правильно, что следовало бы сократить, елико возможно, сцену скоморохов, ибо, если они будут петь два куплета в 4 стиха каждый, раек непременно расхохочется, и этот смех в самый патетический момент может повредить успеху всей пьесы» («Письма Б. М. Маркевича к гр. А. К. Толстому, П. К. Щебальскому и друг.», СПБ., 1888, с. 101, 104). Т. сократил куплеты, сопровождавшие второе появление скоморохов, оставив лишь два стиха, но зато вставил пять стихов при их первом появлении. В данном случае на него могло повлиять не только письмо Маркевича, но и статья о СИГ В. П. Буренина, отметившего неизбежность комического эффекта («С.-Петерб. Ведомости», 1866, № 23).

Основным источником СИГ, как и всей трилогии Т., является ИГР. Некоторые факты он мог, конечно, заимствовать и из иных источников. Однако, в одних случаях соответствующие цитаты из этих источников приведены в примечаниях к ИГР, и можно с уверенностью утверждать, что непосредственно к ним Т. не обращался; в других в пользу Карамзина убедительно говорят словесные совпадения, совпадения деталей и пр. Кроме ИГР Т., разумеется в гораздо меньшей степени, воспользовался в СИГ «Сказаниями князя Курбского», изданными Н. Устряловым (1-е изд. — СПБ., 1833). Во II сц. I д. использованы письма Курбского к Иоанну. Большие отрывки из них имеются, правда, и в ИГР (IX, примеч., с. 39—40, 185—192), но некоторые детали и слова, попавшие в трагедию, у Карамзина отсутствуют. В IV д., в сцене чтения синодика, Т. опирался на текст синодика Иоанна Грозного, опубликованный во II т. «Сказаний». Приводим наиболее существенные сопоставления СИГ с ИГР и Курбским.

Д е й с т в и е I. В основе всего действия лежит следующее место ИГР: «В сем душевном волнении (после убийства сына. — *Ред.)* Иоанн призвал знатнейших мужей государственных и сказал торжественно, что ему, столь жестоко наказанному богом, остается кончить дни в уединении монастырском; что меньший его сын Феодор неспособен управлять Россиею и не мог бы царствовать долго; что бояре должы избрать государя достойного, коему он немедленно вручит державу и сдаст царство. Все изумились: одни верили искренности Иоанновой и были тронуты до глубины сердца; другие опасались коварства, думая, что государь желает только выведать их тайные мысли, и что ни им, ни тому, кого они признали бы достойным венца, не миновать лютой казни. Единодушным ответом было: «не оставляй нас; не хотим царя, кроме богом данного, тебя и твоего сына!» Иоанн как бы невольно согласился носить еще тягость правления» (IX, с. 355). Отдельные фразы, слова и мотивы этого отрывка отразились в обращении Захарьина к боярам и обрисовке их настроений, в мечтах Иоанна о принятии схимы и его разговоре с боярами (ср., напр., «тягость государства» с «тягость правления» у Карамзина и т. п.). По Карамзину Борис

Годунов не принимал в этом эпизоде никакого участия (IX, с. 356), но Т. необходимо было сразу выдвинуть его на первый план и вовлечь в основную интригу пьесы — отсюда, вопреки историческим данным, его роль в обеих сценах I д.

Боярская дума. Эпитет «сладкоречив» в реплике Сицкого (с. 20) заимствован из характеристики Бориса (X, с. 12). — Материалом для ряда мест пьесы, где говорится о переговорах с английским послом Баусом как по поводу женитьбы на Марии Гастингс, так и по поводу торгового договора, послужили с. 419—432 IX т. ИГР. Самое слово «тайно» применительно к переговорам о женитьбе несколько раз повторено Карамзиным (IX, с. 424, 427, 430); его нет в статье Ю. Толстого «Последнее посольство английской королевы Елисаветы к царю Ивану Васильевичу. Сэр Еремей Баус» («Русский Вестник», 1861, № 11), с которой автор СИГ был, повидимому, знаком, так как внимательно следил в эти годы за «Русским Вестником».

Царская опочивальня. Слова Иоанна об убийстве сына (с. 24) ср. со с. 353 т. IX ИГР. — Материалом для рассказа гонца (с. 26—29) послужило описание осады Пскова (IX, с. 332—344). Т. заимствовал из него целый ряд сюжетных моментов и описательных деталей (отъезд короля в Варшаву, подкопы, взрыв Свинарской башни, осадный колокол, кувшины зелья и т. д.), но он хронологически сблизил их, между тем как у Карамзина они отнесены к разным моментам осады. Ср. подробное описание осады Пскова в «Повествовании о России» Н. Арцыбашева (т. II, М., 1838, с. 365—366), где ряд деталей приведен со ссылками на Карамзина, а Трескотуха, мощи кн. Всеволода и пр. вовсе не упомянуты. Самый факт донесения гонца Иоанну также заимствован у Карамзина: «28 ноября, в Москве, он уже слушал донесение гонца своего о Псковской осаде» (IX, с. 367). — Письмо Курбского (с. 30—33) — мозаика из его подлинных писем. Т. использовал главным образом письмо 1579 г. Вот некоторые места, к которым восходит текст этих страниц СИГ: «Широковещательное и многошумящее твое писание приях и выразумех», «Аз давно уже на широковещательный лист твой отписах», «Аки бы нечто смеху достойно и пияных баб басни», «А еже исповедь твою ко мне, яко ко единому пресвитеру, исчитаеши по ряду, сего аз недостоин, яко простый человек, в военном чину сущь, и краем уха послушати», «Тя подвижут на Афродитские дела», «Собравшися со всем твоим воинством, за лесы забившися, яко един хороняка и бегун, трепещешь и исчезаешь, никому ж гонящу тя: токмо совесть твоя внутрь вопиюща на тя, обличающе за прескверные твои дела» и т. п. («Сказания», т. II, с. 7, 103—104, 119, 128—130, 141—143).

Действие II. *Дом Шуйского.* Названия вин (с. 53) взяты из описания царского стола при Федоре Иоанновиче (X, с. 275). Впрочем, Т. мог заимствовать их из безусловно известной ему книги Н. И. Костомарова «Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях», СПБ., 1860, с. 92.

Действие III. *Престольная палата* (с. 70—75). Во время осады Пскова ни Гарабурда, ни какой бы то ни было другой посол Батория в Москве не был, и вся эта сцена в целом, играющая, по словам

самого Т., исключительно важную роль в пьесе (см. «Проект постановки», с. 448, 462—463 и 476), вымышлена им. Отдельные факты, о которых в ней идет речь (переговоры Гарабурды с Иоанном в 1573 г., когда польский сейм предложил ему корону, причины их неудачи, избрание и бегство Генрика, дань Батория султану), заимствованы из ИГР—IX, с. 228—235, 244—246; X, с. 86. Оттуда же взято оскорбительное для Батория обращение «сосед» (IX, с. 282, 290). Вызов Иоанна на поединок связан со следующими словами из письма к нему Батория: «Уссядь на коня своего, а поразумем мы ся межи собою о часе и местцу: там покажися мужом.... Сами с собою учиним два: так меньше кровп хрестьянские будет пролито» (IX, примеч., с. 201).

Действие IV. *Внутренние покои царя.* Основным источником этой сцены является следующий отрывок: «В сие время явилась комета с крестообразным небесным знамением между церковию Иоанна Великого[1] и благовещения: любопытный царь вышел на Красное крыльцо, смотрел долго, изменился в лице и сказал окружающим: вот знамение моей смерти! Тревожимый сею мыслию, он искал, как пишут, астрологов, мнимых волхвов, в России и в Лапландии, собрал их до шестидесяти, отвел им дом в Москве, ежедневно посылал любимца своего Бельского толковать с ними о комете и скоро занемог опасно.... Уверяют, что астрологи предсказали ему неминуемую смерть через несколько дней, именно 18 марта, но что Иоанн велел им молчать, с угрозою сжечь их всех на костре, если будут нескромны.... Еще надеялся на выздоровление, однакож созвал бояр и велел писать завещание; объявил царевича Феодора наследником престола и монархом; избрал знаменитых мужей, князя Ивана Петровича Шуйского.... Ивана Федоровича Мстиславского.... Никиту Романовича Юрьева.... Бориса Годунова и Бельского в советники и блюстители державы, да облегчают юному Феодору (слабому телом и душою) бремя забот государственных; младенцу Димитрию с материю назначил в удел город Углич и вверил его воспитание одному Бельскому.... убеждал Феодора царствовать благочестиво, с любовию и милостию: советовал ему и пяти главным вельможам удаляться от войны с христианскими державами» и т. д. (IX, с. 433—434). — Кроме того в этой сцене использовано еще несколько мест ИГР. Так, например, рассказ дворецкого Александровской слободы (с. 96) восходит к словам: «писали, что.... громовая стрела зимою, в день рождества христова, при ясном солнце зажгла Иоаннову спальню в слободе Александровской» (IX, с. 350). — Обращение Иоанна к Федору «пономарь» (с. 100), использованное также в гл. 40 «Князя Серебряного», связано с цитатой из Петрея, приведенной Карамзиным в примечаниях к ИГР: «Иоанн часто укорял Федора тем, что он создан быть звонарем, а не царем (dass er eines Glöckners Sohne gleicher wäre, als eines Grossfürsten)» (X, примеч., с. 3). Н. Устрялов, цитируя слова Петрея в издании: «Сказания современников о Димитрии Самозванце» (часть I, изд. 2, СПБ., 1837, с. 223), перевел

[1] Интересно, что Т. вслед за Карамзиным допустил ту же ошибку: церковь Ивана Великого построена лишь в царствование Бориса Годунова.

не «сын звонаря», а «сын пономарский». Так же перевел это выражение и Ю. Толстой, автор упомянутой выше статьи о Баусе (с. 34). Возможно, что Т. заимствовал слово «пономарь» у Устрялова или — что менее вероятно — у своего однофамильца; но, с другой стороны, Карамзин, цитируя Петрея, привел, как мы видели, соответствующее место подлинника; значит, сам Т., независимо от Устрялова и Ю. Толстого, мог перевести «Glöknег» словом «пономарь». — Ужас Иоанна перед Баторием несколько раз подчеркнут Карамзиным: «Иоанн был в ужасе»; «важными приобретениями» «сей герой обязан был смятению Иоаннова духа» и т. д. (IX, с. 342, 369, 350). Для передачи этого ужаса Т. использовал факты, имевшие место как до, так и после осады Пскова. В ИГР читаем: Весной 1581 г. «Иоанн в ласковом письме именовал Стефана братом.... и немедленно послал к нему думных дворян Пушкина и Писемского, велев им не только быть смиренными, кроткими в переговорах, но даже (неслыханное уничижение!) терпеть и побои!..» В самом конце 1581 г. «послы Иоанновы уступали королю 14 городов ливонских, занятых российским войском, — Полоцк со всеми его пригородами, Озерище, Усвят, Луки, Велиж, Невель, Заволочье, Холм, чтобы удержать единственно Дерпт с пятнадцатью крепостями». На следующей странице находим названия и других упомянутых в пьесе городов, но, правда, в совершенно ином, противоположном по смыслу контексте: «отказались от Ливонии; уступили и Полоцк с Велижем; а Баторий согласился.... возвратить нам Великие Луки, Заволочье, Невель, Холм, Себеж, Остров, Красный, Изборск, Гдов и все другие псковские занятые ими пригороды» (IX, с. 319, 346—348). — Отрывки из синодика текстуально не совпадают с подлинным синодиком Иоанна, но близки к нему по своим формулам. Ср. «Помяни господи души раб своих тысящю пятьсот пяти человек» (о новгородцах), «Василия с женою и с тремя сыны его», «Ивановых людей двадцать человек» («Сказания», т. II, с. 309, 313, 315); на с. 320 упоминается игумен Корнилий и инок Вассиан.

Действие V. *Дом Годунова.* Сцена с волхвами (с. 116—120) является драматизацией следующего отрывка: «Летописец рассказывает следующее любопытное, хотя и сомнительное обстоятельство: «Имея ум редкий, Борис верил однакож искусству гадателей; призвал некоторых из них в тихий час ночи и спрашивал, что ожидает его в будущем? Льстивые волхвы или звездочеты ответствовали: тебя ожидает венец... но вдруг умолкли, как бы испуганные дальнейшим предвидением. Нетерпеливый Борис велел им договорить; услышал, что ему царствовать только семь лет и, с живейшею радостию обняв предсказателей, воскликнул: хотя бы семь дней, но только царствовать!».... Сей алчный властолюбец видел между собою и престолом одного младенца безоружного, как алчный лев видит агнца!... Гибель Димитриева была неизбежна!» (X, с. 127—128). Летописец относит этот факт к царствованию Федора Иоанновича, Т. же передвинул его на несколько лет назад.

Богатая палата во дворце. Слова «без меча и корда» (с. 129) взяты из ИГР, IX, примеч., с. 269, или из статьи Ю. Толстого о Баусе, с. 25. — Упоминание об охотничьих увлечениях Елисаветы является, возможно, контаминацией обоих этих источников — ср. ИГР, IX,

примеч., с. 267, и статью Ю. Толстого, с. 6. Выражение «птичья потеха» до СИГ дважды встречается в «Князе Серебряном» (гл. 20 и 23). — Эпизод с драгоценными камнями (с. 129—130) восходит к мемуарам Горсея, соответствующий отрывок которых пересказан Карамзиным (IX, с. 435). Однако, у Карамзина он не связан с намерением Иоанна жениться на Марии Гастингс. — Смерть Иоанна описана в ИГР так: «17 марта ему стало лучше от действия теплой ванны, так что он.... на другой день (если верить Горсею) сказал Бельскому: «Объяви казнь лжецам астрологам: ныне, по их басням, мне должно умереть, а я чувствую себя гораздо бодрее». Но день еще не миновал, — ответствовали ему астрологи. Для больного снова изготовили ванну: он пробыл в ней около трех часов, лег на кровать, встал, спросил шахматную доску и, сидя в халате на постеле, сам расставил шашки; хотел играть с Бельским... вдруг упал и закрыл глаза навеки.... В сии минуты царствовала глубокая тишина во дворце и в столице: ждали, что будет, не дерзая спрашивать. Иоанн лежал уже мертвый, но еще страшный для предстоящих царедворцев, которые долго не верили глазам своим и не объявляли его смерти» (IX, с. 436). Приведенный отрывок является источником ряда мест последней сцены, но весь эпизод с волхвами передан Т. от Бельского Борису и переосмыслен в связи с этим как непосредственная причина смерти Иоанна, как его сознательное убийство. Борис Годунов — убийца Иоанна Грозного вымышлен Т., но два факта могли все же послужить для него толчком. Во-первых, в отравлении Иоанна обвиняли Бельского, который будто бы сделал это по наущению Бориса Годунова (см. ниже, с. 537). Во-вторых, убийцей отца назвал Бориса Лжедимитрий (XI, с. 237). Впрочем, древнерусские летописи, повести и сказания, широко использованные Карамзиным, вообще приписывали Борису столько злодеяний и убийств (Димитрия, Федора, его дочери Феодосии, Шуйского и др.),[1] что, следуя за созданным ими образом, Т. мог и совершенно независимо от этих фактов легко натолкнуться на подобную сюжетную возможность. — Слова о том, что сейм отказал Баторию в пособии (с. 135), имеют в виду действительный факт (IX, с. 414). — На последних страницах пьесы, в описании расправы Бориса с боярами, Т. не только объединил разновременные факты, но и значительно изменил их. Ссылка Нагих — дело рук не одного Бориса, не имевшего еще в то время большой власти, а всей составленной Иоанном перед смертью «пентархии» (X, с. 7—9), и прежде всего Захарьина, игравшего в первые месяцы царствования Федора руководящую роль. Отношения Захарьина к царице и Димитрию, как их изобразил в СИГ Т., противоречат историческим данным и являются плодом его творческой фантазии. Членом «пентархии», хотя несравненно менее влиятельным, был и И. Ф. Мстиславский, которого в пьесе Борис обвиняет в поднятом им будто бы вместе с Нагими бунте. — О московском бунте 1584 г., который был не в день смерти Иоанна, а в апреле или мае, Карамзин, вслед за летописными

---

[1] Обзор и анализ этих памятников дан в книге С. Ф. Платонова „Древнерусские повести и сказания о Смутном времени XVII века как исторический источник“, СПБ., 1888.

данными, пишет: «Сперва носились темные слухи о великой опасности, угрожающей юному монарху, а скоро наименовали и человека, готового злодейством изумить Россию: сказали, что Бельский, будто бы отравив Иоанна, мыслит погубить и Феодора, умертвить всех бояр, возвести на престол своего друга и советника — Годунова! Тайными виновниками сей клеветы считали князей Шуйских, а Ляпуновых и Кикиных, дворян рязанских, их орудиями, возмутителями народа легковерного.... Вопль бунта раздался из конца в конец Москвы, и двадцать тысяч вооруженных людей, чернь, граждане, дети боярские, устремились к Кремлю.... Вступили в переговоры с мятежниками; склонили их удовольствоваться ссылкою мнимого преступника и немедленно выслали Бельского из Москвы» (X, с. 9—11). В другом месте ИГР говорится, что Бельский был «спасен Годуновым от злобы народной во время московского мятежа» (XI, с. 97). Таким образом, согласно Карамзину, мятеж был поднят Шуйскими, причем слухи о Бельском, распространявшиеся их сторонниками, были направлены столько же против него, сколько против Бориса Годунова; непримиримым врагом последнего Бельский стал значительно позже. Между тем в пьесе, как раз наоборот, мятеж поднимает и те же слухи распространяет Борис, желая устранить своих противников — Бельского и Шуйских. — Напуганный Федор «искал более, нежели советника или помощника: искал, на кого возложить всю тягость правления», но только после его венчания на царство Борис стал «властителем царства» (X, с. 12, 19—20). Предшествующий этому период не мог уместиться в пьесе, Т., так сказать, ускорил события, и у него Федор, напуганный народным волнением, тут же, у трупа Иоанна, вручает всю власть Борису. — Факты, касающиеся Мстиславского и Василия Шуйского, также переданы Т. несколько иначе, чем у Карамзина. Годунов был в хороших отношениях с Мстиславским вплоть до направленного против него боярского движения 1585 г., за участие в котором Мстиславский был пострижен; Шуйского же он и тогда еще не рискнул тронуть (X, с. 34—35).

Действие пьесы происходит, по указанию автора, в 1584 г. — в год смерти Иоанна Грозного. Но к нему отнесен целый ряд событий, имевших место и раньше и позже. Убийство сына и отречение Иоанна от престола, осада Пскова и пожар в Александровской слободе относятся ко второй половине 1581 г.; Иоанн писал Курбскому не «недели за три» до убийства сына, а в сентябре 1577 г.; ответ же Курбского, правда сконтаминированный Т. из всех трех его «эпистолий», написан в сентябре 1579 г.; Писемский был в Англии между сентябрем 1582 и июнем 1583 г.; далеко не все события последней сцены произошли, как показано выше, непосредственно после смерти Иоанна. Т. сознательно сжал события во времени и привлек ряд исторических фактов, помогавших раскрытию психологического облика его героев. Многие из них были широко известны и окружены определенным кругом ассоциаций, которых были бы лишены вымышленные факты. С другой стороны, некоторые из этих переставленных фактов играют одновременно и чисто драматургическую роль. Предсказание волхвов Борису, которое из времени царствования Федора Иоанновича

перенесено в 1584 г., является мотивировкой всего дальнейшего поведения Бориса и «убийства» Иоанна. В последней сцене, где объединены события двух лет, карьера Бориса показана в катастрофическом нарастании; он один — резче, чем это было в действительности,— противопоставлен всем боярам. Т. как бы несколько забежал вперед. Концентрация событий в этой сцене, подчеркивая задуманный им образ, определяет в то же время и развязку трагедии.

Главные действующие лица СИГ — лица исторические. Вымышленным является, естественно, целый ряд второстепенных и безыменных действующих лиц — дворецкие, пристава, стольник, лабазник и пр., но и среди них есть лицо историческое — гонец из Пскова; сцена его донесения Иоанну основана на подлинном историческом факте. С другой стороны, большинство членов боярской думы тоже не может быть названо историческими лицами; это не исторические лица, а лица, наделенные историческими фамилиями. Пожалуй, один лишь Щербатый, благодаря реплике Голицына «А в городе сидел тогда Щербатый», связывается с определенным, конкретным лицом — см. у Карамзина упоминание, что при осаде Полоцка Баторием, правда, не в городе, а в крепости, начальствовал князь Дмитрий Щербатый (IX, с. 296). Продуктом творческого вымысла является вся роль Сицкого, но, может быть, на мысль сделать в I д. именно Сицкого антагонистом Бориса натолкнуло Т. не только то, что Сицкие были вообще врагами Годуновых, но и следующий факт: еще в 1578 г. Борис, назначенный кравчим, судился с боярином Василием Сицким за то, что сын последнего отказался служить рядом с ним за царским столом (IX, с. 272; примеч., с. 177).

В обрисовке отношений Бельского и Бориса Годунова Т., как было указано выше, совершенно разошелся с Карамзиным. Он изобразил их в соответствии с точкой зрения Костомарова. Последний, изложив в своей работе «Смутное время Московского государства в начале XVII столетия» сведения о московском мятеже 1584 г., писал: «Бельский, конечно, должен был желать воцарения Димитрия, потому что в его малолетство правил бы государством он, Бельский, как назначенный самим отцом Димитрия его опекун. Его виды и виды Бориса Годунова были противоположны; но Борис так ловко умел заслониться, что впоследствии думали иные, будто Борис Годунов и Богдан Бельский были приятели между собою» (т. I, СПБ., 1868, с. 11). Правда, «Смутное время» было впервые напечатано в ВЕ в 1866—1867 гг., т. е. уже после опубликования СИГ, а в работе 1864 г. «Кто был первый Лжедимитрий?» Костомаров не говорил об этом с такой определенностью, но Т. мог узнать точку зрения своего приятеля и из личных бесед с ним. См. также «Обзор событий русской истории от кончины царя Федора Иоанновича до вступления на престол дома Романовых» С. М. Соловьева («Современник», 1848, № 1, с. 6). Приняв несомненно более правдоподобную версию об отношениях Бориса Годунова и Бельского, Т. все же значительно изменил исторический облик последнего: превратил Бельского в союзника Шуйского. Между тем Бельский, так же как и Нагие (в пьесе он совер-

шенно не связан с ними), был не меньшим врагом Шуйского, чем Бориса Годунова.

Если антиподом Иоанна Т. сделал не безыменного польского посла, а именно Гарабурду, не бывшего в это время в Москве, главным образом из-за колоритности его фигуры — как носителя «шляхетской вольности», то Битяговский, связь которого с Борисом относится современниками к гораздо более позднему времени, был нужен для того, чтобы в известной степени перенести на Бориса 1584 года его более поздние черты и общий облик. В сознании читателя и зрителя от участия Битяговского в борьбе Бориса с боярами, от возбуждения народа против Шуйского и Бельского (все это не заимствовано из исторических источников, а придумано самим Т.) тянется нить к убийству Димитрия. Мысль о трилогии возникла у Т. уже во время работы над ЦФИ, но и СИГ написана с упором на дальнейшую биографию Бориса.

Вообще Борис, как это видно из сопоставления пьесы с источниками, резко выдвинут на передний план — и притом разными способами: при помощи выдумки (вся его роль в I д.; противодействие новому браку Иоанна и невольная защита царицы Марии, посещение Шуйского как раз в тот момент, когда собравшиеся там заговорщики составляют план борьбы с ним, и встреча с Битяговским; совет Иоанна Федору во всем слушаться Бориса, а затем желание предостеречь от него, наконец самое «убийство» Иоанна), путем передачи ему эпизода, связывавшегося с Бельским, приурочения предсказания волхвов к тому моменту, когда он не мог еще, конечно, мечтать о престоле, и полного предоставления ему арены действия на самых последних страницах СИГ — «ему принадлежит конец трагедии», писал Т. в «Проекте» ее постановки. По существу Борис является главным героем СИГ и ЦФИ наряду с Иоанном и Федором.[1] И он является в то же время главным героем всей трилогии. Недаром в автобиографическом письме к Губернатису Т. называет всю трилогию: «Борис Годунов».

Что касается Захарьина, то он нарисован Т. согласно народным песням и характеристике Карамзина (X, с. 7). Образ Захарьина задолго до СИГ вызывал симпатии Т. и нашел себе отражение в главном герое его романа «Князь Серебряный». В СИГ он является своего рода мерилом благородства и честности. Интересно в связи с этим, что приписанные поэтом Захарьину дружба с царицей, которую он защищает от Иоанна, и осуждение расправы Бориса Годунова с боярами не имели места в действительности. Он вовсе не был близок к царице, был союзником Бориса, и нет никаких сведений о разногласиях между ними.

Образ Иоанна Грозного издавна интересовал Т. До СИГ поэт изобразил его в романе «Князь Серебряный» и в балладах «Василий Шибанов», «Князь Михайло Репнин» и «Старицкий воевода». В течение всего XIX в. к образу Иоанна очень часто обращались и историки и писатели. При этом в первой половине века почти

[1] С этим связаны упреки по адресу Т. со стороны современной критики в отсутствии единства драматического действия и в том, что интерес читателя и зрителя двоится между ними.

безраздельно господствовала концепция Карамзина. Автора ИГР интересовала главным образом морально-психологическая сторона личности Грозного, его загадочный, противоречивый облик: «разум превосходный», несомненная одаренность, неутомимая деятельность, с одной стороны, и неистовая жестокость «тигра», «бесстыдное раболепство гнуснейшим похотям», крайняя подозрительность, благодаря которой в «смутном уме царя» возникали никогда будто бы не существовавшие боярские заговоры и т. д. — с другой. Карамзин с большим пафосом и с исключительным литературным талантом нарисовал портрет «изверга» и «тирана», но ему не приходило в голову, что в своей обвинительной речи против Иоанна и в объяснении его «загадки» он всецело доверялся свидетельствам врагов Грозного, в первую очередь Курбского. Карамзинский образ Иоанна оказал на поэтов, публицистов и историков следующих десятилетий огромное воздействие. Они (К. Аксаков, Костомаров и др.) стремились дать более тонкую и правильную характеристику Грозного, но общий подход оставался тот же. Тесно связан с карамзинским образом и толстовский Иоанн. Новую точку зрения на Иоанна выдвинули представители т. н. «историко-юридической школы» — К. Д. Кавелин, С. М. Соловьев и др. Иоанн интересовал Соловьева не как индивидуальный характер, а как государственный деятель, и это естественно привело к его исторической реабилитации. Стала ясна значительность и прогрессивность царствования Иоанна. В частности отнюдь не болезненной подозрительностью и мнительностью стали объяснять его борьбу с боярством. В художественной литературе эта точка зрения отразилась, например, в стихотворении А. Н. Майкова «У гроба Грозного». Борьба двух тенденций в освещении фигуры Иоанна отчетливо проявилась и в ряде статей о СИГ, авторы которых утверждали, что бояре изображены Т. только как «невинные жертвы деспотизма», что в действительности Иоанн, несмотря на свою жестокость, «отлично понимал потребности своего народа» (Л. Панютин) и пр. Понятны в этой связи иронические слова Т. в «Проекте постановки» СИГ о «новой школе», которая-де стремится представить Иоанна «другом народа». Уже в 1871 г., не называя Т., но явно имея в виду СИГ, резко отозвался об изображении в ней образа Иоанна К. Н. Бестужев-Рюмин в очень интересной статье «Несколько слов по поводу поэтических воспроизведений характера Иоанна Грозного» («Заря», 1871, № 3). Ни Карамзин, ни Т. не относились, конечно, к Иоанну с академическим бесстрастием, но относились они к нему по-разному. Карамзин, говоря об ужасе, и ныне возбуждаемом царствованием Грозного, мысленно противопоставлял ему «просвещенных», гуманных монархов, какими были в его глазах Александр I и его «великая бабка» Екатерина II. В сознании Т. от деспотизма Иоанна тянулись нити к «аракчеевскому духу» и дальше, к современной ему самодержавно-бюрократической монархии. Лучшие представители преследовавшейся Грозным феодальной знати были для поэта носителями подлинной культуры, подлинных духовных ценностей; в них он видел своего рода идейных предшественников той аристократической оппозиции середины прошлого века, представителем которой он сам являлся. Потому-то пересмотр карамзинской оценки Грозного, про-

изведенный Соловьевым и рядом других историков и приведший к его исторической реабилитации, был совершенно неприемлем для Т.

Отношение между историей и выдумкой в разных частях трагедии неоднородно. В основе некоторых сцен лежит исторический факт, но конкретное их наполнение всецело принадлежит Т. Такова сцена в боярской думе. Но есть и обратные явления: вся сцена вымышлена и только отдельные детали заимствованы из исторических источников (например, обе сцены III д. — в покоях царицы и прием Гарабурды). Почерпнутые из ИГР факты Т. в некоторых случаях изменял или вводил в иной смысловой контекст. Наконец, из приведенных сопоставлений ясно, что Т. заимствовал из источников не только факты, но и самый словесный материал, органически вплетая чужие слова в свой собственный текст. Нехарактерно в этом смысле использование Курбского — его письмо дано в пьесе как цитата.

Т. читал Карамзина за много лет до того, как приступил к трилогии, но во время ее писания он, без сомнения, неоднократно перечитывал и даже штудировал ИГР. Об этом свидетельствуют и количество и самый характер заимствований. Обилие заимствований из Карамзина ни в коей мере не снижает, конечно, художественной ценности трилогии. Достаточно вспомнить, что сюжет «Бориса Годунова» Пушкина построен почти исключительно на материале X и XI томов ИГР, а Шекспир в своих исторических хрониках широко пользовался летописными хрониками Голиншеда.

С другой стороны, сопоставление пьес Т. с их историческими источниками вызвано, разумеется, не стремлением обнаружить неточности или ошибки поэта. Свободное обращение Т. с историческим материалом и методы его использования говорят не о небрежности или неосведомленности, а о вполне сознательной принципиальной позиции. Он считал себя в праве перемещать и изменять отдельные факты, чтобы ярче подчеркнуть как свое понимание исторических личностей и эпохи, так и свою лежащую вне этой эпохи идею. «По праву драматурга...., — писал Т. в «Проекте постановки» СИГ, — я позволил себе.... отступать от истории везде, где того требовали выгоды трагедии».

Трагедия Т. вызвала довольно большую критическую литературу. Отметим наиболее существенные статьи и отзывы: Современная русская драма — «Современник», 1866, № 2;[1] Грыцько ⟨Г. З. Елисеев⟩, Об исторической драме — «Невский сборник», СПБ., 1867; П. В. Анненков, Новейшая историческая сцена — ВЕ, 1866, т. I, март;[2] «Неделя», 1866, № 1, статья Л. Панютина; Выборгский

---

1 Автором этой статьи является, повидимому, Г. З. Елисеев.

2 „Я читал критику на „Смерть Ивана Грозного", — сообщил Т. жене 8 сент. 1866 г. — Ее написал Анненков. Он боится и похвалить и осудить, и все оговаривается и ничего не говорит. Он не знает и азбуки эстетики и никогда, как видно, ничего об эстетике не читал. Дает он мне такие правила, которые я знаю лучше его, и укоряет в том, против чего я ропщу с тех пор, как себя помню. Например, он говорит, что у меня прежде всего родилась идея поучения, и что к ней я приспособил идею драмы, которая пришла уже после. Очень нападает на убиение Годуновым Иоанна, говоря, что оно не историческое, как будто я этого не знаю; наконец, что в архитектуру трагедии я внес иностранные понятия, но что это мне во многих местах удалось. Что за чепуха?... Разбирает он меня вместе с Чаевым (которого я не знаю и который, может быть, отличный писатель) и говорит, что мы

Пустынник ⟨В. П. Буренин⟩, Обществ. и литерат. заметки — «С.-Петерб. Ведомости», 1866, № 23; А. В. Никитенко, О трагедии «Смерть Иоанна Грозного» — там же, 1866, № 271, 273; ⟨В. В. Стасов⟩, По поводу «Иоанна Грозного» на русской сцене — там же, 1867, № 63.[1] «Весть», 1866, № 15, статья И. Л. Г. См. также письмо Гончарова к П. А. Вяземскому («Красный Архив», т. II, М. — П., 1923, с. 266), «Письма Б. М. Маркевича...», СПБ., 1888, с. 100 и сл.

Еще до появления в ОЗ СИГ была подана в комиссию Академии Наук по присуждению уваровских премий. Несмотря на положительный отзыв члена комиссии Никитенко, пьеса премирована не была.

СИГ была впервые поставлена (с небольшими цензурными купюрами) в Петербурге в Мариинском театре 12 янв. 1867 г.

ЦАРЬ ФЕДОР ИОАННОВИЧ

Впервые — в ВЕ, 1868, № 5, с. 5—149, с датой «17 марта 1868 г.» и со следующим примечанием к списку действующих лиц: «При существующих театральных правилах не все действующие лица, здесь поименованные, могут явиться на сцену. О предполагаемых вследствие того изменениях для сцены выйдет особая статья под заглавием: «Проект постановки на сцену трагедии «Царь Федор Иоаннович». В ноябре 1868 г. пьеса вышла отдельной книгой, без приведенного выше примечания. Это оттиск из ВЕ. В последней сцене Т. сделал две небольшие поправки; другие две он хотел сделать в IV д. (см. письмо к М. М. Стасюлевичу от 5 окт. 1868 г.), но уже было поздно. Впервые они были внесены в III том «Полного собр. соч.» Толстого, СПБ., 1898, с. 283—284.

Т. начал работать над второй частью трилогии вскоре после окончания первой. Во всяком случае, в конце 1864 г. он уже вплотную приступил к писанию ЦФИ. Толчком для второй трагедии послужил материал, отброшенный при окончательной обработке СИГ. 24 ноября 1864 г., посылая Каткову рукопись СИГ, Т. писал ему: «Я много что прибавил, а еще более выпустил бесполезного. Это мне даст возможность написать в виде продолжения другую

оба достойны стать наряду с Островским и Меем, и что у меня есть несомнительный талант. Мне гораздо приятнее разборы „Современника“, чем такие похвалы. Там, по крайней мере, просто ругаются, и тотчас видишь, с кем имеешь дело.... Он говорит, что Иоанн у меня совершенно односторонний и растет только в одну сторону. В какую же ему сторону еще расти? Ужасно они глупы, эти критики, которым самим надо бы сильно учиться прежде, чем начать учить других, а особенно целую публику. Да еще Анненков говорит, что схимник есть у меня лукавое подставное лицо, которое западно-европейские драмы употребляют, чтобы пристыжать нелюбимые ими эпохи, т. е. что он является, чтобы выказать упадок Иоанна. Вишь какое открытие! Какой он догадливый! Так прямо и догадался и нисколько не ошибся. И вообще, говорит, приемы моей постройки драмы суть приемы европейские.... Одно у него очень верно и очень хорошо сказано. Он говорит, что все лежат во прахе перед моим Иоанном, а Иоанн все думает: „они нехорошо лежат; они недостаточно откровенно лежат; они по-бунтовщичьи лежат“ и т. д.

[1] По поводу утверждения Стасова, что пьеса переполнена галлицизмами, Т. писал Маркевичу: „Автор ее (статьи. — *Ред.*) упрекает меня в незнании русского языка и, чтобы доказать это, он переводит многие места трагедии на плохой французский язык, говоря, что это и есть оригинал этих мест“.

драму: «Царь Федор», к которой я уже и приступил» (ВБЛ). Было бы, однако, неосторожно сделать отсюда вывод, что Т. предполагал использовать самый текст отброшенных сцен или эпизодов; для такого утверждения нет никаких данных: мы не знаем ни того, что было отброшено, ни первых набросков ЦФИ.

Исходным пунктом замысла был психологический облик Федора, и уже как нечто производное из него родилась интрига пьесы. 5 янв. 1865 г., сообщив А. О. Смирновой, что СИГ скоро, вероятно, появится в печати, Т. замечает: «Вслед за сим я начал новую трагедию «Царь Федор Иоаннович» и недавно окончил 1-й акт. Она меня сильно занимает, и я весь в нее ушел. Это очень интересный характер по своей пассивности или слабости, которая именно и рождает катастрофу» (ВБЛ). Через месяц, 2 февраля он извещает В. И. Лазаревского: «В настоящую минуту я пишу другую трагедию «Царь Федор Иоаннович», служащую продолжением первой. Даст бог, дойду и до Годунова и до Шуйского» (Гос. Литер. Музей). Весною пьеса была, вероятно, вчерне набросана. В письме к жене от 22 мая Т. упоминает о своем намерении прочитать ее Костомарову, Гончарову и Бобринским и сообщает о чтении, происходившем накануне: «Я тебе не сказал, что вчера после чтения Б. и М⟨аркевич?⟩ мне говорили, что они чувствуют, что все должно было происходить так, как я описываю. Они так же, как и ты, очень хвалили Ирину». В августе того же года в Карлсбаде он познакомил с частью пьесы кн. А. И. Барятинского: «Барятинский не перестает говорить о «Федоре» и особенно об Ирине, и он спорит со мной и утверждает, что во всем, что я ему читал, нет ни одной длинноты и не надо ничего сокращать — это неправда. Он говорит, что я выказал в этой драме большое знание человеческого сердца — это правда».

Первый период работы изобиловал планами, набросками, сценами, потом измененными или вовсе отвергнутыми. Поиски Т. шли в двух направлениях. Поскольку исходным пунктом замысла был образ Федора, Т. прежде всего было необходимо конкретно почувствовать его, нащупать его основные признаки и найти для них соответствующие краски, а затем уже зафиксировать фабульную канву пьесы, определив некую равнодействующую между историей и своим замыслом, историей и требованиями драматургии, как он их понимал. Т. вспомнил об этом в 1870 г. в связи с драмой «Посадник»: «Так как канва драмы написана акт за актом, и, вероятно, я в ней не много изменю, мне будет легче работать, чем в других драмах. В «Федоре» я написал много сцен прежде, чем закрепил канву, — только чтобы установить характер Федора; мне кажется, я столько же зачеркнул, сколько оставил; я тоже изменил и переменил канву во время писания — история меня смущала, — а тут нет истории, и все будет вымышлено, так что гораздо больше цельности, и канву легче было писать» (письмо к жене, авг. 1870 г.). До нас не дошли черновики и первоначальная редакция ЦФИ, но можно тем не менее с уверенностью утверждать, что пьеса, которую Т. читал своим знакомым в 1865—1866 гг., значительно отличалась от той, которая была впоследствии напечатана. Именно в связи с ЦФИ он говорил о свойственном настоящим художникам умении зачеркивать написанное. «Я всегда

готов уничтожить сцены, даже когда они удачны, если они мешают общей архитектуре, — читаем в письме к кн. Сайн-Витгенштейн от 9 мая 1869 г. — Как бы ни был увлекателен и удачен эпизод, я его уничтожаю без всякого милосердия, когда я нахожу, что он бесполезен. Если у меня есть достоинство, то это то, что я могу уничтожить целые действия, очень одобренные при чтении, — уничтожить их, несмотря на мнения друзей, если в душе и по совести я чувствую, что они расстраивают то единство, к которому я шел.... В драматическом искусстве, более чем в другом, главная цель, к которой надо стремиться — не говорить ничего лишнего, но и не пропускать ничего необходимого. Я не знаю, достиг ли я этого, но я знаю, что я ничего не жалел для этой цели, и если всякая из моих трагедий содержит от 2500 до 3000 стихов, то, конечно, я уничтожил вдвое больше в каждой из них... Нужно уметь понимать, что́ сделал хорошего, и быть неумолимым для остального, уничтожать, зачеркивать все до тех пор, пока не сделаешь что-нибудь подходящее к тому, что по душе и совести считаешь хорошим. Только этим путем можно дойти до создания чего-нибудь цельного, — не совершенного, может быть, но соответствующего тем силам, которыми обладаешь.... Fiat justitia, pereat mundus! — вот мой девиз в мире искусства». То же самое писал Т. через три года А. М. Жемчужникову и вспомнил опять-таки о ЦФИ, повидимому, наиболее ярком примере из его писательской практики: «Мы с тобой люди одного ремесла, а потому можем признаться, что вообще н а ш и (русские) произведения страдают многословием, напр. исторические драмы Островского, где есть не только целые страницы, не только целые сцены, но и целые акты совершенно бесполезные. Я, слава богу, дошел до того, что в драмах вычеркиваю без пощады все, что нейдет прямо к делу, и готов вычеркнуть всю драму и начать с начала. Так я и сделал с «Федором Иванычем» («Русская Мысль», 1915, № 11, с. 123).

Письмо кн. Сайн-Витгенштейн, ответом на которое является процитированное выше письмо Т., дает и некоторые конкретные сведения о сценах, не попавших в окончательный текст ЦФИ. «Я помню все сцены, которые вы мне уже раньше читали; одни из них я нашла в книге, другие — нет, — писала она Т. — Уничтожив сцены, в которых Вы описывали смерть маленького Дмитрия, Вы отказались от сценического эффекта, и я, как последовательница новой германской школы, не могу не признать в этом Вашу большую заслугу; с другой стороны, неизвестность об этом факте, которую Вы тут допускаете, может Вами быть использована для третьей драмы Вашей трилогии» (ВЕ, 1906, № 1, с. 162). В очень любопытном письме В. А. Соллогуба, который предлагал Т. план коренной переработки пьесы, тоже есть некоторые сведения о допечатном ее тексте. Вот как он отозвался 19 февр. 1867 г. о начале ЦФИ: «Пьеса начинается тремя различными завязками, которые следуют одна за другой. Прежде всего — Углич. Предполагаешь, что сейчас увидим изображение одного из самых захватывающих событий в нашей истории — борьбу матери с честолюбием убийцы-выскочки. Развитие драмы — в материнской любви. — Сцена изменяется, мы видим княжну Мстиславскую и догадываемся, что эта

новая Джульетта будет принесена в жертву ненависти партий и что развитие драмы будет в любви несчастной и идеальной молодой девушки, оканчивающейся катастрофой. — Но сцена изменяется опять, и перед нами третья женщина, олицетворение супружеской любви. Она ли будет узлом драматического единства, — и не останутся ли другие второстепенными лицами, связанными, однако, с главным действием?» и т. д. Таким образом, мы видим, что 1) завязка была в этот момент работы над пьесой построена совсем не так, как в окончательном тексте; 2) Углич занимал значительно большее место; он фигурировал на сцене и в момент убийства Димитрия и до него — и лишь впоследствии был отодвинут на задний план. Не лишено интереса общее впечатление Соллогуба, что замысел Т. еще не принял окончательных форм, «богатые материалы» не сплавлены «в одно целое» (ВЕ, 1908, № 1, с. 230). Соллогуб считал пьесу недостаточно стройной и сценичной. В связи с его советами Т. писал Н. А. Чаеву в феврале 1867 г.: «Он действительно хороший критик, хотя и увлекается желанием переделать по-своему то, что сделали другие. И моего «Грозного» он хотел бы переделать; и «Федора Иоанныча», которого не читал еще, также хотел бы переделать. Но я слушаю его с удовольствием, потому что в нем есть большое понимание, хотя творчества нет.... Его конек это «архитектура» драмы, которую я признаю вполне, но о которой он говорит, как будто бы он ее изобрел» («Русский Архив», 1917, № 1, с. 67).

Вторая часть трилогии давалась Т. с большим трудом и, может быть, отчасти поэтому он читал ее всем своим знакомым. Боткин, сообщив Тургеневу о встрече с Т. в Париже в июле 1866 г., иронически заметил: «Разумеется, не обошлось без чтения новой драмы» (В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка. Под ред. Н. Л. Бродского. М.—Л., 1930, с. 233). Гончаров, тоже бывший в это время в Париже, писал Тургеневу в сентябре 1866 г.: «вероятно, Толстой кончил другую свою драму» (И. А. Гончаров и И. С. Тургенев по неизданным материалам Пушкинского дома. С предисл. и примеч. Б. М. Энгельгардта. Пб., 1923, с. 56). У него, очевидно, создалось впечатление, что работы осталось совсем немного; между тем Т. потратил на нее еще целых полтора года.

По возвращении в Петербург в октябре 1866 г. Т. был у А. В. Никитенко и рассказывал ему о работе над пьесой. 14 октября Никитенко занес в свой дневник следующее: «Он пишет вторую драму из царствования Феодора, где главным действующим лицом Годунов. Судя по плану, который он мне вкратце передал, это будет тоже прекрасное произведение» («Записки и дневник», т. III, с. 117). 3 дек. 1866 г. Т. читал две сцены из ЦФИ на вечере памяти Карамзина, организованном в Петербурге Литературным фондом.

Весь 1867 год Т. усиленно работал над пьесой. 20 февраля он сообщил кн. Сайн-Витгенштейн: «Я написал несколько новых сцен, делаю и переделываю прежние, — всё чтоб приблизиться больше к моему первоначальному плану, от которого я чувствую, что всегда отдаляюсь, благодаря большому числу мотивов в этой драме... Я не боюсь, чтобы мне недостало красок, но линия дает мне много хлопот. Вы, может быть, помните, что если я себе

представляю Иоанна как гору, которая подавляет страну, то сын его Федор представляется мне как какой-то овраг, в который все проваливается. Вот тема; теперь дело в том, чтоб сделать ее понятной. Деятельное и страдательное начала — в их крайних пределах». Здесь интересны три момента: постоянное стремление Т. отбросить периферийные, второстепенные мотивы, хотя бы сами по себе они и были интересны; желание вернуться к первоначальному плану (нам неизвестному); наконец, формулировка темы произведения в последних строках процитированного отрывка, вложенная впоследствии в уста Бориса. Возвращение к первоначальному замыслу и было связано в частности с отказом от угличских сцен, упрощением завязки и пр.

Надо думать, что именно в 1867 г. Т., по его собственному выражению, «вычеркнул всю драму и начал с начала». Но и от этого этапа работы никаких рукописных материалов не сохранилось. 12 авг. 1867 г. в письме к жене из Дрездена он называет ЦФИ и перевод «Бога и баядеры» Гете своим «единственным убежищем», однако в записной книжке, относящейся ко времени его пребывания за границей, т. е. к концу лета и осени, находим лишь одну запись, имеющую отношение к пьесе: «Разговор Вас. Шуйского с И. П. Шуйским, из которого должен быть виден психический организм И. П-ча, равносильный судьбе (fatum), которая ведет его неминуемо к погибели». В развернутом виде этого разговора в окончательном тексте нет, и трудно сказать с полной уверенностью — идет ли здесь речь о самых первых страницах ЦФИ или, что гораздо правдоподобнее, о сцене в саду у Шуйского, когда он узнает о расправе Годунова с купцами и решает поднять на него Москву. 24 янв. 1868 г. Т. сообщил жене из Берлина, что он «написал очень хороший монолог Бориса Годунова в разговоре с Ириной». Это несомненно упомянутый выше монолог Бориса в V д. «Высокая гора был царь Иван» и т. д., который он произносит в ответ на заступничество Ирины за Шуйского. В начале 1868 г. Т. уже явно дописывает пьесу, не внося в нее никаких существенных изменений. О том, что он «медленно оканчивает Федора Иоанновича», извещает Тургенева Гончаров 10 февр. 1868 г. (И. А. Гончаров и И. С. Тургенев, с. 62). Наконец, 26 февр. Т. объявил Стасюлевичу, что пьеса закончена («Стас. и его совр.», т. II, с. 307).

3 февр. 1868 г. Т. выступал с «новыми сценами из трагедии «Царь Федор Иоаннович» на литературном вечере памяти Крылова, а в марте несколько раз читал пьесу своим друзьям и знакомым: 1 марта 1868 г. у Боткина, а 4 и 15-го у себя. Слушателями его были Гончаров, Майков, Боткин, Костомаров, Тютчев, Стасюлевич, Щербина, Анненков и др. На следующий день после чтения у Боткина Т. внес «некоторые изменения или, лучше сказать, прибавления в 1-м действии» («Стас. и его совр.», т. II, с. 307). Очевидно, и позже он производил какую-то правку текста, потому что ЦФИ датирован не 26 февр., а 17 марта 1868 г.

Еще в 1867 г. Т. вел переговоры с Катковым по поводу напечатания пьесы в «Русском Вестнике». Вероятно, Катков не проявил особой заинтересованности и не спешил с окончательным

решением, и 20 декабря Стасюлевич добился у Т. обещания отдать ЦФИ в ВЕ. 17 марта 1868 г. рукопись была отослана Стасюлевичу, причем в сопроводительном письме Т. сообщил ему о цели приведенного выше примечания к «Действующим лицам»: «Мне показалось необходимым сразу заявить возможность постановки на сцену, чтобы не распространился и не укоренился слух о невозможности». В письмах к Стасюлевичу в марте и апреле 1868 г. Т. сделал еще несколько мелких исправлений; из писем мы узнаем также, что корректуру ЦФИ он читал.

В связи с запрещением постановки ЦФИ[1] Т. писал Маркевичу: «Я презираю всякую тенденцию в литературном труде.... Но не моя вина, если из написанного мною ради любви к искусству само собою вытекает, что деспотизм никуда не годится. Тем хуже для деспотизма! Оно везде выскажется, во всяком художественном труде, оно выскажется даже в Бетховенской симфонии. Я ненавижу деспотизм так же, как я ненавижу Сен-Жюста и Робеспьера.... Я это не скрываю и провозглашаю это громко, да, господин Велио, да, я провозглашаю, не посетуйте, господин Тимашев. Я готов кричать это с крыш, но я слишком художник, чтобы втискивать это в художественную работу, и я слишком монархист, да, господин Милютин, я слишком монархист, чтобы нападать на монархию. Я даже скажу, я слишком художник, чтобы нападать на монархию. Но разве монархия и то или другое лицо, носящее корону, — одно и то же? Разве Шекспир был республиканец, потому что он написал «Макбета» или «Ричарда III»? Шекспир при Елизавете поставил на сцену своего «Генриха VIII», и Англия от этого не рухнула! Нужно быть чересчур глупым, господин Тимашев, чтобы на императора Александра II сваливать дела и поступки Иоанна IV или Федора I... И даже признавая эту солидарность, надо быть очень глупым, чтобы видеть в моем «Федоре» памфлет против монархии. Если бы это было так, я первый рукоплескал бы запрещенью. Но из того, что один государь нехорош, а другой слаб, разве следует, что не надо совсем государей?».

Говоря о своем враждебном отношении ко «всякой тенденции в литературном труде», Т. имел в виду тенденцию, назойливо выпирающую из произведения, органически не связанную с ним. Он негодовал на Анненкова, утверждавшего, что СИГ — пьеса à thèse, что внушаемое читателю и зрителю «поучение.... было заготовлено ранее самого ядра драмы». Однако Т. не отрицал — и, наоборот, сам не раз подчеркивал политический смысл своих пьес, вытекающий из самого хода изображаемых событий и характеров действующих лиц: «не моя вина, если из написанного мною.... вытекает, что деспотизм никуда не годится».

Основные проблемы трагедий заключены в образах центральных героев и сформулированы Т. в конце каждой из них. В СИГ Захарьин над трупом Иоанна произносит: «...вот самовластья кара, Вот распаденья нашего исход». То же подчеркивается эпиграфом из Библии. На последней странице ЦБ читаем: «От зла лишь зло

[1] Подробности см. в протоколах заседаний Совета Гл. Упр. по делам печати от 4 мая и 23 июля 1868 г. в Ленингр. отд. Центрархива.

родится — все едино: Себе ль мы им служить хотим иль царству — Оно ни нам, ни царству впрок нейдет!» Аналогичной формулой, вложенной в уста Федора, заканчивается ЦФИ. Итак, расшатывающий государство деспотизм Иоанна, бесхарактерность и слабоволие прекрасного человека, но совершенно неспособного правителя Федора, преступление Бориса, сводящее на-нет всю его государственную мудрость — вот темы составивших трилогию пьес.

Было бы бесплодно искать в трагедиях Т. непосредственных конкретных намеков на Россию 60-х годов, Александра II, его министров и пр., видеть в них простую аллегорию.[1] Но общий замысел трилогии, общие размышления Т. над судьбами и ролью монархической власти в русской истории, занимающие очень существенное место в его идеологической системе, тесно связаны с социальной позицией аристократа-оппозиционера середины прошлого века и с его резко отрицательным отношением к самодержавно-бюрократической монархии. Эти размышления и взгляды, не делавшие его, разумеется, республиканцем, были очень далеки от официозных точек зрения — не случайно цензура в течение тридцати лет не допускала на сцену ЦФИ как пьесу, порочащую особу «венценосца» и колеблющую самый принцип самодержавия.

Источником ЦФИ также является ИГР. При этом, в отличие от других частей трилогии, главные исторические факты, легшие в основу пьесы, заключены на нескольких соседних страницах X тома, посвященного царствованию Федора Иоанновича. Приводим наиболее существенные отрывки, показывающие степень зависимости от исторических источников и характер их использования и переработки.

«Самыми общественными благодеяниями, — пишет Карамзин, — самыми счастливыми успехами своего правления он (Борис Годунов. — *Ред.*) усиливал зависть, острил ее жало и готовил для себя бедственную необходимость действовать ужасом; но еще старался удалить сию необходимость: для того хотел мира с Шуйскими, которые, имея друзей в Думе и приверженников в народе, особенно между людьми торговыми, не преставали враждовать Годунову, даже открыто. Первосвятитель Дионисий взялся быть миротворцем: свел врагов в своих палатах кремлевских, говорил именем отечества и веры; тронул, убедил — так казалось — и Борис с видом умиления подал руку Шуйским: они клялися жить в любви братской, искренно доброхотствовать друг другу, вместе радеть о государстве — и князь Иван Петрович Шуйский с лицом веселым вышел от митрополита на площадь к Грановитой палате известить любопытный народ о сем счастливом мире.... Все слушали любимого, уважаемого героя псковского в тишине безмолвия; но два купца, выступив из толпы, сказали: «Князь Иван Петрович! вы миритесь нашими головами: и нам и вам будет гибель от Бориса!» Сих двух купцов в ту же ночь взяли и сослали в неизвестное место, по указу Годунова, который, желав миром обезоружить Шуйских, скоро увидел, что они, не уступая ему в лукавстве, под личиною ми-

[1] См., напр., утверждение П. П. Гнедича, что в СИГ „Годунову приданы одновременно черты Макбета и министра внутренних дел Тимашева“ („Историч. Вестник“, 1900, № 1, с. 134).

мого нового дружества, оставались его лютыми врагами.... Зная, что правитель велик царицею.... митрополит, Шуйские, друзья их тайно условились с гостями московскими, купцами, некоторыми гражданскими и воинскими чиновниками именем всей России торжественно ударить челом Феодору, чтобы он развелся с неплодною супругою, отпустив ее, как вторую Соломонию, в монастырь, и взял другую, дабы иметь наследников, необходимых для спокойствия державы.[1] Сие моление народа, будто бы устрашаемого мыслию видеть конец Рюрикова племени на троне, хотели подкрепить волнением черни. Выбрали, как пишут, и невесту: сестру князя Федора Ивановича Мстиславского.... Написали бумагу; утвердили оную целованием креста.... Но Борис, имея множество преданных ему людей и лазутчиков, открыл сей ужасный для него заговор еще вовремя и поступил, казалось, с редким великодушием: без гнева, без укоризн хотел усовестить митрополита.... Обманутый, может быть, сею кротостию, Дионисий извинялся, стараясь извинить и своих единомышленников ревностною, боязливою любовию к спокойствию России, и дал слово, за себя и за них, не мыслить более о разлучении супругов нежных; а Годунов, обещаясь не мстить ни виновникам, ни участникам сего кова, удовольствовался одною жертвою: несчастную княжну Мстиславскую, как опасную совместницу Ирины, постригли в монахини. Все было тихо в столице, в Думе и при дворе; но недолго. Чтобы явно не нарушить данного обещания, Годунов, лицемерно совестный, искал другого предлога мести.... и не усомнился прибегнуть к средству низкому, к ветхому орудию Иоаннова тиранства: ложным доносам. Слуга Шуйских, как уверяют, продал ему честь и совесть; явился во дворец с изветом, что они в заговоре с московскими купцами и думают изменить царю.[2] Шуйских взяли под стражу; взяли и друзей их, князей Татевых, Урусовых, Колычевых, Быкасовых, многих дворян и купцов богатых.... Шуйских удалили, хваляся милосердием и признательностию к заслуге героя псковского: князя Андрея Ивановича, объявленного главным преступником, сослали в Каргополь; князя Ивана Петровича, будто бы им и его братьями обольщенного, на Белоозеро[3].... купцам московским (участникам заговора против Ирины), Федору Нагаю с шестью товарищами, отсекли головы на площади.[4] Еще не трогали митрополита; но он не хотел быть робким зрителем сей опалы и с великодушною смелостию, торжественно, пред лицом Феодора назвал Годунова клеветником, тираном, доказывая, что Шуйские и друзья их гибнут единственно за доброе намерение спасти Россию от алчного властолюбия Борисова. Так же смело обличал правителя и Крутицкий архиепископ Варлаам.... Обоих, Дионисия и Варлаама, свели с престола.... посвятив в митрополиты

---

[1] В примечаниях приведен отрывок из „Степенной книги", часть которого использована Т.: „чтобы он чадородия ради вторый брак приял, а первую свою царицу Ирину Феод. отпустил бы во иноческий чин".

[2] В отрывке из Никоновой летописи, приведенном в примечаниях, названо имя слуги — Федор Старков.

[3] В примечаниях процитирован отрывок из Никоновой летописи, в котором упоминается пристав И. П. Шуйского, князь Туренин.

[4] В отрывке из Псковской летописи, приведенном в примечаниях, названо также имя Голуба.

Ростовского архиепископа Иова. Опасаясь людей, но уже не страшась бога, правитель — так уверяют летописцы — велел удавить двух главных Шуйских в заточении: боярина Андрея Ивановича, отличного умом, и знаменитого князя Ивана Петровича» (X, с. 73—79, примеч., с. 50—52).

Совершенно очевидно, что эти страницы ИГР, на основании которых возник сюжет ЦФИ, дали Т. и фактический материал, и отдельные моменты фабулы, а кроме того отразились на словесном наполнении некоторых мест. Так, напр., упрек, брошенный Шуйскому Голубем: «Князь Иван Петрович! Вы нашими миритесь головами!» — дословная цитата лишь с одной небольшой перестановкой («нашими миритесь» вместо «миритесь нашими»), сделанной, чтобы она уложилась в стих. Ср. соответствующее место в других источниках. В «Новом летописце» находим: «сей мир ваш на пагубу нашим главам» («Временник моск. общества истории и древностей российских», 1853, кн. 17, с. 26); в «Летописи о многих мятежах» (М., 1788, с. 11) и Никоновой летописи («Русская летопись по Никонову списку», ч. VIII, СПБ., 1792, с. 8) — «помирилися вы есте нашими головами»; в «Повествовании о России» Н. Арцыбашева (т. III, М., 1843, с. 12) — «помирились вы нашими головами» и пр. Кроме того во всех этих источниках нет упоминаний о Голубе. Наконец, в «Летописи о многих мятежах» говорится о доносе слуги Шуйских Федора Старого, в «Новом летописце» и Никоновой летописи — Федора Старова, у Арцыбашева фигурирует Феодор старый и Феодор Старов, и только у Карамзина (в неточной цитате из Никоновой летописи) — Федор Старков.

Не ставя себе целью исчерпать материал, приводим еще несколько сопоставлений с другими местами ИГР.

Действие I. *Дом князя И. П. Шуйского.* Упоминание имени Замойского (с. 152) связано с фактом, подробно рассказанным в «Проекте постановки «Царя Федора Иоанновича» (см. с. 504) и почерпнутым из ИГР (IX, с. 344—345, примеч., с. 212—213). — О словах Клешнина «Пономарем его недаром звал» см. на с. 534—535.

Действие II. Источником строки «Грамматиком недаром прозван мудрым» (с. 167) являются слова Карамзина: «Дионисий, прозванный мудрым грамматиком» (X, с. 75). — Слова Дионисия, жалующегося на поборы, и ответ Бориса (с. 167—168) ср. с примечанием, в котором упоминается грамота, данная Федором митрополиту 24 янв. 1585 г., «о невъезде в его волости, в монастырские и в села митрополичьих детей боярских государевым посланным, губным старостам, городовым приказчикам и рассыльщикам для денежных сборов и о взносе всяких податей с церковных недвижимых имений в казну на Москве» (X, примеч., с. 50); см. также XI, с. 85—о возобновлении в 1599 г. жалованной грамоты, данной Иоанном митрополиту Афанасию. — Несколько раз повторенная Федором фраза: «Скажите всё Борису!» в конце II д. (с. 193) восходит к следующему месту: «Иногда челобитчики окружали Феодора при выходе из дворца: избывая мирские суеты и докуки, он не хотел слушать их и посылал к Борису!» (X, с. 82). Разумеется, элемент комизма, создающийся благодаря тому, что в ответ на просьбу

купцов защитить их от Бориса Федор отсылает их к Борису же, привнесен Т.

Действие III. *Покой царя Федора.* Диалог Бориса и Федора об Иверской земле (с. 216—217) основан на главке «Царь Иверский, данник России» (X, с. 62 и сл.; примеч., с. 40).

Действие IV. *Царский терем.* Упоминание об обезьянах в реплике Федора (с. 245) связано со следующим почерпнутым у Карамзина фактом. В 1597 г. австрийский император Рудольф прислал Федору и Борису много подарков, сыну Бориса (а не царю) он подарил шесть попугаев и двух обезьян (X, с. 187, примеч., с. 104).

Берег Яузы. Слова гонца «От Тешлова! Татары Оку перешли, на Москву идут!» ср. с ИГР: «Июля 3 известили Феодора, что хан перешел Оку под Тешловым, ночует на Лопасне, идет прямо к Москве» (X, с. 149). — Песня гусляра об осаде Пскова (с. 260—261) — переделка народной песни. Однако утверждение Т. в «Проекте», что «большая часть стихов сохранена» в ней, является преувеличением — ср. альманах «Денница на 1834 год», где она впервые была напечатана П. Киреевским, или «Песни русского народа» И. Сахарова, ч. IV, СПБ., 1839, с. 346—351.

Действие V. *Покой в царском тереме.* Сведения о судьбе сторонников Шуйских, сообщенные Клешниным Борису (с. 267), в точности соответствуют данным ИГР — см. X, с. 78, 35—36.

Площадь перед Архангельским собором. Отправление Клешнина и Вас. Шуйского в Углич, а отчасти и разговор Бориса с Шуйским (с. 283 и 267—269) основаны на следующем отрывке: «Нимало не медля послали для того в Углич двух знатных сановников государственных — и кого же? Окольничего Андрея Клешнина, главного Борисова пособника в злодействе! Не дивились сему выбору; могли удивиться другому: боярина князя Василия Ивановича Шуйского.... Но хитрый Борис уже примирился с сим князем честолюбивым, легкомысленным, умным без правил добродетели.... Годунов знал людей и не ошибся в князе Василии, оказав таким выбором мнимую неустрашимость, мнимое беспристрастие» (X, с. 136—137). — Источником диалога Бориса и Ф. И. Мстиславского (с. 285—286) являются слова: «Но встреченный, приветствуемый воеводами, он не взял главного начальства из рук знатнейшего или опытнейшего вождя князя Мстиславского; удовольствовался вторым местом в Большом полку» (X, с. 149—150).

Кроме ряда эпизодических и безыменных действующих лиц, как благовещенский протопоп, чудовский архимандрит, духовник, гусляр, стремянный, гонец и др., в ЦФИ есть еще несколько вымышленных персонажей. Так, например, Григорий Петрович Шаховской — лицо историческое, он известен как сподвижник обоих Лжедмитриев, но он вовсе не был сторонником Шуйских, и толстовский герой не имеет с ним ничего общего, кроме имени, тем более, что его убивают, согласно пьесе, в 1591 г.

Михайло Головин тоже лицо историческое, но Карамзин не упоминает и о нем как о ближайшем стороннике Шуйских; в Литву он бежал, по словам автора ИГР, опасаясь, что пострадает из-за своих родных и друзей, замешанных в антигодуновском боярском движении 1585 г. Кроме того это вовсе не тот заговор, который изоб-

ражен в ЦФИ. Отметим кстати, что с антигодуновским движением 1585 г. произошла в трилогии любопытная вещь — Т. использовал относящиеся к нему факты в двух пьесах: в СИГ — пострижение И. Ф. Мстиславского, а в ЦФИ — приказ Бориса не трогать его сына, Ф. И. Мстиславского, и бегство Головина. У Карамзина все это рассказано на одной странице (X, с. 35—36). Впрочем, Н. И. Костомаров пишет о Головине: «Один из соучастников заговора Головин ушел в Польшу» («Смутное время Московского государства в начале XVII столетия» — ВЕ, 1866, том I, с. 10), причем допускает явную ошибку, считая Головина участником заговора 1587 г., тогда как в 1585 г. он уже был за границей. Таким образом, Т. мог базироваться в данном случае на ошибочном утверждении Костомарова, а мог и просто изменить данные Карамзина в нужном ему направлении, как неоднократно делал. Но сношения Головина с Угличем — основной факт, характеризующий его фигуру в пьесе — являются, во всяком случае, продуктом вымысла; сведения о них Т. не мог почерпнуть ни у Карамзина, ни у Костомарова, ни из других исторических сочинений или документов.

Действие ЦФИ происходит «в конце XVI столетия», но не прикреплено к определенному году. Отдельные события, изображенные в нем, относятся: примирение Шуйских с Борисом — к 1585 г., челобитная — к 1585—1586 г., заговор Шуйских — к 1587 г., смерть И. П. Шуйского — к 1589 г., смерть Дмитрия — к 1591 г. Отметим также даты нескольких более мелких фактов, фигурирующих в пьесе: иверский царь просил Федора принять Иверию под свое покровительство в 1586 г., Троекуров был послан в Польшу в 1587 г., император Рудольф прислал в подарок обезьян в 1597 г. и т. д.

Сопоставление приведенного выше большого отрывка из ИГР с пьесой показывает, что Т. многое изменил и перестроил. Описывая, напр., примирение Шуйского с Борисом, Карамзин не противопоставляет так резко, как Т., искренность и откровенность первого задним мыслям второго; Борис, — пишет он, — «скоро увидел, что они, не уступая ему в лукавстве» и. т. д. В этом изменении — как и вообще в идеализации И. П. Шуйского, который является в пьесе прямой и честной натурой, воплощением благородства и справедливости — ярко сказались общие исторические симпатии поэта. К аналогичным изменениям исторических фактов прибегал Т., создавая образ Захарьина в СИГ (см. с. 536, 539). Очень уменьшена роль митрополита Дионисия в примирении и в значительной степени передана Федору; в соответствии с этим оно происходит не у Дионисия, а во дворце. Т. изменил судьбу княжны Мстиславской; она не насильно пострижена Борисом, а сама хочет уйти в монастырь под впечатлением гибели жениха и дяди; отсюда — трогательная сцена последнего действия, существенная для идейного смысла всего произведения и для характеристики Ирины и Федора. Слуга Шуйских, продавшийся Борису, появляется у Карамзина лишь в связи с заговором; у Т., поскольку факты разных лет объединены им, он доносит уже о челобитной. Вся сюжетная линия «Шаховской — Мстиславская», занимающая значительное место в интриге пьесы, трагическая роль Шаховского в гибели

Шуйских, размолвки Федора с Борисом из-за тех же Шуйских и т. д. — все это продукт творческой фантазии Т.

Три элемента сюжета — примирение Бориса с Шуйским, челобитная и заговор против Федора — связаны у Т. совсем не так, как в ИГР. У Карамзина первый не имеет никакого отношения к двум другим, связь которых между собой такова: узнав о челобитной, Борис поступил сравнительно мягко, добился покаяния Дионисия и ограничился одним лишь пострижением Мстиславской, но вскоре после этого, желая ликвидировать враждебные ему боярские круги, создал мнимый заговор против Федора и погубил Шуйских и их сторонников. В ЦФИ расположение и взаимозависимость фактов совсем иные. Пьеса начинается с челобитной, затем следует эпизод примирения, который тесно вплетен в интригу и который именно и приводит к заговору. Заговор Шуйских против Федора и их стремление посадить на престол Дмитрия — в пьесе не выдумка Бориса, а реальный факт, но вызван он обманом все того же Бориса. Арест же и гибель Шуйского — следствие не раскрытого заговора, а челобитной; последняя предшествует заговору, но Федор узнает о них в обратном порядке. Таким образом, дело не только в хронологическом сближении ряда относящихся к разным годам событий, а в установлении несуществовавших между ними связей; отдельные события заимствованы из истории, но большинство мотивировок и пружин интриги принадлежит Т.

Уже одно это показывает, что жанр драматической хроники был совершенно чужд Т.; недаром в «Проекте постановки» ЦФИ поэт пренебрежительно отозвался о нем, противопоставляя его подлинной драме (см. с. 517). Тем не менее критики неоднократно писали о пьесах Т. именно как о драматических хрониках. Подобная жанровая характеристика почти неизменно давалась в связи с упреками в недостаточно стройном, с их точки зрения, развитии действия, в статичности и отсутствии интриги. Однако при этом не учитывалась общая установка Т. — не на последовательное, лишь с сравнительно небольшими анахронизмами, изображение исторических событий, как в хрониках Н. Чаева, «Минине» и «Димитрии Самозванце» Островского и др., не на бытовые картины, а на психологический портрет главных героев. «Довольно замечательный психологический этюд — но где же драма!» — писал Тургенев, ознакомившись с отрывками из ЦФИ, который совершенно не соответствовал его драматургическим требованиям («Первое собрание писем И. С. Тургенева», СПБ., 1884, с. 137; эта же мысль получила подробное развитие в статье приятеля Тургенева П. В. Анненкова).

Нельзя не отметить, что в ЦФИ, как и в других частях трилогии, методы использования основного текста ИГР и приведенных в примечаниях старинных документов совершенно идентичны. Т. не проводит между ними никакой грани. Это относится и к почерпнутым оттуда фактическим сведениям, и к заимствованным словам, выражениям и т. п. Вообще же в выборе материала он руководствовался не степенью достоверности того или иного сообщения, документа, а пригодностью его для общей концепции пьесы или для отдельного эпизода.

Общая концепция Федора, нашедшая себе выражение в пьесе Т., ни в коем случае не может быть возведена к Карамзину. Сам он достаточно ясно дает понять это своему читателю в «Проекте». Говоря о том, что хотел изобразить его «не просто слабодушным, кротким постником, но человеком, наделенным от природы самыми высокими душевными качествами, при недостаточной остроте ума и совершенном отсутствии воли», что «в характере Федора есть как бы два человека, из коих один слаб, ограничен, иногда даже смешон, другой же, напротив, велик своим смирением, почтенен своей нравственной высотой» и т. д., Т. несомненно полемизирует не только с современной ему критикой, но и с мнением Карамзина об этом «жалком венценосце» — ср., напр., X, с. 6—7, 81—82. Толстовский герой не является также повторением того иконописного образа, который мы находим в ряде древнерусских сказаний и повестей о Смутном времени. Царь-аскет и подвижник этих сказаний, устранившийся от всех государственных и вообще земных дел, по существу не так уж отличается от карамзинского «жалкого венценосца»; противоположна не столько характеристика, сколько самая оценка. Никаких данных, подтверждающих возникший в сознании Т. психологический облик Федора, он в исторических источниках найти не мог, и потому характеристика героя пьесы построена почти исключительно на вымышленных эпизодах и сценах. При этом *своего* Федора Т. сознательно противопоставляет в «Проекте» Федору *историческому* (как *своего* Иоанна *историческому* Иоанну). Нужно, впрочем, отметить, что о подлинно историческом Федоре до нас дошло вообще чрезвычайно мало сведений.

Из статей и отзывов о ЦФИ отметим: П. В. Анненков, Последнее слово исторической драмы — «Русский Вестник», 1868, № 7; Z. ⟨В. П. Буренин⟩, Журналистика — «С.-Петерб. Ведомости», 1868, № 133; А. И — н, Журн. и библиограф. заметки — «Русский Инвалид», 1868, № 127; «Сын Отечества», 1868, № 100—102, статья А. Х.; «Библиография и журналистика» — «Голос», 1868, № 150. См. также письмо В. П. Боткина к Фету от 26 марта 1868 г. (Фет, Мои воспоминания, ч. II, М., 1890, с. 175—176), Тургенева — к Я. П. Полонскому от 6 апр. 1868 г. («Первое собрание писем», СПБ., 1884, с. 137), «Записки и дневник» Никитенко, т. III, с. 180.

Как указано выше, постановка ЦФИ была в 1868 г. запрещена. Впервые пьеса была поставлена лишь в 1898 г.

ЦАРЬ БОРИС

Впервые — в ВЕ, 1870, № 3, с. 196—337. Весной 1870 г. пьеса вышла отдельной книгой. Беловая рукопись первых четырех действий, с которой ЦБ набирался для журнала, — в арх. Толстого в ИРЛИ. На последней странице — надпись: «Действие V приложится к корректуре»; рукопись его до нас не дошла. Несколько разночтений по сравнению с печатным текстом и исправлений, сделанных чужой рукой, связаны с дополнительными поправками, о которых Т. сообщил Стасюлевичу уже после отсылки рукописи (см. письма от 17 и 22 дек. 1869 г. и 2 янв. 1870 г.). На основании рукописи вносим в печатный текст ряд мелких исправлений.

Мысль о трилогии родилась у Т. не сразу, а только во время работы над ЦФИ. Повидимому, очень скоро после напечатания второй трагедии он стал вплотную обдумывать ЦБ. Во всяком случае, уже 27 авг. 1868 г. Т. сообщил Стасюлевичу: «Царя Бориса» надеюсь предпринять также в скором времени, материалы уже готовы, надо будет только еще забрать кой-какие подробности от Костомарова». В первой половине октября он приступил к писанию пьесы. Из писем к тому же Стасюлевичу от 11 и 28 окт. узнаем следующее: «Я начал «Царя Бориса» и почти кончил вступление. Эта работа меня очень занимает. Если она удастся, то составится полная трилогия, с органической связью всех трех частей между собою, без ущерба для цельности каждой.... Царь Борис не только посещает меня, но сидит со мной неотлучно и благосклонно повертывается на все стороны, чтобы я мог разглядеть его. Увидев его так близко, я его, признаюсь, полюбил. Вступление уже окончено и, говорят, вышло очень хорошо. По крайней мере, закваска есть, так называемое уксусное гнездо, а с этого фундамента я уже обозреваю всю трагедию и очень ею занят». «Вступлением» Т., несомненно, называет сцену приема послов. За несколько дней была написана и вторая сцена, и в начале ноября он известил Костомарова, что первое действие окончено. Это действие было создано без особых трудностей, и сам поэт считал его «удавшимся»: «Я готов похерить целый акт и даже несколько актов, когда убеждаюсь, что они не прямо выражают основную мысль. Но первый акт удался» (письмо к Стасюлевичу от 2 дек. 1868 г.).

Уже окончив первое действие, Т. все еще не решил для себя вопроса о Лжедмитрии. «Первый акт «Царя Бориса» написан, но что Вы думаете о следующем его развитии», — спрашивает он Костомарова и в полуюмористических тонах излагает такую версию: «Нам известно из истории, что Борис был в дружелюбных отношениях с Гейнрихом IV и очень его уважал. Гейнрих IV имел привычку говорить: Ventre saint gris! и Ventre bleu! Борис старается сделать ему приятное и открывает в своем царстве дворянина Синебрюхова. Этого дворянина Синебрюхова он решается послать в подарок Гейнриху IV и, чтобы иметь на то право, прикрепляет его сперва к земле, а потом в виде раба посылает к Гейнриху. Синебрюхов дорогой ускользает и бежит в Литву к Вишневецкому, и он-то делается из мщения Лжедмитрием. Напишите мне непременно, хорошо ли это будет?» Разумеется, эта водевильная версия не получила осуществления, но более существенно то обстоятельство, что сюжетная линия Лжедмитрия была впоследствии совершенно ликвидирована. И вопрос о том, кто такой Лжедмитрий, Т. умышленно оставил непроясненным. Он отверг только версию о Гришке Отрепьеве. «Я, согласно Погодину и Костомарову, выставил Лжедмитрия иным лицом, чем Григорий Отрепьев, — писал Т. Стасюлевичу после окончания ЦБ, — и потому вывел последнего в разбойничьей сцене, как самого пустого человека, вместе с Мисаилом Повадиным».

Готовясь приступить ко второму действию, Т. был особенно озабочен фигурой датского принца. Он обратился к Костомарову с просьбой разъяснить ему свидетельство Карамзина о том, что

жених Ксении «воевал в Нидерландах под знаменами Испании»: «Узнайте мне непременно, почему он, будучи, вероятно, протестантом, воевал за Испанию? — Или он был католиком? — Или он потому воевал против Нидерландов, что Швеция воевала за Нидерланды? — Все это мне необходимо знать для характера датского принца. Я весь погрузился в «Царя Бориса» и ничего не вижу вокруг себя, ничего не замечаю, ни холода, ни одиночества, ровно ничего — вижу только мою драму, которой отдался всей душой, и хотя я не стесняюсь историей, но желал бы пополнять ее пробелы, а не действовать против нее». С тем же вопросом Т. обратился и к бар. Унгерн-Штернбергу. Эта неясность беспокоила его и мешала писать дальше. Но так и не раздобыв никаких точных сведений по интересовавшему его вопросу, Т. отчасти был даже доволен этим. «Барон Унгерн-Штернберг, — писал он Маркевичу, — .... прислал мне несколько страниц исторических заметок о датском принце Иоанне, женихе Ксении. Костомаров тоже, но я не нашел в них ничего полезного для себя. Тем лучше; все, что о нем известно, — туманно, и я могу чувствовать себя свободным». В результате Т. остановился на противоположной Карамзину версии (см. с. 323).

Полученные от Унгерн-Штернберга сведения были использованы Т. для мотивировки отношения к датскому принцу жены Бориса и его отравления. «Не удивляйтесь, — писал Т. Стасюлевичу 30 ноября 1869 г., — что датского принца, жениха Ксении, я назвал Христианом, а не Иоанном, как называет его Карамзин и наша летопись. Барон Унгерн-Штернберг, строитель Балтинской железной дороги, узнав, что я собираю сведенья об этом принце, прислал мне целый свод выписок из датских хроник. Там он везде называется Христианом, и, вероятно, имя Иоанна назначалось ему по принятии православия, которого он принять не успел. В некоторых из этих выписок он называется незаконнорожденным. Это пришлось мне на́ руку, чтобы мотивировать его отравление, а имя Христиан я предпочел Иоанну, чтобы не повторять в трилогии имени Грозного. Предположение, что он умер от яда, находится и в наших летописях, но отравленье приписывается Борису, что не сообразно с истиной. Я бросил подозрение на жену Бориса, дочь Скуратова, и это послужило мне для ее характеристики сообразно с показаниями голландца Масса». Подчеркивая невиновность Бориса в смерти датского принца, Т. следовал Карамзину, опровергавшему утверждения летописи (XI, с. 53—54).

Размышления над фигурой датского принца и связанным с нею сюжетным движением на некоторое время приостановили писание пьесы. Уже 27 янв. 1869 г. Т. сообщил О. А. Новиковой, что кончил первое действие, а о втором даже не упомянул. Но через десять дней он писал Маркевичу, что наконец «громада двинулась и рассекает волны», что он не отвечал ему, так как «был погружен» во второе действие, а 19 февр. известил Стасюлевича: «Два акта уже готовы. Третий решит: годится ли целое, и могу ли я продолжать с чистой совестью. Если третий удастся, дело выиграно, четвертый и пятый суть лишь логическое развитие и последствие трех первых».

Обдумывая второе действие, Т. написал попутно «Песню о Гаральде и Ярославне»: «Я был приведен к этой балладе моим датским принцем в «Царе Борисе» (письмо к Стасюлевичу от 7 февр. 1869 г.). Интересно, что несколько строк о Гаральде и дочери Ярослава вложены также в уста Христиана. Попав, по его собственному выражению, «в норманскую колею», Т. сейчас же после «Песни о Гаральде» принялся за другую балладу — «Три побоища». Баллады эти близки по своим идейным тенденциям к ЦБ; в них, как и в трагедии, ярко отразился своеобразный европеизм Т. Баллады на некоторое время отвлекли внимание поэта от ЦБ; после «Песни о Гаральде и Ярославне» и «Трех побоищ» была написана «Песня о походе Владимира на Корсунь»; в творческом воображении Т. мелькал замысел еще нескольких вещей. 26 марта 1869 г. в письме к Маркевичу он высказал сожаление, «что все это приходит ко мне зараз, в одно время», а в начале мая твердо решил вернуться к работе над трагедией: «Много сцен норманского периода еще просятся в баллады, как в единственную форму для той хорошей эпохи нашей истории, но я теперь займусь исключительно «Царем Борисом», иначе варяги завлекут меня слишком далеко» (письмо к Стасюлевичу от 2 мая).

В июне было готово третье действие (письмо к Фету от 23 июня). Подробности дальнейшей работы над трагедией нам неизвестны, но 7 октября Т. с удовлетворением уведомил Стасюлевича, что ЦБ почти окончен, осталось написать только три сцены. 10 октября он сообщил Маркевичу, что поставил под трагедией слово «конец» и должен лишь переработать одну сцену и заполнить один пробел, а 3 ноября (после возвращения из Ливадии, где читал ЦБ царице) — что она совершенно готова и нужно лишь «подчистить и подправить» ее. Это отняло у Т. недели две, в 20-х числах он принялся за переписку ЦБ, а в беловую рукопись снова внес ряд исправлений (наиболее существенные из них приведены на с. 524—527). Самым важным из этих исправлений является перенесение монолога Бориса «Свершилося! В венце и в бармах я», раскрывающего основную коллизию ЦБ, из 2-й сц. 1 д. в конец 1-й, как в окончательном тексте. Наконец 30 ноября 1869 г. рукопись, без пятого действия, была отправлена в редакцию ВЕ. В тот же день Т. просил Костомарова посмотреть — нет ли в речах Мисаила и Григория каких-нибудь языковых ляпсусов. Ряд поправок и вставок, которые были «нужны для полноты драмы», он послал Стасюлевичу 22 дек. 1869 г. и 2 янв. 1870 г. Получив от Стасюлевича письмо, в котором тот сообщил, что у него, Костомарова и Анненкова имеются какие-то замечания по поводу ЦБ, Т. несколько обеспокоился и 7 января ответил ему следующее: «Жаль мне, что Вы не говорите, в чем именно состоят замечания Ваши, Костомарова и Анненкова? Я готов исправить все частные мои погрешности и ошибки, но боюсь, что замечания касаются целой постройки и целого содержания — тогда я не предвижу возможности их переделать. Die Sache ist ein für alle Mal a b s o l v i e r t».

3 февр. 1870 г. рукопись четырех действий была отправлена в набор, а 15 февраля Т., находившийся в это время в Петербурге, вернул в редакцию журнала проверенную корректуру, в которую он не внес никаких существенных изменений.

8 февр. 1870 г. Т. читал трагедию в Москве в Обществе Любителей Российской Словесности, а 1 марта вместе с Маркевичем в Петербурге — в пользу Славянского благотворительного комитета. Последнее чтение было очень плохо организовано и вызвало ряд нареканий и насмешек в печати.

Поэт работал над трилогией семь лет. При этом понимание личности Бориса и отношение к нему Т. менялось. Но его не мог, конечно, не связывать тот психологический облик, который был изображен в первой трагедии. Окончив ЦБ, он писал Стасюлевичу: «Сознаюсь, что идея трилогии родилась во мне только во время создания «Федора Иоанновича», а что до того я не любил Бориса. Max Müller говорит, что слово, раз произнесенное, влияет на нас как посторонняя сила, и это я испытал на характере Бориса. Я увидел его объективно и должен был подчиниться ему, каким я сам вообразил его сначала. So musste er folgerecht werden». Однако сохранить в неприкосновенности первоначально задуманный образ, несмотря на изменившееся отношение к Борису, Т., конечно, не мог. Если в Борисе первой трагедии есть черты мелодраматического злодея и честолюбца, то во второй и особенно в третьей поэт значительно усложнил его внутренний мир, с гораздо большей определенностью увидел в нем мудрого государственного деятеля, а также близкие ему самому идейные устремления — европеизм и пр. Нужно иметь в виду, что европеизм является одним из существенных моментов идейного содержания пьесы. «Хотя я враг всякой предвзятой мысли в искусстве, всякой тенденции, — читаем в его письме к Стасюлевичу от 12 ноября 1869 г., — но мои убеждения высказались невольно в «Царе Борисе», и я невольно заявил мою антипатию к русопетам, становящимся спиною к Европе». Параллельно с этим, но в противоположном направлении был изменен образ жены Годунова. Если в СИГ Мария искренно пугается неожиданно открывшихся ей честолюбивых планов Бориса, то в ЦБ она — его верный помощник и даже превосходит его жестокостью; ей в значительной степени были переданы «злодейские» черты Бориса. Это изменение дало возможность бросить на нее подозрение в отравлении датского принца. Но Мария Годунова первой и третьей трагедии так не похожи друг на друга, что поэт думал даже исправить соответствующую сцену СИГ. «Наконец трилогия готова, — писал он Стасюлевичу 28 ноября 1869 г., — и кажется отдельные части fügen sich recht sauber zusammen. Только если дело дойдет до издания всех трех трагедий вместе, надо будет в «См. Иоан.» переделать Борисову жену, которую я в последней трагедии представил не по летописям, а по сказанию голландца Масса. Этак она выходит оригинальнее и рельефнее, как достойная дочь Малюты. Я думаю, Костомаров будет ею доволен». При жизни Т. трилогия в одной книге издана не была, и осуществить задуманную переделку ему не пришлось.

В письмах Т. есть ряд отзывов о ЦБ, которые ярко характеризуют общий замысел трагедии и ее основные особенности. Неслучайно была, конечно, ликвидирована вся сюжетная линия Лжедмитрия, которая по первоначальному плану должна была,

повидимому, занимать в ней существенное место. «Вы будете довольны развитием характера Бориса, но одобрите ли Вы или будете порицать то, что Лжедмитрий у меня не появляется?» — спрашивал он кн. Сайн-Витгенштейн в письме от 17 окт. 1869 г. и тут же мотивировал это обстоятельство: «Бой, в котором погибает мой герой, это — бой с призраком его преступления, воплощенным в таинственное существо, которое ему грозит издалека и разрушает все здание его жизни. Я думаю, что я достиг этим большого единства, и вся моя драма, которая начинается венчанием Бориса на царство, не что иное, как гигантское падение, оканчивающееся смертью Бориса, происшедшей не от отравы, а от упадка сил виновного, который понимает, что его преступление было ошибкой». То же самое отмечал Т. в письме к Маркевичу от 3 ноября 1869 г.: «Это не в духе «Иоанна» и не в духе «Федора Ивановича». Тут нет происшествий; действие одно — нераздельно: борьба Бориса с призраком Дмитрия, ряд сцен различных цветов, через которые безостановочно проходит характер Бориса до его смерти». Сознательное лишение трагедии внешнего действия и перенесение ее исключительно в морально-психологическую плоскость определило ее композиционную структуру. Связь между этими двумя моментами была очевидна для самого Т. «Вы прежде всего заметили все, что есть хорошего в «Борисе», — писал он кн. Сайн-Витгенштейн уже в 1872 г., — и немного закрыли глаза на его недостатки, из которых главнейший — отсутствие единства. Вы хорошо сказали, что эта драма — пьедестал, воздвигнутый мною для Бориса, но Вы не захотели заметить, что подробности этого пьедестала затмевают статую, и что от этого главное лицо, т. е. Борис, остается почти бездеятелен. Его историческая бездеятельность не есть извинение для поэта, и если есть смягчающие обстоятельства для него, это лишь в том, что его драма, в сущности, не есть драма, а только катастрофа трилогии, и имеет лишь это одно достоинство, если таковое у нее есть. Я не хочу унижаться паче гордости и сознаю, что есть хорошие сцены в «Борисе», и что эти сцены могут быть эффектны в театре; но они беспорядочны и держатся между собой только тем, что все относятся некоторым образом к главному лицу». И это не рассуждение post factum, когда Т. уже успел остыть к своему произведению. Еще только заканчивая ЦБ, он откровенно признавался Стасюлевичу в письме от 7 окт. 1869 г.: «Сказать Вам, что оно нехорошо, было бы притворством. Оно положительно хорошо. Боюсь одного: цельность, которую я сохранил в этой трагедии более, чем в двух предшествующих, может придать многочисленным эпизодам значение одних реплик царю Борису, чтобы доставить ему случай выказать себя со всех сторон». Когда Т. говорил о «цельности» трагедии, он имел в виду ее сосредоточенность исключительно на центральном герое (в первых двух частях трилогии этого в таком подчеркнутом и обнаженном виде не было); когда же он отмечал «отсутствие единства», то вовсе не противоречил себе: речь шла о сюжетном движении пьесы, определяющемся не столько логикой событий, сколько их отношением к герою, их необходимостью для его обрисовки.

Работая над вторым действием ЦБ, Т. сообщил Стасюлевичу, что жена предпочитает его первым двум трагедиям, и присоединился к этой оценке (письмо от 7 февр. 1869 г.). Уже заканчивая пьесу, он в письме к тому же Стасюлевичу более детально сопоставил ее с ЦФИ: «Нет искусственной завязки и нет сложного механизма, как в «Федоре». Механизм, может быть, слишком беден, но цветов и красок более, чем в первых трагедиях. Если взять эту драму как последнюю из трилогии, то выйдет бессознательное применение древнего архитектурного правила для трехэтажных зданий: внизу дорический орден, потом ионический, а наконец коринфский. Движения и драматических положений очень много». Вскоре после этого Т. изменил мнение и своей лучшей пьесой стал считать ЦФИ. «Кажется, «Федор» несравненно лучше «Смерти Иоанна», — писал он Стасюлевичу. — Скажу Вам, себе самому в ущерб, что, по моему мнению, «Федор» лучше и «Царя Бориса», по крайней мере, мне он больше по́-сердцу, но люди, слышавшие «Бориса», предпочитают его обеим предшествующим трагедиям. Что он сценичнее, это я сам сознаю. Эффекта в нем больше, но, по мне, психологии меньше». Говоря о том, что в ЦБ «психологии меньше», Т. подразумевал, конечно, не меньшую насыщенность пьесы психологическим анализом, а меньшее своеобразие психологического облика главного героя. Ту же оценку находим и в письме к Маркевичу от 3 ноября 1869 г.: «Я предпочитаю «Федора», в котором архитектура гораздо более «künstlich» и характер которого мне больше по́-сердцу. Но как орнаментация «Борис» более богат и даже, может быть, более сценичен». Таким образом, в своей оценке Т. исходил, с одной стороны, из общего построения, «архитектуры», организации сюжета пьесы и характера главного героя, метода психологического анализа — в этом он отдавал предпочтение ЦФИ («механизм» ЦБ представлялся ему слишком бедным), с другой стороны, Т. имел в виду эффектность, богатство «цветов и красок», обилие отдельных драматических положений — здесь он видел преимущество ЦБ и в связи с этим считал его наиболее сценичным. Разумеется, Т. слишком узко понимал в данном случае признаки сценичности и ошибался относительно большей сценичности последней части трилогии. Театральная судьба ЦФИ и даже СИГ, сохранившихся в репертуаре до наших дней, и ЦБ, совершенно не удержавшегося в нем, опровергает его слова.

Из отзывов Т. об отдельных сценах ЦБ обращает на себя внимание один, касающийся первого действия трагедии. Он особенно интересен потому, что в нем соотнесены эпизоды разных пьес, входящих в состав трилогии. «Что касается «Царя Бориса», то Вы будете довольны одной сценой, и Катков тоже! — писал поэт Маркевичу 26 марта 1869 г. — Это противовес сцены с Гарабурдой: Сапега, посланный Сигизмундом III, приходит с высоко поднятой головой и уходит с опущенным хвостом. С. (Софья Андреевна, жена Толстого. — *Ред.)* очень одобряет эту сцену — idem, сцена с папским нунцием». Т. не задним числом сделал это сопоставление, но имел его в виду во время писания ЦБ; на него несомненно натолкнул поэта Карамзин (см. ниже, с. 561). Оно довольно суще-

ственно, потому что акцентирует определенные моменты в характеристиках Иоанна и Бориса — дело ведь, конечно, не столько в Гарабурде и Сапеге, сколько именно в них.

Основным источником ЦБ является ИГР, причем эта пьеса, пожалуй, еще более других насыщена заимствованиями из Карамзина. Приводим наиболее существенные сопоставления. Из них совершенно ясно, что и для ЦБ Т. черпал у Карамзина не только фактические данные, но пользовался им и в чисто литературных целях, заимствуя из ИГР также отдельные выражения, формулировки, образы, психологические характеристики и мотивировки, описательные детали и т. п. Всего этого он не мог найти в таком количестве у других историков, напр., у С. М. Соловьева. Т. читал, конечно, его «Историю России с древнейших времен», но ни своими идейными тенденциями, ни отдельными эпизодами и деталями она не оказала на трилогию никакого влияния.

Действие I. *Престольная палата.* Слова Салтыкова «Пятьсот нас вышло тысяч в поле» (с. 289) ср. с XI, с. 15, 18. Его же слова о заслугах Бориса являются, повидимому, отражением того, что говорилось о них на заседаниях Земской думы в феврале 1598 г. (X, с. 231). — Слова Воейкова «И все дома, от гребней до завалин. Стоят в цветах и в зелени!» (с. 290) заимствованы из описания встречи Бориса в Москве: «Все домы были украшены зеленью и цветами» (XI, с. 19). — Описание смерти Федора (с. 292) ср. с X, с. 218—220.

Вся сцена приема послов является в основном драматизацией начала XI т. ИГР, раздела «Дела внешней политики»; нужный ему материал Т. привлекал, впрочем, и из других мест, не считаясь с тем, относится ли он к царствованию Бориса или Федора. Речь Ричарда Ли связана с прибавлением в конце XI т., где говорится о том, что королева Елисавета в 1601 г. предлагала Борису в невесты для его сына дочь своего родственника графа Дарби (см., кроме того, XI, с. 76—77). Миранда был в Москве в 1601 г. по дороге в Персию (XI, с. 82); больше ничего Карамзин о нем не сообщает. Т. взял лишь его имя, а для речи использовал наказ, данный папою Климентом VIII легату Комулею, который был в Москве при Федоре Иоанновиче (X, с. 190). Материалом для диалога между Борисом и Логау послужили страницы, посвященные отношениям России и Австрии с конца 80-х годов XVI в. (X, с. 103—105, XI, с. 56—58, примеч., с. 27). Сцена с Сапегой является пересказом следующего отрывка: «Между тем мы имели случай гордостию отплатить Сигизмунду за уничижение, претерпенное Иоанном от Батория. Великий посол литовский, канцлер Лев Сапега,[1] приехав в Москву, жил шесть недель в праздности, для того, как ему сказывали, что царь мучился подагрою. Представленный Борису.... Сапега явил условия, начертанные Варшавским сеймом для заключения вечного мира с Россиею: их выслушали, отвергнули и еще несколько месяцев держали Сапегу в скучном уединении, так что он грозился сесть на коня и без дела уехать из Москвы.... 11 марта

---

[1] Последние пять слов, без каких бы то ни было изменений, составили стихотворную строку и вложены в уста Салтыкова.

1601 года написали грамоту, но не хотели именовать в ней Сигизмунда королем Швеции.... Литовские вельможи говорили Салтыкову и Власьеву: «Если действительно хотите мира, то признайте нашего короля шведским, а Эстонию собственностию Польши». Салтыков отвечал: «Мир вам нужнее, нежели нам. Эстония и Ливония собственность России от времен Ярослава Великого; а шведским королевством владеет ныне герцог Карл: царь не дает никому пустых титулов» (XI, с. 36—38). Ср. с «Историей Российской от древнейших времен» М. Щербатова (т. VII, ч. I, СПБ., 1790, с. 117—119, 143—150), где нет упоминаний о том, что Сапега грозился сесть на коня, нет слов о «пустых титулах» и пр. Диалог между Гендрихсоном и Борисом ср. со с. 30—31 и 40—42, а речь Аврамия Люса со с. 82 XI т. ИГР. Сцена с ганзейскими послами является обработкой следующего места: «Ганза прислала в Москву любского бургомистра Гермерса, трех ратсгеров и секретаря своего, которые 3 апреля 1603 г. поднесли в дар государю и сыну его литые серебряные, вызолоченные изображения Фортуны, Венеры, двух больших орлов, двух коней, льва, единорога, носорога, оленя, струса, пеликана, грифа и павлина.... Они вручили боярам челобитную.... В ней было сказано, что древность их торговли в нашем отечестве исчисляется не годами, а столетиями; что в самые отдаленные времена, когда англичане, голландцы, французы едва знали имя России, Ганза доставляла ей все нужное и приятное для жизни гражданской и зато искони пользовалась благоволением державных предков царя, правами и выгодами исключительными: о возвращении сих прав молила Ганза, славя Бориса; желала торговли беспошлинной.... Царь сказал.... что жители вольных немецких городов должны платить ее, как и все, но что половина ее, в знак милости, уступается любчанам..., что одни же любчане избавляются от всякого таможенного осмотра, сами заявляя и ценя свои товары по совести» и т. д. (XI, с. 79—80). Ср. с «Историей Российской» Щербатова: ганзейским купцам «уступается таможенная пошлина» (размер уступки точно не указан, как у Т. и Карамзина), но в освобождении от осмотра товара им «отказано, ибо и везде таковый обычай есть» (т. VII, ч. I, с. 184—186). Материалом для сцены с послами персидского шаха, турецкого султана и царя Иверии послужили разделы «Посольство персидское», «Происшествия в Грузии», «Дружество Феодора с шахом» и «Поход на Шавкала» (XI, с. 58—70; X, с. 191—199). В уста Лачин-Бека Т. вложил слова другого посла шаха. «Посол шахов (в 1593 году) Ази Хозрев, вручив царю ласковое письмо Аббасово, всего более льстил правителю, в тайных с ним беседах, пышными выражениями восточными, говоря ему: «ты единою рукою держишь землю русскую, а другую возложи с любовию на моего шаха и навеки утверди братство между им и царем» (X, с. 192). О драгоценном троне, подаренном Борису шахом, см. XI, с. 58, примеч., с. 30, 130. Жалобы арх. Кирилла «Ограблены жилища наши» и т. д. ср. со словами иверских послов у Карамзина (XI, с. 58). Карамзин утверждал, что послы султана ни разу не были в России в годы царствования Бориса (XI, с. 82, примеч., с. 40). Но Т., в соответствии с общим замыслом первой сцены, предпочел отвергнутые Карамзиным свидетельства. Послом султана он сделал Челибея,

который в действительности был послом и любимцем крымского хана Казы-Гирея (XI, с. 29, примеч., с. 12—13).

Страница, на которой изображен народ в престольной палате, является развитием следующих слов Карамзина: «В сей день народ обедал у царя: не знали числа гостям, но все были званые, от патриарха до нищего» (XI, с. 11). Т. приурочил этот обед ко дню венчания Бориса на царство (1 сент. 1598 г.), а в ИГР он отнесен к 30 апреля, когда Борис согласился принять трон и вернулся из монастыря в Москву.

Келья в Новодевичьем монастыре. Разговор Бориса с Семеном Годуновым о прикреплении крестьян (с. 312 и 315) с удивительной точностью воспроизводит целый ряд мест ИГР: «Богатые владельцы, имея немало земель пустых, лишались выгоды населять оные хлебопашцами вольными, коих они сманивали от других вотчинников или помещиков. Тем усерднее могли благодарить Годунова владельцы менее избыточные, ибо уже не страшились запустения ни деревень, ни полей своих от ухода жителей и работников» (X, с. 209—210). «Закон об укреплении сельских работников, целию своею благоприятный для владельцев средних и неизбыточных.... имел, однакож, и для них вредное следствие частыми побегами крестьян, особенно из селений мелкого дворянства.... Зло было столь велико, что Борис, не желая совершенно отменить закона благонамеренного, решился объявить его только временным» (XI, с. 86). «К сим милостям чрезвычайным прибавил еще новую для крестьян господских: уставил, сколько им работать и платить господам законно и безобидно» (XI, с. 22).

Действие II. *Покой во дворце.* Переживания и слова Бориса при известии, что Дмитрий якобы жив (с. 332—335), ср. со с. 142—144 т. XI ИГР.

Покой царицы Марии Григориевны. Упоминание о поездке Власьева в качестве свата в Данию (с. 335) основано на летописном свидетельстве, приведенном в ИГР. Карамзин, впрочем, берет его под сомнение. По его мнению, Власьев был в Дании в качестве свата уже после смерти первого жениха Ксении (XI, примеч., с. 21, 26). — Слова Марии Годуновой о намерении Бориса сделать Христиана эстонским королем (с. 337) восходят к утверждению Карамзина, что он «мог служить орудием наших властолюбивых замыслов на Эстонию, бывшую собственность Дании» (XI, с. 45). — Описание чудесных знамений в реплике Волоховой (с. 340) заимствовано из рассказа о них Бера (Буссова), процитированного в ИГР: «Нередко всходили тогда две и три луны, два и три солнца вместе.... от бурь и вихрей падали колокольни и башни; женщины и животные производили на свет множество уродов.... летом (в 1604 году), в светлый полдень, воссияла на небе комета, и мудрый старец, за несколько лет пред тем вызванный Борисом из Германии, объявил дьяку государственному (Власьеву), что царству угрожает великая опасность» (XI, с. 121).

Лес. Разбойничий стан. Материалом для этой сцены послужили с. 119—120 и 149 т. XI ИГР. Впрочем, разбойничьи подвиги самого Хлопка не были связаны с Лжедмитрием — его поймали еще до появления последнего в России.

Действие III. *Покой во дворце.* Слова Семена Годунова об Отрепьеве (с. 356—357) основаны на биографии последнего в изложении Карамзина: «Галичанин Юрий Отрепьев, в юности лишась отца, именем Богдана-Якова, стрелецкого сотника. . . . служил в доме у Романовых. . . . Юный диакон с прилежанием читал российские летописи и нескромно, хотя и в шутку, говаривал иногда чудовским монахам: «Знаете ли, что я буду царем на Москве?» Одни смеялись, другие плевали ему в глаза, как вралю дерзкому» (XI, с. 124—125). Но взгляд Т., согласно которому Лжедмитрий не был Отрепьевым, повлек за собою иное изображение поведения Бориса, чем в ИГР. Карамзин считал, что Борис лишь тогда объявил его беглым монахом, когда получил об этом точные сведения (XI, с. 320—321, 143), между тем у Т. он уверен в противоположном и делает это, руководствуясь совершенно иными соображениями. См. также ниже, с. 567—568. — Приказание отправить гонца к королю (с. 357) ср. с XI, с. 146. — Меры против голода, о которых говорит Борис, и воспоминание об обещании, данном в день венчания на царство (с. 358), воспроизводят соответствующие строки ИГР: «Борис велел отворить царские житницы в Москве и в других городах. . . . отворил и казну: в четырех оградах, сделанных близ деревянной стены московской, лежали кучи серебра для бедных; ежедневно в час утра каждому давали две московки, деньгу или копейку» (XI, с. 111). «Бог мне свидетель, что в моем царстве не будет ни сирого, ни бедного», — и, тряся верх своей рубашки, примолвил: «отдам и сию последнюю народу» (XI, с. 21). — Вести об успехах Лжедмитрия (с. 368) ср. с XI, с. 151, 154, примеч., с. 83.— Восклицание Бориса «Рвать им языки!» (с. 371) ср. со словами Карамзина: «в сие время уже резали языки нескромным» (XI, с. 178).

Дом Федора Никитича Романова. Молитва, которую читает Шуйский (с. 373), очень близка к тексту, приведенному в примечаниях к ИГР: «Сущии днесь в полате сей молим о душевном спасении и о телесном здравии и о победе на враги божиему слузе, великому, благочестивому, и богом избранному, и богом почтенному и превознесенному. . . . государю царю Борису Феодоровичу, самодержащему скифетры на всей Восточной стране и на Севере. . . . и его царск. пресветлого величества царице и их благородным чадом. . . . И на том убо и чашу сию царскую воздвигнули. . . . Дай бог. . . . чтоб. . . . имя славилося от моря до моря и от рек до конец вселенныя, к его чести и к повышению, а преславным его царствам к прибавлению. . . . чтобы те великие государи его царск. величеству послушливы были с рабским послужением, и от посечения меча его все страны трепетали. . . . чтобы его прекрасно-цветущие, младо-умножаемые ветви царского изращения в наследие превысочайшего рос. царствия были навеки и некончаемые веки, без урыву; а на нас бы, рабех его, от пучины премудрого его разума и обычая и милостивого нрава неоскудные реки милосердия изливалися выше прежнего» (XI, примеч., с. 51). Ср. с текстом хронографа, где «скипетры», а не «скифетры», как у Т. и Карамзина («Изборник славянских и руских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. Собрал А. Попов», М., 1869, с. 217). — Слова Семена Году-

нова при аресте Романовых и их сторонников (с. 377) написаны на основе следующего отрывка: «Новый Малюта Скуратов, вельможа Семен Годунов..., подкупил казначея Романовых,[1] дал ему мешки, наполненные кореньями, велел спрятать в кладовой у боярина Александра Никитича и донести на своих господ, что они, тайно занимаясь составом яда, умышляют на жизнь венценосца» и т. д. Тут же говорится об аресте, а затем ссылке князей Черкасских, Репниных и Сицких (XI, с. 101—103).

Действие IV. *Красная площадь с Лобным местом.* В этой сцене использовано несколько мест из ИГР: о приказе Бориса «петь вечную память Димитрию в храмах, а расстригу с его клевретами, настоящими и будущими, класть всенародно на амвонах и торжищах как злого еретика» (XI, с. 159), о речи Шуйского на Лобном месте (XI, с. 157—158) и др. Ср. грамоты патриарха Иова и митрополита Исидора, в которых речь идет о молебнах по поводу войны с Отрепьевым и проклятии Самозванца, но нет ничего о «вечной памяти Димитрию» («Акты археографической экспедиции», т. II, СПБ., 1836, с. 78—84).

Покой во дворце. Разговор Бориса с врачом (с. 409—410) ср. со с. 52 т. XI. — Текст письма Лжедмитрия и произведенное им на Бориса впечатление (с. 411—413) восходят к рассказу об этом Карамзина, причем в ИГР оно тоже отнесено ко времени пребывания Лжедмитрия в Путивле и датировано 8 марта 1605 г. (XI, с. 177—178).— В самом конце IV д. (с. 415) отразились слова: «Борис пришел к Ксении и сказал: «Любезная дочь! твое счастие и мое утешение погибло!» Она упала без чувства к ногам его» (XI, с. 52).

Действие V. *Престольная палата.* Сцена с Клешниным (с. 421—425) выросла из нескольких слов Карамзина: Борис «не мог успокоить одного Клешнина, в терзаниях совести умершего чрез несколько лет схимником». В примечании к ним приведена надгробная надпись, из которой видно, что в иночестве его звали Левкием и что умер он в 1599 г. (X, с. 142, примеч., с. 83).

Утро. Покой перед царской опочивальней. Слово «бессовестно» в применении к допросам Шуйского в Угличе (с. 428) ср. с X, с. 138.

Столовая палата. Выбор именно Салтыкова и Голицына для начала этой сцены определен главкой ИГР, носящей название «Измена Голицыных и Салтыкова» (XI, с. 191). — У Карамзина взяты также сведения о битве под Новгородом Северским, о спасших положение 700 немецких всадниках, но то, что касается Басманова, передано Т. несколько иначе — ср. XI, с. 163—164. Имена изменивших Борису воевод, перечисленные Шуйским, см. XI, с. 151, 154, 174. — Слова «золотое блюдо, насыпанное червонцами» — цитата (XI, с. 167). — В словах Бориса о сыне (с. 441) отразилась характеристика, данная Федору в ИГР; ср., например, «с духом твердым кротость В нем сочетал» со словами Карамзина «души равно твердой и кроткой» и др. (XI, с. 185). — Реплика Марии Годуновой и голоса об отравлении царя (с. 442—443) связаны с довольно распространенной версией. Но Т. устами самого Бориса отвергает ее, равно как и другую, согласно которой он отравился сам, видя тщетность

[1] Бартенева второго. *Примечание Карамзина* (с. 53).

борьбы с Лжедмитрием. Поэт следует в этом за Карамзиным: «всего вероятнее, что удар, а не яд прекратил бурные дни Борисовы» (XI, с. 181, примеч., с. 99). Обстоятельства смерти Бориса ср. со с. 179—180 т. XI. Описав ее, Карамзин патетически восклицает: «К сожалению, потомство не знает ничего более о сей кончине, разительной для сердца. Кто не хотел бы видеть и слышать Годунова в последние минуты такой жизни — читать в его взорах и в душе, смятенной незапным наступлением вечности?.. Молчание современников, подобно непроницаемой завесе, сокрыло от нас зрелище столь важное, столь нравоучительное, дозволяя действовать одному воображению». В последних репликах Бориса «Нет — не было отравы!» и «Блюдите вашу клятву!» (с. 443) Т. и пошел по указанному Карамзиным пути, дополняя воображением то, чего нет в источниках и что было ему необходимо для оформления своего понимания Бориса.

Приведенные параллели не исчерпывают, конечно, всего материала, ряд других фактов и деталей также взят из ИГР. Но Т., как это видно отчасти из вышеизложенного, очень многое заимствуя у Карамзина, многое и отвергал. Однако в ЦБ таких отступлений от источника, вымышленных сюжетных связей и ситуаций, измененных психологических мотивировок все же меньше, чем в первых двух частях трилогии.

В письмах Т. имеется, как мы видели, указание на еще один источник, именно на мемуары Исаака Массы. Повидимому, он читал их во французском переводе, вышедшем в Брюсселе в 1866 г.: «Histoire des guerres de la Moscovie (1601—1610) par Isaac Massa de Haarlem, publié pour la première fois, d'après le manuscrit hollandais original de 1610...», т. II (в первом томе был напечатан голландский текст). Как раз в 1868 г., когда Т. начал работать над ЦБ, петербургский издатель и книгопродавец Я. Исаков, закупив некоторое количество экземпляров II тома, пустил его в продажу со специально напечатанной титульной страницей: «Démétrius l'imposteur (1601—1610) par Isaac Massa, publié pour la première fois...» и т. д.

По словам самого Т., он заимствовал у Массы общий облик Марии Годуновой, совсем иначе, в соответствии с данными ИГР, изображенной им раньше в СИГ. Если Карамзин писал, что после убийства Годуновых «жалели о Марии, которая.... жила единственно благодеяниями, и коей Борис не смел никогда открывать своих злых намерений» (XI, с. 206), то противоположного мнения был о ней Масса. Для него Мария Годунова — злой гений Бориса: «Он никогда не поступал бы с такой жестокостью и коварством, если бы не подстрекательство этой надменной женщины» (с. 28, 43, 114). Но связь ЦБ с Массой не ограничивается общей характеристикой Марии Годуновой. В ИГР свидание Бориса с бывшей царицей описано так: «призвал в Москву царицу-инокиню, мать Димитриеву, и ездил к ней в Девичий монастырь с патриархом, воображая, как вероятно, что она могла быть участницею предполагаемого кова, и надеясь лестию или угрозами выведать ее тайну; но царица-инокиня, равно как и бояре, ничего не знала, с удивлением и, может быть, не без внутреннего удовольствия слыша о Лжедимитрии,

который не заменял сына для матери, но страшил ее убийцу» (XI, с. 143). Последние строки несомненно послужили Т. исходным пунктом для обрисовки психологии и поведения царицы, но обстановка свидания совершенно изменена. Источник всей сцены находим в мемуарах Массы: свидание происходит во дворце, в нем участвует и Мария Годунова, есть здесь и отсутствующий у Карамзина эпизод со свечой. Вот этот отрывок: «Борис велел тайно доставить ее в Москву и провести в его спальню, где он вместе со своей женой подверг несчастную строгому допросу, чтобы узнать ее мысли относительно сына. Сначала она ответила, что не знает — умер ли он или жив. Жена Бориса вышла из себя. «Не прячь от нас то, что ты хорошо знаешь, б....!» — сказала она и, бросив ей в глаза горящую свечу, она бы, конечно, ослепила ее, если бы не царь, защитивший ее своим телом. Тогда царица Марфа, не колеблясь, ответила, что сын ее еще жив, что его тайно увезли из России, что это было сделано без ее ведома, но что люди, которых уже нет в живых, впоследствии рассказывали ей об этом. Она говорила это по попущению божьему, потому что хорошо знала, что сын ее умер и погребен» (с. 115).

Не исключена возможность, что Т. знал мемуары Массы лишь по книге Н. И. Костомарова «Смутное время Московского государства в начале XVII столетия» (т. I, СПБ., 1868) или, во всяком случае, что Костомаров натолкнул поэта на них. Показательно в этом смысле приведенное выше, на с. 558, письмо к Стасюлевичу, в котором Т. высказал уверенность, что «Костомаров будет ею (т. е. образом Марии Годуновой в ЦБ.—*Ред.*) доволен». Костомаров широко использовал в своей книге мемуары Массы, в частности в полном соответствии с ними дана в ней общая характеристика Годуновой (с. 13—14). Сцена свидания Бориса с царицей Марфой почти дословно повторяет Массу; ср. приведенный выше отрывок из его мемуаров со с. 158—159 книги Костомарова.

Т., без сомнения, читал работы Костомарова о Смутном времени, а также был знаком с его взглядами и из личных бесед. Кроме отмеченных заимствований из Массы, которые, трудно сказать с уверенностью — восходят ли к первоисточнику или к Костомарову, Т., по его собственным словам, «согласно Погодину и Костомарову, выставил Лжедмитрия иным лицом, чем Григорий Отрепьев». Борис в пьесе Т., заведомо не веря в справедливость версии об Отрепьеве, использует ее в борьбе с Лжедмитрием: «Мы знать должны, кто он! Во что б ни стало Его назвать, хотя пришлось бы имя Нам выдумать!» В этом Т. расходился с Карамзиным, писавшим: «вероятно ли, чтобы в случае столь важном Борис легкомысленно, без удостоверения, объявил Лжедимитрия беглецом Чудовским, коего многие люди знали в столице и в других местах» и т. д. (XI, с. 320—321), и следовал за Костомаровым. «Вероятно, и сам Борис не мог положительно сказать сам себе, — читаем в его книге о Смутном времени, — кто такой этот страшный враг, грозивший его венцу из Северской земли. Имя Гришки, очевидно, было поймано как первое подходящее, когда нужно было назвать не Димитрием, а кем бы то ни было того, кто назывался таким ужасным именем» (с. 170; см. также специальное исследование

Костомарова о самозванце «Кто был первый Лжедимитрий?», СПБ., 1864, с. 10). Тут же Костомаров замечает: «Борис едва ли мог поручиться — в самом ли деле это самозванец, а не Димитрий. Он не видал трупа отрока, зарезанного в Угличе, не удалось ему говорить со слугами, исполнявшими его поручение. На Шуйского, производившего сыск в Угличе, он не надеялся». Это место также нашло себе отражение в пьесе — мы имеем в виду разговор Бориса с Семеном Годуновым в конце IV д.; в частности последнюю фразу приведенной цитаты ср. с репликой: «Шуйский! Могу ли верить я ему?» (с. 413). Однако сам Отрепьев изображен в ЦБ иначе, чем у Костомарова — ср., напр., с. 83 «Смутного времени» со словами Т., что он вывел его «в разбойничьей сцене, как самого пустого человека».

Еще несколько деталей с большей или меньшей вероятностью могут быть возведены к Костомарову. Общий облик Марии Годуновой, заимствованный у Массы, дал, как мы знаем, Т. возможность бросить на нее подозрение в отравлении датского принца. Но он мог в то же время опереться и на следующий отрывок из «Смутного времени»: «Когда Борис затеял отдать дочь свою за датского королевича, его близкие родственники негодовали, и даже, когда этот царь поехал навестить умиравшего зятя, многие кричали: «Это недостойно царского величества; православный царь не должен навещать нехристя немца» (с. 248). В обрисовке отношения сына Бориса, Федора, к Лжедмитрию отразилась, повидимому, легенда, согласно которой он верил в то, что самозванец — подлинный сын Иоанна и законный претендент на престол (с. 214 «Смутного времени» Костомарова; см. также «Дневник путешествия Марины Мнишек» в IV части «Сказаний современников о Димитрии Самозванце», СПБ., 1834, с. 6).

Разумеется, некоторые из отмеченных выше фактов Т. мог почерпнуть не у Карамзина, а из других источников: напр., о знаменьях, рассказ о которых вложен в уста Волоховой, он мог прочесть в «Московской летописи» Мартина Бера (Конрада Буссова); о том, что черниговцы связали своих воевод и выдали их Лжедмитрию — в «Описании путешествия из Кракова в Москву и из Москвы в Краков» Г. Паерле. И Бер и Паерле были изданы Н. Устряловым в очень распространенной в свое время серии «Сказания современников о Димитрии Самозванце». Но ни об одной детали, которой нет в ИГР, нельзя с полной уверенностью утверждать, что Т. взял ее из «Сказаний». Естественно поэтому предположить, что и в данном и в аналогичных случаях он пользовался не первоисточниками, а пересказом Карамзина. Т., без сомнения, читал многие из них, но непосредственным источником при создании трилогии они не были. О том, что он пользовался Карамзиным даже тогда, когда источник был вполне доступен, свидетельствует хотя бы такой факт. В «Истории моего времени» Жака де Ту, глава из которой о Смутном времени вошла в вып. III названной серии, о письме Лжедмитрия к Борису говорится следующее: «Он писал и к Борису, советовал ему одуматься и оставить престол, неправильно присвоенный, дозволяя избрать монастырь, какой ему понравится, с весьма выгодными условиями для

него и семейства его» (изд. 2. СПБ., 1837, с. 137). Карамзин же, ссылаясь на того же де Ту и Гревенбруха, писал: «Бориса убеждал мирно оставить престол и свет, заключиться в монастыре и жить для спасения души, обещая ему свою царскую милость» (XI, с. 178). У Т. дважды повторено слово «милость», которое отсутствует у де Ту: в самом тексте письма и в реплике Бориса, где набрано курсивом. Правда, слово «милость» (clémence) имеется у Массы (с. 109), но зато он совсем иначе передает содержание письма Лжедмитрия; Масса даже не упоминает о монастыре; наоборот, он говорит об обещании Лжедмитрия подарить Борису богатые поместья, где бы он мог продолжать жить по-царски. Наконец, ни у де Ту, ни у Массы письмо Лжедмитрия не приурочено к определенной хронологической дате. Ср. также со «Смутным временем» Костомарова, т. I, с. 127; «Историей Российской» Щербатова, т. VII, ч. 1, с. 258. При помощи сопоставления текстов нетрудно установить, что Т. не воспользовался также и рядом других литературных памятников, документов и исторических трудов.

Кроме Карамзина, Костомарова и Массы, Т. безусловно использовал в ЦБ еще одну, полубеллетристическую книгу. Мы имеем в виду «Историю в лицах о царе Борисе Феодоровиче Годунове» М. П. Погодина (М., 1868, дата ценз. разрешения 19 ноября 1868 г.), полученную им от автора. Как художественное произведение «История» Погодина очень слаба, но некоторые сцены и детали послужили материалом для ряда мест ЦБ. Так, разговор с Семеном Годуновым о Лжедмитрии в 1-й сц. III д. в точности соответствует аналогичному разговору в «Истории». У Погодина он гораздо более тягуч и бледен, но почти все моменты разговора, а главное их последовательность совпадают. Приводим его с небольшими сокращениями.

«*(С. Н. Годунов входит.)*

Борис. Ну, кто он?

С. Годунов. Тень, да и только. Сколько я ни разведывал везде — в домах, на полях, по задворьям, под полом, напрасно! Сам сатана выслал его из ада, чтоб потревожить тебя и пристыдить меня....

Борис. Его непременно надо назвать как-нибудь. С этого и должно нам начать свои действия. Так всего действительнее можно удержать легковерие. Кто же это такой, все спрашивают. Ну, а назови его по имени по отчеству, укажи его род, племя, город, — это Ванька, Сенька, холоп, вор, беглец из Серпухова, из Касимова, отец у него был тот-то, а мать такая-то, — и никто к нему не пристанет больше. Нет ли здесь какого-нибудь поводу, не ловко ли возложить это на кого?

С. Годунов *(подумав)*. Был в Чудове монах, лет пять тому назад, молодой, дьякон Григорий Отрепьев, который в пьянстве называл себя царем, а монахи чудовские ему плевали в рожу....

Борис. Но что ж — это, может быть, в самом деле он. Куда тот делся?

С. Годунов. Тот бежал из Чудова, шатался по монастырям в Новгороде Северском, Путивле, — а потом в самом деле перешел в Литву, и там след его пропал....

Борис. Послушай, Семен Никитич! Все это что-то похоже на правду. Какого нрава был твой бродяга?

С. Годунов. Говорят, что он был умница и грамотник, да удал больно, любил пить и гулять.

Борис. И это кстати... Мы назовем самозванца Отрепьевым.

С. Годунов. Борис Федорович! у самозванца не монашеские ухватки; он ездит на коне как казак, горазд махать мечом, а не кадилом; любит воевать, говорит разными языками....

Борис. Нужды нет, если б это было и неправда!... Напиши же все его похождения, прибавь: еретик и чернокнижник, и сложи свою сказку, а может и быль, с его сказкой, то есть доведи его до князя Вишневецкого.

С. Годунов. Это можно, ибо я знаю весь род Отрепьева. Отец был стрелецкой сотник, из Галича, после его смерти он служил у Бориса Черкасского, у Романовых...

Борис. У Бориса Черкасского, у Романовых! Постой... дай собраться с мыслями... Нет ли здесь чего боярского....

С. Годунов. Ничего. Здесь концов нет никаких.

Борис. Не ошибись, Семен Никитич! Бояре теперь хитрее стали, после прежних неудачных попыток: концы хоронят дальше.

С. Годунов. ...Не будь я Семен Годунов, если здешние бояре что-нибудь знали о Самозванце прежде нашего, а что они рады всякому твоему невзгодью, так рады.

Борис. Лишь бы не больше что. Однако надо прибавить лазутчиков, награждать их — не жалей казны» (с. 53—56).

Можно было бы указать еще на несколько сходных мест; остановимся лишь на одной детали. В ЦБ во 2-й сц. III д. («Дом Федора Никитича Романова») В. Шуйский в ответ на вопрос Сицкого «Как не смекнет он, что, когда к Москве Подступит тот, ему не сдобровать?» — отвечает: «На каждого на мудреца довольно Есть простоты...» Сцене в доме Романова соответствует у Погодина сцена в доме самого Шуйского (Романовы в это время были уже сосланы). Так вот в этой сцене тот же Шуйский, тоже говоря о Годунове, употребляет ту же пословицу: «Голицын. Как это сделалось, что Борис Федорович сначала-то не помешал ему? В. Шуйский. На всякого мудреца бывает простота» (с. 75—76). Разумеется, никакого общего источника, откуда бы Т. и Погодин могли подчерпнуть эту деталь, не существует.

Т. ясно представлял себе тот жанр исторической драмы, образцами которой являются пьесы, составившие трилогию, и характер своего отношения к историческому материалу он, без сомнения, не раз обдумывал. Отвечая Стасюлевичу, сообщившему, что у Костомарова есть ряд замечаний по поводу ЦБ, он писал: «Если не ошибаюсь, то замечания Костомарова должны относиться к историческим и обрядным неверностям. Их много, но они допущены сознательно, как то: явление в один день всех послов, которые, по истории, являлись в разные времена; вложение в уста Миранды поручения, данного другому нунцию в царствование Федора; говорение всех послов по-русски; присутствие турецкого посла, которого вовсе не было в царствованье Бориса, но о котором говорят иностранные писатели, прибавляя, что Борис дал ему для султана свиную

шкуру, наполненную дермом; название жениха Ксении не Иоанном, как называют его наши летописи, но Христианом, согласно иностранным источникам; название Гендрихсона Эриком, а не Карлом, как он в самом деле назывался (эту последнюю вольность я позволил себе для избежания сопоставления его имени с именем правителя Швеции); свобода, данная Борисом Ксении видеться с женихом, противная обычаю, но выставленная у меня как секретное дозволение, согласное с характером Бориса; опала Романовых, отнесенная ко времени появления самозванца, но бывшая на деле ранее, и т. д. Если моя догадка верна, и если в этом Костомаров меня упрекает, то я скажу, что все эти отступления от истории сделаны мною вследствие убеждения, что никакая историческая драма без них невозможна, и что они составляют неотъемлемое право и даже обязанность драматурга, иначе он писал бы не драму, но историю в диалогах. Я часто спорил об этом с Костомаровым, но, кажется, это дело, решенное Лессингом и Гете, последним ganz ausdrücklich в его разговоре с Эккерманом» (письмо от 7 янв. 1870 г.). К отмеченным Т. анахронизмам можно прибавить ряд других: второе, третье и четвертое действия должны быть датированы, с одной стороны, 1602 годом — годом приезда в Россию и смерти датского принца Иоанна, а с другой — 1604—1605 годами — по событиям, связанным с Лжедмитрием; Клешнин, умерший в 1599 г., действует в пьесе через несколько лет после своей смерти и пр.

За несколько лет до этого Т. иначе отозвался о взглядах Костомарова на этот вопрос. «Костомаров совершенно допускает анахронизмы в драме, — писал он жене 22 мая 1865 г., — и обращает внимание только на правду в исторически-психологическом смысле, которая, он уверяет, у меня (в СИГ.—*Ред.*) достигнута с замечательным чутьем». Приписал ли Т. Костомарову свои собственные мысли, или взгляды историка изменились, но уже в 1867 г. он напечатал интересную статью, в которой изложил свою точку зрения на историческую драму, коренным образом отличающуюся от точки зрения Т. «Отчего бы, скажут, таким-то событиям не совершаться ранее или позже того времени, когда они совершились, — писал Костомаров, — отчего двум из них, происходившим в разное время и в разных местах, не совершиться вместе; отчего бы здесь и не участвовать таким-то лицам, которые на самом деле не участвовали; отчего бы даже некоторым не жить тогда, когда они на самом деле уже не жили; отчего бы между такою-то и такою-то личностью не быть известным отношениям, хотя на это и нет никакого намека в истории?... Если событие не случилось так, как хочется автору, значит оно и не могло случиться; были причины, по которым оно происходило именно так, как происходило, а не иначе: нарушить эту связь значит нарушить истину; тогда и лица будут уже не те, какими представляет их история, и действия их не того характера». Резко возражая против «благовидных возгласов о том, что в драме должны быть на первом месте общечеловеческие, а не исторические и археологические требования», Костомаров утверждал: «Исторически верное может и должно быть общечеловечески верным, а для тех, кто не хочет подчиняться изучению истории, а желает ограни-

чиваться общими психологическими изображениями, ничто не мешает помещать место действия для своих созданий в каком угодно созданном ими мире, только не называя их историческими» («По поводу новейшей русской исторической сцены» — ВЕ, 1867, т. II, июнь, с. 97—100). В статье есть и прямое указание на СИГ, которая «не вполне подходит к нашему идеалу исторической верности», и скрытая полемика с незадолго до этого появившимся «Проектом постановки» СИГ. Споры с Костомаровым, о которых упоминает Т., и велись вокруг этих вопросов. Поэтому, когда Стасюлевич сообщил Т., что у него, Костомарова и Анненкова есть некоторые замечания по поводу ЦБ (см. с. 557), Т. несколько обеспокоился, полагая, что речь идет об общих принципах исторической драмы, в отношении которых у него не могло быть общего языка с Костомаровым.

Следует отметить, что, изображая, в соответствии со своим пониманием личности Бориса и в значительной степени для его характеристики, свидания Ксении и Христиана, Т. опирался (как и в некоторых других случаях) на отвергнутые Карамзиным сведения о том, что они были помолвлены (XI, примеч., с. 24). Было бы ошибкой думать, что Т. не согласился с доводами Карамзина и признал эту версию правдоподобной: сам он говорит об отношениях Ксении и Христиана в ЦБ как об одном из неизбежных нарушений исторической точности. Но критическая оценка источников вообще мало интересовала Т. Он брал и из основного текста ИГР и из насыщенных документами, отрывками из летописей, мемуаров и пр. примечаний все, что ему казалось пригодным для пьесы, подтверждающим и подчеркивающим ее замысел, независимо от того, авторитетен ли данный источник, считает ли его заслуживающим внимания Карамзин, правильно ли, наконец, то или иное утверждение самого Карамзина. Любопытен в этом смысле следующий эпизод. Во время работы Т. над пьесой М. П. Погодин прислал ему свою «Историю в лицах о царе Борисе Феодоровиче Годунове». 30 ноября 1869 г. Т. так отозвался о ней в письме к Стасюлевичу: «Погодин прислал мне свою драматическую повесть о царе Борисе, где он выставляется невинным в смерти Дмитрия. Это мне не годилось; он должен быть виновным». Т. не утверждает, что Погодин неправ, что он искажает исторические факты, что Борис безусловно совершил преступление и т. п. Но в пьесе он, независимо от всего этого, должен быть виновным, потому что проблема преступления царя и неизбежной расплаты за него лежит в основе замысла ЦБ.

Историко-политические проблемы разрешаются в трилогии в морально-психологической плоскости. Понятно в связи с этим заявление Т. в «Проекте постановки «Смерти Иоанна Грозного», что «поэт имеет только одну обязанность — быть верным самому себе и создавать характеры так, чтобы они сами себе не противоречили; человеческая правда — вот его закон; исторической правдой он не связан. Укладывается она в его драму — тем лучше; не укладывается — он обходится и без нее».

По свидетельству Д. Н. Цертелева,[1] когда заходила речь о драматическом творчестве, Т., в подтверждение своего противопоста-

[1] „Русский Вестник", 1899, № 10, с. 654.

вления человеческой правды правде исторической, часто цитировал «Смерть Валленштейна» Шиллера:

Des Menschen Taten und Gedanken, wisst,
Sind nicht wie Meeres blind bewegte Wellen.
Die innre Welt, sein Mikrokosmus, ist
Der tiefe Schacht, aus dem sie ewig quellen.
Sie sind notwendig, wie des Baumes Frucht,
Sie kann der Zufall gaukelnd nicht verwandeln.
Hab'ich des Menschen Kern erst untersucht,
So weiss ich auch sein Wollen und sein Handeln.[1]

В ЦБ психологизация истории доведена до предела, и это сделало его самой слабой из всех трех пьес. Анахронизмов в нем меньше, чем в СИГ и ЦФИ, а между тем они в гораздо большей степени историчны, чем ЦБ. Подлинный историзм драматического произведения определяется не количеством анахронизмов, во всяком случае не им в первую очередь, а прежде всего реальностью самих исторических коллизий, лежащих в его основе. В СИГ и особенно в ЦФИ, несмотря на идеализацию боярства и его борьбы с самодержавием, самое столкновение этих двух социальных сил показано с исключительной напряженностью и яркостью.

Как и в первых двух частях трилогии, в ЦБ есть ряд вымышленных персонажей: Дементьевна, Решето, Наковальня, посадский, Митька и др. Василию Шуйскому, в соответствии с общим его обликом, намеченным еще в СИГ и особенно в ЦФИ, приписано участие в следствии по делу Романовых, не имевшее места в действительности. О возникновении образа Митьки сохранилось интересное свидетельство Т. «Введение разбойника Митьки, — сообщил он Стасюлевичу 30 ноября 1869 г., — состоялось согласно с советом Шиллера, вложенным в уста маркиза Позы: Er soll für die Träume seiner Jugend Achtung tragen!» («Пусть бережет грезы своей юности!»). Дело в том, что Митька является также героем романа Т. «Князь Серебряный», начатого еще в 40-х годах. В «Князе Серебряном» (гл. 25) упоминаются также Решето и Наковальня.

Не имея возможности дать подробное сопоставление ЦБ с «Борисом Годуновым» Пушкина, остановимся лишь на некоторых моментах. В ЦБ есть, естественно, ряд сходных с «Борисом Годуновым» деталей, восходящих к общему источнику — ИГР (такова, например, молитва, которую у Пушкина читает мальчик в доме Шуйского, а у Т. сам Шуйский в доме Романова, и др.). Есть также в ЦБ несколько мест, связанных не с общим источником, а непосредственно с Пушкиным. Так, в 1-й сц. IV д. разговор народа о Дмитрии и Отрепьеве очень похож на аналогичный раз-

---

[1] Деяния и помыслы людей
Совсем не бег слепой морского вала.
Мир внутренний — и мыслей и страстей
Глубокое, извечное начало.
Как дерева необходимый плод,
Они не будут случаю подвластны.
Чье я узнал зерно, знаком мне тот,
Его стремленья и дела мне ясны.
(Перевод К. Павловой в перераб. В. Морица.)

говор в «Борисе Годунове» в сцене «Площадь перед собором в Москве». Ср. в частности слова «Какое дело до того монаха Царевичу Димитрию?» с «Пускай себе проклинают; царевичу дела нет до Отрепьева» у Пушкина. Сходны и некоторые детали композиции. Но общий замысел ЦБ значительно отличается от замысла Пушкина. Характерно, что Т. совершенно ликвидировал сюжетную линию Лжедмитрия, занимающую существенное место в трагедии Пушкина. Лжедмитрий нужен был Т. лишь как некий угрожающий Борису «призрак» (его собственное выражение), а что именно он сам представлял собою — было ему почти безразлично. В целом герой Т. опирается на карамзинскую концепцию Бориса. Отличия же пушкинского Бориса от карамзинского довольно удачно сформулированы в статье А. Лукьяненко «Шиллер, Пушкин и Островский в изображении эпохи Смутного времени на Руси»: «Причину резкой перемены в отношении народа к Борису Карамзин ищет не в ходе исторических событий того времени, а исключительно в настроении самого Бориса, который под влиянием подозрений сам изменил свои первоначально добрые отношения к народу: изменился царь, изменилось и отношение народа к нему. Пушкин же художественным чутьем своим понял, что причину событий Смутного времени и превратностей в судьбе Бориса Годунова нужно искать не только в самых характерах исторических деятелей того времени, но и в настроении тех общественных элементов, среди которых им приходилось действовать.... Весть о самозванце падает уже на готовую почву; связь между царем и народом давно порвалась.... Борису приходится бороться не столько с самозванцем, сколько со всей землей. Он не выдерживает этой борьбы, тем более, что не находит опоры в своей собственной совести (а не всецело от этого), и умирает.... По ходу пушкинской драмы видно, что Борис погиб бы и в том случае, если бы не был убийцей Дмитрия.... У пушкинского Бориса не было духовного единения с народом» («Eranos. Сборник статей по литературе и истории в честь Н. П. Дашкевича», Киев, 1904, с. 184—186; см. также примечания Г. О. Винокура к «Борису Годунову» — «Полное собр. соч.» Пушкина, изд. Академии наук, т. VII, с. 477—478). Эти слова характеризуют в общем и отличия толстовского Бориса от пушкинского. Не только народ, но и боярство отодвинуты в ЦБ на второй план, являются чем-то производным в замысле трагедии, основная тема которой — роковое возмездие за совершенное царем преступление.

Еще до того, как пьеса была окончена, Т. пришлось услышать мнение, что не следовало браться за тему, использованную Пушкиным; это очень разозлило его: «Мне очень льстит вражда к нему («Царю Борису».—*Ред.)* людей, его не читавших, и lèse-Pouchkine равняется lèse-Raphaël, которое постигло бы всех живописцев, дерзнувших писать мадонн после Рафаэля» (письмо к Стасюлевичу от 12 ноября 1869 г.).

ЦБ не вызвал почти никаких откликов в печати. Отметим корреспонденцию «Из Петербурга» в «Современных Известиях», 1870, № 64. См. также письмо Тургенева к И. П. Борисову от 30 июля 1869 г. («Щукинский сборник», вып. VIII, М., 1909, с. 405), письма

Салтыкова к А. М. Жемчужникову от 9 февр. и 22 июня 1870 г. («Русская Мысль», 1913, № 4, с. 119, 121); эпиграмму П. А. Каратыгина («Русская Старина», 1880, № 3, с. 659).

Несмотря на запрещение постановки ЦФИ, Т. и ЦБ писал с расчетом на сценическое воплощение. Как и для первых двух пьес, он предполагал составить проект постановки ЦБ (письма к Стасюлевичу от 12 и 28 ноября 1869 г.). Однако «Проект» написан не был. Т. был отвлечен новыми литературными планами и интересами («Посадник», баллады и былины), а, главное, вопреки его уверенности, скоро выяснилось, что и ЦБ не увидит сцены. Повидимому, пьеса не была запрещена цензурой, как ЦФИ (во всяком случае, документальные данные об ее запрещении нам неизвестны), а просто была отвергнута дирекцией императорских театров. Без сомнения, о неосуществленном «Проекте» идет речь в письме Т. к Маркевичу от 11 янв. 1870 г.: «Вскоре я Вам адресую письмо в надежде, что Вы его напечатаете; в нем я выскажу мой образ мыслей насчет искусства вообще и драмы в особенности». Впервые ЦБ был поставлен в 1881 г.

В критической литературе, начиная с момента появления СИГ, было сделано множество сопоставлений отдельных деталей, эпизодов и героев трилогии с различными произведениями западной драматургии: с «Макбетом», «Ричардом III», «Юлием Цезарем», «Генрихом VI», «Королем Джоном», «Гамлетом» и «Королем Лиром» Шекспира, «Дмитрием Самозванцем», «Пикколомини», «Смертью Валленштейна» и «Орлеанской девой» Шиллера, «Рюи Блазом» и «Кромвелем» Гюго, «Людовиком XI» К. Делавиня, «Ришелье» Бульвера. Сводка почти всех этих сопоставлений, в большинстве своем неубедительных, дана в книге А. Лиронделя «Le poète Alexis Tolstoï», Париж, 1912, с. 408—413; см. также «Историю русского театра» Б. В. Варнеке, изд. 2, СПБ., ⟨1914⟩, с. 610, и др. Сопоставления эти — типичное проявление в своё время весьма распространенной в литературоведении бесплодной Parallelenjägerei. Дело, разумеется, не в частных совпадениях, а в воздействии на Т. тех или иных направлений и принципов западной драматургии. В этом смысле статьи о трилогии Анненкова и полемика с ним Т. (см. с. 541—542, 578—579) имеют гораздо большее значение, чем почти все эти сопоставления.

Приложения

ПРОЕКТ ПОСТАНОВКИ НА СЦЕНУ ТРАГЕДИИ „СМЕРТЬ ИОАННА ГРОЗНОГО"

Впервые напечатан отдельной брошюрой в ноябре 1866 г. Черновая рукопись, окончательный текст которой почти совпадает с печатным, — в арх. Толстого в ИРЛИ; в ней — небольшой пропуск (стр. 458, с. 3 — стр. 459, с. 14 настоящего издания). Печатаем текст указанной брошюры с рядом исправлений по рукописи. Весьма вероятно, что некоторые рукописные варианты не попали в печатный текст по причинам цензурного характера.

22 августа 1866 г. Т. сообщил жене из Карлсбада: «Я начал писать с горя инструкцию актерам, но мало-по-малу вписался, и выходит огромная статья, по мне — очень интересная, которую следует напечатать. Тут и история, и психология, и археология, и физиономика, и декорационное искусство, и эстетика, и критика. Мне очень любопытно знать, что ты про это скажешь, а актерам, мне кажется, оно будет полезно не только для моей трагедии, но и вообще. Для моей же трагедии это им необходимо». Вернувшись в Петербург, Т. в начале октября читал «Проект» у Гончарова в присутствии А. В. Никитенко и председателя Театр.-литерат. комитета П. И. Юркевича («Записки и дневник» Никитенко, т. III, с. 116—117).

Через два с лишним года (2 дек. 1868 г.), обращаясь к Стасюлевичу с просьбой сделать отдельные оттиски «Проекта постановки» «Царя Федора Иоанновича», Т. писал ему: «Если же свинец разобран, то не худо будет напечатать оба проекта вместе («Смерть Иоанна» и «Фед. Ив.»), и в таком случае я пришлю Соловьевичу исправленный экземпляр 1-го проекта». План этот не осуществился; хотел ли Т. только исправить опечатки или предполагал внести в текст изменения по существу — неизвестно.

Место о шахматной игре в характеристике Бельского (с. 460) было вызвано замечанием Мельникова-Печерского. 27 февр. 1866 г. Маркевич писал Т.: «Мельников замечает еще одну ошибку, сделанную Вами, по отношению к этикету, существовавшему при дворе русских царей. Ваш Иоанн приказывает Бельскому сесть, чтобы играть с ним в шахматы; между тем, как говорит Мельников, не только Иоанну, но и самому кроткому из русских царей не могло притти в голову пригласить кого бы то ни было сесть. Бояре садились в присутствии царей исключительно только в двух случаях: за трапезой и в думе». В ответ на упрек в исторической неточности Т. и выдвинул с одной стороны психологическую, а с другой чисто сценическую мотивировку. — Указание, что второе появление скоморохов должно быть мгновенным, «чтобы не возбудить рукоплесканий в райке» (с. 466), связано с мнением об этой сцене Ф. М. Толстого (см. примечания к СИГ, с. 532). — Говоря о «новой школе» (с. 472), Т. имел в виду взгляды на личность и деятельность Иоанна Грозного, получившие большое распространение в русской историографии главным образом под влиянием С. М. Соловьева (см. также с. 539—540).

Сочинение С. Герберштейна, упомянутое на с. 451, это его известные «Rerum moscoviticarum commentarii». Портрет Василия Иоанновича помещен в целом ряде изданий; подробные библиографические указания см. в книге Н. Собко «Древние изображения русских царей и их посольств за границу в старых и новых гравюрах», вып. I, СПБ., 1882, с. 18—34.—«Вооружение русских войск» Висковатого — Александр Висковатов, Историческое описание одежды и вооружения российских войск. СПБ., 1841—1862. Портрет Бориса Годунова помещен в 1-й части.— «Москаль-чарівник» — водевиль И. П. Котляревского. — Ферамен (Терамен) — герой трагедии Расина «Федра». — «Роберт» — опера Мейербера «Роберт-дьявол». — Доктор Санградо — герой «Жиль Блаза» Лесажа.

В отдельных характеристиках Т. использовал ряд мест из ИГР — ср., напр., характеристику Шуйского с т. XII, с. 2—4, 54, 222, 228—232, 261—262, Мстиславского — с т. X, с. 7, Гарабурды — с т. X, с. 38.

Отзывы о «Проекте»: X. Л., Вседневная жизнь — «Голос», 1866, № 321; «Книжный Вестник», 1867, № 1; Незнакомец ⟨А. С. Суворин⟩, Театральные заметки — «С.-Петерб. Ведомости», 1867, № 19. См. также пародию Ивана Маслова ⟨П. А. Ефремова⟩ «Проект постановки на сцену «Царя Пафнутия» — Искра», 1868, № 24.

„СМЕРТЬ ИОАННА ГРОЗНОГО" НА ВЕЙМАРСКОЙ СЦЕНЕ

Впервые — в «Современной Летописи», 1868, № 5, от 18 февр., с. 5. Тексту Т. предпослано письмо Б. М. Маркевича к издателям газеты.

СИГ была поставлена в Веймарском придворном театре 18/30 января 1868 г. Лист — композитор Фр. Лист, с которым Т. познакомился в 1866 г. Шварц — художник Вяч. Шварц, рисовавший костюмы для петербургской постановки СИГ.

В связи с отзывом Т. об игре Лефельда в «Искре» и «Будильнике» появилось несколько насмешек и карикатур («Искра», 1868, № 8, с. 103; № 20, с. 242; «Будильник», 1868, № 8, с. 64).

ПИСЬМО К Г. РОСТИСЛАВУ ПО ПОВОДУ ПОЯВЛЕНИЯ Г. НИЛЬСКОГО В РОЛИ ИОАННА ГРОЗНОГО

Впервые — в газете «Голос», 1868, № 123, от 4 мая. Ростислав — псевдоним Ф. М. Толстого, реакционного публициста, театрального и музыкального критика, члена совета Гл. упр. по делам печати. Статьи Ростислава о СИГ, упомянутые в начале письма, это — «По поводу исполнения двух главных ролей в «Смерти Иоанна Грозного», «Объяснение» и «Несколько слов о минувшем зимнем театральном сезоне» («Голос», 1867, №№ 18, 35 и 76).

Отзыв — в фельетоне Литературного Домино ⟨Д. Д. Минаева⟩ «Nota bene» — «Искра», 1868, № 18, с. 220—221. См. также эпиграмму П. А. Каратыгина «Иоанн IV (Настоящий)», появившуюся без подписи в «Петерб. Газете», 1868, № 64.

ПРОЕКТ ПОСТАНОВКИ НА СЦЕНУ ТРАГЕДИИ „ЦАРЬ ФЕДОР ИОАННОВИЧ"

Впервые — в ВЕ, 1868, № 12, с. 506—542, с датой «Красный Рог, Черниговск. губ. Сентябрь 1868». В январе 1869 г. статья вышла отдельной брошюрой. Это — оттиск из ВЕ.

Посылая Стасюлевичу в марте 1868 г. рукопись ЦФИ, Т., как указано выше, сделал примечание, из которого было видно, что он предполагает написать проект постановки трагедии. Примечание это появилось в ВЕ. Стасюлевич предложил Т. присоединить «Проект» к отдельному изданию пьесы, и Т. согласился, но когда «Проект» был изготовлен (в сентябре 1868 г.), стал решительно возражать против этого. 1 октября Т. писал Стасюлевичу: «Он вышел такого свойства, что я должен просить Вас не прилагать

его к оттискам драмы, а, в случае его годности, напечатать его как статью в «В. Е.» и потом пустить отдельными брошюрами или же прямо пустить брошюрами, а трагедию напечатать без проекта. Хотя я старался быть как можно скромнее, но найдутся непременно критики, которые дадут его приложению к экземплярам трагедии — значение самохвальства. Я же полагаю, что не может быть препятствия со стороны цензуры, чтобы трагедия появилась как она есть, хотя и не объемлющая 10 листов.[1] Итак, я ожидаю от Вашей любезности, что вы не иначе приложите проект к трагедии, как в крайней необходимости». В связи с дошедшими до него слухами, что постановка ЦФИ не будет разрешена, Т. стал опасаться и за судьбу «Проекта»: «Это ничего не изменяет в моем «Проекте», тем более, что я начал с оговорки и с перспективы частных театров. Но быть может, если действительно воспоследует запрещение для сцены, то цензура не захочет пропустить отдельно и проекта. В таком случае я не противлюсь тиснению проекта вместе с трагедией и просил бы Вас, в крайней неволе, так и сделать» (письмо от 5 окт. 1868 г.). Но именно в связи с этими подтвердившимися слухами Т. особенно хотелось, чтобы «Проект» был напечатан. «Я имею причины думать, что «Федор Иванович» не получит позволения явиться на сцену, — писал он Стасюлевичу 11 октября, — но пусть тем не менее явится «Проект постановки». В нем есть общие литературные взгляды, которые мне хотелось бы провести, а написан он, кажется, в таком смысле, что исключает уверенность в принятии пиесы на сцену. Итак, беды не будет, если «Постановка» явится только в печати, а не на сцене». Он полагал даже, повидимому, что «Проект» может повлиять на цензурное ведомство и изменить его взгляд на ЦФИ: «Надеюсь, что он несколько устранит мнение о вреде трагедии» (письмо к Стасюлевичу от 28 окт. 1868 г.). Надежды эти оказались тщетными, но сам «Проект» не вызвал никаких цензурных возражений.

Слова «Опыт показал, что не только напоминание не было лишним, но что я не довольно на нем настаивал» (с. 491) имеют в виду нетвердое знание ролей некоторыми исполнителями СИГ, главным образом, игравшим Иоанна В. В. Самойловым. После первого представления трагедии с участием Самойлова Т. был совершенно возмущен им («Русский Архив», 1917, № 1, с. 68). Потому он с таким удовлетворением отмечал, что А. А. Нильский выучил обе свои роли, Годунова и Иоанна, «почти безукоризненно» (см. с. 488).

Иронические замечания о «поборниках русских начал искусства», отвергающих европейскую драматургическую технику (с. 493), о том, что нельзя «отымать у наших лучших людей того времени еще и возможности религии честного слова потому только, что это чувство есть также западное» (с. 507), наконец, отрывок относительно «доктрины о каких-то русских началах, на которых должны у нас развиваться наука и искусство» (с. 517—519), направлены против статьи П. В. Анненкова «Последнее слово русской

[1] Книгу не меньше 10 печатных листов можно было выпустить без предварительной цензуры. — *Ред.*

исторической драмы». Свое первое впечатление от трагедии Анненков сообщил Т. еще до ее появления в ВЕ. 14 марта 1868 г. поэт писал ему: «Искренно, сердечно, душевно благодарю Вас, дражайший Павел Васильевич, за высказанное Вами мнение и за участие к «Федору Иоанновичу» — но что ж делать! я не убежден, теории наши совершенно расходятся. По всем моим драматическим понятиям, по моему credo в искусстве, катастрофы действующих лиц должны быть в последней сцене связаны в один сноп, а не размещены по разным сценам. Не разделяю также взгляда Вашего на неуместность площади как арены для высказывания психического перелома в Федоре. Мне хотелось бы состязаться с Вами письменно или печатно об искусстве вообще и о драме в особенности, разумеется, не о моей.... Не считайте меня упрямым человеком, я только убежденный, иначе убежденный, чем Вы» (ИРЛИ). Статья Анненкова совершенно вывела Т. из себя. «Это пустословие, — с раздражением писал он о ней Маркевичу, — из которого нет возможности извлечь ни одной ясной мысли. Первое условие всякой критики, как и всякого писания вообще, знать самому, что хочешь сказать. Между тем я сомневаюсь, может ли Анненков отдать себе отчет в своих собственных требованиях. Как только он выдвигает какое-нибудь положение, благожелательное или враждебное, он сейчас же опровергает его двумя другими, противоположными по смыслу. Это человек, у которого туман в голове, который никогда не уверен в том, что говорит, который боится выдвинуться, чтобы не скомпрометировать себя, и который не знает азбуки критики. Однако, несмотря на робость, он наговорил в своей статье столько глупостей, что я считал нужным, из уважения к искусству, косвенно опровергнуть их в «Проекте постановки на сцену трагедии «Царь Ф. И.». Того же Анненкова Т. имеет в виду и в двух других местах «Проекта» — к нему относятся слова о «некоторых критиках» в главках, посвященных Василию Шуйскому и Шаховскому. Нужно отметить, что эти оценки Анненкова вырваны Т. из контекста статьи, с главной мыслью которой — о том, что сценические эффекты, заимствованные из западной драматургии («шекспировское, шиллеровское, романтическое» и пр.), иногда заставляют Т. пренебрегать «бытовой и исторической стороной предмета» — они тесно связаны. Так, характеристику поведения Шаховского Анненков заключает следующими словами: «Оказывается, что Шаховской, передавая челобитную, не предполагал особенно важных последствий для ее составителей. Рожденный и воспитанный в России XVI столетия, он приходит в ужас от неожиданного оборота, какой приняло его известие о заговоре, нить которого он указал. Ему думалось, что последствием его доноса будет только возвращение ему Мстиславской, а замысел против государева дома и спокойствия пройдет бесследно, разнесется облаком по небу. И ничто так полно не рисует иноземное, чужое происхождение этой фигуры, как ее изумление и отчаяние, когда дело пошло обычным и настоящим своим ходом» («Русский Вестник», 1868, № 7, с. 142). Слова, заключенные в кавычки, напр., «своеобычная форма исторического развития русского народа» и пр., не являются точными цитатами.

«По выражению Флетчера» и т. д. (с. 499). Т. имеет в виду его «Of the russe common wealth». Соответствующая цитата из Флетчера приведена в ИГР, X, примеч., с. 3. — «Русские древности» Солнцева, упомянутые на с. 499 и др., это известное издание «Древности Российского государства. Рисованы ак. Ф. Г. Солнцевым», М., 1849—1853; иконописный портрет Федора помещен в вып. IV. Оценку этого портрета И. М. Снегиревым см. в составленном им тексте к вып. IV «Древностей» (М., 1851, с. 108 и 114), а также в его труде «Памятники московской древности» (М., 1842—1845, с. 75—76). — Р. Гейденштейн — автор «De bello moscovitico commentariorum libri sex». Этот эпизод рассказан в т. IX ИГР, а соответствующая цитата из Гейденштейна приведена в примечаниях к нему (IX, примеч., с. 212—213). — Горсей — автор ряда произведений о России, широко использованных Карамзиным. Здесь имеется в виду его «The most solemn and magnificent coronation of Phedor Ivanowich»; соответствующая цитата — в т. X ИГР, примеч., с. 12. — «Собрание Стаховича» (с. 516) — «Собрание русских народных песен. Текст и мелодии собрал и музыку аранжировал Михаил Стахович», М., 1854.

В «Проекте», как и в самой пьесе, Т. использовал ряд мест из ИГР — ср., напр., характеристику Бориса с т. X, с. 30, 72, 82—83 и примеч., с. 53, И. П. Шуйского — с т. IX, с. 344—345, Ирины — с т. X, с. 11, 18, 123, 224, 227 и примеч., с. 12, Федора — с т. X, с. 6, 11—12, 81—82. 281 и примеч., с. 3. Но толстовская трактовка образа Федора, как было указано выше (см. с. 556), далека от Карамзина; наряду с заимствованием деталей, Т. явно полемизирует с ним в «Проекте» по поводу общего понимания личности своего главного героя.

Отзывы о «Проекте»: Z. ⟨В. П. Буренин⟩, Журналистика — «С.-Петерб. Ведомости», 1868, № 334; А. И-н, Журн. и библиограф. заметки — «Рус. Инвалид», 1868, № 346; Библиография и журналистика — «Голос», 1868, № 360; Темный Человек ⟨Д. Д. Минаев⟩, Невские заметки — «Неделя», 1868, № 52, с. 1835—1838.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ [1]

---

[1] Иллюстрации, отмеченные звездочкой, воспроизводятся впервые.

ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНИЯ К „ПОЛНОМУ СОБРАНИЮ СТИХОТВОРЕНИЙ“ А. К. ТОЛСТОГО

К стр. 355. В собрании С. Л. Толстого В. В. Ждановым обнаружено еще одно, до сих пор неизданное стихотворение из цикла «медицинских». Стихотворение это было сообщено С. Л. Толстому Н. В. Давыдовым. Вот его текст:

Муха шпанская сидела
На сиреневом кусте,
Для таинственного дела
Доктор крался в темноте.

Вот присел он у сирени;
Муха, яд в себе тая,
Говорит: «Теперь для мщенья
Время выгучила я!»

Уязвленный мухой больно,
Доктор встал, домой спеша,
И на воздухе невольно
Выкидает антраша.

От людей ночные тени
Скрыли доктора полет,
И победу на сирени
Муха шпанская поет.

К стр. 768, примеч. 180. Продолжение «Золота и булата» Пушкина, в несколько иной редакции, было напечатано в «Искре», 1859, № 39, стр. 392. В сопроводительной заметке указано, что оно «присочинено неизвестно кем».

К стр. 782, примеч. 252. Черновые наброски «В дни златые вашего царенья» и т. д. являются попыткой перевода «Богов Греции» Шиллера. В тексте (стр. 572—573) строки «Гелиос в величии спокойном Колесницей правил золотой» следует перенести в конец.

СОДЕРЖАНИЕ [1]

---

[1] Первая цифра обозначает страницу текста, вторая — страницу примечаний.

Ответств. редактор Б. М. Эйхенбаум Технический редактор А. Кирнарская. Корректор Р. Бекетова. Худ. М. Кирнарский. Ленгорлит № 953. С. П. — 111/Л. Тираж 3000 (6—8 тысяча). Сдано в набор 5/II 1939 г. Подп. к печ. 20/II 1939 г. Формат бумаги 56 × 82. Бум. л. 18¼. Кол. знаков в 1 б. л. 73.000. Печ. л. 36½ + 12 вклеек. У.-а. л. 36,5. Авт. л. 38,59. Отпечатано в типогр. им. Володарского, Ленинград. Фонтанка, 57. Заказ № 689.

13 р. 25 к. Переплет 1 р. 75 к.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Следует читать*
32	20 сверху	Дальше	Дальше!
38	10 »	мы.	мы?
40	7 снизу	души	души!
54	1 сверху	покорно:	покорно!
59	13 »	пе должен	не должен
68	2 »	молвить?	молвить!
68	2 снизу	таков ее удел?	Каков ее удел?
83	2 »	нηкажи	накажи
188	12 »	Красильникову	к Красильникову
208	7 сверху	наших	наших!
265	7 снизу	покидаешь	покидаешь!
320	9 »	крушиться	крушиться!
323	16 »	Блистальнее	Блистательнее
362	9 »	той	той,
401	3 »	лица	лица —
428	9 »	должно	должен
432	14 »	из Литвы	от Литвы
444	6 сверху	Федор...	Федор —
463	21 »	бриттая	бритая
506	4 снизу	части	чести
524	1 »	идите	моих идите
580	8 »	556	554